

Уровни Эдема

По всему миру вдруг замерцали звездной мглой прямоугольники, открывая доступ неведомо куда. В чистом поле, в горах, на оживленных улицах городов, в подвалах — одномоментно, будто рубильник провернули. Было это месяц назад, и тогда же нашлись психи и смельчаки, шагнувшие за грань. Вернулись все и практически сразу — без одежды, ошарашенные и изрядно замерзшие. ТАМ было тоже начало весны, но дули дикие ветра, выстуживая непокрытую кожу. Потому что одежда сползла гнилыми нитями, рассыпавшись в прах практически в ту же секунду, как нога человека шагнула в неведомое.

МС, разврат и плюшки. Ну и порталы в другой мир, через которые ничего нельзя пронести. Кроме самого себя...

Владимир Ильин

Уровни Эдема

Глава 1

Восемнадцать градусов. Серый индикатор на пульте кондиционера погас, будучи выключенным вслед за настенным блоком, и вновь загорелся, отражая то же самое значение.

— Ерунда какая-то, — поежился я от холода серверной и задумчиво глянул на резервный кондиционер, закрепленный чуть выше.

Помещение три на пять метров гудело могучими вентиляторами, выдувающими тепло из трех десятков установленных в стойки машин. Весь этот нешуточный жар компенсировал блок обычной сплит-системы, без особой натуги выдерживая положенный интервал температур — от восемнадцати до двадцати четырех. То есть, все было нормально.

— Ни черта не нормально, — не согласился я с собственными мыслями. — Вчера было двадцать, ровным счетом. Погода та же, — невольно обернулся в сторону закрытого кирпичом и давным-давно заштукатуренного окна. Первый этаж, все же, а в помещении дорогое оборудование.

Освещение в серверной поступало от двух ламп дневного света, довольно приятных, не резких, без мерцания и желтых оттенков. Слегка блекловато, но вполне в духе середины марта, облачного, но бесснежного, удерживающего термометры на уровне чуть ниже нуля уже больше недели. Приятная погода без слякоти, холода и резкого ветра, стабильная на радость.

— А тебе что не так? — Обратился с укором к кондиционеру, и пару раз клацнул на пульт, то снижая мощность, то повышая ее вновь, пока вновь не установил поддерживать температуру на старом уровне.

На самом деле, хороший аппарат, пусть и бытового назначения. Чего-то лучше выбить из закупщиков все равно не удалось, а за нанятыми позже монтажниками приходилось следить лично, чтобы не угробили подключение старого кондиционера, ставшего с тех пор резервным.

Заложенную точность сплит-система обеспечивала больше года, выдерживая температуру и в жаркие июльские деньки, прогревающие стены старого здания, и в лютую стужу, от которой в иных кабинетах оборонялись обогревателями, изредка просаживая старую проводку здания до характерного визга источников бесперебойного питания.

К счастью, до серверной проложена отдельная ветка электричества от подстанции, с хорошим таким запасом мощности, не обремененным нормой потребления. Государство, коим частично являлось наше отделение министерства, равнодушно относилось к расходуемым самим собой ресурсам, предпочитая считать копеечку в карманах подконтрольных учреждений.

Ну а если нужно сэкономить, всегда можно сократить премии или пару-тройку должностей. Вот как в нашем техотделе, в котором за всем парком оборудования остались следить трое: начальник отдела с высшим экономическим образованием, его зам, мечтающий занять место начальника, и я. Есть еще пять вакансий по шесть тысяч рублей в месяц, но на них как-то нет желающих. Даже возможные надбавки за стаж не привлекают. Словом, воровать у нас нечего, это умные понимают сразу, а излишне мечтательных обламывают еще на собеседовании — место режимное, инвентаризации каждый квартал. От такого положения дел, мое начальство весьма трепетно хранит единственного подчиненного, опасаясь, что сбегу. Иначе какое они после этого начальство? Даже в

интриги между собой не включают, полагая человеком не от мира сего (за шесть тысяч в месяц, ага), но техником хорошим.

А у меня тут тридцать биткоин-ферм с безлимитным электричеством на сверхмощных серверах, вырабатывающих криптовалюты на пять долларов в час, круглые сутки и без выходных. Хрен я куда отсюда уйду.

Криптовалюта — это такой аналог денег, обеспеченный цифровыми мощностями и потребленным ими электричеством. Ну, почти как раньше бумажки обеспечивались золотом, а доллары сейчас — авианосцами и борьбой за демократические ценности. Считают себе компьютеры бесконечные значения, отдавая результаты в интернет в обмен на крохотные доли биткоина. В общем, в чем-то даже честнее рисованной бумаги, хотя издавека смахивает на аферу. Но биткоины вполне себе принимают к расчету в иных странах, а у нас настрого запрещены в рамках борьбы с уводом капиталов за границу, что мало кого из причастных волнует, откровенно говоря.

Да не распространено у нас, по понятным причинам — мощности для этого нужны немалые, специфичные. Электричество все это ест прорву, выводя возможную прибыль в такой мизер, что даже браться смысла нет.

Но вот если оборудование — вот оно, а счетчика энергии отродясь не было, то выходит вовсе недурно.

Только вот кондиционер беспокоит — если начал так сбоить, температуру не выдерживая, то, неровен час, из строя выйдет, а за ним и все остальное железо от перегрева. Очень тревожно. И ведь обслуживал лично и строго по регламенту.

— Ладно, — махнул рукой, пообещав себе зайти вечером обратно.

Можно сказать, что все это сродни воровству электричества, но... Есть некоторые нюансы.

На министерских машинах полагалось быть файловому серверу, серверу домена, базам данных и еще много чему, что вполне себе существовало всего на десятой их части, с запасом справлявшейся со всей нагрузкой. До моего прихода, все это и вовсе было на обычных системных блоках, расставленных на полу в нашем кабинете. Всех устраивало, и ни у кого не вызывало вопросов — разве что шумело, мешая мудрому течению мыслей руководства, и об кабели, разбросанные паутиной вокруг, изредка спотыкались.

А на дорогих серверах, установленных в дорогие стойки в отдельном помещении, раньше не было ровным счетом ни-че-го. Все было закуплено и подключено сторонними специалистами, активно пополнялось и обновлялось, потому что так положено по регламенту, и на это выделены деньги в рамках федеральной программы. Но работало вхолостую, так как осваивать технику никто не спешил. Работает же и так, зачем трогать?

В общем, за исчезновение источника шума из кабинета меня от всей души поблагодарили (предпочел бы премию) и передали ключи от серверной. Мол, теперь тебе за все там отвечать, сам там рули. А я и рулю потихонечку, за три шестьсот вечнозеленых в месяц. Ну и сто долларов родной зарплаты сверху. Для уже два года, как бывшего студента — благодстно.

— Сергей, у секретаря министра программа виснет, — не отрываясь от экрана компьютера, поприветствовал Эдуард Семенович, стоило зайти в родной кабинет.

В отличие от меня, одетого в немаркий свитер и джинсы, мой шеф предпочитал приходить на работу в костюме с галстуком, отлично подходивший к его высокому росту и массивному начальственному столу. Ему под столами подключать оборудование не

требуется, катушку с проводом на плечо закидывать тоже не по чину, вот и форма соответствующая, великосветская, рекомендуемая, между прочим, к ношению всеми сотрудниками. И мне тоже — судя по ворчанию кадровика, в жизни не нюхавшего запаха горелой проводки. Но остальные руководители понятливые, оттого за вольную форму одежды не преследуют. Думаю, пришел бы в веригах на босу грудь — тоже ничего не сказали бы (шесть тысяч — либо псих, либо подвижник). Хотя официально «набираюсь опыта после университета» и «работаю на стаж».

— Хорошо, — кивнул я, проходя к своему столу у дальней стены довольно крупного помещения, заставленного столами с компьютерами.

Так как отдел был рассчитан на восемь человек, рабочих мест было соответственно. Такой себе лабиринт, который никак не разрешали отодвинуть к стене. Вдруг действительно кого наймут?

— Добрый день, — спотыкнувшись о первый же стол, неловко поздоровался с замначальника.

Зам, светлейшая Анна Михайловна, грустно посмотрела на меня покрасневшими от простуды глазами и прицельно чихнула в сторону шефа.

Тот аж голову в плечи вжал и опасливо посмотрел в ее сторону.

— Может, вам больничный взять? — С участливостью, в котором сквозило подозрение, спросил он.

— Нет-нет, — простуженно прогудела зам и взялась за телефон кому-то названивать.

«Скоро будет у меня новый шеф», — кивнул я своим мыслям, и, стараясь не вдыхать лишней раз, дошел до места, подхватил «тревожный чемоданчик» и постарался быстро выйти из инфицированного помещения. — «Выживет она его. Вычихает. А если тот не заболит — отравит, точно говорю».

Сама Анна свет Михайловна выглядела совершенно безобидно и даже где-то прекрасно в свои тридцать два года. Высокий рост, строгий костюм с юбкой и блузкой, подтянутый внешний вид делали ее довольно симпатичной. Наверняка, если добавить немного косметики и мастерства парикмахера, то вышла бы и вовсе красавица. Но, думаю, красиво собранные черные волосы и эффектно подведенные ресницы уничтожили бы все ее отношения с другими отделами, где традиционно правили женщины (а как же стать начальницей без поддержки остального кошачьего прайда?). А так те ее даже любили, изредка пытаюсь организовать личную жизнь Анны Михайловны с многочисленными племянниками и внуками. Именно на это она их поймала, вызвав некоторое подобие материнской любви, изредка исповедуясь об очередном разрушенном романе и очередном козле в ее одинокой жизни. Те верили и вздыхали — точно знаю, потому как присутствовал при таких посиделках не раз. Не как участник, разумеется — под столом сидел, технику обслуживая. К счастью, мне внучек-племянниц сосватать не пытались. Потому что никто не желал своей родне мужа с такой зарплатой.

В общем, наш замначальника — монстр, с грацией ледокола идущий к повышению. Но главное, чтобы в серверную не лезли, и все равно, кто там у власти. Вон, в стране и мире еще и не та чертовщина творится, и ничего.

Проблемой секретаря нашего дражайшего министра являлась старая программа из девяностых, неведомо как пережившая уже трех президентов и, собственно, около пяти начальников сего здания. Если в декретных отпусках секретарей считать — вообще солидная цифра выходит. Но новую программу за это время так никто и не писал — «потому что

работает». А начинающиеся зависания лечились просто — установкой новой оперативной памяти, на гигабайт больше прежней. Помогало на полгода, по моему опыту, но через несколько лет явно уткнется в физический предел объема модулей памяти. Надеюсь, технический прогресс спасет наше министерство.

Полюбовавшись стройными ножками секретаря напоследок, выбрался из под стола и с умиротворенным видом сдал работу.

— Спасибо, — изобразила Оленька дежурную улыбку и принялась по буковке выдавливать текст наманикюренным пальчиком из клавиатуры.

Сисадмин больше не нужен, сисадмин может уходить. А ну и ладно, на самом деле. Начнешь за такой ухаживать — сразу появятся вопросы, откуда деньги. Так что будем выбирать ножки подальше от начальственных кабинетов. Благо, скоро весна, а значит скоро голые коленки покажутся из-под плотной зимней ткани.

Проверил сотовый — ни одного пропущенного звонка, что говорило о стабильной работе ведомства. Да и чему там ломаться? Дисководов нет, интернета нет, юсб-порты закрыты, а значит никаких вирусов не предвидится. Контур сети физически изолирован от внешнего мира, электронная почта и сервисы через отдельную машину, и только у специально обученного работника. В общем, скука и тоска в кабинетах такие, что невольно приходится работать.

В своем отделе, разумеется, мы сеть оставили — нам ведь «поддерживать в актуальном состоянии программное обеспечение». Ну а биткоин-фермы и вовсе сообщались с миром через 4ж-модем, не оставляя никаких следов и зацепок для потенциальных проверяющих.

В общем, выполнив положенное задание, отчитавшись о нем и получив тоскливый кивок от чихнувшего в рукав шефа, удалился в свой дальний угол и спокойно принялся за обзор сети.

Собственно, везде одна и та же тема, пусть и поутихшая за месяц, но горячая настолько, что никакие громкие скандалы, катастрофы в ближнем и дальнем зарубежье, старательно пропихиваемые через информационные каналы, не могли ее заглушить. Даже новая подборка обнаженных фото знаменитостей не отвлекла сеть от яростного обсуждения. Разве что вскользь прозвучал бредовый вопрос — а вдруг наши звезды тоже «оттуда»?

«— Оцепление вполне естественно. Вы представить себе не можете, какую угрозу несет посещение Той Стороны», — пробубнил в наушник, тайком от начальства подцепленный в правое ухо, человек с ютьюба. — «Вирусные штаммы, способные выкосить жизнь в целых городах, пока не найдут вакцину! Если вообще найдут! Вы этого хотите?!»

Мужчина добавил суровости во взгляде и отеческим взором посмотрел на известного блоггера, покаянно склонившего голову перед мудростью поколений.

Этому, похоже, тоже заплатили, как и остальным, скупая пачками всех, кто хоть как-то влиял на умы населения. Телевизор-то уже особо не смотрят, а донести правильную точку зрения до населения надо. «Правильную» — это единственно верную с точки зрения правительства, внезапно обнаружившего на своей территории сотни проходов на «Ту Сторону». А может, тысячи.

По всему миру вдруг замерцали звездной мглой прямоугольники, открывая доступ неведомо куда. В чистом поле, в горах, на оживленных улицах городов, в подвалах — одновременно, будто рубильник провернули. Было это месяц назад, и тогда же нашлись психи и смельчаки, шагнувшие за грань. Вернулись все и практически сразу — без одежды, ошарашенные и изрядно замерзшие. ТАМ было тоже начало весны, но дули дикие ветра,

выстуживая непокрытую кожу. Потому что одежда сползла гнилыми нитями, рассыпавшись в прах практически в ту же секунду, как нога человека шагнула в неведомое.

На форумах пишут, от касания земли разъедало резину ботинок за две-три секунды. Но нога оставалась в целости, позволяя ощутить талый снег под ногами. Другие материалы, вне зависимости от прочности и производителя, так же не выдерживали больше десяти секунд. Однако главный ужас был не в этом — рассыпались в пыль керамические пломбы зубов, существенно рняя психику и финансовое положение смельчаков.

Золото и серебро, обескураживая многих, тоже обращалось в ничто, не оставляя после себя даже песка. Обескураживая не только потому, что хотелось скупить весь новый мир (если Там вообще есть кто разумный, кто жалуется золото), а еще по той причине, что все принесенное с собой с Той Стороны обернулось пылью уже у нас. Кто-то торопился принести обратно красивый листик, оторванный или вместе с землей и корнями. Кто-то умудрился раздобыть веточку и даже накопать червя — жизнь, хоть такая примитивная, но там была. Но все обращалось серым облачком, стоило перейти мерцающий барьер. Не нашлось и остатков рванувшей в мерцающее море дворяги.

Разумеется, никаких записей, никаких фото. Разве что рисунки, изображенные вернувшимися обратно — заснеженная степь или поле рядом с опушкой леса, горы вдаль, тишина и ни одного признака человека.

Потом нарушение суверенных границ всяческой чертовщиной пресекло государство, заблокировав доступные входы — там, где можно, замуровывали вместе со стеной близлежащего здания. В чистом поле — ставили опалубку и заливали бетоном, будто коробкой накрывая. Подвалы — опечатывали, пути в горах — закрывали лавинами. И, разумеется, за три дня приняли уголовную ответственность как за переход Туда, так и за сокрытие обнаруженного выхода. Народ было возмущен таким кошмарным попранием прав и свобод по поиску приключений на пятую точку. Но остальной мир солидарно принял те же самые законы, где-то даже перегнув до смертной казни и расстрела на месте.

Одновременно ввели активную трансляцию по всем каналам: «Там» зараза, «Там» опасно, «Там» ничего интересного для вас нет. И вообще, вон у соседей придурки почище наших во власти, а за океаном актер на собаке женился, вот их и обсуждайте. Ладно, вот вам еще титьки известных актрис, украденных с их телефонов. А про «Ту Сторону» забудьте. Нет там ничего, а если есть — украсть не получится.

Думаю, именно потому, что оттуда нельзя притащить обмененное на бусы золото или качать нефть, взятую платой на демократию, государства мира предпочли забыть о существовании такого парадокса. Наверное, втихую изучают то, что профессора на ютубе называют «пересечением реальностей», но вряд ли будут это дело форсировать. Ведь «Там» все наши правители будут смешными и голыми, без могучих боеголовки и авианосцев. Хотя если нагнать пару батальонов голых солдат, нарубить лес, возвести крепости, заняться наукой Там... Веселая выйдет игра в «Цивилизацию», наверное. Сомневаюсь, что тем, у кого есть власть «здесь» это нужно.

Ну а если кто-то придет «оттуда», то выйдет в бетонный короб, голым и безоружным, и наверняка вернется восвояси. В свою очередь, орду голых «чужаков» у нас точно одолеют.

Вот и идет жизнь дальше, если верить официальным каналам, словно не случилось ничего. Разве что изредка проскакивает, что хорошо бы «туда» весь наш мусор и ядерные отходы, вместе с самим ядерным оружием, если там все так здорово и экологически чисто утилизируется. Но таким энтузиастам наверняка быстро объяснили, что утилизация

отработки и мусора — это серьезный бизнес, и нечего его ломать. Не верите — смотрите сериал «Сопрано».

Сеть, конечно, будоражит не смотря на все запреты. Поговаривают, можно купить билет «Туда», и не дико дорого. И никакие «вирусные штаммы» народ не пугают — потому как точно известно, что загрипповавшие «исследователи» вернулись обратно без своей респираторной инфекции. То есть, посторонних «гостей» в организме новый мир тоже не жалуется. Ну а если «Там» подхватишь заразу — прыгай в портал обратно. Тем более, что «экскурсия» всего на пару минут — «Там» все равно нечего делать без одежды.

Жалко, что рак и иные поражения организма никак не лечатся. Отчего-то «Там» это тоже считают частью тела. Но все равно — хоть вирусы и бактерии эта штука убивает, оттого спрос на «прыжок» туда постоянен и велик. И под контролем ФСБ, думается мне, который и организывает «нелегальные» походы, контролируя рынок и зачищая конкурентов. Пока все порталы не найдут, лучше самим возглавить то, что не получается запретить.

Да и честных (и не особо) налогоплательщиков, возжелавших освоить новый мир, терять государству вряд ли хочется. Ведь какая они власть, если не будет людей? Такая же, как мои шефы — без меня.

У «Той стороны» уже сотни названий на всех языках мира. Но мне отчего-то нравится «Эдем» — чистотой, намеком на райское место, откуда люди были изгнаны за нарушение дисциплины. Не особо верю, что нам дали шанс вернуться обратно. Вряд ли мы за это время исправились, только хуже стали. Однако название красивое.

Иногда хочется выглянуть в это окошко нового мира, вздохнуть чужой атмосферы и издали посмотреть на горы. Поговаривают, есть особое удовольствие заглянуть туда ночью, постоять под миллиардами ярких звезд,

образующих чужие созвездия. Может быть, даже дать название какому-нибудь из них, первым.

— Как-нибудь, обязательно, — закрыл страничку с очередным обсуждением и волевым усилием приступил к работе.

Потому что нет проверяющих там, где все идеально — и моя работа обязана тому соответствовать.

За делом время летит быстро, прокручивая стрелки часов до шестнадцати часов и веселого смеха работниц казначейства в коридоре, первыми завершившими рабочий (и операционно-кассовый) день. Затем был пятый час вечера, и ожесточенное переглядывание между начальственными больными — кто первый оставит свой пост. Ведь каждый знает, министр может задержаться до шести часов! А выйдя — оглядеть окна подвластного учреждения, и, заметив сияние в кабинете, спросить отечески у референта — кто же у нас перерабатывает во славу министерства, себя не щадя? И если это будет не шеф, а его зам — еще один камешек упадет на весы нового назначения. Тут главное вовремя возле окошка пройти, себя показав. Но у Анны Михайловны техника отработана — и картинка с камеры в фойе выведена на монитор. О чем знаю я, и определенно догадывается босс.

— Семнадцать ноль пять, — нервно произнес Эдуард Семенович, убирая от покрасневшего носа платок.

— Да, — хлопнула носом зам, переключившись с озабоченным видом бумагу со стопки на стопку.

— Рабочий день закончен.

— Я посижу, надо завершить, — пробормотала она, окончательно испортив шефу настроение.

— Анна Михайловна, вы болеете! Я настаиваю! Из заботы о вашем здоровье, разумеется — немедленно отправляйтесь домой! И берите больничный!

— Но, — посмотрела она кротко на босса, изобразив вселенскую обиду и даже обозначив будущие слезы. — Эдуард Семенович, я не могу! Андрей Сергеевич ждет этот отчет завтра с самого утра!

Андрей Сергеевич — министр. Характер нордический, подпись размашистая, на поллиста. Собственно, это все известные мне данные — потому как не мой уровень. Компьютер ему чинить мне не доводилось, потому что он его не включает. Человек старой закалки, предпочитает бумагу и проектор с экраном два и два запятая три метра, показывать на котором графики приходят со своими ноутбуками.

— Здоровье — дороже! — Как-то вяло продолжил шеф и наверняка загрустил.

Потому что требование этого отчета наверняка прошло мимо него. Узды власти уходят из рук!

— Спасибо, Эдуард Семенович! — Обрадовалась зам. — Значит, я скажу ему завтра, что не доделала, потому что вы приказали мне идти домой?

— Нет! То есть, доделайте отчет и идите домой. А завтра берите больничный! Я сам отнесу отчет.

— Хорошо, — покорно склонила она голову, скрывая торжествующую улыбку.

Потому как завтра она будет точно, и отчет занесет лично, будьте уверены. А вот здоровье шефа точно под вопросом — что-то расчихался он под конец.

— До завтра, — собрался шеф и первым покинул кабинет.

Ну, мне точно сидеть до восемнадцати. Должность такая — пока не уйдет светлейшее руководство здания, обязательно должен быть тот, кто перезагрузит компьютер секретарю или встряхнет тонер в принтере.

А я, в общем-то, и не спешу. Холост, съемная квартира в десяти минутах неспешным шагом. В цоколе моего дома кафе, наплыв народа в котором аккурат к восемнадцати тридцати спадает. Так что через час — выключить компьютер тут, прогуляться, поесть и включить компьютер там. Иногда в этот маршрут включается тренажерный зал, добавляя разнообразия тяжестей к тем, что приходится таскать на работе.

— Сергей, — прозевал я момент, когда к столу подошла Анна Михайловна.

— Да? — бросил я взгляд снизу вверх, подумывая — стоит ли подниматься с места.

Все же, дама, будущий шеф, да и вообще неудобно, когда так нависают.

Хотя конкретно в этом случае вид у зама выходил вовсе не начальственный, а вообще приятный — сложенные под грудью руки весьма приподнимали бюст, да и распущенные как попало волосы отчего-то оказались зачесаны чуть набок. Только красные глаза слегка портили вид. Если бы не красный нос вдобавок — чистая вампирша из «Другого мира», по виду и своей сути. Но с носом — смотрелась разносчиком вируса, и всякая романтика уходила из опасения заразиться. Не настолько люблю работу, чтобы бояться пропустить пару дней, но категорические не желаю оставлять без присмотра свои сервера.

— Анна Михайловна? — Изобразил я на всякий в глазах восхищение.

Это стандартная реакция на изменение в прическе. Причина — следствие, и нечего нарушать заведенный порядок.

— Сережа, как вы относитесь к повышению? — промурлыкала она.

Это она меня в свои замы прочит? Приятное удивление тут же сменилось легкой паникой. Это значит, что у нас появится подчиненный?! Легкая паника переросла в священный ужас. И он полезет к моим машинам?!

— Хорошо, — выдавил я ожидаемое, обозначив радушную улыбку.

— Повышение оклада, премии, увеличенный на два дня отпуск, — продолжила она соблазнять меня перспективами и добавила после выразительной паузы. — Летом.

— Что?

— Отпуск — летом. А не как сейчас, — посмотрела она сострадающе.

Сейчас — это без отпуска, за двойную ставку. Биткоин-фермы не должны оставаться без присмотра!

— Скоро Эдуарда Семеновича переведут на другую должность, и мое место освободится, — обозначила она масштаб перестановок. — Мне очень понадобится ответственный, а главное — верный помощник. Понимаешь, Сережа?

— Ага, — кивнул я, панически обдумывая, что делать дальше.

Ее надо срочно останавливать! Я должен остаться на своей должности! Мысли перепуганной молью носились из стороны в сторону. Только все наладилось — и на тебе, повышение!

— Только у меня будет условие, — решился я на отчаянный шаг, который обязан был оставить меня на веки подчиненным.

— Какое? — Растерялась она.

Я взмыл с места, шагнул прямо к ней, осторожно подхватывая за талию, и коснулся поцелуем слегка обветренных простудой губ.

В грудь осторожно толкнули ладонями. Анна Михайловна отшатнулась на полшага, повернулась от меня, подхватила сумочку и пальто с крюка вешалки и выбежала из кабинета. Хлопнула дверь, отразившись эхом в коридоре под аккомпанемент быстро удаляющихся шагов.

Все, хана мне — постучалась черная мысль. Либо уволят, либо заболею.

Побродив по кабинету, остановился возле окна. Положил руки на подоконник и так и застыл, вглядываясь в силуэт загорающегося огнями города.

«— А этот сотрудник молодец», — одобрительно посмотрел с улицы на здание министр до того, как сесть в салон служебной тойоты.

Глава 2

Утро случается на нашей планете уже четыре с половиной миллиарда лет, и этот день тоже не был исключением. Пропищал будильник на сотовом, зазвенел таймер на микроволновке и напоследок гневно прогудел автомобиль, требуя себе дорогу и окончательно лишая остатков сна.

«— Неудачник», — посмотрела с высоты Икс-пятого бмв холеная леди.

— Сорок шестая квартира, — прищурился я взглядом снайпера на номера машины и повернул обратно в подъезд.

По давней привычке, сетевой инвентарь всегда со мной, а провода у нас на общей площадке.

Нет, никаких диверсий, вандализма и даже коврик перед ее дверью остался сухим. Просто моя квартира — сорок пятая, и не далее, как две недели назад я чинил этой барышне интернет (потому что у нее Т-роском, и от этого провайдера проще отключиться, чем дожидаться помощи). Так что пятиминутка обдумывания, как лучше о себе напомнить, и ее сетевой роутер теперь считает, что все сайты в сети ведут на посольство Ирака, раздел «получение визы». Либо уедет, либо попросит помощи.

Со слегка приподнятым настроением, направился к работе. Мысли о неминуемом выговоре и увольнении в это прекрасное утро вовсе не мучали. Они терзали всю прошлую ночь.

— Анна Михайловна приходила? — Спросил я вахтера, скрестив пальцы.

Тот перевел бессмысленный взгляд с рябившего волнами телевизора на меня и спросил пропуск.

— Проходите. — Отвернулся он обратно к экрану.

— Ясно, понятно, — хмыкнул я под нос и заторопился на родной четвертый этаж.

В дверь кабинета просочился, стараясь лишний раз не скрипнуть. Убедился в отсутствии шефа, а после осторожного поворота головы — и остального светлого начальства.

— Точно, у нее же с утра отчет, — обрадованно постучалась мысль. — Ну а шефа, конечно, жаль.

В общем, пока еще все можно спасти — написал покаянное письмо, обвинив во всем начинающуюся простуду, ее красоту, переутомление, ее обворожительность, авитаминоз, ее безупречность и мое повышенное артериальное давление. Присовокупил с десятков нарисованных от руки грустных смайликов — человек современный, поймет. Подумал, написать ли о больной бабушке, которой перевожу деньги, но посчитал версию неубедительной. На шесть тысяч бабушку не вылечить. Тут скорее выпнут в дворники — они получают одиннадцать. Зато у них нет престижной государственной службы и карьерного роста! И у меня, если все провалится, тоже не будет...

Накинув спецовку и демонстративно оставив на столе свой телефон (это чтобы не дозвонились), отправился пугать пауков на чердак. Там как раз тарелка резервной связи перекосилась, и ее следовало выставить по указанному азимуту ровно в ноль-ноль минут, и даже табличка настройки прилагалась.

В первые ноль-ноль минут не успел: воевал с голубем, охранявшим гнездо. А еще птица мира! Да не нужны мне эти желто-серые комочки, мало смахивающие на своего родителя.

Но на следующий сеанс успел все выставить, судя по силе сигнала. Затем обнаружил, что кабель физически оборван. Потратил немного синей изолянтной ленты, меланхолично раздумывая над тем, что можно было вообще не трогать тарелку.

Оценив время до обеда по наручным часам, решил навестить серверную. Вот тут сердце действительно кольнуло тоской от возможной разлуки. Это ведь если увольняться, то все стирать своими руками. А время потрачено, чтобы все синхронизировать и привязать к внешним ресурсам — тьма. Будем надеяться, письмо возымеет действие. Или хотя бы не усугубит.

— Семнадцать градусов.

Пульт выдержал попытку похлопыванием по ладони, но стоял на своем.

— Да как так то?!

Кондиционер шумел ощутимо сильнее, чем вчера, пытаюсь скомпенсировать разницу. А в помещении действительно похолодало. Градус — он вещь такая, не пощупать. Но если каждый раз приходиться сюда в одной и той же одежде, та грань, когда уже «не тепло», чувствуется уверенно. Или знобит надвигающейся ОРВИ? Да нет, пока просто холодно.

Должны быть причины. Не может градус вот так взять и исчезнуть, это вам не пиво в привокзальном кафе. Что-то вытягивает из комнаты эти три градуса — если вычитать из заложенных двадцати. Было бы окно, грешил бы на него. Но на всякий, ощупал заштукатуренную кладку окна в поисках тяги воздуха.

Вентиляция тоже не при чем — тянула так себе, огонек зажигалки (не курю, это чтобы термоусадку делать) отклонился еле-еле. Вытяжку этой ветки чинили при прошлом капитальном ремонте и политическом строе.

Пол? Лаз в подвал, тянущий тепло на себя? Вполне возможно и очень тревожно — как бы крысы не повадились жрать биткоин. То есть, проводку и все остальное, что им покажется достаточно съедобным.

В общем, облазил каждый сантиметр, открыл все шкафы и посмотрел на дно там. Никакого результата — разве что шмыгать стал отчетливей, и голова отозвалась смутным предчувствием будущей простуды. Все-таки, зараза зацепилась, как бы вчера не камлал над чесноком и не пел горловые песни с раствором ромашки.

— Вот пакость, — объединил я эмоции к болезни, чесноку и отсутствию ответа, куда делись три градуса.

Остались потолок, стены и сбой программы кондиционера. Но потолок высоко, программисты «Хитачи» далеко, а стены — вот они, прощупываются. Только смысла в этом, если ровные они и залиты одинаковой светло-желтой краской? Для успокоения совести и одновременно — оценки, как подняться к потолку, пошел по периметру комнаты, наваливаясь ладонью на плоскость стены.

Не знаю, почему именно наваливаясь — наверное, просто не верил, что причина там, а идти, отталкиваясь, было интереснее. Но со следующим шагом у правой стены, закрытой от входа серверными стойками, ощутил в руке неожиданную слабость, услышал хруст тонкого слоя краски и тут же — ощущение провала, утянувшего за собой остальное тело.

Мгновение падения ударило по чувству координации, и отчаянная попытка зацепиться за что-то провалилась. Страшнее того, руки, выставленные вперед (как бывает у каждого, кто падал с лестницы), тоже не ощутили в ожидаемый момент пола. Тело кувыркнулось в воздухе, ударив в полете по ногам, затем по плечу, ошарашив болью, а затем волной жгучего холода, под мой крик и стон иглами вцепившегося в тело.

«Подвал, мать его. Капремонт, мать его». — Пронеслась гневная мысль через дрожь тела, соединяясь с секундной волной страха, ужаса. — «Т-темно. Что за стеной? Пролет лестницы над головой?»

В сумраке, подсвеченным тусклым огоньком вверху — это от серверной проем — виделась наклонная каменная плита, подходившая под описание лестницы. Если ее не ремонтировать, как, видимо, было тут.

Руки, скованные холодом, как и все тело, потянулись к ногам, поджимая их под себя. Заодно справляясь с ноющей болью по всему организму и осторожно проверяя, не сломалось ли чего.

Тело ныло, движения отдавали болью в оцарапанной коже, страшно болела челюсть, почти заглушая боль от плеча. Но все это шло фоном совсем другому ощущению.

Ощущению, что под ладонями голая кожа. Там, где положено быть плотной ткани джинсы. Там, где была спецовка поверх свитера и серой рубашки. И там, где острые камни кололи подошву ног, хотя обязаны были бессильно скрипеть под подошвой кроссовок.

— К-как же х-холодно, — отчаянно не веря мелькнувшей мысли, повернулся я к пролому в серверной.

Но, приглядевшись, увидел только серое марево, искристо мерцавшее в карнизе на высоте двух с половиной метров над плоской стеной, собранной из гладкого коричневого камня.

Кое-как собравшись с силами, заставил себя подняться с места и потянуться к карнизу.

Унимая дрожь от холода в коленях, прыгнул вверх, ударившись о камень телом и тут же отпрянув, спасаясь от ледяного ожога.

— Я тут сдохну, да? — После нескольких попыток, теряя силы, с тоской выдохнул я облачко пара.

Под ногами скальная плита, щедро покрытая угловатыми обломками. Вокруг колодец стен, выложенных из крупного булыжника, и надгробием всему этому — еще одна плита, застрявшая наискосок в десятке метров над головой, оттого показавшаяся пролетом лестницы. А единственный выход — вот он, манит и вытягивает силы в очередной попытке до него добраться. Обрывает ногти, бессильно пытающиеся зацепиться за трещины в стенах. Срывает кожу на ногах и запястьях. Выбивает скупую слезу отчаяния и дикий крик в полный голос:

— Помогите!!!

Может ли голос прорваться сквозь завесу меж двух миров? Не знаю. Но он точно не выйдет за плотные двери серверной.

Холод тянул силы до дрожи в пальцах и коленях. Тело хрипело легкими, желая сжаться в клубок и не отпускать остатки тепла. Но я продолжал двигаться, растирал кожу ладонями, прекращая панику резкими махами рук или несколькими приседаниями.

В попытке выбить себе ступеньку в стене, подобрал камень у ног и с силой ударил по заметной трещине чуть выше груди. От удара, раскололся булыжник в руке... Не сдаваясь, принялся собирать все, что было под ногами в хоть какой-то подъем, под конец ощутив первые признаки судороги в левой ноге. На эту горку камней я и упал после отчаянного прыжка, не достав до карниза всего две ладони.

Со вскриком боли рухнул на плиту пола и съезжился от безнадежности. Крохотные осколки, впившиеся в кожу на боку, отозвались приглушенной ноющей болью, на которую организм уже никак не реагировал. Даже холод — и тот чувствовался, будто под теплой

одеждой, в безветренную погоду зимой.

— Помогите, — сипло вырвалось вместе со взглядом наверх.

Тело не хотело бороться, а попытки разума перебирать руками и ползти по камню, казались ему глупыми. Организм желал просто лежать, сберегая силы для лишней секунды до смерти. Но разум хотел жить. Я хотел жить, вот и полз, заставив наконец-таки руки поднять тело.

Смутный шум, раздавшийся где-то рядом, поначалу показался галлюцинацией. Не было вокруг ничего, камень не умеет говорить, а обращенный вверх взор, стоивший очередного падения набок, не увидел спасителя на карнизе перед порталом. Но шум повторился, выбив из уже было смирившегося с неизбежным разума отчаянную вспышку надежды. Да хотя бы потому, что шум был справа, а стена под порталом — впереди.

— Помогите! — Рвал я связи осипшим голосом и упрямо полз на звук, то и дело натываясь ладонями и коленями на камни, рая кожу, но продолжая движение.

Совсем скоро перед лицом раздался гулкой звук упавшего камня — это рука неосторожно коснулась его и отбросила вперед... Слепо пощупав пространство перед собой, с невероятным и ничем не обоснованным счастьем обнаружил провал меж плитой пола и стеной. Широкий! Сантиметров сорок, не меньше! Больше метра длиной — это все, куда удалось дотянуться.

«Что тебе в нем?» — Шептал разум. — «Могила поглубже?».

Но сама возможность идти хоть куда-нибудь дала сил. Возможность выбора — да хотя бы могилы, пусть! Но не лежать, ожидая смерти.

Дрожащей рукой бросил еще один камень, на этот раз прислушавшись к звуку падения. Не высоко! Метра два, вряд ли выше!

А затем шум, приведший меня сюда, повторился. Совсем рядом. И мгновением позже лицо обожгло волной близкого жара от факельного огня, ослепив и заставив откатиться в сторону.

— П-помогите! — Сквозь слезы от вспышки, тер я рукой лицо и глаза, пытаюсь отделаться от яркого пятна, не позволяющего ничего разглядеть. — Я с Земли! Д-дружба! М-мирный!

А в разуме, ошеломленным за это время наготой, холодом, осознанием близкой смерти и шансом на спасения, яркой вспышкой гражданской сознательности вспыхнуло — Первый контакт!

Никто не говорил о встрече с разумом в Эдеме. А факел — он разум бесспорный и не подлежащий сомнению.

— Е-есть, за чем жить, — сипло выдохнул остатки тепла, чтобы убедить тело двигаться. — И т-там есть тепло, — напомнил я ему про огонь.

Второй довод оказался убедительнее и дал сил, чтобы перевернулся на живот и вновь посмотреть в отверстия лаза.

— М-мы пришли с миром, — выдохнул я, шурясь в тень отведенного в сторону факела.

И каким-то чудом, непонятно каким чутьем и неведомо какими силами, резко отклонился вбок, пропуская мимо лица что-то заостренное, влетевшее в пещеру за моей спиной. Ошарашенно замер, растеряв все приветственные слова о дружбе народов. Потому что на меня недовольно скалилась крупная рожа ящерицы с распахнутым кожистым капюшоном, выходящим из спины, отведя лапу с факелом в сторону. В неровном свете успел отметить серую тряпку через зеленое тело и участок коридора, исполненный ритмичным

желто-зеленым узором.

— Ах ты сволочь зеленая, — слабой рукой метнул я камень ей в рожу и тут же откатился в сторону.

Снизу возмущенно проклокотали и запустили мне вслед еще один дротик. Или как это назвать — короткое копье? Короче, палка с заостренным наконечником, глухо стукнувшаяся о противоположную стену и уткнувшаяся стоймя меж камней.

Тут же показалась немалого — не меньше средней мужской — размера зеленая лапа, украшенная когтями, вцепившаяся в край лаза. А за ней вторая, до этого резко размахнувшаяся факелом под громкое шипение, будто отгоняя зверя. Ждать, пока эта ящерица влезет целиком, я не стал — метнулся из последних сил к копыю, отчетливо различимому в появившемся свете факела. Тело человекоподобного ящера уже практически было внутри. Ему оставалось подняться на ноги и подтянуть за собой видимый хвост, когда я, крича от отчаяния, бросился вперед с подхваченным копьем, целя острием в живот. Потому что попасть легче.

На встречу раздался визг куда грознее, и огонь факела оказался выставлен ровно мне навстречу — тоже на уровне живота.

Но я уже не боялся. Я был жив, но кое-что уже умерло в этой ледяной пещере. Страх, осторожность, стыдливость — та самая, что заставила прикрыться ладонями в первые секунды. Не ведаю, как выглядел в момент атаки. Наверняка не очень грозно, потому что ящер не отвел факел и не уклонился сам, спокойно ожидая, когда жертва остановится, потеряв скорость, или сама напорется на огонь. А я прыгнул.

Прыгнул так, как, наверное, никогда за этот адовый час. Те самые последние силы, которые должны были давным-давно закончиться. Хотя, возможно, помог разбег — в эту сторону каменный колодец шире, чем от карниза с порталом до противоположной стены. Помог и расчищенный от камня пол. Главное — прыгнул я выше факела, и ящер, за яркостью собственного огня, потерял этот момент.

Подхваченное копье ударило всей массой разогнанного тела, с ощутимым чувством преодоления вязкой преграды вонзившись ящерицу в грудь. За его спиной была стена, он не успел выбраться из лаза, так что плохонькое и кривенькое (по ощущениям ладоней) копыце пронзило его насквозь, явно пробив что-то жизненно необходимое. Потому что потом была тишина и стук о камень выпавшего из лапы факела.

Я же вновь порезал руку, свалившись с твари на скальную плиту.

— Теперь нас тут двое сдохнет, — смотрел я на близкий огонь, робко протягивая к нему ладони, приближая до легкого ожога.

На противника смотреть не хотелось. Этот первый контакт точно не войдет в учебники, потому что рассказывать о нем будет некому.

Но скоро пришлось подниматься — пакля или что там было намотано на факел, прогорало, грозясь лишить последних искорок света и тепла. А я помнил, что на ящере были серые тряпки, и они наверняка могли гореть. О том, чтобы пытаться залезть вверх, используя тело побеждённого, как ступеньку, мыслей не было — потому что сил для этого не осталось никаких. Это особенно прочувствовалось в тот короткий путь, когда я подтаскивал факел к ящерице. Так, наверное, не ползают и дети. Даже опытный фрезеровщик, победивший ящик водки, ползет к остановке уверенней.

Мысль поджечь ткань прямо на нем отбросил, как недостойную. Неправильно это. Просто неправильно, даже если его нехитрая одежда загорится. Да, сил стянуть эти ленты

серой ткани, намотанной на тело, может и не быть, но я попытаюсь.

Привалился кое-как к стене около лаза, кристально четко ощутив, что не чувствую тела. Провел рукой по коже ног — и не почувствовал и этого. Неровный свет огня давал белосиней коже странный оттенок, из-за которого на себя смотреть совсем не хотелось. Даже факел нужно было покормить не из-за жара, а просто, чтобы не возвращаться в темноту. Чтобы взгляд сам собой не находил единственное свечение в черноте — серебристое облачко портала.

Наклонился к поверженному и кое-как зацепил озябшими пальцами ткань. Но вместо того, чтобы потянуть, неловко завалился ему на грудь.

Не сразу заметив, как под правой рукой протаивает кожа, расступаясь и позволяя войти ладони внутрь тела. Будто не мощный организм под ней, а восковая фигура, таявшая от остатков тепла моего тела. Я наблюдал за этим отстраненно, сквозь усталость и погасшие эмоции. И момент, когда рука уперлось во что-то округлое и теплое, тоже прозевал, отреагировав не сразу. А как ощущения оформились в удивление, уже держал тускло-коричневый кристаллик, размером с грецкий орех, перед глазами. Мутный камешек, слегка прозрачный, овальный — будто намытый водой.

— Это ты чего? — Пробормотал непослушными губами.

Хотел посмотреть на рептилоида, но к уже ощутимо толкнувшему удивлению обнаружил только серые повязки его одежды на камне. А сам он — будто испарился, будто не было его. Только камень...

— А... — Посмотрел я на уже растекшуюся по ладони тускло-коричневую массу, бывшую камнем. — Эй!

Первым желанием было стряхнуть резким движением, оторвать ее, зацепив о что-нибудь, скинуть с себя, но взамен пришла грустная ирония.

— Победивший дракона, становится драконом, да? Буду новой здешней жабой. Жаль, факела нет. — Закрыв я глаза, ожидая конца.

Но через какое-то время ощутил, что по телу разливаются волны тепла. Горячие волны — пульсацией от правой ладони. Кипящие волны!

— Ах ты ж е! — Вскочил я, махая руками и тряся будто горячей рукой.

На ладони ничего не было, а жар, бывший внутри, стремительно разливался дальше, и уже весь организм будто горел изнутри — и это точно не воспаление легких! Спасаясь, припал к камню стены, еще совсем недавно казавшимся ледяным и убийственным.

— Хорошо-о, — чуть сдвинувшись, чтобы было удобнее, а потом и вовсе опершись спиной, потерялся я о камень.

Тело буквально парило жаром, а на камне оставались мокрые следы. Ощущение непередаваемой легкости сменялось новой волной жара и тянуще-приятным ощущением, от которого вело в пляс, подталкивало закричать ликующе во все горло — еще потому, что я все еще жив! Но рядом могли быть другие ящерицы, в том числе ходящие строем, а не по одиночке.

Счастье распирало сердце, веселый напев, все-таки прорвавшийся тихим бормотанием, кружил голову. Я был жив.

То, что моя жизнь — заслуга непонятого камня, могло подождать. То, что случилось с ящером, тоже шло к демонам. Пусть так, да путь как угодно! Я жив!

Нелепые движения обнаженного человека в каменном колодце были танцем жизни. Прихлопывания, притопывания и игривое размахивание тем, что восстает обычно по утрам,

составляли эту пляску, дикую и безумно приятную. Тело хотело жить — всеми его частями. Даже глаза будто стали легче различать окружающую темень, уже не освещаемую толком факелом.

— Я жив, — воткнулся коленями в пол и прижался лбом к камням. Поднялся, провел рукой по лицу, стирая слезы радости. И уже потом, успокоившись, ощутил еще дивную вещь — ран не было. Всех этих царапин, порезов, натиров, рассечений — ничего. Ощущается только мягкая кожа, словно над зажившим порезом, еще не огрубевшая от загара. Провел языком по зубам — там, где были пломбы, стоят целые зубы... Коснулся ладонью ниже живота — не выросло. Но там и так все хорошо, не жалею.

— Я хочу домой, — оформилась первая спокойная и уверенная мысль после всего этого дикого стресса.

А еще я вновь стал ощущать холод — пока еще далекий, но уже покусывающий тело. Пока есть силы, надо возвращаться.

На этот раз у меня были две палки, которые удалось воткнуть в трещины в камне. Факел, подумав, тоже зацепил и потащил за собой. Если ту жабу станут искать, не нужно, чтобы такие улики находили. На всякий, раскидал собранные камни обратно по полу, добившись изначального хаоса. С этими же мыслями, обвязал палки-копья тканью от одежды рептилоида, с мыслью выдернуть их потом и сложить на карнизе.

Восхождение вышло на удивление будничным. Сложив копья, ткань и факел на краю скального выступа, встал во весь рост и шагнул обратно в свой мир. Можно было на корточках, но после недавнего падения, хотелось вернуться гордо, победителем.

Выйти красиво не вышло — вывалился с чертыханием. Что-то там не так с уровнями карниза и пола. Тут же бросился к кондиционерам, выкручивая температуру на уровень выше комнатной. Сервера перетерпят.

И только после этого расслабленно привалился к стене рядом с проходом, буквально растекаясь от схлынувшего напряжения.

Где-то на краю сознания вились мысли — рассказать о найденном портале или нет. Но выходило, что у нашего государства и без этого их куча, что им еще один? Сообщу — замуруют тут все, и не будет у меня никакой работы. А значит, и денег. Первый контакт с инопланетной жизнью? А что им скажу? «Извините, я его убил?». Отлично просто.

В общем, пусть найдут себе ящеров в другом месте. Если уже не нашли. Тут ведь никаких тебе новых нанотехнологий и гипердрайва — дремучее первобытное нечто. Даже ничего бронзового, не говоря о железном, у ящерицы не было. Хотя ткань — это уже куда ближе к цивилизации?

«Портал обоями заклею... На чердаке сегодня видел».

Идти туда еще раз — сродни игры со смертью. В общем, без «Той Стороны» я точно проживу. Ноги моей там не будет, если кратко. Хотя, если просто присесть на самый край, и свесить ноги с карниза... И застудить себе чего-нибудь. Нет уж, нечего там делать.

А мысли про тот странный камешек я с силой убрал в сторону.

Вон, интереснее есть вопросы. Как пройти без одежды через все министерство? Сервера-то на первом, кабинет на четвертом, а лифта нет. Скептически посмотрел на коробки от оборудования, сложенные у стены. Сделать костюм робота и изобразить утренняя?

Я стер руками пыль с кожи, помассировал подошву и с силой провел руками по лицу. М-да. И телефона нет. Хотя, есть сервера, и можно попросить через чат кого-то из

товарищей захватить спецовку в моем кабинете, пообещав за помощь доступ в сеть... Хм, идея.

— Сергей? — Открылась дверь в серверную, и из пролета показалось лицо Анны Михайловны.

Я так рванул за серверные стойки, стараясь спрятаться, что невольно выдал себя звуком.

— Сергей, нам надо поговорить, — прикрыла она за собой дверь и вошла внутрь.

«Вот блин!»

Меня, конечно, не видно, но если она подойдет... Да хрен с ней, с видом, у меня в стене портал!

— Да-да? — Отозвался я, срочно отыскивая решение, и выглянул головой в ее сторону. — Анна Михайловна, не подходите пожалуйста, тут высокое напряжение и провода по полу.

— Да? — Скептически посмотрела она на чистый пол, но подходить не решилась. — В общем, я прочитала письмо. Ничего страшного. Просто... Ты мне нравишься, но я и сама не готова к отношениям, понимаешь? Это все карьера...

Сказав, шагнула она в мою сторону.

«Блин!» — Взвыло все внутри.

— Ой, а что это...

— Это любовь, — ляпнул, что пришло на ум, и вышагнул ей на встречу.

Как был. С восставшей нижней провинцией организма, все еще распирающей от чудесного спасения.

— Сережа? — Перевела она удивленный взгляд с моего лица вниз и округлила глаза, замерев на полушаге.

Решительно подошел ближе и положил ладони ей на локти, а затем мягко перетек ими на талию.

— Я подожду твою карьеру, — прошептал ей на ушко. — Ничего от тебя не требую.

Правой рукой опустил чуть ниже, забрался под пиджак и повел молнию юбки вниз.

Потому что из этой ситуации могло быть только три выхода: либо она станет бегать от меня по серверной и точно упадет в портал, либо выбежит в дверь с криками и скандалом, либо какой-нибудь правильный и логичный, до которого разгоряченный паникой разум никак не мог додуматься.

Пока планировал, юбка под перешагивание владелицы, упала на пол.

— Только между нами ничего не будет, — сглотнула она и просительно посмотрела на меня.

— Хорошо, — подтвердил я, закрепив долгим поцелуем и уверенно развернул ее спиной к себе.

Так она точно ничего не увидит. Да и застежка лифчика перед глазами.

В общем, это были очень интересные и приятные тридцать минут рабочего времени. Хотя некоторая робость по поводу должностного положения была, но установка, что это — не шеф, а сложный технический механизм, к которому надо наощупь найти подходящие настройки, кое-что подкручивая, нажимая и похлопывая время от времени под нежное нашептывание, придавала уверенности. К счастью, механизм настроить удалось, и, к удовольствию моей технической души, дважды. Заодно уровень стресса слетел до приемлемого уровня.

— Ты чудо, но не забывай, кто начальник, — отметилась Анна Михайловна коротким

поцелуем, наскоро оделась и убежала делать карьеру.

— Дела, — откинулся я на пол, оттирая трудовой пот.

А затем довольно посмотрел на спрятанный тайком за ее спиной пиджак. Вернее, убранный незаметно из-под ее коленок под серверные стойки. Там, конечно, пыльно, но мы это дело отряхнем.

Напялил на манер кельтской юбки и, осторожно выглянув из дверей, отправился покорять путь до пожарной лестницы. А записи видеонаблюдения я потом удалю.

Просчет вышел только в самом конце.

— Сережа? — Удивленно посмотрела на меня Анна Михайловна, стоило зайти в кабинет.

«Лянь!»

— Да, дорогая, — выпрямившись, картинным жестом скинул с чресел пиджак и шагнул в ее сторону.

В общем, стол начальника Анна Михайловна примерила еще до назначения.

Рабочий день завершился поклежкой обоев над прямоугольником провала в стене и длительным выговором собравшейся с начальственными мыслями Анны Михайловны.

Оказывается, так себя вести нельзя, не по штатному расписанию и вне всякой должностной инструкции. В общем, инициатива с той минуты наказуема, особенно такая экстравагантная. Мол, нечего подрывать трудовую дисциплину и отвлекать светлое начальство не по делу и без служебной записки. На все это есть вне рабочее время и обеденный перерыв, в конце концов. И дверь в серверную надо закрывать. В общем, данные процедуры — строго по согласованию.

Да пусть хоть график пишет, главное, чтобы отчеты писать не запрягли.

Напоследок повелели завтра же идти в больницу и предоставить справку о здоровье. Хотел было послать от такой бестактности (где, скажите на милость, хотя бы «пожалуйста» или «я тоже?»), но потом задумался — что там с моим организмом после всего стало? Раны просто так не зарастают, пломбы — опять же, а отгул просто так не дадут. Да и отсутствие вирусов после перехода не означает, что в том каменном колодце нет выхода урановой руды, какой-нибудь ядовитой плесени и прочей гадости, способной убить незаметно и без ранней симптоматики.

В итоге, покорно кивнул, за что получил выходной на завтра. Проверюсь целиком, дело полезное.

Накинув поверх спецовки на голое тело, куртку, шапку и надев уличную обувь (в теплом здании сменные кеды были гораздо удобнее), побрел до дома, пытаясь собрать впечатления от прошедшего дня в единое целое. Но мыслей не было никаких, одна только зябкость от холодного ветра в ногах и запоздалые мысли о такси.

Своего опыта, позволившего оценить этот день и его последствия, не было. А из того, что находилось — только желание приобщиться к мудрости поколений.

Говорят, японские самураи, практикующие бусидо, из каждого возможного решения предпочитают то, что ведет к саморазрушению. В России мужчины тоже выбирают этот путь, но катане врага предпочитают этиловый спит. В общем, решил глянуть на все через призму емкости с алкоголем.

Водка, по размышлению, была сочтена избыточной. Да и медосмотр этот завтра...

— Коньяк получше и что там еще полагается, — поднял я задумчивый взгляд на кассиршу из «Красного и Синего».

Оценив опытным взглядом помятый воротник спецовки, выглядывающий из ворота куртки, и запыленные брюки, выпущенных поверх ботинок, девушка выставила на прилавок крохотную бутылочку «Три звездочки» и лимон.

— Коньяка — самого дорогого, — для поднятия имиджа, достал из подкладки две красные бумажки.

К счастью, деньги, документы, ключи от квартиры — все остались в уличной куртке. Вместе с рабочей одеждой пропали только ключи от серверной и кабинета, но эту беду я уже скомпенсировал из стола начальства. Там этих связок, от оптимизма кадровиков, все равно еще пять штук осталось. Ну а прочей мелочевки, вроде разъемов, коннекторов и монтажного инструмента, рассованного по многочисленным кармашкам, не особо и жаль.

На прилавке, тем временем, появился трехлитровый «Реми Мартин» в подарочной

упаковке. Моя жизненная неопределенность, конечно, велика, но так и спиться не долго.

— Как себе выберите, пожалуйста, — вздохнул я и изобразил обаятельную улыбку. — Уверен, у вас отличный вкус.

Сработало, к удивлению — судя по робкой улыбке и «Сан Реми Аутентик» в неброской упаковке за вполне демократичную тысячу.

— И лимон оставьте, — попросил напоследок.

Не пойдет, так сладкий чай оформлю.

Забрался в свою берлогу, отправил накопленную в тазике одежду в стирку, забрал с балкона промерзшие до твердости джинсы и рубашки, заглянул в шкаф, и понял, что одевать мне на завтра нечего. Пропавший комплект сбил ротацию выстиранного и грязного, уже привычную и отлаженную в моей холостяцкой жизни. В итоге, из чистого — только трико и майка, что и было надето. Ладно, не велика проблема. На середину комнаты выставлена гладильная доска, на нее утюг и комплект все еще дубовой от холода одежды, которую следовало до завтра выгладить.

Ну а пока — выставить коньяк на кухне, украсив стол порезанным лимончиком и одинокой рюмкой, и на пять минут заглянуть в компьютер.

Хотя интернет еще никого за пять минут не отпускал — это ощутилось уже после, примерно через час, но без особого расстройтва. Зеленых человекоподобных ящеров в интернете было много, но все они обитали в компьютерных играх. А осторожный запрос, пропущенный через анонимайзер и ВПН-сервер тоже не дал совпадений. На «Той Стороне» никаких ящериц не было. Вернее, были — мелкие, в начале своей эволюции, но никаких прямоходящих, в мой рост и с копьями. О подземельях «Той Стороны» тоже ничего не известно — этот вопрос был пропущен через другую цепочку серверов, в знак уважения моей паранойе.

— А может, к лучшему. — к удивлению для себя, решил я.

Эмоция была полна удовлетворения — такого, как у бегуна после резкого поворота, отметившего, что соперники далеко позади.

— Но мне это зачем? — Прижал я неправильную реакцию чувством осторожности и самосохранения. — Не полезу я туда. Зачем?

И тут же стрельнуло тревожной мыслью — как бы кто не полез ОТТУДА. Если у ящера были родичи, его станут искать. И если у них есть что-то, на вроде наших собак, или же они сами ладят с обонянием, то найдут обязательно. Найдут место, где погибшего нет, но вверху мерцает, маня, портал перехода. В мой мир, к моим серверам. Черт!

Хлопнув рукой по компьютерному столу, резко поднялся и отправился советоваться с коньяком на кухню.

Только распечатал пробку и налил, от недостатка опыта, по верхней кромке, как прозвенел дверной звонок.

С опаской посмотрел на дверь, а затем вопрошающе — на рюмку.

— Не родственники ящерицы, ведь правда?

Та логично промолчала. Это, наверное, трехлитровый Реми Мартин под конец что-нибудь ответил.

— И не ФСБ, по нашим то пробкам, — буркнул я, заливая в себя содержимое рюмки и зажевывая кислой, до одинокой слезинки, долькой лимона.

Выглянул в глазок и чертыхнулся. Точно!

— Здравствуйте, — поздоровался я с соседкой, распахнув дверь.

— Добрый вечер, — потупилась она грустно, глядя куда-то в сторону. — Сергей, вы не могли бы помочь? — Беспомощно качнула девушка планшетом в руках с открытой страничкой посольства Ирака.

Имя вспомнила, надо же.

— Лилия? — Изобразил я внимание, оглядывая вечернюю гостью.

Белый халат, милые плюшевые тапочки. Когда стоишь рядом, а не смотришь с земли на высоту водительского кресла джипа, рост выходит мне по плечи. Подобная разница обеспечивает прелестный поворот ее головы, беззащитный до щенячьей преданности. Короткие темные волосы прической каре, зеленые глаза, снятая косметика. Явно забралась в постель с планшетом после работы, готовясь ко сну, а тут такое.

— Не работает, — робко протянула она планшет в мою сторону. — То есть, работает, но интернет не работает...

— А техподдержка? — Проявил я сочувствие.

Если честно, от утреннего озорства остался только привкус легкой досады. Слишком многое случилось.

— Та-та-та тара-та-та, та-та-та тара-та-та, та-та-та-та-ра ра, — вдруг запела она чистым и приятным голосом, наполненным сладким привкусом грусти и алкоголя. — Та-тааааа, та-та-та та-тааа-таааа, та та та ра тааа... Вот... — Шмыгнула она. — И так полчаса.

— Не берут трубку? — Понимающе кивнул я.

Ну, это же Т-роском. Там в семнадцать ноль-ноль все встают и завершают рабочий день четко по ТК РФ.

— Не берут, — повернула она голову на другой бок, отчего взгляд стал еще жалостливее.

— Вы заходите, не стойте на пороге. — Охнул я, проявляя учтивость, и приглашая в дом.

— Нет-нет, — вяло запротестовала она.

— Застудитесь, — строго настоял я. — И давайте ваш планшет, сейчас мигом все устрою.

Оглядев скромную прихожую своей однушки (а что делать — чужая квартира), направил ее подождать на кухню.

А сам накинул куртку, передел ботинки, подхватил кусачки и отвертку для солидности, и вышагнул в коридор, прикрыв дверь. Проблема решалась на раз-два, но важной частью работы любого специалиста является обозначение сложности выполненной миссии. То есть, пришлось минут десять померзнуть в коридоре. Заодно щиток от паутины почистил и внимательно осмотрел проводку — надо менять в самом скором времени. Дом старый, кабель алюминиевый. Раньше никто не планировал, что у каждого в квартире будет по стиральной машине, микроволновке, компьютеру, чайнику и все это станут крутить одновременно. Хотя тянуть через бетонные плиты перекрытий — то еще удовольствие, надо обязательно с ремонтом совмещать, потому что хана обоям и потолку. Но вряд ли хозяин квартиры отнесется к этому всему с пониманием. Потому что дорого.

Самому, что ли, все сделать? Чужая квартира — это понятно, но мне ведь тут жить. Ну, если не уволят с этими порталами и ящерами. Или ФСБ не загребет в место без коммунальных платежей. А то и на медицинские опыты... В общем, настроение вновь стало невеселым. Завтра надо будет обязательно чем-то закрыть яму в каменном колодце. Хотя, завтра не выйдет — медицина запланирована. Значит, послезавтра.

— Завершил, работает, — сняв верхнюю одежду и отбросив грустные мысли, бодро отрапортовал я, зайдя на кухню с планшетом наперевес.

На экране гордо отражалась стартовая «Яндекса» с полусотней непрочитанных писем в правом углу.

— Ой, спасибо! — Обрадовалась она, с неким смущением принимая электронику в руки.

Та-ак.

— А я тут... — чуть порозовела Лилия. — Немного попробовала.

В коньячной бутылке не хватало половины. И рюмка была пуста. И одинокая долька лимона на тарелке.

— Та-ак, — озвучил я уже более хмуро.

Выручаешь их, понимаешь ли — из созданных самим же проблем, правда — а они тут бестактно кушают ваш коньяк!

— Просто, это мой любимый... — Забормотала покрасневшая девушка и покаянно повинулась. — Простите.

Ладно, мне все равно столько пить одному неинтересно. Я уже хотел было махнуть рукой и произнести нечто примирительное.

— На работе столько проблем. И давно уже никого... А тут этот Ирак в планшете... — вдруг шмыгнула она и вновь так мило посмотрела снизу вверх. — Может, это судьба? Может, мне действительно стоит поехать?

— Нет-нет-нет, — замахав руками, присел я напротив и своей рукой наполнил для нее рюмку. — Все наладится, точно говорю.

Надеюсь, хотя бы у нее. Вблизи совсем другой человек, вроде даже неплохой. Хотя, может, пьяненькая просто...

— Наладится? — Посмотрела она на секунду протрезвевшим взглядом и внимательно оглядела меня.

— Обещаю, — ляпнул я.

Та встала, чуть покачнувшись в верхнем экстремуме положения головы, решительно протопала своими плюшевыми тапками до меня и взяла за руку, лежащую на столе.

— Пойдем, — потянула Лилия меня за собой на выход.

— Куда? — встал я, когда девушка забуксовала мягкой подошвой по линолеуму.

— Ко мне. — Строго постановила она, а затем развернулась и веско высказала, ткнув острым пальчиком мне в грудь. — Ты обещал.

— Что обещал? — Немного растерялся от такого напора.

— Что все наладится.

— Лилия, — пытался я притормозить девушку и дозваться до разума. — Мы много выпили, может...

Я, правда, одну рюмку, но говорить только про нее — означало обидеть.

— Я — трезвая, — посмотрев не совсем сфокусированным взглядом мне в глаза, вновь повела она меня за собой.

Знаю я таких трезвых, вон в интернете всего понаписано.

— Девушка, вам хоть есть восемнадцать? — Уточнил я, припомнив иные темы на форумах.

Лилия замерла, медленно повернулась и нежно провела ладонью по моему лицу.

— Ты такой милый.

Подхватила коньяк со стола другой рукой и вновь потащила в свою берлогу. Складывалось ощущение, будто меня снимают. Если бы не утреннее, может, я бы и снялся, в самом деле. Девушка незамужняя, приличная, а что смотрит порой высокомерно — так это мы знакомы не были.

«Но, как бы, этим утром я убил ящера в смертельной схватке. Я выжил и вернулся домой. Я, в конце концов, победил зам. шефа в ее собственном логове.» — Шаг невольно стал иным, более хищным и уверенным. — «И сейчас меня не снимают.»

Я резко шагнул вперед и подхватил Лилию на руки.

«Это я иду мстить!»

Что и продемонстрировал двуспальной кровати, мягкому ковру и внутреннему двору дома через плотную тюль.

— Утюг забыл выключить, — убрал я ее ногу с живота, споро надел свои треники с футболкой и протопал тапками к двери.

— Сергей, — остановил меня уже на пороге трезвый голос. — Надеюсь, понимаешь, что этому не будет продолжения?

С кровати смотрели весьма серьезно. Возвращения обратно явно ждать не будут.

Ну, это до того момента, как судьба не позовет в посольство Сирии.

— Спасибо, мне очень понравилось. — ответил я, и еле уклонился от запущенного в голову будильника.

Что-то еще звонко разбилось о закрытую дверь.

— С ящерицей было проще, — хмуро посмотрел я на номер сорок шесть и зашел к себе в сорок пятую.

«Ерунда какая-то» — Постучалась после контрастного душа одинокая мысль.

Я положил сложенные лодочкой руки на лицо и с силой провел сверху вниз.

«Не складывается. Весь день не складывается»

Ящерица — ладно, это вещь эволюционно понятная — либо ты, либо тебя. Но вот остальное... Не герой-любовник я, в самом деле — и именно это смутное ощущение несоответствия царапало душу.

Если припомнить, не было такого, чтобы Анна Михайловна смотрела на меня как-то иначе, чем на трудолюбивого юнита. Хорошо, вчера смутить я ее вполне мог, но вот выйти к ней нагим, да еще не получив сапогом по сокровенному — это уже вне системы. А уж то, что было потом... Можно списать на одиночество зам. шефа, на ее ощущение власти над подчиненным и прочую фрейдовщину...

Можно, в конце концов, потешить свое эго. Мол, неотразим, и то, что три месяца никого — это просто сам никого не искал. Но может, что-то изменилось во мне после перехода?

Оглядел себя в зеркало — мышцы очерчены гораздо сильнее, чем вчера. Жировую прослойку стресс (или камешек с ящера) выжиг начисто. Или все нормально, я все придумываю, и просто для Анны Михайловны — такие недо-отношения идеальный вариант? Времени на свидания у нее явно нет, а тут без отрыва от процесса, да еще номинальная власть... Но ведь риск для карьеры — нешуточный?

И как тогда с Лилией? Насколько мог видеть за два года проживания тут, в ее вкусе джентльмены в возрасте, со статными водителями и мускулистыми охранниками. Не слишком ли рискованная слабость провести вечер с соседом, о котором наверняка известно, что госслужащий низовой должности? Хотя, тут все нормально — завершение отношений

мне тут же обозначили. Но с чего тогда пал смертью храбрых будильник?

В общем, главная беда этого вечернего самокопания — весь этот успех, это я или это мне «досталось» с «Той Стороны»? И вот то, что уже две девушки из двух методично подчеркивают, что никакого продолжения не будет — это тоже я или ощущение чуждого от «камешка»? Какая-то комбинация, может...

В тяжких раздумьях, спросил совета у интернета, анонимно и без раскрытия подробностей, разумеется.

«Самка ориентируется на здоровье самца при выборе пары, заботясь о здоровье потомства. Но в наше время, не смотря на приоритет механизма эволюции, выбор дополняется критерием состоятельности партнера, его способности обеспечить семью и детей». Хм, логично.

Пробил сетевое имя эксперта через поисковик — Виталик, тринадцать лет. Ясно, понятно.

Хотя, может что-то разумное в этом есть. Здоровье после перехода так и пышет (главное, чтобы не радиацией), а состоятельность моя в глазах окружающих, как и перспективы — ниже плинтуса.

— А как же богатый внутренний мир? — Спросил я задумчиво, глядя на сложенные стопками пачки фунтов стерлингов в сейфе, замаскированном под старый шкаф.

Когда-нибудь накопится на квартиру, с видом на воду или лесной простор.

Хранить деньги в банке — дураков нет, не смотря на возможный процент со вклада. С прошлого года все счета видит налоговая в онлайн-режиме, так что ну его. НДСЛ сожрет гораздо больше, да еще штрафы эти... А что фунты — так после открытия порталов, курсы евро и доллара что-то уж откровенно шатает из стороны в сторону. Ну а на острове и порталов поменьше, и королева все еще — брэнд проверенный, надежный, беглых олигархов с их капиталами не выдающий.

— Может, метнуть десятку во внешний вид и машину? — Задумчиво постукал я пальцем по двери сейфа. — А ради чего?

Аккуратно закрыл дверь сейфа, укрыв декоративной заслонкой, и отправился спать. Думал, сон принесет покой и ясность, а этот день меня наконец-таки отпустит. Ошибся.

Вместе с темнотой комнаты, пришел страх и холод. В смутных тенях от отсвета ночной улицы, виделись камни на скальном полу комнаты-колодца. В шуме далеких машин, шарканье зеленых лап и скрежет копыя о камень.

Одеяло не давало тепла, тело трясло, кожа покрылась холодным потом.

Включил свет, чтобы кое-как прийти в порядок, но поднятые воспоминания не хотели уходить. Добрался до кухни, и с сожалением вспомнил, что коньяк унесла Лилия. А новый уже не продадут, двенадцатый час.

— Да какого черта, — злясь на себя и пытаясь победить дрожь, накинул куртку и вышел в коридор.

Звонок у девушки звучал пением птиц, длинным и передушенным пальцем на круглой кнопке звонка.

— Я же сказала, не возвращайся, — произнесли с той стороны двери. — Мы с тобой разного уровня, не понимаешь? Или мне полицию вызвать?

— К-коньяк в-верни, — подрагивая от мандража, произнес я.

С той стороны замолчали, и я вновь вдавил звонок.

Через некоторое время трезвона, дверь открылась с натянутой цепочкой, и мне

передали опустошенную на три четверти бутылку.

— С-спокойной ночи, — неловко перехватил я коньяк и ушел к себе.

Вкус коньяка не чувствовался, но объема хватило для сна без сновидений.

Только одна мысль билась на грани сонной хмари. Мысль, может, слишком пьяная, но очень уверенная.

«Я вернусь туда. Вернусь, чтобы победить и больше не бояться темноты.»

Но главное, я помнил ее, проснувшись следующим утром.

Благостное время — отгул в середине недели. Персональный праздник, радость которого ощущалась с самого раннего утра, стоило привычно открыть глаза в шесть двадцать. Тогда же и поздравил себя первый раз за день — сегодня никуда не надо, и на душе стало легко и спокойно. Разумно перестеленное до сна белье не помнило ночного страха и холодного пота, да и утренние лучи солнца, пробивающиеся над занавесками, намекали, что время снов — особенно таких реальных — навсегда прошло.

Я нежился на мягкой простыне, и с приятным ожиданием наблюдал, как часы на стене отсчитывают десяток минут. Вот они прошли, и будильник на телефоне громко пропел мелодией, по-особенному приятной в такой день. Потому что никуда не надо. Выключил музыку. Счастье побудило вытянуться во весь рост на постели, касаясь ногами прохлады бортика, а руками — стены. Благостно.

В итоге, все же решил не изменять распорядку дня, и совершил утренний круг почета по оставшимся комнатам. И уже потом, умытым и бодрым, вновь завалился в постель. Потому что могу себе это позволить.

Приятной песней тихо звучал лифт с лестничной площадки, забирая людей на их работы. Ворчливо звучали разбуженные автомобили, выбираясь из тесных ходов дворовой территории на дорогу. Кто-то костерил идиота, заблокировавшего выезд, а затем признавал в «дебиле и кретине» Самуила Александровича, и с великой радостью его приветствовал. Обычная суета, которая никак сегодня меня не коснется.

Короткий звук дверного звонка оборвал восхождение мыслей к вселенской гармонии.

«Семь часов, е-мое», — невольно прорвалось раздражение на глади умиротворенного спокойствия, но тут же было пресечено.

Еще с университета остался навык сохранить утреннюю эмоцию и пронести через весь день. Только тогда это была сонливость, позволяющая поспать где угодно и сколько угодно, вне зависимости от конфигурации парты и твердости коленок соседки. Но чтобы не растерять ощущение покоя и светлого счастья, тоже сойдет.

Достаточно обернуться в одеяло и пойти к двери так.

«Я един с одеялом, и одеяло вокруг меня»

Проверив диспозицию в глазок, чуть приоткрыл дверь.

— Привет, — провела Лилия рукой по волосам и, не глядя на меня, поправила краешек рукава джинсового костюма и смущенно ерзнула по полу знакомыми тапками. — Я... — затем запнулась и слегка отпрянула.

Потому что я высунул из приятного тепла одеяла руку, дотянулся до проводов, ведущих к звонку, и одним движением вырвал из крепления. Затем прикрыл дверь и меланхолично отнесся к мощному пинку и тихой матерщине по ту сторону. Нечего обижать дверку, у нее за слоем декоративной пленки железный лист.

В общем-то, правильно сделал — звонок легко чинится, а индивидуальные праздники тем и плохи, что остальные вечно хотят их испортить. Кстати — взял я трубку сотового и решительно перевел аппарат в режим «я на самолете». Затем подумал, и на всякий просто выключил сотовую связь, оставив интернет. Сообщения с мессенджеров пройдут, а по ним обычно самое важное. Ну и фотки захвата министерства армией ящеров так тоже удобней скидывать.

Поразмыслив о возможном прорыве в наш мир, переживать за это перестал. Потому что, как минимум, я далеко, и на меня это не повесить. Ну а то, что крутилось на серверах и ело государственное электричество, явно будет никому не интересно, когда пришельцы разожгут костры из мебели и вступят в неравный бой с системой пожаротушения. Она там с углекислотой и пеной, падающей с потолка под дикий рев сирены — так что зеленым только склониться перед мощью такого божества и ползти обратно, в свою темноту и сухость.

Хм... А и правда, холодные пещеры — это вообще нормально для земноводных? С другой стороны, палки в руках ящера прямо указывают на лес, а ткань не создашь в темноте переходов... Да и незачем первобытному племени рыть такие тоннели, украшая ритмичным узором. Это, разумеется, если мне не почудилось и узор был не отсветом факела в неровной структуре камня...

Ну а ночью серверная на сигнализации, так что первыми в бой вступят бойцы вневедомственной охраны филиала ФГКУ УВО МВД, и первобытная ярость, нагая и без документов, будет тут же пресечена яростью хорошо вооруженной и уполномоченной. И если они там еще сервера мои перестреляют в процессе, то я даже горевать не стану.

По уму, удалить бы все, что там у меня крутится, для успокоения совести. Но, с другой стороны, увидят обои поверх портала — все равно срок повесят. Так что пока не завалю проход там, на Той Стороне, и не подниму кирпичную стену на стороне этой, для резких и убыточных решений нет места. Хотя паниковать очень хочется. Успокаивает только баннер по пути к работе, на котором изображены двое в наручниках под грозный слоган: за убийство и взятку один срок! Вот только у нарисованного взяточника пачка купюр из кармана пиджака торчит, а у второго — даже рубашки нет. В общем, пусть себе копится копейка — не на обеспеченную старость, так хоть на адвоката.

Повалявшись на постели еще минут десять и осознав, что ощущение неги за такими мыслями исчезло начисто, со вздохом встал, поел и приступил к повестке дня.

Частная клиника отыскалась в юго-западной части города, а щебечущий голос девушки по контактному телефону заверил, что у них проводится самая полная диагностика за ваши деньги. Удовлетворенно согласился быть записанным, прослушал рекомендации, порядок подготовки к ряду процедур и, чуть поскучев, счел избыточными те их них, где в тело человека засовывают разного рода приборы.

— Такая услуга у нас тоже есть! — Радостно озвучили мне, возвращая успокоение растревоженной душе.

— Буду! — Категорично обещал я и принялся споро одеваться.

Выглаженная с вечера рубашка ощущалась приятно, а джинсам и положено быть слегка мятыми — довольно кивнул я виду в зеркале, поправляя светлый кардиган (это свитер, но только с пуговицами и на тысячу дороже).

Немного подумал, стоит ли брать с собой медкарту, но решил не давать платным докторам подсказок. А то перепишут старые диагнозы на новый лист, и привет. Квиток о флюорографии только захватил, положив в паспорт — мне и нынешней дозы радиации вполне достаточно. Еще неизвестно, сколько «Там» налипло... Хотя — посмотрел я внимательно на кровать и вчерашнюю футболку — вроде, волосы не выпадают. Кроме одного, длинного и чуть светлого, нашедшегося на трико — но этот трофейный, от Лилии.

Защелкнул на два замка дверь — хозяйские, надежды на них нет. Но внутри будет еще сейф, тяжелый и неудобный, вмурованный в шкаф, выдернуть который — заранее готовиться надо. А для наводок я повода не даю. Попросту — не выпендриваюсь и не сорю деньгами.

От случайных же воришек хватит и сейфа.

С удивлением отметил «бмв» Лилии на парковке, пересек разлившуюся по ночной оттепели в небольшой океан дорожную лужу, ловко отскочил от суетливой скорой, решившей, видимо, далеко не ездить за клиентом, и добрался-таки до остановки.

Клиника произвела впечатление самое благостное. Новое здание, вежливый персонал, новое оборудование с еще неснятой пленочкой поверх лейбла «Сименс». Да что оборудование — у них был аппарат для автоматического надевания бахил! Поставил ногу — а он вжик, вжик, и все в пленке.

В общем, добрался до главного врача под впечатлением. После всех исследований, разумеется, со всей деловой суетой отъезвших три с половиной часа времени.

Кабинет самого главного смотрелся богато — хоть сейчас министра за стол из массива дерева усаживай. Только снимки рентгеновские снять со световых досок на стенах и плакат с натурным изображением человека заменить картой региона. Ну и там, по мелочи — фото семьи врача заменить на свои, обувь сменную и что там еще наш министр менял, когда его назначили...

— Сергей Никитич? — Отвлек меня от изучения комнаты главврач.

— Да-да?

Повернулся я к солидному мужчине в годах, с проседью, мощными волосатыми руками хирурга и цепким взглядом военкома.

— Вы здоровы.

— Да? — Чуть обескураженно от найденного сходства произнес я.

— Но это же замечательно?

— То есть, да! — Отразил я оптимистичную улыбку.

— А вы были у психолога? — Усомнился он.

— Разумеется.

Был. Эффектная женщина в красных каблуках выпрашивала про детские комплексы и страхи. Намекала, что могу поплакаться, прижавшись щекой к ее роскошной груди, но я вспомнил только соседского гуся в деревне и смертельную вражду между нами. Увы, к груди не допустили. Зато дали телефон и настоятельно рекомендовали звонить, если понадобится срочная психологическая помощь.

Вообще, вещь полезная, если вспомнить, что было вчера. Задумчиво спросил про помощь с выездом на дом и ночью, но до того, как спохватиться и извиниться, получил согласие... Хм.

Визитку с телефоном положил рядом с рецептом от окулиста — там, правда, сто двадцать процентов зрения и межзрачковый интервал, но зато есть еще дополнительные одиннадцать цифр. Окулиста помню плохо — только вырез на груди в распахнутом на три пуговицы белом халатике, которым на меня наваливались при проверке, и приятный голос с хрипотцой: «Какое отличное зрение. Вы, наверное, летчик?»).

— Здоровье надо поддерживать, — между тем веско произнес врач. — Я выпишу вам иммуностимулирующие таблетки.

Мужчина взял листок и вдохновенно занес над ним острое позолоченного «Паркера».

— Не считите за бестактность. Вы не могли бы обозначить ваш уровень доходов, чтобы подобрать оптимальные медикаменты?

— Шесть тысяч. Рублей. — Добавил для ясности.

— А вы уже оплатили процедуры? — С сомнением протянул он.

— Конечно, — протянул я ему лист квитанции.

Листок был изучен краем глаза, но тщательно.

— В таком случае, могу рекомендовать, — черкнул он на бумажке и протянул ко мне вместе с выпиской. — Всего наилучшего!

— До свидания, — ответил я на крепкое рукопожатие и отправился на выход.

В коридоре глянул на записку — витаминки. Чудненко.

Но главное — я здоров! Я не фоню радиацией! Во мне не прорастает чужой!

— Вы позвоните мне? — Спросил меня внезапно возникший на пути взгляд фиалковых глаз.

Не узнал. Посмотрел чуть ниже, признал вырез на груди, и уверенно кивнул.

Провожали меня до крыльца, и все время, пока путь мой по парковке шел в направлении белого Мерседеса Джи-Эль-Эс. Но потом я вильнул к остановке, и спиной почувствовал, как позади грустно вздохнули.

Не буду звонить. Тут ждут принца на белом коне, и может быть даже дождутся.

Некоторая меланхоличность в настроениях привела меня в строительный магазин и оставила напротив стенда с большим перфоратором. А почему бы и нет? Ремонт проводки все равно надо делать, а до вечера еще половина дня.

Закупил медного кабеля, докупил прочей мелочи, взял в аренду перфоратор, строительные наушники, очки и направился домой.

Наверное, минут через десять после активного штробления бетонной стены, до ушей донесся странный ритмичный звук о железо. Источник располагался точно в направлении двери.

— Ты издеваешься, да?! — Стояла на лестничной клетке Лилия, удерживая в отведенной руке деревянную швабру.

На глазах ее злые слезы и обида, на плечах — домашний халат, а правая, ударная нога, в плотной перевязке медицинским бинтом. Стояла она на холодном бетоне коридора, без обуви.

— Нет, — обескураженно замотал я головой, но перфоратор от груди не убрал.

Мало ли, замахнется своей палкой, а я — «вжж» для остратки.

— Ты специально, да?! Сначала н-ногу мне, теперь и-издеваешься, — всхлипнула она, опустив руки.

— Не знал я, что ты дома! — Гаркнул, пресекая истерику. — Все, прекращаю сверлить.

Хлопнул дверью, с досадой обесточивая перфоратор и оглядывая начатый, но незавершенный разгром. Света в прихожей теперь нет, люстра снята, обои в кошмарном состоянии, а дело не сделано. Ладно хоть, до комнат не добрался.

В дверь вновь активно застучали. Но, можно сказать, чуть тактичнее, что ли — еле слышно.

Надо будет проводки в звонок обратно вставить.

— Да? — Устало спросил я, открыв дверь.

— У меня дверь от сквозняка захлопнулась, — ответила Лилия, не поднимая взгляд, и вновь всхлипнула.

Дела. Я посмотрел на массив ее железной двери и прорези хитрых итальянских замков. На такое даже специалиста вызывать нет смысла — проще моим же перфоратором по контуру вырезать.

— Есть у кого из родных ключ? — Почесал я затылок.

— Нет, — ответила она потерянно.

— И что делать? — Задал я риторический вопрос, но посмотрели на меня искренне и с надеждой.

Будто уже знаю ответ и уже бегу... А и знаю, в самом то деле. Только лезть на соседский балкон — то еще приключение.

— Окно на балконе открыто? — Спросил я без особой надежды.

Кто в такую погоду его откроет.

— Нет, — Смотрели на меня большие глаза.

И даже раненную ножку выставили чуть вперед, на жалость давя.

— Вот тапки, — снял я свои. — Надевай и иди в комнату греться. — Распахнул я дверь своей квартиры. — Сейчас через балкон к тебе схожу.

— Ой, а как? — Одарили меня взглядом восхищения и легкой тревоги.

Только как бы эта тревога была по опасению, что дверь не откроется в результате моего падения. Но это я уже ворчу про себя.

— Окно, возможно, придется разбить, — даже не спрашивая, можно ли, поставил ее перед фактом и засобирился изображать человека-паука.

Еще раз попросил остаться в комнате, но когда перебирался на ту сторону застекленного балкона, удерживаясь пальцами за край ограждения и щель в смежной бетонной плите, все равно заметил любопытствующую мордашку в проеме кухни.

Под ногами девятый этаж и что-то около двадцати семи метров свободного падения. Если из расчета девять целых восемь десятых метров ускорения, то секунды две. На молитву не хватит, но «Лиля, ять!» сказать успею.

Только страха нет. Смертельная опасность есть, а вот страха нет. Уверенность имеется, подтвержденная опытом и спокойным ощущением в мышцах, вполне обычно относящихся к тому, как на руку переносится масса тела, пока ноги и другая рука ищут точку опоры на соседнем балконе. У Лилии строители щели законопатили куда добротнее, но все-равно есть, за что зацепиться. Тем более, далеко нам не надо — достаточно выдавить рейку за окном, закрепленную в угоду площади стекла, но не надежности конструкции. А там придержать стеклышко от падения и уложить его вниз, забравшись внутрь следом. И уже потом, выпрямившись на территории чужой квартиры, выглянуть во двор, вздохнуть воздух полной грудью и выдохнуть:

— Я кому сказал, в комнате сидеть! — в адрес высунувшейся из моего балкона девушки.

Та мигом порскнула внутрь. А еще типа нога болит. Хотя, наверное, если по железу била — ушиб гарантирован. Если сложить похмелье после вчерашнего, становится понятно, почему не на работе. Может, и скорая была по ее ногу вызвана. Сама расскажет, если захочет.

Это все не сильно важно — рассуждал я, выдавливая балконную дверь внутрь комнаты, чтобы просунуть внутрь по-особенному изогнутую проволочку и подцепить дверную ручку. Важнее иное — вот этот страх высоты, падения, возможности сорваться и погибнуть — он ведь не снится мне ночами? Не заставляет лезть в бутылку коньяка? А чем он отличается от страха «Той Стороны»? Ответ ведь очевидный и простой, если убрать детали — я просто к балкону этого дома, да и любого другого, готов. У меня есть опыт, есть умение, есть подтвержденные силы, и я не боюсь ни спасти соседку от закрытой двери, ни прорываться в девичье общежитие, ни бежать по балконам от владельца парного кольца, которое случайная знакомая носила на левой руке, убеждая в искренности чувств и личной свободе.

Значит, чтобы вернуть себе сон и спокойствие, надо быть готовым к ящере «Той Стороны»? Сомнительная мысль.

Я подхватил связку ключей возле двери, открыл замок и постучался в свою дверь. Открыли почти сразу, благосклонно приняли ключи и одарили признательным поцелуем.

— Замерз, наверное, — смущенно пожалели меня. — Зайдешь на чай?

— Нет, — закрыл я свою дверь и направился к компьютеру, стараясь не отвлекаться и продолжить цепочку размышлений.

«Мне нужно быть уверенным в себе, когда я окажусь „Там“. Потому что я обязан закрыть проход. Я все равно там буду» — будто уговаривал я себя, стараясь вспомнить недавние страхи и думать, наконец, а не срываться на другие мысли, лишь бы не вспоминать ужас близкой смерти и собственную беспомощность.

Первый враг — холод. Тряпки, оставленные побежденным, можно будет намотать на ноги. Сколько-то секунд это даст. Второй враг — падение и подъем. Но в этот раз я буду очень осторожен, а схождение с карниза и восхождение обратно обеспечат трофейные копыя. Ящер... Если он там будет...

Кулаки сжались и беспомощно разжались обратно. Не бросаться же с голыми руками. А где можно научиться владеть копьем?

Единственное пришедшее на ум место, где дают такой навык, это школа ОМОНа. Не они больше по резиновым мечам, да и обучение там на несколько лет, плюс конкурс на место...

Курсы какие-нибудь, в интернете? Без особой надежды, открыл ютуб и вбил соответствующий запрос. И ахнул, на добрый час потеряв мир для себя.

Потому что там были не просто уроки и рекомендации — нет, намного лучше. Милосердный геотаргетинг вывел в десятку первых запросов то, что было прямо в моем городе.

«Клуб реконструкции „Щитом и мечом“: воспроизведение комплекса материальной и духовной культуры и военного дела... Приглашаем людей, увлекающихся эпохой... Желающих почувствовать себя настоящим викингем или рыцарем, научиться владеть клинковым и древковым видами оружия... Выезды на реконструкции, турниры и ролевые игры...». Адрес, адрес! Школа номер восемь, подвальное помещение. Да и ясно, что не замок средневековый, а то, что в школе — значит, люди приличные, аккредитованные и с прививками. Вон, даже сайт есть, на котором эти ролики подвешены... А на сайте еще видео — с мечами, копьями, против римлян, испанцев... Хм, против эльфов, гномов, орков и Сарумяна, да в полном доспехе и с дюралевым мечом. И даже телефон есть! Правда, сотовый, но какой в школьном подвале стационарный?

Воодушевленный, дозвонился, уважительно назвал руководителя полным именем и секунд десять доказывал, что не из банка, и я лояльно отношусь к его небольшим финансовым проблемам. Даже обещал с ними помочь, если меня к ним примут. В общем, договорились на сегодняшний вечер — будут знакомить, учить и, как понял, даже бесплатно. Оттого, наверное, финансовые проблемы. Но на это я точно денег выделю, главное чтобы в пару поставили орка позеленее — чтобы к цвету противника привыкнуть.

Ободренный, прибрался в квартире, принял душ и постучался к соседке.

— Да? — Смотрела на меня Лилия чуть настороженно.

— Чай разогреешь, хозяйка? — Замер я на пороге.

— Заходи, — вспыхнули улыбкой и пустили меня вовнутрь.

В общем, к реконструкторам я шел с небольшим флером от женских духов на футболке и железной уверенностью в своих силах сломать шею любой ящерице.

Подвал пах сыростью и пылью. Вернее сказать, школьное стрельбище, вытянутое на пятьдесят метров под низким бетонным потолком. Где-то впереди, в свете длинных ламп, угадывались пожелтевшие листки мишеней на испещрённом промахами железном щите, а вход от зала отделял огневой рубеж, набранный из наваленных друг на друга мешков до уровня груди.

— Вот, — жестом короля, представляющего свой дворец, провел рукой Михаил, руководитель клуба, указывая на доверенные ему просторы.

Я солидно покивал. Причем, без тени иронии — это ж каких трудов стоило отвоевать место под то, чтобы люди били друг друга деревянными мечами. А они били.

В середине зала, ближе к нам, азартно лупили друг друга по деревянным щитам два паренька лет четырнадцати, пытаясь достать друг друга массивными и явно тяжеловесными муляжами мечей.

Смотрелись противники весьма колоритно, прикрывая тело вытянутыми щитами с яркой гербовой раскраской — красной с белым у первого и бело-синим крестом у второго. Разгоряченные и чуть покрасневшие лица были не прикрыты, отражая полную сосредоточенность на схватке и отрешенность от мира, а черные футболки с «Айрон Мейден» против «Металлики» добавляли противостоянию особенный колорит.

— Не поубивают друг друга, нет? — Шепнул я стоящему рядом Михаилу, с некой опаской прислушиваясь к громким звукам дерева о крашеную фанеру.

— Наручи, поножи, — успокаивающим тоном ответил он, жестом обозначив места крепления на руках и ногах. — Мягкая подложка, сами делают.

— А если ремешок порвется? — Присмотрелся я к сражающимся и отметил металл оцинковки в положенных местах, через отверстия в которых проходили кожаные ремешки.

— Значит, плохо сделали, — мудро отозвался он. — По голове и ключицам бить нельзя, все нормально.

В этот момент поклонник «Металлики» всей массой пнул отходящего противника в щит и дотянулся-таки до неловко отставленной ноги противника.

— А... — несколько ошарашенно протянул я.

Там ведь реально — пинок такой, что аж гул пошел.

— Есть щит — можно бить по щиту, — невозмутимо поведал местный руководитель и несколькими громкими хлопками привлек внимание зала к себе. — Закончили! Егор, молодец. Саша, еще больше молодец, потому что удержал щит на достаточном расстоянии от подбородка. Не хотим рассечения — контролируем щит.

Поединчики с радостными физиономиями повернулись к нам. Ну, у одного явно был привкус горечи от поражения, но похвала изрядно ее приглушила. Из глубины зала раздались аплодисменты и веселый спор-предвкушение о том, кому выходить биться следующим.

Присмотрелся и обнаружил еще с десятков ребят, рассеявшихся на лавке вдоль стены с деревянными мечами в руках. Все — не более пятнадцати лет на вид, школьники. Чуть дальше проглядывали верстачные столы с установленными на них тисками, за которыми сидели еще трое ребят старших классов, на вид кряжистых и основательных, что-то невозмутимо крутивших через закрепленную заготовку. Но что школьники — оно и понятно, все же помещение школьное, а местная самодеятельность наверняка идет даже каким-

нибудь кружком. Но это не сильно важно, вопрос в другом...

— Сегодня у нас гость, — вновь хлопнув руками, обозначил Михал, мигом угомонив шум. — Возможно, даже наш будущий товарищ по клубу. Зовут Сергеем.

Я подтверждающе кивнул и обозначил приветственную улыбку.

Вопрос в том, смогу ли я получить тут хоть какие-то навыки. Все же, весовая категория и длина рук партнеров... Хотя, если заниматься с Михаилом... Но были ли же на видео и взрослые ребята?

— Прошу, — повел Михаил за собой, и мы вместе вышли за барьер стрельбища обнаружив еще одну скамейку, установленную сразу за мешками рубежа. — Знакомьтесь, наши прекрасные дамы. — Обозначил он поклон.

Со скамейки на нас смотрели пятеро дев в средневековых длинных платьях, вооруженных иголками с ниткой и пальцами. Из под рук их, укрытых тканью, явно намеревались выйти новые наряды, а довольно приличный на вид узор вызывал даже на первый взгляд уважение. Ну а в ответных взглядах были любопытство и статья, так что ну их.

— Вадим, наш менестрель, — представив барышень, указал Михаил на парня лет девятнадцати в самом углу, перебиравшего на гитаре «Ангельскую пыль».

Тот солидно качнул подбородком, громко перебрал струнами и вздохнул полной грудью, вслушиваясь в исчезающие звуки гитары.

Мне показалось, но болезненно поморщился Михаил и все до единого девы.

— О-о-о Элбере-е-ет Гилтониэ-эль!!! — С искренностью и напором мартовского кота выдал Вадим, замахиваясь на новый аккорд.

— Достаточно! — Тонем соседа, метнувшего тапок в темноту под балконом, прервал симфонию Михаил.

Вадим оскорбленно поджал губы.

— Просто, Сергей, может, предпочитает отыгрывать орков, а не эльфов, — вымученно улыбнулся руководитель.

— У меня есть орочья-боевая? — Просительно заглянул мне в глаза менестрель и с готовностью переставил руку на другой лад.

— Как-нибудь в другой раз, — примирительно поднял я ладони и улыбнулся.

— Ладно, — будто взял он с меня обещание и вновь отрешенно стал перебирать композицию «Арии».

— Отличный парень, но иногда увлекается, — извиняюще улыбнувшись, незаметно шепнул Михаил отводя в сторону ребят на скамейках. — Мы больше по истории, не по оркам и эльфам. Вот баллады в его исполнении — совсем другое дело! — Заверил он меня.

Но просить продемонстрировать отчего-то не стал.

— Вот, боевое крыло клуба, — указал он на вставших со скамьи и приосанившихся ребят. — Не смотрите на молодость, в средневековье это самый возраст становления воином.

В целом, ребята от романтично-вдохновенных эпохой, видящих себя через стекла очков в ней рыцарем, до бандитского вида парней, при виде которых хотелось перепрятать телефон. Сейчас, стоя напротив, в паре-тройке лиц вполне находил себе соперника как по росту, так и по длине рук. Поколение такое, быстрорастущее на хорошей еде и доступном интернете. Хотя возраст все еще ощущался школьным — по взгляду, по отсутствию морщин и мягкой поросли на щеках, сбривать которую пока не начали.

Пара колоритных восточных имен, сопровождаемых невозмутимым взглядом чуть

суженных глаз, два ярких южных имени и насмешка с вызовом в их взгляде, и с десятков обычных русских «Алексеев, Иванов, Романов, Евгениев, Егоров», глядящих каждый со своим оттенком, от настороженности до пренебрежения.

Обозначил себя и проверил твердость рукопожатия каждого парня — тут и вызов у иных прошел, а пренебрежение было стряхнуто украдкой вместе с болью в руке.

— Пока не все в сборе, старшее звено подойдет чуть позже. — Чуть извиняясь, завершил Михаил представление.

А оно ведь и верно — отлегло от сердца легкое сомнение в полезности визита. Для людей работающих семнадцать часов — это только завершение трудового дня. Еще час на переодевание и ужин, и можно будить в себе рыцаря, приезжая в клуб. К тому времени молодое поколение само по себе разбежится, и придет время стали, а не дерева. Или дюрали. Ну, я на это искренне надеюсь. Очень уж шкетов зашибить не хочется — это от ровесников родители синяки проигнорируют, а от взрослого дядьки — крестовый поход развернут.

— Наша гордость и мастера, — дошли мы с Михаилом до верстаков.

Из-за металлических столов невозмутимо посмотрели трое ребят с темными следами машинного масла на щеках. Первое впечатление о кряжистости еще более укрепилось — в плечах парням равных не было, хоть и рост слегка подкачал. А когда один из них, возвращаясь к работе, пальцами стал гнуть кольцо из стальной проволоки, то вообще... К слову, колечко было из кольчужного полотна длиной сантиметров в тридцать, выложенного на стол вдоль, а сами кольца срезались кусачками с навинченной на стальную заготовку плотной пружины. Такие же полотна, где-то больше, где-то меньше, обнаружили на других столах.

— Плетение один-в-четыре, кольчуга на заказ, — весомо постучал он пальцем по столу. — Двенадцать килограмм металла в готовом изделии, ручная работа. Красота будет, а не кольчуга!

Ребят, спохватившись, представили, на что они ответили неспешными кивками. Действительно, как взрослые мастера — и той детскости, что было у мечемашцев, ни на секунды. Если бороды добавить и колориту — гномы, один в один. Никакого другого мира не надо, другая вселенная — в школьном подвале.

— И дорого такая кольчуга обойдется? — Отойдя от стола, поинтересовался я.

— Тысяч в семь плюс материалы. Интересует?

— Скорее, да. — Подумав, решил.

Недорого же, а даже если не пригодится — то какой колорит на стену повесить.

— Вещь действительно шикарная. Можно еще усложнить плетение или сделать реплику с исторических хроник. Для любого турнира — загляденье! Правда, ухаживать придется, хранить в песке.

И да, тут не до стены и украшения, но отчего-то завладеть подобной красотой да за такую цену — стало оформленным желанием.

— Буду брать, самое наилучшее, — потянулся я за деньгами.

— Но это — для членов клуба. — Строго осадил он меня, а затем чуть мягче продолжил. — Вы должны понимать, качество — только для своих, и часть денег непременно идет на развитие. Мы — клуб. — Добавил он весомо.

Покивал, но красные «пятерки» уголком таки продемонстрировал, чуть вынув из кармана.

— Хотя формальность, в самом деле... А вот кстати, — слегка замялся он. — Что вас к нам привело?

Я слегка нервно повел рукой по рукаву рубашки. Как объяснить, что надо научиться убивать зеленых человекоподобных ящеров копьем? Да никак, наверное, без вызова скорой и санитаров...

— Понимаете, — стал я лихорадочно находить причину, — На одном из ваших видео в сети я заметил девушку.

— Ах! — вздохнули хором за спиной.

Я аж вздрогнул, отметив позади лавочку с барышнями. Сам не заметил, как подошли.

— Ту, что постарше. — Тут же уточнил я. — Самую старшую! Самую старшую их красивых! — Поспешил детализировать.

— Э-эх!

— Лет тридцати? Блондинка? — Поднял он бровь, будто припоминая.

— М-можно. То есть, да.

— Эльфийка?

— Точно. — Решительно кивнул.

— Элиниэль, наверное, — пожевал он губами и выдал с легким сомнением.

— Ничего не выйдет, — тут же заявил менестрель. — Лена на играх не пьет.

Игры, как я разобрался — это у них выезды на природу разного масштаба, от сотни до тысячи человек. Реконструкция сражений, Рим, Бородино. Хотя чаще — эльфы, орки, люди и офигевающие от происходящего грибники.

— Но храбрый и умелый воин наверняка сможет поразить ее сердце своей доблестью или же объявить своей дамой сердца, победив на турнире! — Агитировал Михали, гневно глянув в сторону Вадима.

— Ах!

— Или можно пробраться в их лагерь и взять эльфку в плен.

— В-вадим!!!

— Что? Я реалист! — Возмутился менестрель и вернулся к «Ангельской пыли».

— Брать в плен? — Не понял я.

— Там условное пленение. Забираете в свой лагерь, и девушка варит на ваш отряд, пока не освободят.

— Лену часто воруют, — поспешил отметить Вадим.

— Мы тоже хорошо готовим! — Заверил хор позади возмущенно.

— Рано вам еще в плен! — Гаркнул на них руководитель.

Я слегка ошарашено посмотрел на Михаила.

— Как видите, на играх у нас интересно, — скрепя зубами, подытожил он и тут же вновь хлопнул ладошами. — Внимание! Специально для нашего гостя, проводим большой турнир! Всем разобрать доспехи и личное оружие!

— Ур-ра!!!

— Располагайтесь, через десяток минут начнем, — кивнул он мне на лавочку.

— А вас Сергеем зовут, да? — Шепнули сбоку.

— Леди, разобрать кинжалы! Вы тоже участвуете!

— Эх! — К моему счастью, оставили меня одного на скамейке. Ну, почти.

— Вадим! — Окликнул его Михаил.

— Какую музыку предпочитаете для турнира, милорд?

— Бери меч и надевай доспех, ты тоже участвуешь!

— За что, милорд?!

В общем, за дальнейшим наблюдал в полном одиночестве и с нескрываемым интересом. Скрипела кожа, шуршала кольчуга, надеваемая поверх стеганок, позвякивала стальная кираса, надеваемая двумя ребятами на обреченно стоящего на месте Вадима. По лицу последнего виделось определенно — будут бить. Ну и леди, между прочим, тоже помогали надеть друг другу кожаные наручи и вооружались деревянными клинками, вполне деловито примеряя их по руке.

Слегка вздрогнул, когда рядом на скамейку приземлился неслышно подкравшийся детина с рыжей бородой и столь же шикарной шевелюрой.

— Матвей, — уцепил он пятерней мою и попытался легонько раздавить.

Колоритный мужчина лет двадцати пяти в синей джинсе и почти невесомых очках с тонкой линзой.

— Сергей, новенький, — ответил я ему, сжав ладонь до удовлетворенного хмыка.

— Я думал, родитель наших. Это хорошо, будем знакомы. Турнир, да?

— Ага. Вроде как, для меня. — повернулся я к залу, рассматривая последние приготовления и нечто, напоминающее жеребьевку.

— Оно и понятно, так определиться проще.

— С чем? — Заинтересовался я.

— Оружие, доспех, эпоха, наконец. Делать разумно что-то одно, учиться тоже. Опять же, дорого все, если качественно. Даже если самому делать.

— А вы что выбрали?

— Давай на «ты»? Топор, круглый щит, викинги.

Оно и понятно, при такой яркой фактуре. Но, по ощущениям, человек хороший. Есть такое первое впечатление, которому привык доверять. Я б с ним на штурм драккара пошел.

— Про копье думаю. — Честно обозначил свои чаяния.

— Не рекомендую, — с сомнением покачал он головой и тут же привстал, приветствуя двух вошедших и тихонько присаживающихся рядом соклубников.

— Олег, — пожал мне руку высокий темноволосый парень лет двадцати в кожаном поддоспешнике поверх футболки.

Во всяком случае, там, в зале, эту вещь называли поддоспешником, договариваясь одолжить друг у друга на бой. Доспех, особенно полный, был далеко не у всех — все же, даже кольчуга за семь тысяч для школьника приобретение неподъемное, а родители вряд ли поймут, что это «для того, чтобы не посекали мечом, ну пожалуйста».

— Семен, — мужчина лет тридцати на вид отличался шириной плеч, тяжестью кулаков и расстегнутой спортивной формой адидас, сквозь которую проглядывала русская узорная рубаха. — Остальные обещались через половину часа. — кивнул он на невысказанный вопрос Матвея.

Я вновь обозначил намерения вступить в клуб для новопришедших и вернулся к разговору.

— Почему копье — плохо?

Не то, чтобы у меня были иные варианты, просто знание недостатков — тоже необходимо.

— Одному копье — не вариант, — произнес он, чуть подумав. — Без строя, без прикрытия мечником, очень сложно удержать дистанцию.

— Если напрыгнут, на копьё не надейся, — прогудел Семен. — Только на короткий меч или кинжал рассчитывай, а для того свободная рука нужна. Вот ты и без профильного оружия, считай, остался.

— В лесу маневра с копьём нет, задавят к чаще и все, — кивнул Олег.

У меня переходы в пещерах, так что не сильно важно. И раз местные жители Там предпочитают именно его... Или просто не имеют альтернативы? Во всяком случае, я тоже в такой ситуации.

— Копьё — короткое. — Уточнил я.

— Насколько? Пилум? Дротик? Или вообще глефа?

Хотел было показать хотя бы примерно, но через какое-то время понял, что сам не могу точно вспомнить длину. Знаю, что втыкал его в стену, поднимался на него и свободно забирал с собой, раскачивая. Легко представлю, какое оно на ощупь, даже некоторые его неровности, навсегда запечатленные в памяти в момент гибельной атаки. Но так, чтобы сказать наверняка — сколько в нем локтей, два или три... Это действительно надо вернуться Туда. Хотя бы чтобы сделать идеальную копию здесь и учиться владеть полным аналогом.

— Где-то так, — все же попытался показать я где-то метр двадцать.

— Тогда совсем смысла нет. — Хмыкнул Матвей. — Бери двуруч и коли им, если хочется. Плюс две режущие кромки.

Если бы он там был, то само собой...

— Но ведь реконструкция... — Попытался придумать я себе повод, чтобы не свести рекомендации к какому-нибудь фламберг и настойчивым советам учиться им махать.

— Срубят тебе твое копьё, всех делов. Есть такие мастера, чужое оружие портить. — Насупился Матвей. — Или дернут хорошенько и по голове приложат. Или у кого-то руки длиннее окажутся, и он с мечом окажется даже на большей дистанции. Разве что метать, но тут, извини, каждый за честь наступить почитает. Такие «приветы» с воздуха по голове никому не нравятся.

— И все же... — Нахмурился я.

Был бы выбор... А вообще, еще один повод для беспокойства — руки у зеленых наверняка длиннее моих... И уж точно, не следует думать, что пользоваться своим оружием они не умеют.

— Дело твое, — развел он руками. — О, началось!

Скамейка слегка дернулась от синхронной смены точки внимания.

Ну а там, куда мы все смотрели, клуб уже успел выстроиться полукругом, демонстрируя яркие костюмы и воинственно отведенные клинки. Выглядело весьма впечатляюще, не смотря на видимое смешение эпох и стилей. Правда, жались позади несколько ребят без костюмов, выглядывая из-за плеч и с явной ревностью поглядывая на товарищей, наверняка обещая пошить и сделать себе костюмы не хуже. Но оно, наверное, самая лучшая мотивация и есть.

Руки невольно исполнили аплодисменты, к которым тут же присоединились соседи по лавке. Да и сами ребята тоже не отказались похлопать друг другу.

— Вниманию почтенной публики, — выступил вперед идальго с роскошным перо в широкой шляпе и коричневом костюме со шпагой на широкой перевязи через грудь, в котором я с удивлением опознал Михаила. — Представляется лучшее развлечение для честных и храбрых — большой турнир! Победителю достаются наручи производства Павла Жилкина!

Из-за дальнего верстака под общим вниманием степенно поднялся молодой мастер и коротко поклонился.

— О, я бы тоже поучаствовал, — тихонько хмыкнул Вадим.

— Победитель же среди прекрасных дам выберет того, кто будет сегодня подметать пол в зале.

В глазах девушек на секунду сверкнул ехидный огонь, а ребята зябко поежились.

— Победитель турнира не может быть выбран дамами, как и наши уважаемые зрители. — Завершил Михаил, быстренько организовал коллектив на лавке вдоль стены и выкликнул первую пару.

Вышло, я бы сказал, завлекательно. Настолько, что за яростью и напряжением схваток, гулом поддержки и разочарованными стонами болельщиков время не ощущалось вовсе, а к запомненным по приветствиям именам добавлялись яркие фрагменты боя, проявление характера и благородства, воли и умения поздравить победившего тебя. Некоторая неуклюжесть и несовершенство владения оружием даже недостатками назвать не поворачивался язык — это не кино, не сценарная постановка, а грубая сшибка, угловатая и эффективная, наполненная угрожающим ревом и желанием достать плоть соперника клинком. Пусть даже муляжи и дети, но боль от таких дубин — остается болью, мотивирующей на победу.

Изящество, впрочем, тоже было — у ребят постарше. Сила в руках и разученные движения кончиком деревянного меча под правильное движение ног довольно быстро выводили из боя тех, кто таким умением не владел. Но а если встречались равные по умению, то рано или поздно изящество все равно обрывалось в угоду грубому напору, способному либо продавить поставленную защиту противника, либо привести инициатора под клинок более сдержанного соперника.

И все это — в костюмах, наступить на шаркающие по бетону полы которых одобрялось, а зацепить за рукав и потянуть на себя не возбранялось. Наверное, местами нечестно, о чем горели лица проигравших. Но выговоры Михаила, шедшие фоном — о том, что нечего тут шить мантию мага — ставили все на места. Не по эпохе это — давать себя обездвижить собственной одеждой и дать заколоть. А тут, вроде как, реконструкция. По крайней мере, за тремя верстаками, мастера из-за которых так и не присоединились к турниру, именно она и была.

В итоге, первое место досталось Тимуру — одному из двух «восточных» ребят, ловчее всех владеющему деревянным клинком. Причем, без щита, что давало как маневр, так и изрядную уязвимость против дураком перевших соперников. Но отмахивался он знатно, это и соседи по лавке констатировали всякий раз с единодушно-гудящим одобрением.

Десятиминутка поединков барышень, демонстрировавших совсем не кухонное использование деревянных кинжалов, завершилась победой тихони, ловко пластавшей по наручам слишком близко протянутые к ней грабки. Тут, по всей видимости, старались не колоть, а наносить побольше ран, отскакивая всякий раз. Надеюсь, девам сие умение никогда не понадобится. Ну а подметать полы отправился «южный» товарищ, с ворчливой миной пошедший в отказ, но это до того, как вопрос поставили ребром — либо меч на полку, либо метлу в руки. Приговор не отменили даже после горячего обещания «никогда больше не обижать Женьку», зафиксированного клубом. Потому что нефиг было обижать до этого.

Ну а после демонстративного махания метлой, ребята довольно шустро разошлись,

оставив подвальное помещение слишком тихим и пустым. Мы, уже в восьмом — вместе с подошедшими в процессе турнира — и сам Михаил, на такой объем отчего-то не смотрелись. Пустынно, разве что поскрипывали доспехи на задремавшем в уголке менестреле-Вадиме, нашедшим убежище от поединков за пыльным покрывалом. Спать в таком шуме — наверняка столь же редкий талант, как искусство музыки.

Приготовился было смотреть за ратной битвой старшего звена, но те шустро организовали себе стол из поставленных рядом лавок и расстелили распечатку гигантского чертежа доспеха, склеенного из листов А3 — добыча кого-то из тех, кто явился последним. В общем, тут даже Михаил настолько заинтересовался, что позабыл про меня, а я, оглядев конструкцию и осознав, что тут у них надолго, поспешил вежливо откланяться.

— Завтра буду, — заверил я вышедшему проводить меня руководителю клуба. — Понравилось. Впечатлен.

Обозначил я оптом ответы на невысказанные вопросы и вызвал довольную улыбку с каплей смущения.

— Да, и еще, — остановил я готовую сорваться фразу с его уст, предсказуемую и довершающую приятное знакомство. — В первую очередь, весьма интересуюсь боевой частью. Древковое оружие. Можно ли оплатить индивидуальные занятия?

— Копье, пилум, острога? — Удивился, но не подал виду Михаил.

— Пятьсот рублей в час.

— Вообще без проблем, — категорично кивнул он.

Вот. К ящерам зеленым эти детали, эпохи и советы. Главное, выучиться до ощущения «могу», выйти Туда и завалить уже этот проход.

— Думаю, не за неделю, но за месяц до следующих игр мы с вами определенно достигнем немалых успехов! — Не замечал Михаил, как уже половину минуты пожимает мне руку.

Вложил в его ладонь две пятерки, обрывая затянувшееся рукопожатие.

— Аванс. — Обозначил я.

— Три недели! — Оторвав взгляд от купюр, поднял он глаза на меня. — Мастером не сделаю, но Лену в плен уведете уверенно!

В общем, договорились на пару часов ежедневно и интенсив на все выходные.

Если подытожить, продуктивно прошел день. За что и похвалил себя сытным ужином в кафе и с удовольствием вернулся к себе в квартиру. Шел, между тем, десятый час, и даже на компьютер смотрелось без вдохновения, как на обязанность проверить, что там с миром. Новостные источники подтвердили — нормально все, даже министерство мое пока на месте. А ну и ладно, в самом деле. Могут же все один день без меня прожить?

Выключил технику, забрался под душ и приготовился моргнуть до утра. Не тут то было.

Шорохи, гул автомашин, собирающиеся в давящий на уши далекий звук движения лап в каменном лабиринте. Холод от набежавшего в окно ветра, будто не удержанного двойным стеклом, а выплеснутого прямо под одеяло. Словно я все еще там, на угловатых камнях в пещере-колодце, и вот уже постель колет острым камнем. Страх и дрожь до перестука зубов, от которых, устав бороться с собой, я рывком сел на кровати и включил настенную лампу. Двенадцатый час. Коньяка нет. Да и не дело это — сопьюсь. Так нельзя.

Обтер до красного цвета тело махровым одеялом, возвращая тепло. Залил в себя большую кружку горячего чая, ошпаривая язык. Вернулся в комнату и с тоской посмотрел на кровать. Оставить свет включенным? А поможет?

Звонок у соседки звучал секунд шесть, пока с той стороны глазка не мелькнул свет включенной в прихожей люстры.

— Сережа? — Удивленно посмотрело на меня заспанное лицо Лилии.

— Привет, — постарался искренне улыбнуться я, не давая недавнему страху скрутить мышцы на скулах. — Повязку поменяем? — кивнул я на ее ногу.

Пока она осознавала неожиданное для ночи предложение, просто вошел вперед, вслед за невольной отшагнувшей девушкой.

Где бинты и мазь я помнил по прошлому визиту, так что тщательно вымыл руки под горячей водой, окончательно успокаиваясь. Затем усадил Лилию на кровать, снял старую повязку, вымыл ее ножку в набранном теплой водой тазике, нанес новый слой мази и аккуратно наложил новый бинт. Затем приподнял на руках и осторожно уложил на постель, прикрыв одеялом. Вылил воду, вымыл руки, погасил свет и лег рядом, прижавшись к спине девушки, накрыв нас одеялом.

— А? — Ворохнувшись, провела она ладонью по моему бедру.

— Спи-спи, — успокаивающе шепнул я, забирая ее руку своей и нежно обнимая.

На этот раз сон пришел быстро и был он без кошмаров, настоящих или мнимых.

Потому что Там, в пещере, не было ее. А здесь она — есть. Значит, я не Там, и моим страхам тут тоже не место.

Утро следующего дня выглядело осколком чужой жизни, вклеенной в привычное течение бытия. Пробуждение в чужой постели, завтрак на двоих и серость разгромленной перфоратором прихожей собственной квартиры, холодной и непривычно чужой, будто осколок Той стороны уже стал ее частью. Вместо неспешной прогулки на работу — мягкое кресло Лилиной машины, которой «все равно по пути», а значит вместо двадцати минут до рабочего времени по прибытию, за которые обычно читались новости, стало целых тридцать пять, которые следовало чем-то занять. Например, почитать про копейный бой. Станный интерес, немислимый еще на прошлой неделе.

«Держать левой рукой за середину, упереть в ладонь правой руки конец копья, целя острием сверху вниз». А дальше — практика, осваивать которую в одиночестве нет смысла. Да и стоит ли все это смотреть, если этим же вечером будет наставник? Говорят, иногда самостоятельное обучение только портит, балуя сомнением и мыслью «я знаю больше». Или просто лень проскакивает? Для профилактики, размялся и отжался, компенсируя утреннее небрежение здоровьем.

И, пока волна адреналина поддерживала боевой настрой и высокое сердцебиение, пробежался по лестнице до помещения серверной. Усилием воли отбросил сомнение перед закрытой дверью, отозвавшееся неприятным ощущением в животе, и нырнул внутрь.

Семнадцать градусов, шорох вентиляторов, искусственный свет и широкое темное пятно от влажности на частично отошедших обоях у стены, где был портал.

— Надо будет шкаф собрать в этом месте, — досадливо цокнув, отодвинул ленту обоев пальцем и взгляделся в серебристое мерцание портала.

Немного наивно было полагать, что такая маскировка сработает, но в тот момент решения принимались порывами. Так бы, может, сразу догадался, что обоям не удержаться на пустоте, да еще в месте, где идет активный теплообмен между двумя мирами. Интересно, а если бы Там была ледяная пустыня, насколько похолодало бы в нашем мире?

Пока мозг отвлекался левыми мыслями, шустро разделся и подошел к порталу, чуть ежась от холода. Не хочется, но надо. Хотя бы на минуту, замерить копьё прадедовским способом — сравнив с ладонью, локтем, пальцем. Жаль, что огня для факела не раздобыть, чтобы осмотреться и сравнить увиденное с теми образами, что остались после нечаянного падения.

Замер у самой грани и, памятуя о «ступеньке» в уровнях, о которую спотыкнулся в прошлый раз, вознамерился было прокрасться туда пятой точкой, опираясь на руки с коленями и прощупывая путь кончиками пальцев ног, будто входя в воду. Но потом представил, как мое появление будет смотреться на Той стороне (вот ящеры удивятся), и вошел лицом вперед.

Тут было еще больше холода, в том числе от камня под ногами, а о провале передо мной можно было догадываться по особо глубокой тьме впереди и ноющему ощущению где-то в районе лопаток, будто предчувствующему близкую опасность. В серебристой дымке портала таяли все цвета, кроме серого и черного. Да и освещалось им всего ничего — часть борта над бездной и стены по контуру. Но благодаря этому хоть копьё и факел не столкнул вниз лишним движением, а смог наконец-таки выполнить требуемые замеры и даже внимательно рассмотреть. Слегка разные по длине, неказистые, будто молодое деревце лишили коры,

сломали пополам и обожгли с одного конца на костре. Длина — примерно от кончиков пальцев левой руки до локтя правой, различие на фалангу мизинца. Толщина — в подушечку большого пальца. Примитив, к которому никак не получалось относиться с пренебрежением, глядя в свете портала на черноватые разводы от крови на дереве. Тот ящер, как виделось сейчас, не пропал совсем — его кровь осталась на острие и наверняка лежала каплями где-то на камнях, внизу.

Невольно напрягся, с тревогой смотря туда, где должен быть лаз из колодца в каменные коридоры, но взгляд не заметил движения, а слух доносил лишь еле слышный шелест от портала — тот переваривал наш мир, не давая воздуху из него отравить этот... Или наоборот?

Интересно, а почему не забирает воздух в легких? Ведь при переходе нет чувства, будто задыхаешься, разве что ноет живот и ощущение холода под ногтями... Для опыта, и уже окончательно замерзнув, оттого желая вернуться, глубоко вздохнул и тут же перевалился через портал, на теплый линолеум, под электрический свет привычного мира.

Там и выдохнул себе на руку, пытаясь осознать, как получить выгоду от того, что дыхание — куда холоднее кондиционированного воздуха...

Набирать пропана в легкие, высечь искру и зажечь факел? Я так те самые легкие и спалю, вместе с горлом. Не то...

Быть может, для внутренних органов человека дана легкая поблажка? Но не щадит же портал пломбы и импланты? С другой стороны, есть ведь кислород и в крови — без которого нам точно не жить.

Оделся, выкрутил кондиционер до двадцати двух и принялся махами приводить тело в порядок. Согревшись и отметив десяток минут в запасе на часах, решился на новый опыт — набрал теплого воздуха, досчитал до шестидесяти, одновременно раздеваясь, и прокрался на Ту сторону. Выдохнул немного на ладонь, с удовлетворением отметив перенесенное с собой тепло. Затем задержал дыхание еще на десяток секунд, и чуть не свалился в темноту от ощущения дикой слабости вместе с темнотой перед глазами. Тяжесть удушья и резкий лающий кашель, спасение от которого втекло ледяным воздухом в легкие, тревожной аритмией ударившей в сердце.

— Нет-нет, у меня еще планы на вечер, — пробормотал я непослушными губами, забираясь обратно в свой мир. — Сегодня помирать нельзя.

Уже там, отдышавшись и отогревшись, с тревогой прислушиваясь к нормальному вроде как сердцебиению, смог сформулировать вывод.

— Нафиг такие эксперименты.

Голова гудела, пульс ощущался вялым, а резкая попытка встать качнула тело в сторону. Одеваться пришлось на полу, ноги попросту не держали.

Потихоньку, по стеночке, удалось подняться и закрыть кабинет. Чуть легче стало только в коридоре, в процессе восхождения очередного пролета лестницы, по-стариковски держась за перила. Надо было успеть до начала рабочего дня, потому что оправдываться за опоздание в таком состоянии я точно не смогу. Мимо поспешали коллеги из других отделов, но кому сейчас какое дело до других? А может, оно и к счастью. Еще скорой с расспросами не хватало.

Возле входа в кабинет окончательно отпустило, оставив некоторую звенящую слабость в голове. В очередной раз поклявшись не проводить опыты на себе, изобразил деловитый вид и втек в помещение. Поздоровался с простуженным на вид, но бодрым шефом, что-то

активно печатающим на принтере. Тайком обозначил улыбку Анне Михайловне и победным выдохом отметил прибытие на собственное рабочее место.

Уже автоматически проверил обновления программного обеспечения, что-то поставил на закачку, получил первые письма по внутренней почте от тех, кто пришел пораньше и первыми успел все сломать, разметил примерный план движения по этажам, когда почувствовал некую несообразность в атмосфере нашего кабинета. И нет, это не эффект от Той стороны, не излишняя резкость в цветах кабинета, бывшая по мозгам от слабости, даже не внимание ко мне лично. Это было ясно уловимое напряжение во взглядах меж светлого начальства, заметить которое следовало было сразу.

Никаких молний и громких хлопаний папками по столам, полное молчание. Просто простуженный шеф смотрит с необъяснимым довольством на стол зама, параллельно что-то печатая на принтере. Не всегда, правда — иногда хмурится, глядя на распечатки, явно видя ошибки и тут же их исправляя звучным набором по клавиатуре, но вот черновики с ошибкой почему-то не попадают в корзину, а в портфель Эдуарда Михайловича... Ну а замшефа принимает такое улыбчивое внимание со вполне понятной тревогой, явно подумывая попросту встать и подойти к начальственному столу, чтобы хоть краем глаза уловить текст... Однако дистанция меж ними такая, что выйдет смешно и неэффективно — тот попросту прикроет распечатку чистым листом.

— Эдуард Семенович, а что вы печатаете? — К моему удивлению, спросила она, изобразив лукавую улыбку и слегка навалившись на стол, дабы получше продемонстрировать формы в разрезе пиджака.

Я, было, возмущился в глубине души таким поведением, но после припомнил собственное пробуждение и лихим взаимозачетом обнулил претензии сторон друг к другу. Да и не серьезно все, что тут, что там, в самом-то деле... Уже, можно сказать, расстались в первый же день.

— Скоро узнаете, — сытым львом буквально пропел шеф, критически взглянул на листки, звучно щелкнул по ним дыроколом, вплеп в красивую папку и отбыл из кабинета.

Тут же появился вновь, чтобы прихватить оставленный портфель, заодно слабой улыбкой отметив, как Анна Михайловна изображает, что не вставала с места, а попросту поправляла юбку.

Дверь закрылась, и наступили десять секунд напряженной тишины. Затем, воровато оглянувшись на дверь, замшефа рванула к компьютеру начальника — чтобы с досадой констатировать защиту по паролю.

— Сережа, что происходит? — Обратилась она ко мне.

— Понятия не имею, — честно ответил, разведя руками.

Затем обозначил текущие проблемы ведомства, получил механический кивок-разрешение удалиться и напоследок чмокнул ее в щечку — а та даже не сдвинулась с места, напряженно изучая принтер шефа. Можно, наверное, попытаться выудить файл из памяти устройства и распечатать вновь, но я в эти игры совершенно лезть не собираюсь.

Пока разбирался с масштабными проблемами, вызванными деструктивным поведением тех, кому нужна была свободная розетка (а компьютер мешал), думал. Думал не про виновников критической ошибки виндовс, не про методику восстановления — тут только делать на уровне рефлексов. Да даже не про шефа и готовящейся им пакости (а с таким видом вряд ли это что-то иное).

Можно сказать, думал о возвышенном — о газообмене двух миров. Влияние Той

стороны, евшее градусы в серверной, никуда не делось. Значит, воздух утекает туда. Но тяги воздуха на границе портала и ощущение сквозняка при открытии двери в серверную нет. Значит, атмосферное давление двух миров примерно одинаковое. И воздух оттуда прибывает к нам так же, как и от нас — к ним. Ненадолго — несколько секунд, и он исчезнет. Только шелест съедаемой атмосферы у нас не слышен из-за гула вентиляторов.

Значит ли это, что рано или поздно атмосфера двух планет самоуничтожится, просочившись через порталы-щели? Вряд ли. Ведь мои легкие не вдавило и не порвало от того, что вместо воздуха стало «ничто». Скорее, вместо него образовалось что-то другое. Та самая невесомая пыль, в которую превращаются вещи, для дыхания непригодное, но все-же существующее... Отчего-то встает перед глазами Марс и немой вопрос — а может, там тоже в свое время открылись порталы, высушившие два мира.

Хотя нет, ерунда. Планета — она справится. Вон сколько воздуха сжигают, и ничего. Технология, химия, пожары, активные вулканы, озоновые дыры и далее по списку. Во всяком случае, пожелаем ей удачи.

Ну а мне — тоже не мешает от нее кусочек. Потому что кое-какая идея все-таки пришла под конец рабочей суеты.

«Огнеопасно!» — грозила надпись на баллончике с газовой смесью ароматизатора, приобретенной в обед. Пшикнул пару раз, принюхиваясь и с удовольствием отмечая резкий и характерный запах «Сирени».

Теперь лишь бы получилось...

Как на зло, в серверную удалось попасть только под конец рабочего дня — зам. шефа окончательно растеряла всякие нервы и ультимативно потребовала взломать компьютер Эдуарда Семеновича. Тот, вроде как, выехал в город, но гарантий у меня не было, оттого совершать уголовно наказуемое деяние совершенно не хотелось.

— Беру всю ответственность на себя, — тряхнула челкой Анна Михайловна, глядя опасным взглядом, в котором кипели нервы, страх и желание действия.

Такое себе обещание, которое забрать обратно легче легкого.

— Или ты с ним заодно? — Посмотрела она, чуть наклонив голову.

От такого стало вовсе неуютно. Не знаю, что там на нее могло быть такое, раз она настолько переживает, но изобразить активную деятельность стоит.

— Конечно нет, любимая! — Заверил я ее и отряхнув руки жестом пианиста, собрался было сесть за чужой компьютер.

Задержался, достал телефон, сфоткал положение документов на столе и положение курсора мышки. Потом еще отпечатки сотру. Мало ли.

В общем, подошла стандартная учетная запись администратора, используемая в образе при установке системы еще производителем.

— Отойди, — тут же попросили меня в сторону.

— Я в серверную, хорошо? — Незаметно протер я отпечатки на мышке краем рукава.

— Хорошо.

Потому что лесом эти тайны. Мне вон своей достаточно, даже выше крыши.

Подхватив баллончик с аэрозолем, отправился экспериментировать. Да, зарекался еще утром, но ведь не над собой...

Конструкция, объединявшая ароматизатор, колпачок ручки и немного синего скотча, чтобы вжать колпачок в кнопку распылителя и зафиксировать ее в таком виде, была проверена в рекордные десять минут и установлена напротив портала. Там же стоял и я,

слегка коченя от холода, но полный решимости проверить теорию. Ну а серверная заполнялась ароматом сирени...

И если я прав — шагнул я туда на корточках — то запах будет и Там... У самой границы портала, пока работает баллончик, и на короткое время — чуть дальше.

Вокруг вновь была тьма, ноги кусал ледяной камень, а разум боялся торжествовать, опасаясь, что этот запах — он пока еще с кожи, а не проходит из нашего мира в этот... Но прошло еще шестьдесят секунд, отсчитываемых мной со значительным интервалом, но аромат никуда не уходил, наполняя недружелюбный мир атмосферой цветов...

— Йес! — Позволил я себе тихое ликование, простуженно шмыгнул и выбрался обратно.

Для следующего шага понадобилось отключить пожарную сигнализацию — да и про ту я вспомнил не сразу, уже под самое начало нового эксперимента.

Охнув, оделся и сбегал в коридор, перекинул тумблер и столь же стремительно вернулся обратно.

Главное, чтобы баллончик не рванул в руке. И портал.

— Не должно, — хмыкнул я.

И уже потом приблизил огонь зажигалки к концу струи аэрозоля, отведенной в сторону, тут же окунув огненную струю в портал туда, где приблизительно лежал прислоненный поближе факел, замотанный отрезом ткани. Опасно, рискованно и крайне не рекомендуется к повторению.

Держал секунд тридцать, для верности. Но там, на Той стороне, во тьме чужого мира, не тлели крошечные огоньки обвязки, и сам факел оставался столь же холодным, как пространство вокруг. Разве что аромат сирени, все еще дающий надежду принести в этот мир огонь нашего мира. А человек с копьем и огнем — это уже серьезно.

Главное придумать, как этот газ Там безопасно поджечь. И, желательно, не соударением камень о камень, так и в лицо струю пламени получить недолго.

Со спокойной душой утилизировал через портал обрывки обоев, баллончик и другие составляющие эксперимента. Если делать конструкцию, то нечто понадежней освежителя воздуха, перемотанного скотчем. Ну, и главное, сервера и самого себя бы в процессе не спалить, но на это у нас есть техническое образование.

А до того следует закрыть портал, как и планировалось — шкафом. Вещь дефицитная в нашем учреждении, но вопрос решаемый. За половину часа обошел все кабинеты, приметив два из них, где шкаф казался лишним. Обрадовал народонаселение в них тем, что им дарят МФУ и для него нужно место. Например, вот здесь, где стоит шкаф. Нет, его нельзя передвинуть, это же МФУ! В общем, покивал там, где сильно ругались и категорически отказывались отдавать шкаф и остановился на отделе, где старый массивный предмет мебели защищали вяло, явно смирившись с произволом высокого начальства. Тем более, не было начальника отдела, что грудью бы встал на защиту родного имущества, как в предыдущем кабинете. Осталось только достать МФУ — вернее, решить, где его будет безопасней спереть.

Подумав и походя по отделам, решил пока просто забрать шкаф.

В серверной он смотрелся слегка дико, но потом я переложил на него коробки из углов, и гармония в помещении вновь восстановилась. Даже залюбовался на секундочку — никакой свалки по углам, все по полкам.

— Сережа? — Шагнула в серверную Анна Михайловна, заставив немного вздрогнуть.

Блин, опять на ключ закрыть забыл. А если бы часом раньше?! Хотя нет, часом раньше я закрывался, это сейчас сигнализацию пожарную обратно втыкал — успокоил я легкую панику и оправдался сам перед собой.

— Да, дорогая? — Повернулся я к замшефа, заложив руки за спину.

— Я была немного не сдержана, — чуть мурлыкая виноватыми нотами, подошла она и положила ладонь на грудь.

Хотел было спросить, что там замыслил наш общий босс, но вовремя выкинул к демонам лишнее любопытство.

— И хотела бы извиниться, — совсем по-кошачьи провела она пальцами по рубашке и выразительно подняла взгляд.

Извинения принимались минут двадцать, потому как и обида была не сильно велика. Заодно проверил на устойчивость установленный шкаф — уровень выставлен верно, почти не качается при динамической нагрузке с центром приложения на уровне пояса. В общем, Анна Михайловна ушла умиротворенной от взаимного понимания, да и у меня на душе было светло и благостно — портал от чужого взгляда был надежно закрыт.

Разве что царапало душу образом Лилии, но ведь что тут, что там — просто страница, которую перелистнут и забудут. Время роковых влюбленностей прошло давным-давно — еще в детском садике, когда красавица-Катя передарила мою лопаточку Димке. Блин, вот что надо было вспоминать у психолога...

Рабочий день, как оказалось, уже час, как был закончен. Добрался до кабинета, уважительно кивнул через окно отъезжающему на своей машине министру и, охнув, засобиравшись на тренировку. Совсем из головы вылетело. Созвонился с Михаилом, сослался на пробки и вызвал такси.

В общем, не сильно и опоздал. Даже минут пять пришлось посидеть в уголке, пока Михаил организовывал самостоятельную работу клуба.

— Ну что, начнем? — Похлопал он ладонями и указал в сторону стены, где сиротливо стояло нечто, смахивающее на утолщенный черенок от лопаты.

Взвесил — здоровенное, перетяжеленное, но жаловаться на массу не стал. Наверное, так нужно — чтобы тяжело в учении, легко в бою. Разве что по моей просьбе бревнышко обрезали, ориентируясь на длину копья «Там».

— А зачем? — Уточнил Михали.

— Хочу, — кратко ответил я ему, и удостоился пожатия плечами.

Клиент платит, ага.

— Держим левой ладонью за середину, упираем в правую ладонь, вот так. Сверху вниз смотрит острие...

Хм, что-то знакомое слышится. Но подозрения не оправдались — дальше пошло веселее. Вернее, как сказать — поставили напротив стены с размеченными краской частыми отметками и крупными цифрами рядом, ну а Михаил диктовал последовательность цифр, стоя поначалу — и явно для солидности — с секундомером. Прوماх обнулял весь результат, и веселье с утяжеленной палкой шло заново. Что характерно, цифры не стояли по порядку. Были они двузначными, и большей их части из интервала от десяти до девяноста девяти просто не было — но это скорее, чтобы окончательно запутать.

Надо сказать, попадал я не сразу и не всегда, потому как точность означала время для прицеливания, а секундомер бесил тихим звуком отсчитываемых секунд. Минут через пятнадцать навалилось тихое раздражение и желание уйти. Еще через десяток, мысль — что

это все здорово, но блин почему бы не нарисовать отметки у себя на стене дома, а не платить по пятьсот рублей в час.

И вообще, это весло, мало смахивающее на копье, изрядно оттягивало руку, а перерыва на отдых что-то не предвиделось. И как на зло — стоило отбить правильную комбинацию цифр, как она немедленно менялась.

— Очень хорошо, — через час хмыкнул Михаил.

— Да?! — Недобро рыкнул я.

— Вадим, подойди, — окликнул он бессменного менестреля из зала.

— Да, милорд? — С опаской приблизился он.

— Встань сюда, — показал он на отметки.

— Может, не надо? — Перевел Вадим взгляд с отметок, украшенных следами от моего копья.

— Да просто встань, не будут тебя бить, пока что, — цыкнул на него Михаил. — Вот, смотрите, — обратился он ко мне, показывая на Вадима.

Я оперся на свою копьелопату и устало выдохнул.

— Комбинация один — это обманные по плечевому поясу и потом по ногам. — Показал он на Вадиме, а затем рукой оттянул его в сторону и показал на отметки.

— Хм, — заинтересовался я.

— Комбинация два — это удары по низу щита и затем в шею. Комбинация три — ноги с переводом на верхний плечевой пояс. — Указывал Михаил на Вадиме способы умерщвления противника, отчего тот слегка бледнел. — А вот это то же самое, что первая, но с учетом смещения противника вправо-назад

— Понятно, — с куда большим пониманием кивнул ему. — Спасибо. Сказали бы раньше, — позволил я себе легкое ворчание.

— Надо доверять учителю! — Важно приподнял он палец. — Даже если порученное на первый взгляд кажется странным.

— Но не слишком странным, — вставил еле слышно Вадим, но тут же замолк под гневным взглядом руководителя.

Это мы, разумеется, учтем. Но пока все нормально.

— Приношу извинения, — вздохнул и вновь поднял перетяженное копье. — Продолжим?

— Разумеется, — ответил Михаил и отправил Вадима музицировать обратно.

Затем невозмутимо прицепил к кончику копья скотчем маркер и поставил напротив чистой стены, разлинованной по горизонтали белой краской с интервалом в пять сантиметров меж линий.

— Пишите свое имя между строк, — невозмутимо щелкнул он таймером.

Таких успехов в чистописании я не достигал и в первом классе. В смысле, реально — не достигал, и вместо «Сергей» выходило что угодно, от кляксы-имени демона нижнего мира до призыва о помощи на неизвестном языке (судя по судорожным линиям). Но тут вместо злости накатывало смущение и даже немного отчаяние, когда от торопливости маркер просто вылетал из крепления скотча. А еще эта дрожь в руках от усталости...

— Мелкая моторика очень важна! — Цокнул Михаил. — Отвести оружие противника! Попасть в сочленение доспеха! — Но все-таки смилостивился и поставил рисовать «восьмерки» и горизонтальные символы бесконечности.

Выходило столь же скверно, но хотя бы ловился ритм написания.

Под конец второго часа реально ломило в запястьях, а гладкая поверхность копья каким-то образом успела натереть небольшие мозоли. Обратил на это внимание тренера и получил тридцать отжиманий для профилактики ломоты, полсотни отжиманий, чтобы расслабиться, «планку» на две минуты и решил от греха больше не жаловаться.

Третий час правильно поднимал с земли копье, делал замах то правой, то левой рукой и возвращал копье на землю. Так спина не гудела даже на майских двухлетней давности, когда вдруг выяснилось, что у тогдашней пассии к фазенде и шашлыкам прилагалось сорок соток земли, которую следовало засеять картошкой в знак искренности чувств. Чувства были искренними, но уже к трети поля далеки от высоких.

— Нормально все? — Посмотрел на меня обеспокоенный взгляд Михаила сверху.

— Я н-немного полежу, х-хорошо? — Просипел я с пола, лежа рядом с копьем.

Это уже после того, как самое первое упражнение с отметками-цифрами решено было повторить в полном доспехе, любезно одолженным мне на время. Килограмм тридцать веса в металле пластинчатого доспеха, кольчуге, островерхом шлеме и поножах с наручами. Хватило минут на десять, если не вспоминать два часа не самого спокойного времяпровождения до этого. В общем, тут даже эмоций особых нет, просто усталость и желание отключиться.

— Быть может, мы торопимся. — Пожевал губами руководитель. — Давайте попробуем растянуть курс...

— Нет-нет, — поднялся я через силу на ноги и воинственно занял стойку перед стеной.

— Похвально, — медленно кивнул он, продиктовал новую комбинацию (которые потихоньку уже запоминались в памяти), понаблюдал за уверенными ударами в молоко моего покачивающегося тела и постановил завершить занятия на сегодня.

— Физическая подготовка хорошая, — почесал Михаил затылок. — Со временем, должны привыкнуть.

— Если раньше не сдохну, — уже не скрывая чувства, стянул с себя перчатки и дал подошедшему пареньку расшнуровать наручи.

— Наверное, снизим нагрузку. — Кивнул наставник. — Девушкам нравятся живые, — хлопнул он по плечу и подмигнул.

Это он про выдуманную Лену вспоминает.

— Если, конечно, они не отыгрывают колдунью из некрополя... Но да это не наш случай, — ощутилось дружеское касание ладонью по локтю. — Пойдемте, тут есть душевая в спортзале. На завтра рекомендую принести сменную одежду.

Наверное, ради один раз виденной девушки и в самом деле не стоит убиваться. Вряд ли кого-то заденут в нынешнее время слухи, что кто-то попал в больницу, стараясь понравиться. Скорее, поведут пальцем у виска и забудут, даже не посетив палату не рассчитавшего силы парня. Но у меня не тот случай.

Можно игнорировать Ту сторону. Не произошло ведь ничего до этого, не появился ящер и сегодня. Быть может, не объявится угроза и после.

Подошедшие владельцы кольчуги помогли стряхнуть ее с плеч, дав время на обдумывание.

— Не будем ничего сокращать, — чуть подпрыгнул я, ощущая легкость в теле. — Все в силе.

Потому что кошмары уже тут, и две ночи одерживают верх.

Капля десятипроцентной соляной кислоты на смесь хлорида кальция, аммониевой селитры и цинка — так выглядел пропуск в мир огня, тепла и света. Самовоспламеняющийся состав, выбранный за обещанную доступность компонентов и безопасность, пробыл на Той стороне всего мгновение, пока не распался невесомой пылью. Но этого хватило, чтобы крохотный огонек, вызванный химической реакцией, перекинулся на тонкий слой газовой пленки, накачиваемой с той стороны портала газовой горелкой.

Круг огня глубокого синего цвета вспыхнул и замер у левого края портала, подрагивая по краям желтоватым цветом. Было в нем не более семи сантиметров — горелка стояла близко, почти упираясь соплом к мареву портала, но тепло и свет она давала такой, что невольно прослезился от радости. Наконец-таки тьма каменного колодца отступила, а холод, пусть и кусал за пятки через намотанную на них ткань, но уже был бессилен выше.

Впервые удалось оглядеться, отметить явную рукотворность ровной плиты, что накренилась над головой, съехав с положенных креплений, выступами проглядывающих чуть выше. Но, вроде как, в ближайшем будущем падать ей дальше некуда, заклинило ее там надежно. А вот тьма по краям от плиты смотрелась слегка тревожно — не иначе там есть лаз на уровень выше. Стали видны и стены, противоположная и ближний край левой, из разного по размеру, но плотно подогнанного камня.

Никакой воли природы, выветрившей этот каменный мешок или вымывшей подземным источником в скале, тут быть не может — все выстроено руками ли, клешнями, жвалами или лапами вполне осознанно. Пол засыпан булыжником, явно отколовшимся в процессе падения потолочной плиты и, быть может, перекрытия ниже — ведь уступ, на котором я стоял, имел зеркальное отражение напротив, и на них явно что-то опиралось.

Вновь посмотрел вниз, пытаюсь отыскать что-то достаточно габаритное под свою догадку, но пол смотрелся целостно, без крупных обломков. Быть может, весь этот этаж и упал, закрыв в том числе проход в коридоры. Пригляделся — лаз, через который в тот раз пролез ящер, действительно походил на верхнюю часть дверного проема. Но тут ошибиться не сложно — света еще мало для точного знания, а как ни напрягай глаза, сумрак не становился четче. Наоборот, изображение плыло и смазывалось от напряжения.

Вновь с довольством глянув на огонек, перебрался в свой мир. И тут же охнул от характерного запаха пропана, пропитавшего серверную — проскользнула бы искра, и хана. Портал надежно отделял огонь Этой и Той стороны, потому горение там не перекинулось в серверную, но и газ, что шел в тот мир, оставался частично здесь. В общем, проблему с пожарной безопасностью следовало незамедлительно решать. Ну а пока просто выключил горелку, отсоединил портативный баллончик «для пикников», задвинул шкаф, перекрестил помещение и отправился обратно в свой кабинет. Потому что все остальное должна сделать вентиляция, а я бессилен. Разве что дверь открыть, позволяя выйти газу в коридор — но это слишком опасно, так как газ тут же почуют проходящие мимо сотрудники, и быть беде. От неприятных вопросов мне лично до звонка в газовую службу, которой тоже будет интересно, откуда характерный запах в здании с центральным отоплением.

На всякий случай, постоял возле закрытой двери, принюхиваясь, но ничего компрометирующего не отметил.

— Может, погрузить сопло прямо в портал? — Неслышно пробормотал я, выходя на

лестницу. — Край, конечно, срежет, но газ обратно наверняка не пройдет. Стоп.

Резко затормозил и заторопился обратно. Догадка, кажущаяся столь привлекательной, что не могла ждать до вечернего визита, потребовала немедленной проверки.

— Ведь если погрузить вещь частично, — чуть подрагивая руками от нахлынувшего азарта, направил я в марево портала за отодвинутым шкафом ненужную стальную заглушку от разъема.

Затем так и замер, оставив железо наполовину в том мире, и через десяток секунд потянул обратно.

— Есть! — Смотрел я на идеально ровный срез металла.

А затем повторил то же самое, но повернув подопытный образец под зеркальным углом. И через еще десяток секунд любовался идеальным острием на конце железки.

Хотел опробовать подушечкой пальца, но вовремя спохватился и тыкнул в конец шкафа. Без особого усилия металл погрузился в массив ДСП на два миллиметра.

— Нано-заточка, — с любовью провел я пальцем по металлу сверху, тут же пообещав себе такую же на копье.

Затупится, конечно, после первого же удара. Но обычно первый удар все и решает, а заточить вновь, оставшись живым — посмотрел я на портал перед тем, как вновь его задвинуть шкафом — теперь не проблема.

И как-то на душе стало спокойно-спокойно, а мышцы вдруг почувствовали, что были до того страшно напряжены и могут теперь расслабиться. Огонь и технологическое превосходство возвращали уверенность в себе, как делает это камень, подобранный при виде брехливой собаки, или пачка денег в неизвестном городе.

Быть может, сегодня даже смогу заночевать один. Потому что после второй ночи рядом и повторных смен повязки, Лилия начала смотреть как-то странно и задумчиво. А за этими эмоциями может быть самое разное, от хорошего до плохого. Но тут в первую очередь вспоминается о «мы с тобой разного уровня», оттого желание держать дистанцию становится сильнее весенних надежд.

— Сергей, подпиши, — встретил мое появление шеф, с показной неспешностью выудил из портфеля укладку листов, положил на край стола и сдвинул на сантиметр в мою сторону.

Я коротко кивнул, подхватил листы и прошел на место.

С интересом глянул на шапку первой страницы, уже украшенного круглой печатью ведомства, подписью моего начальника, но самое главное — автографом самого министра прямо над печатью. На фоне таких персон, пустая графа для подписи рядом с моей фамилией и фамилией зама ничего не значили. Документ уже был свершившейся вехой. А то, что подписать его дали вперед зама, добавляло к облику шефа легкую черту садизма.

Глянул на Анну Михайловну — та сидела абсолютно спокойно, сверяя распечатку перед собой с текстом на компьютере, и на предвкушающий взгляд со стороны начальственного стола не реагировала. Уже знает, вернее, наверняка нашла вчера копию документа, потому к явной провокации глуха.

«Техническое задание на закупку» — гласило наименование документа, крупными буквами посередине листа. Пролистал для интереса, отметив примерный перечень, заглянул в предельную стоимость закупки, требованиям к поставщику и подытожил мыслью «ясно, понятно».

Чуть более сотни компьютеров с мониторами и десяток МФУ на семь миллионов бюджета могли гарантировать либо отличные по характеристикам машины для сотрудников,

либо исключительно сочный откат составителям документа. Судя по запрашиваемой технике, гешефт предполагается на уровне шестидесяти процентов. Если, разумеется, в закупку не влезет кто-то левый — но на это есть требования к «опыту государственных поставок не менее трех лет», отметающих молодых да ранних, и непрозрачный намек всем остальным: срок поставки неделя, а вот срок оплаты до полугода при отсутствии замечаний к качеству и количеству.

Судя по подписи министра, он в доле и наверняка пропорционально большей, чем у нашего шефа. Ну а второй вывод еще проще: Анне Михайловне начальственная должность не светит. Потому как общий финансовый интерес — вещь крайне прочная, и простой интригой его не перебить.

В общем, хмыкнул и расписался на положенном месте.

— Передай Анне Михайловне, — обратился шеф, стоило шагнуть в его сторону с документом.

Та листнула документ для проформы и почти сразу украсила лихим вензелем графу рядом со своей фамилией. Без эмоций, даже с легкой улыбкой.

— Что-то не так? — Похлопала она ресничками, глядя на кислую физиономию шефа.

Тот, наверное, желал более яркой реакции.

— Технику доставят через неделю. Подготовьте план перевода сотрудников по отделам. — Скрывая мину разочарования, поднялся из-за кресла Эдуард Семенович, забрал у зама документ и положил в портфель обратно. — Будут спрашивать, я в казначейство, а затем на обед.

— Хорошо, — кротко кивнула зам.

Дверь захлопнулась, отсекая звуки коридора.

— Сережа, а у тебя есть товарищи, которые умеют собирать компьютеры? — Смотрел на меня полный решимости взгляд.

— Я спрошу, — чуть не подавился я воздухом от удивления.

— Спроси, — гипнотизировал меня внимательный взгляд. — Спроси и позвони мне вечером.

В общем, постарался улизнуть из кабинета поскорее, а остаток до вечера пятницы провел, старательно избегая начальство. Даже в серверную предпочел не заходить — все равно горелку надо дорабатывать. Что касается Той стороны в целом, то решимость завалить выход и забыть про портал никуда не делась. Просто, как показал сегодня визуальный осмотр, подходящего по размеру камня, чтобы сделать это за один раз и надежно, на дне колодца не было. Оставался вариант засыпать мелким булыжником, но для этого требовалось куда больше времени, а главное — спокойствия, не нарушенного тревогой, что кто-то зайдет в помещение, пока я Там.

— Я могу прийти поработать завтра? Подготовка к переходу на новое оборудование? — Движимый такими мыслями, подошел я к шефу под конец дня.

— Пишите служебную и дайте на подпись, — сытым тигром кивнул он.

Завтра, наконец, разберусь со всем.

Анна Михайловна же поймала мой взгляд и демонстративно передвинула сотовый на миллиметр в сторону.

Впрочем, спокойной жизни все равно не предвидится.

— Вот кстати, кто-нибудь умеет собирать компьютеры? — Спросил я вечером в клубе реконструкторов, чтобы побыстрее отделаться от поручения, засевшего в памяти.

Ну, для очистки совести так сказать — мол, опрошены двадцать три человека, ответ отрицательный. Не было ведь требований к возрасту респондентов...

— Да. Конечно. Приноси, — ответил дружно хор юных заинтересованных голосов, заставив нервно дернуться глаз.

— Я на будущее спросил, спасибо, — ответил я в чуткую и внимательную тишину, тут же наполнившуюся разочарованным выдохом.

Но докладывать пришлось, как есть. Потому как взять и перезвонить «отказавшим» для проверки — в характере Анны Михайловны. Да и пусть, в самом деле. Не выиграть ей закупку, максимум она ее отменит или перенесет, а мне зачтется.

А дальше — напряженная работа копьем по мишени, что отодвинула в сторону лишние мысли. Остались только комбинации точек из цифр, которые руки и тело проходили уже более-менее привычно. С изрядным удивлением заметив это, Михаил добавил в комбинации дополнительные движения ногами, у которых тоже были номера. Что характерно, номера эти были в интервалах меж цифр-отметок, оттого запоминались без особого напряжения, а на ум пришла мысль, что законченной вся комбинация станет, когда номера пойдут подряд.

Тем же вечером даже выставили в спарринг с Вадимом — хотя тот не сильно хотел и всячески пытался откосить от строевой и доспехов. Может, по причине его вялого энтузиазма, а может из-за тяжести копья, но первая же серия ударов свалила его на бетонный пол, заставив убрать из-под удара ногу и тут же свалив тычком в плечо. Зал дружно прогудел что-то одобрительное, и только постанывающий на полу Вадим был недоволен.

Тут же появились другие кандидаты на спарринг, и вроде даже закружили мы с Матвеем в центре зала. Я — выписывая восьмерки кончиком копья, а он — положив лезвие меча сверху на круглый щит. Но тренер почти сразу оборвал поединок и развел нас в стороны. Претензий к Матвею у него не было, но вот горячее и недовольное «ты зачем начал думать?!» слегка обескуражило уже меня. «Не надо думать! Нет у тебя столько опыта для этого! Вставай к стене и давай заново все комбинации!».

В общем, так до закрытия и калечил стену, добавляя имеющемуся рельефу глубины. Без энтузиазма, секундомера и пригляда, но понимая, что нужно, оттого не лентясь ни мгновение.

Под конец занятий тренер решил подбодрить.

— О тебе уже Лена интересуется, — подмигнул Михаил после того, как я уже собирался идти в душевую.

«Какая Лена?» — чуть не сорвалось с языка, но я вовремя спохватился и изобразил внимание.

— Слухи летят быстро, — с улыбкой хлопнул тренер по плечу.

«— Блин, еще эта Лена», — пробормотал я устало, стоя под струями горячей воды. — «Хотя, если все завтра закрою Там, то возвращаться в клуб нет смысла.»

Но на последней мысли понял, что слегка лукавлю. Только разобраться бы с самим собой — где именно.

Ночь провел в своей квартире, с некоторой заминкой пройдя мимо Лилиной двери. Кошмары не посещали, разве что холодновато слегка, но это уже не из-за навеянной Той стороной стужей, а просто от одиночества и отключенного на днях отопления.

Субботнее утро тоже не сложилось. На улице стояла серая хмарь от погоды, все еще не желавшей определиться — быть ей весной или оставаться за порогом зимы. В холодильнике

ожидаемо было пусто, два дня в чужой квартире не позволили обновить краткосрочные запасы, а для чего-то большого и вкусного просто не было настроения. На часах было шесть, до открытия кафе оставалось более четырех часов.

Хотя, если честно, кушать не хотелось. В животе засело ощущение тоски и некой неправильности, а озвучить самому себе причину такой эмоции не позволял здравый смысл. Вернее, сказать-то можно, но принять разумом то, что я не хочу заваливать ходы за порталом — уже никак.

Черный кофе горчил, бутерброд с холодной колбасой казался безвкусным, а бетонная коробка стен вокруг давила на голову. Мысль о том, что сегодня я пойду и закрою для себя самое интересное приключение в жизни, опустошала. При этом, я понимал правильность этого действия. В этом мире были красивые девушки, достаток и сытость. Там — темнота, холод и смерть. Вполне понятный резон навсегда отделить одно от другого.

Поставил недопитый кофе в раковину и решил пойти на работу пораньше. А там непременно решу и сделаю все правильно.

Оделся в чистое, прихватил детальки для горелки, сооруженные мастерами в клубе (пара трубок-переходников, согнутых на концах) и вышел в предвесенний холод позднего апреля. Отчего-то оглянулся во дворе на панельку своего дома, выглядывая из муравейника длинной стены собственные окна. Сколько тут таких коробок, под две сотни, наверное? Ценные квадратные метры в центре города, статусное жилье, а у тех, кто особо удачливый — то и парковочное место, автомобиль и три недели оплачиваемого отпуска на югах. Комплект успешного человека.

Я накинул капюшон, спасаясь от зарядившего мелкого дождика, и медленно пошел по заставленному автомобилями двору. Вот интересно, а если выполнить этот квест с «собери все признаки успеха», что дальше? Если не добавлять новый уровень сложности с «собери семью и пристрой своего оболтуса в сад/школу/университет и замом к другу». Чуть подумал, и выходило, что потом остаются путешествия по миру. Во всяком случае, самые обеспеченные люди, вроде наших олигархов и немецких пенсионеров, заняты именно этим.

— А у меня целый новый мир в шаге от дома, — пробурчал на эмоциях.

Когда-нибудь, самые дорогие маршруты будут именно Там — потому что сложно и запрещено. В месте, которое я иду закрыть навсегда.

— Куплю себе билет Туда через пару лет, ну и что. — Хорохорился я, продолжая неспешное движение. — Потом будут комфортабельные условия, сезон и одежда. Охрана, опять таки... Вместе с остальными, стану открывать рот от рассказанных охранением байках, о кристаллах в груди убитых ящеров и тех способностях, что они дают. И про себя жутко сожалеть... Хотя нет, вряд ли люди со способностями пойдут в охрану. Это если я не нафантазировал, и те кристаллы способны на что-то большее, чем зарастить раны. Если тот камешек вообще не привиделся...

— Но ведь главное, я буду жив. Девушки, деньги и вкусная еда... А потом все приестся и останется только сожаление о несделанном. — Вновь поскреблось о душу сомнение. — Ладно, заглянем в тот коридор за лазом. А потом — завалим выход.

Неожиданное лихое решение сердца отчего-то не вызвало тревоги, а растеклось волной удовольствия вместе с предвкушением.

— Ничего, холод отрезвит, — хорохорился разум.

Мимо охраны прошел, неизвестно зачем показав подписанную служебку затылку охранника. Переоделся в кабинете, по привычке включил компьютер и побродил по

форумам. О Той стороне писали, что принято решение на уровне ООН позаботиться с порталах в Африке и Южной Америке. В комментариях рассуждали, что некоторые тамошние народности Там будут, как у себя дома, не чета разнеженным европейцам. Вот и беспокоятся последние, блокируя резервные жизненные пространства. А то неизвестно, как политика повернется сейчас — что-то в последнее время стали чаще бряцать ядерным оружием.

«А вот если освоишься Там, то не придетсядохнуть под радиоактивными осадками». — Шепнуло лукавое.

Как будто приятней умирать от грязной нефилтрованной воды или копыя в брюхе.

Вновь поймав себя за лишними рассуждениями, переоделся и направился в серверную.

Насадка на горелку подошла идеально, обеспечивая изолированный выход газа от баллона к пленке портала. Часть насадки решил-таки погрузить вовнутрь, пусть даже его там срежет — это куда лучше, чем получить пожар Тут. Оставалось, как перед прыжком в холодную воду, раздеться и замереть на некоторое время перед переходом. Ну и кислоты на очередную порцию самовоспламеняющегося вещества капнуть.

На этот раз огонь смотрелся куда солиднее, растекаясь по диаметру в полтора десятка сантиметров. Жар он давал вполне внушительный, отчего приходилось даже слегка отклониться в сторону. Дерево факела, не смотря на вроде прогоревшую по тому разу обмотку, тоже не устояло от жара и повторно занялось теплым желтым светом. Приятная неожиданность позволила использовать оставшуюся ткань в качестве набедренной повязки и обуви. Причем, на обувь пошел один отрез, срезанный пополам тем же порталом — всего лишь сложить пополам и на пару секунд погрузить торец в марево перехода. Уникальное резательное приспособление. И затачивающее, разумеется — оба копыя тут же обзавелись новой заточкой. По такому поводу, втыкать их в камень пока не стал, осторожно скинув вниз. Следом, с некой опаской, был скинут и факел. Сам же спустился, зацепившись за край выступа руками, свесившись и пружиня на ногах, спрыгнул туда, где казалось поменьше камней. Хотя кое-что все равно попало под пятку, но, к счастью, не острое. Да и ткань кое-как, но защищала — плотная, грубого края, она все еще никак не вязалась с обликом ящера.

Оглянувшись на портал, на кольцо огня, освещавшее колодец, поднял копые, взял факел в другую руку и шагнул к памятному лазу. Вблизи он действительно смотрелся проемом дверного перехода, основательно загромажденным с этой стороны. Некогда свалившееся перекрытие оставило узкую нишу перед входом и лаз в две ладони шириной сверху, достаточные, чтобы забраться. Только кто станет лезть в изначальный тупик? Может, это и спасало мой портал от неожиданных посещений.

На долгое время прислушался, отведя факел в сторону, но никаких посторонних звуков так и не расслышал. Руины? А тот ящер — одинокий охотник в них? Желанная версия, но не стоит расслабляться, даже если так. Потому как там, откуда ушел разумный, любит селиться всякое неразумное, но охочее до плоти и крови. А мир — вполне живой, это и раньше было понятно. Оглянувшись, с легкой паникой выглядывая пещерных гадов, сколопендр и пауков. Впрочем, тут, на голом камне, тоже не особо есть, чего жрать. Вот ближе к поверхности...

Спустил вниз огонь факела и уже отчетливо уловил блики ритмичного рисунка на стенах в коридоре. Не показалось — яростно застучало сердце.

«Может, завалить-таки все?» — Робко постучалась логика, напоминая о главном замысле.

«Я только посмотрю» — Все же решился, аккуратно спускаясь в коридоры. — «Ведь не прошу себе, если не посмотрю». — И это тоже была правда.

Свет факела отражал идеальную геометрию вертикальных линий, набранных камешками цвета смолы и янтаря внутри светло-желтого песчаника. Где-то линии срывались вниз, образуя ритмичные треугольники, и вновь восстанавливающие параллельность на новых отрезках. Под ногами хрустели обломки камня...

А отпечатки замотанных ног оставляли отчётливые следы в пыли — рядом со столь же резко очерченными следами ящера. От такого зрелища взяла самая настоящая обида на самого себя.

— Любопытствовал, блин, — взвыла паника.

Это ж даже не надо быть следопытом, чтобы увидеть, кто и откуда идет! Прямой указатель — вот вам следы, вот тут они есть, вот и их нет, добро пожаловать в новый мир, наши новые зеленые хозяева.

— Еклмн, — от досады прикусил я нижнюю губу, решая, как быть дальше.

— Замести следы, это понятно. — Стучалась в виски паника. — Дойти до следующего поворота и замести.

Где-то впереди угадывалась развилка, но двигаться туда, во тьму, увеличивая расстояние до портала и родного мира, было откровенно страшно. Но еще страшнее было оставлять все, как есть.

Приняв решение, медленно зашагал к перекрестку, напряженно вслушиваясь между каждым движением.

Краем глаза ловил все более усложняющийся рисунок на стенах, все столь же угловатый и непредсказуемый, но расплетающийся уже на десятки линий. Возле самого перекрестка узор рисунка расцвел новыми красками: тускло-синим из-за пыли и таким же темно-зеленым, и впервые порадовал мягкими овалами, исчезающими за поворотом. К необходимости идти вперед добавилось легкое любопытство о замысле неизвестного художника, некогда украсившего стены. Выходило, что я таки увижу, что там, за углом — потому как слой пыли и песка завершался аккуратно в центре пересечения этого и запирающего его коридора, идущего под прямым углом. Там тоже было достаточно осколков и камня, но высмотреть среди них следы мне не удалось. Хотя какой из меня следопыт.

Видимо, ход в сторону портала крайне редко использовался, и если аккуратно тканью замести следы — свои и ящера — то еще долго не будет повода заглянуть в этот тупик. С такими мыслями, осторожно выглянул в новый коридор, выдохнул, не уловив в нем шума и движения, и все-таки рискнул взглянуть на окрас стен.

Высоко поднятый факел осветил в дрожащем полукруге некогда изящную и красивую сцену: сотканный из линий подиум, на котором стояли люди — тут сомнения быть не может. С десятков их, в набранных узорным камнем пестрых одеяниях до пола, но композицию не разобрать толком — растеклась она вдоль всего коридора, ясно только, что все они смотрят куда-то влево, на участок стены, мне не видимый. Невольно замялся, глядя во тьму, выбирая — исчерпан ли мой лимит везения и есть ли оправданный повод узнать содержание картины. Но все же, решился и осторожно шагнул дальше, высматривая все новые детали каменного рисунка. Пока, наконец, не наткнулся на центральный его кадр, от которого резко сжалось сердце, а тело не наполнилось маятным предчувствием.

В середине вновь были люди, отрисованные куда крупнее и богаче остальных. Руки их, поднятые ввысь, обращены к набранному желтым солнечному кругу. Однако поверх

каменной красоты шел иной рисунок.

Кроваво-ржавым прямо на исходном изображении выцарапаны людские черепа, небрежно, но отчетливо и различимо, сваленные в целый холм. На вершине кровавой горы стоит трон, на троне том — мой старый знакомец из пещер, в поднятой руке которого — копьё. И смотрит он на кроваво-ржавую армию ящеров, с людскими черепами в руках, что несут их к подножию костяной дюны.

Поднес факел ближе и невольно подпалил слой пыли и паутины на стенах, огненной волной прокатившейся вдоль стены. Даже испугаться не успел, как все кончилось, слегка окатив жаром.

Выдохнул, кляня себя последними словами, да так и замер, глядя на дальний изгиб коридора, в котором отчетливо проступил неровный контур спешно приближающегося огня.

Я не успевал замести следы. Хуже, я бы создал еще одну цепочку, ведущую к родному дому. Цепочку, мать его, следов человека, из черепов которых эти зеленые твари собирали целые горы!

Ноги подогнулись, копьё чуть не выпало из рук, а на поверхность омута панических мыслей от содеянного и неделанного отчего-то проступила не совсем складная фраза, отражающая поведение при полном отсутствии опыта. «Не думай», неуловимо перетекшее в «не бойся».

Невероятная четкость сознания, лишённая мыслей, отметила одиночный огонек и пришла к выводу, что противник будет тоже один. Факел был тут же уложен в коридор, шедший к порталу, чтобы заинтересовать повернувшего в эту сторону светом вдали. Сам же, подхватив копьё, метнулся навстречу врагу, радуясь, что ткань на ногах маскирует шум. Возле самого поворота, уже слыша тяжелое дыхание и уханье шагов, замер, направив копьё сверху вниз. Второе отложил в сторону.

«Он один», — даже не мысль, а просто констатация услышанного.

И в момент, когда звук был совсем рядом, резко шагнул вперед, вонзая в не успевшего отшатнуться ящера копьё, тут же на автомате выдергивая и пронзая еще несколько раз, будто стоя перед тренировочными отметками на стене. Удар в живот, следом в горло, и боевой крик обращается невнятным клокотаньем, удар в бедро уже упавшего на колени ящера и еще одна комбинация, бездумная, бессмысленная по бездыханному корпусу, но отработанная, оттого требующая ее завершить, не прерывая.

Уже потом пришло понимание, что сердце бьется, как бешеное, и, несмотря на царящее в душе хладнокровие, подрагивают руки.

В свете упавшего из рук противника факела тускло бликовали стены и матово смотрелась зеленая кожа рептилии, павшей от моей руки. По отрезам серой широкой ткани, шедшей через его тело, расплывалась синеватая кровь. Пригляделся — морда тоже расцвечена диагональной синей полосой, хотя туда я не попадал — горло распорото ниже. Откинутое в сторону копьё — с виду куда добротнее моего, да еще с чем-то тускло-желтым... Усталым движением, будто не секундная схватка прошла, а мешки с цементом поднимал на девятый этаж, дотянулся до копьё и без эмоций констатировал, приблизив острие наконечника к огню:

— Бронза. Смотрю, не простой ты зеленый, а?

И тут же встрепенулся от этой мысли. Совсем расслабился. Мигом поднялся на ноги, подхватив копьё, и замер, вглядываясь в новый рукав коридора. Вроде, никого, но затягивать не стоит.

Чуть замаявшись и понимая некую дикость того, что собираюсь сделать, но все-таки склонился над поверженным противником и положил руку ему на грудь.

— Да нет, бред, — был готов я признать фантастичность того, что произошло в первый раз.

Но ладонь вдруг просела, уходя внутрь тела на глазах рассыпающегося пылью ящера... Только тряпки одеяния остались на камне. А кожей правой руки вновь почувствовался небольшой камешек.

— Зеленый, — хмыкнул я, поднеся круглый мутноватый окатыш к глазам.

Уже без паники отметил, как он растекается по ладони, наполняя ее жаром. Но на этот раз он не пожелал размазываться по телу, да даже на прикосновение другой руки не отреагировал. Занял всю правую ладонь вместе с пальцами, словно половина перчатки, мигнул изумрудно-зеленым и исчез, будто не было никогда. И никакой волны тепла.

— Это что сейчас было? — Тихо озвучил я свое непонимание, глядя на чистую кожу.

Но затем что-то послышалось из дальнего конца нового коридора, и я, охнув, принялся сворачивать свою деятельность в этом мире. Подхватил трофейное копье и факел, не глядя сгреб другие вещи, оставшиеся от ящера, закидывая какие-то бусы, обломок узорного камня, ленты, с десятков бронзовых ромбиков и два грубоватых кольца в полотно, свернул его на манер мешка, подхватил свои копья, бегом промчался до своего ответвления с порталом и оставил все там, стряхнув трофеи чуть в бок от лаза. Затем вернулся до перекрестка, развернул ткань и тщательно разровнял следы в песке за собой.

О заваливании прохода и иной шумной деятельности и речи быть не могло. Во всяком случае, не сегодня.

Портал с кругом яркого пламени смотрелись окошком в родной дом, желанным и теплым. Погасил факел — мой к тому моменту прогорел, а со второго удалось сбить огонь, завалив каменной крошкой (под нее же отправилась мелкая добыча, с которой еще следовало разобраться).

Восхождение на каменный выступ с порталом уместилось в десяток секунд, а вот желание немедленно перейти в свой мир я все-таки подавил, задержавшись, чтобы из ткани поверженной ящерицы сделать полог, укрывающий серебристое мерцание перехода от взгляда со стороны лаза. Благо, ткани на этот раз было действительно много — та ящерица была завернута в него несколько раз. Заточил старые, плохонькие копья о портал с двух сторон, воткнул выше уровнем и зацепил на них ткань. Вышло недурно, вроде как, и без угрозы подпалить огнем. Ну а в родном мире ждал неизменный шелест вентиляторов, громада отодвинутого шкафа, спокойствие, тепло и безопасность. Только несмотря на это, перед глазами все равно всплывала картина ржавой краской. Не та, что с черепами — другая, из коридора с убитой ящерицей. Там она тоже была поверх человеческих фигур, ликующих и праздничных, но отражала бесконечную вереницу пленников человеческого рода, безвольно шагающую вдоль стены под гнетом погонщиков с костяными гребнями вокруг шеи.

Удар, еще удар. Бетонная поверхность глухо гудела от деревянного наконечника, уже разломаченного и пошедшего трещиной от попаданий по нарисованным меткам. Наверное, не следовало бить так сильно, но руки и тело сами доводили замах до смертельного, всякий раз предчувствуя отдачу от проникновения острия в шкуру ящера. Ощущение в ладонях и плечах, в локтях и напряженных мышцах спины — оно будто прикипело к душе, не позволяя расслабиться и выполнять упражнение, как вчера — спокойно и без внутреннего напряжения.

Кроме шума, деревянной щепы и бетонной пыли, были еще тихие, злые выдохи, перемежаемые неслышными ругательствами. А еще, где-то там, в глубине души, немного отчаяния.

Наверное, от этой смеси и шарахались все в клубе, не пытаюсь подойти с советом или же предложить дружеский спарринг. Даже Михаил — и тот подходил всего пару раз, показать пару новых движений-цифр, чтобы сразу отойти подальше.

Субботним вечером народу в клубе было немного — школьники приходили сюда после занятий, которые в этот день завершались раньше обычного. Пойти домой было интереснее, чем ждать несколько часов. Зато добавились ребята старшего возраста — студенты старших курсов, люди под тридцать. Не знаком с большей частью, да и не старался познакомиться. Да и они, как я уже отметил, не торопились подходить.

Не особо интересно, что они себе надумали, как объяснили себе мое поведение. Ни один из них не догадается до правды той маятной тяжести на душе, с которой я вышел из тех клятых подземных коридоров, бездумно шел по улицам под дождем, пока не дошел до этого места.

Дело было не в поединке, втором за мою судьбу. Не в угрозе нашему миру через портал, с которой уже удалось примириться, как с легким запахом газа на выходе из подъезда. Может быть, рванет, но вряд ли...

Скорее, мучало осознание близкого горя целого мира. Рисунки ржавой краской не выходили из памяти, а их трактовка стучала в виски, требуя действовать, раструбить по всему миру: «Там» есть люди! Они нуждаются в нашей помощи! И даже личное-коммерческое уходило в сторону — в мире еще полным-полно мест, где электричество на сотни тысяч не ценят, но специалистам готовы платить только копейки. Найду новое место, в самом деле.

Но одновременно было понимание, что нашему миру, в общем-то, наплевать на чужое горе. Как наплевать на войны ближнего востока, эпидемии в Африке и резню наркокартелей в Южной Америке. Там, на «Той Стороне», не было граждан США и Европы, спасти которых поднялся бы весь мир. Даже граждан России не было, чтобы возмутился наш МИД и лично президент. «Там» были просто люди, с которых даже нечего содрать за помощь, ведь порталы сожгут все дары. А в мире итак полным-полно беженцев для открытия нового их потока.

Да и где их искать, этих людей «Там», чтобы предложить помощь? В коридорах — только следы старых владельцев, и живут совсем иные существа. А может, в мире уже не осталось ни одного...

Вот от этого и тяжесть на душе. Не будет от этой новости, если попытаюсь довести ее

до людей, никакого толку. Сообщения в интернете сотрут, вход в портал замуруют бетоном, меня посадят, и на этом все. Буду настаивать — обзовут сумасшедшим. А я — не герой, чтобы победить всех в одиночку. Я ведь тоже совсем скоро закрою проходы камнем и постараюсь забыть о том, что видел. И все, проблемы больше нет, она останется там, где-то далеко — как исчезают трагедии нашего мира за выключенным экраном телевизора.

Оголовок копья с хрустом расщепился по всей длине после особенно сильного удара.

— Все, шабаш, — сбоку, с расстояния произнес Михаил, с опаской глядя на оружие в моих руках. — Завершили на сегодня.

Хотел было огрызнуться, да поймал себя на мысли, что люди вокруг не заслужили такого отношения. Они знать не знают ни про каких ящеров и уж точно не остались бы равнодушны. Но решают не люди, а те, кто ими был избран, хотя в школах объясняют иначе. Вместо не состоявшего порыва эмоций, будто покараулив, навалилась апатия.

— Да, извини, сломал, — односложно и чуть неуклюже отозвался я, откладывая остаток перетяжелённого копья в сторону.

— Нормально все? — не торопился он подходить.

Был он в частично собранном доспехе, виденном на днях в бумажном виде — вернее, это если подключить фантазию и дополнить наплечники и чешуйчатый нагрудник, закрепленные пока проволокой поверх джинсового костюма, до полного комплекта.

— На работе не все в порядке, — выдал я полуправду и провел ладонью, стирая пот со лба.

Несмотря на легкий холодок в подвале, пот пропитал футболку насквозь, а тело от нагрузок горело огнем.

— Понятно, — задумчиво кивнул Михаил. — Там, кстати, Лена пришла, на тебя-героя посмотреть.

— Где? — Взгляд панически дернулся ко входу, к мешкам ружейного барьера.

Знать бы, как эта Лена вообще выглядит! Надо этим же вечером наверстать просчет и еще раз пересмотреть ролики с сайта клуба. Блондинки-эльфийки, там были во множестве, но я к ним как-то не присматривался. Так что Лену еще предстояло определить по приметам.

— Да уже ушла, — успокоил меня тренер с легкой улыбкой. — Издали посмотрела и ушла.

— Ясно, — украдкой выдохнул я.

— Я же видел, что ты немного не в себе, поэтому, извини, задерживать ее не стал, — подошел он ближе, уже откровенно улыбаясь. — Успеете познакомиться.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Давай в душ и возвращайся, разговор есть.

Водные процедуры приглушили эмоции, выкристаллизовав старую истину с «утро мудренее», хотя вечер еще только-только начинался. Попросту — разум убирал скверные мысли подальше, чтобы не мучить себя. Иначе я сейчас с этим «можно ли просить у мира, если не готов делать сам» скоро полезу обратно в пещеру. Где и сдохну, собственно.

А жить хотелось — и в свежей сменной одежде, приятной и теплой, это ощущалось особенно ярко, особенно на фоне приятной усталости после тренировки и теплого душа. В общем, утром буду думать — и может, что-нибудь даже надумаю. Вон, какому-нибудь кандидату в президенты подкинуть информацию, пусть вытаскивает с Эдема людей, делает гражданами, а те будут за него голосовать.

— Наши с тобой оговоренные часы занятой окончились. — Встретил Михаил в зале новостью.

— Без проблем, деньги в куртке, — развернулся я к выходу и собрался сделать пару шагов в том направлении.

— Не надо, — удержал он меня. — Теперь ты в клубе, а на деньги твои мы, вон, подарок тебе подготовили.

Подошедшие в процессе разговора ребята, с Матвеем во главе, общими усилиями развернули серый бязевый сверток в руках у Матвея, демонстрируя кольчугу, переливавшуюся стальным морем тоненьких колечек.

— Ух ты, — невольно вырвалось, а руки сами потянулись потрогать такую красоту.

Холод стали, вытягивающей тоску, приятная ритмичность поверхности, успокаивающая ощущением надежности.

— М-может, я оплачу? — Невольно вырвалось неуверенным голосом. — Для клуба?

— Бери, не обижай, — хмыкнули ребята, вручая ощутимую тяжесть плетения в руки.

— Царский подарок, — выдал я шепотом. — Спасибо. Так это, может, отметим? —

Поднял я взгляд.

— Я же говорил — толковый мужик, — толкнул Матвей соседа локтем и с довольством огладил рыжую бороду.

Народ согласно прогудел и заодно охлопал по плечу, еще раз поздравляя со вступлением.

— Сейчас машины организую, — прикинув количество народа, разделил на четыре и попросил у таксопарка три иномарки.

Хотя люди, вроде как, были согласны на пивную «тут недалеко», «там точно не паленая — школа же рядом, дети».

Но я привык к ассортименту родного кафе возле дома. Да и залы там есть для крупных компаний, за доплату разумеется и предварительной записи, которую тут же при всех и устроил. Ну и возвращаться мне в подпитии — только в подъезд зайти, а не через город добираться, что тоже ценно.

В общем, и добрались нормально, и за стол сели, словно на банкете — комфортно и за чистую скатерку с салфетками. Заодно с меню и ценами все ознакомились, тут же предпочтя водке пиво, как экономически выгодное из расчета объем-градус на затраченный рубль. И это несмотря на то, что платить мне, о чем было тут же сообщено. Короче, нормальные ребята, с пониманием.

Ближе к концу вечера, когда содержание этанола дошло до кондиции «мы с тобой одного промилле», а беседы про дам уже третий раз завершились выводом «Вот Лена — хорошая девушка», вопросы, терзающие меня, все же попросились быть высказанными. Держать в себе не было уже никаких сил, а Матвей, достаточно пьяный, чтобы рассуждать на любые темы, от вооружения до политики, был признан достойным собеседником.

Я бы, наверное, и остальную компанию спросил, если бы кто-то заговорил про Эдем, но разговор ни разу не перешел к обсуждению Той стороны. Народу как-то интереснее было надо мной с Леной подтрунивать и новый доспех обсуждать. А другой мир... У нас, вон, зонд на орбите Юпитера, но где пьяные разговоры про сине-стальные ураганы на его полюсах? А «Та» сторона, после бетонной политики государства, он как тот Юпитер... Или выговорились без меня за прошлый месяц? Наверное, так.

— Вот скажи, — спросил я Матвея, слегка тряхнув по плечу, отчего он передумал

пристально разглядывать салат и посмотрел на меня. — Ты про порталы что думаешь?

— Ничего не думаю, — пожал он плечами, прижимаясь к столу, отчего отчего слегка приподнялась скатерть. — Давай про футбол? Вот ты футбол смотришь?

— Да погоди с футболом. Вот скажи. А вдруг там ящеры держат людей в плену, убивают и едят? — Произнес я так, чтобы услышал только он.

— Ящеров, если к нам полезут, под нож, — мотнул он рыжей бородой.

— А люди?

— А они заслуживают, чтобы им помогли? — Посмотрел на меня пьяный взгляд, который очень хотел быть в этот момент серьезным.

— Но ведь — люди?

— Я как-то на байке по трассе ехал. Смотрю, девка голосует, рядом авто с поднятым капотом. Поломалась, короче, — чуть заплетающимся голосом поведал он. — Помочь надо, да?

— Ага. — Согласился я.

— Тормознул, полез посмотреть. А мне башку проломил чем-то сзади. — Показал он пальцем на затылок, чуть не опрокинув стакан с недопитым пивом, которое сам же подхватил и тут же потребил содержимое. — Очнулся в канаве. Ни одежды, ни денег, ни байка.

— Ну, не все ведь люди такие? — Запнувшись, спросил я.

— Пусть докажут, что достойны помощи, — смотрел Матвей чуть плавающим взглядом, грозясь окончательно завалиться в салат.

Я подхватил его за плечо, помогая опереться о спинку кресла.

— Вот тебе я помогу, — вздохнул он прикрывая глаза. — Парням помогу. Родителям помогу, девушке своей. А тебе что, некому помочь?

— Есть, — задумчиво кивнул я.

— Так помоги им. — Уже сползая в дрему, пробормотал Матвей. — Свой народ спасай...

Есть над чем подумать — подхватил я свой бокал и пригубил. Пиво как-то не брало, хотя пил со всеми наравне.

Подкупала, конечно, красота на стенах подземелья и виды красивых нарядов у людей, там изображенных. Но, в целом, все самое монументальное и красивое в нашей истории строилось трудами рабов, от пирамид и Великой Китайской стены, где бесправных строителей хоронили прямо в фундаменте, до Колизея, тоже возведенного руками пленных. Так что было в словах Матвея много истины, которую я раньше не замечал. Как бы люди Того мира, вместо предложения союза в освободительной борьбе, сами не надели на дипломатов кандалы, а потом не полезли в наш мир за бесплатной рабочей силой...

За столом, тем временем, сформировалось общее мнение, что пора бы и честь знать. Те, кто был трезвее, обещались доставить более пьяных по домам. Вновь вызвал всем такси, оплатив за дорогу сразу же, пообнимался на прощание, выслушал, как данность, что завтра занятий не будет, и потопал к себе домой. Шел десятый час ночи, длинный день подходил к завершению.

На волне мыслей о помощи близким, задержался возле двери Лилии, подумывая постучаться и поменять повязку. Уже было собрался звонить, но вовремя спохватился и забежал к себе — переодеть рубашку, тронутую кетчупом за рукава, почистить зубы. И уже потом, чистым и вроде почти трезвым, обозначил визит.

Глазок соседней квартиры посветлел от включенного в прихожей света, а сквозь толстый монолит двери донеслось «Кто там?». На отзыв, дверь приоткрылась, но так и замерла зафиксированной на цепочке.

— Что-то нужно? — Спросил равнодушный голос.

— Повязку поменять пришел.

— Не нужно, не болит, — закрылась дверь.

Вновь надавил на звонок, уже из упрямства.

— Что? — даже дверь не открыли.

— Поменяю и уйду. — Добавилось раздражения в голос.

— Я уже сплю.

— Не мог я раньше прийти, — попробовал я подобрать разгадку холода и равнодушия. — Честно.

— А утром где был?

— На работе! — И служебку, оставшуюся в кармане, развернул. — Посмотри в глазок.

Дверь вновь приоткрылась на цепочке, и девичий взгляд цепко пробежался по тексту и размашистой подписи начальства. Хоть где-то бумажка пригодилась.

Хотя, с другой стороны, зачем я вообще что-то доказываю. Развернулся и ушел бы давно. Так бы, наверное, и сделал.

Но ведь перевязка действительно нужна, даже если помощь принимать не хотят. Самой ей не справиться.

На секунду представилось, как пытаюсь убедить людей «Той стороны» совместно бороться с ящерами, а те заставляют уговаривать и подкупать их ради права им же помочь. Если там действительно люди, то так скорее всего и будет. Так что Матвей прав — ящеров под нож, если к нам заявятся. А в остальном — не делай добра и не получится, как обычно.

— Пройдешь? — Оказывается, уже несколько секунд смотрела на меня Лилия, стоя чуть дальше распахнутой двери.

Прошел.

Ушиб изящной ножки уже налился неприятной желтизной, как бывает с синяками уже на самом исходе. Скоро прежняя белизна вернется, боль отступит, а я вряд ли стану навещать эту квартиру. Но пока что любое дело, за которое взялся, надо доделать со всем тщанием. Чем и занялся, осторожно массируя вместе с мазью отставленную чуть вперед ступню присевшей на кровать девушки. Сама Лилия смотрела в окно, изображая равнодушие и, наверное, обиду. Никогда не разберешь, что там у них на уме.

Не важно, главное — чтобы ножка поскорее зажила. И этот посыл, не смотря на холодность девушки, перевитый нежностью и заботой, действительно работал. Правда, не совсем так, как должен был — и отчего в горле застрял изумленный возглас, а сам я чуть было не отскочил в сторону, осознав происходящее.

Просту — правая ладонь отчего-то занялась зеленым свечением, а из под ее касания на коже девушки сходила всякая желтизна ушиба, будто не было ее никогда...

— Глаза закрываются, — сонно и чуть виновато произнесла Лилия, заваливаясь на кровать. — Давай для примирения, завтра... — Еле слышно, уже через сон пробормотала она.

А я продолжал водить по ее коже зеленоватым свечением ладони, путаясь в мыслях, отчаянно смаргивая и даже единожды себя ущипнув. Но свечение — вот оно, а нога — уже через пару минут осталась без единого следа от синяка.

— «Наверное, уснула, потому что силы для лечения из своего организма берутся», — присел я на пол, привалившись к кровати, ошарашенно глядя, как возвращается правой ладони естественный цвет.

Сам я не чувствовал усталости, кроме той, что была до прихода от тренировки и непростого дня. Ну и от выпитого слегка клонило, но опять же — ничего сверх меры.

Резко встал и вновь оглядел ножку девушки, выискивая следы травмы. Затем осторожно переложил, прислушиваясь к дыханию, оценил пульс и теплоту руки, после чего прикрыл одеялом. Все нормально, все — как у здоровой...

— «Это что, я теперь маг?» — Даже сам вопрос смотрелся наивно и несерьезно. — «Размещаем объявления — природный целитель в сотом поколении, внук потомственного шамана-эвенка, архимагистр природной магии, вылечит ваш синяк и гематому за один сеанс, дорого. Гребем деньги, пока ФСБ, убедившись, что не шарлатан, на опыты не заберет».

От последней мысли встряхнулся и вновь поместил повязку на ножку Лилии, в этот раз замотав так, чтобы ни миллиметра участка кожи видно не было. Через пару-тройку дней снимет, а там уже по сроку полагается выздороветь. А я — ни ногой сюда, ибо в следующий раз она наверняка все точно заметит.

Тихонько прибрался, захлопнул за собой дверь и вернулся в свою квартиру. Уже там, лежа на постели, прислушивался к звучанию очень важной мысли, всю глубину которой еще предстояло осознать.

— Кое-что все же проходит через портал.

Тот же самый путь через утро, пасмурное, грозящееся разойтись мелким холодным дождем, как вчера. Застывшие в том же положении машины, переживающие второй день выходных без внимания своих хозяев. Будто утро субботы повторялось, но на этот раз во мне не было томления, переживания за несостоявшееся приключение и желания заглянуть в новый мир поглубже. Хватит уже, насмотрелся, черпнул опыта выше крыши. Даже сувенир захватил — посмотрел я на правую ладонь, смотрящуюся сейчас вполне обычно.

Я шел закрыть вход на Ту сторону, на этот раз абсолютно уверенным в правильности своего поступка. Подниму вверх камни, ограню их края порталом, соберу из получившихся кирпичиков стену. Каменщик из меня, конечно, так себе, но навыки Дженги сильны, справлюсь. Затем повторю все со своей стороны, на этот раз куда основательнее, уже с раствором и кирпичом. На этом знакомство с новым миром будет завершено.

Что до помощи представителям людского рода — все в явочном порядке. Нуждающиеся найдут путь, порталы с их стороны в том же количестве, что с нашей. Заодно пусть увидят, у какой цивилизации будут просить, чтобы в дальнейшем переговоры обошлись без чванливости и гонора. Моя же роль будет проста — я плачу налоги, и я выбрал тех, кто станет их тратить на помощь. Все остальное — уже гордыня или глупость.

Так и добрал до дверей родного ведомства, где строгий и колкий взгляд охранника тут же осведомился:

— Вы куда, молодой человек?

Позади его спины черным экраном смотрел телевизор.

— К себе в отдел, — протянул я служебку.

— У вас только на субботу. — Цепко срисовал он дату.

— А у вас телевизор сломался, да? — Разочарованно произнес я.

Тот посуровел еще сильнее.

— Молодой человек, других документов у вас нет? Не задерживаю.

В общем, форсмажор. ТВ ему новый принести, что ли? От расстройства, решил прогуляться вокруг ведомства.

На задней парковке, за закрытым шлагбаумом, обнаружил истинную причину срыва всех замыслов — аж три ведомственные «Камри», одна из которых принадлежала министру.

— Точно, они же по выходным в бильярд играют. — Хлопнул я ладонью по бедру.

Есть у нас в министерстве комната отдыха, которая для сохранности подотчетного имущества находится под замком. Собственно, ключ только у материально ответственного лица — министра. А сейчас, стало быть, коллективная инвентаризация, вот охранник и напрягся. Надеюсь, невовремя выползшие ящеры их там не сожрут.

Ну а мои планы откладываются.

По тому же пути вернулся обратно домой и решил-таки поглядеть, как та самая Елена, выданная причиной для тренировок, выглядит на видео. Вчера как-то не до интернета было вовсе, да и мысли не про то.

— Симпатичная, — постановил я после часа разглядывания подборки роликов.

Благо, угадывать, кто из светловолосых барышень та самая «тридцати лет, красивая, эльф» не пришлось — текст под одним из роликов содержал полное описание действующих лиц, и Элиниэль там была — в зеленом свето-маскировочном плаще из военторга,

служившим местным эльфам праздничной мантией. Ну а под плащом — белое платье до колен и брошки под серебро. Еще тиара, что крепит волосы, прикрывая ни разу не заостренные ушки. В общем, за внимание такой девы вполне можно было тиранить бетонную стену копьём, так что легенда у меня надежная. В клуб реконструкторов, поразмыслив, решил продолжать ходить. Компания там хорошая, сам клуб недалеко, а физические нагрузки вполне заменят тренажерный зал.

Остаток же дня провел у родителей — в доме за городом, куда они перебрались после пенсии, всегда было вдосталь работы. И уж если помогать кому, то действительно лучше начать с самых дорогих. Там, что характерно, гарантированно будут мне рады и помощь оценят.

По такой холодной весне не так много работы в поле, так что, приехав, подрядился разбирать хлам в пристрое, который этим летом должен был стать гаражом. Стены и потолок уже подняты летом прошлого года, осталось залить бетоном пол и наладить автоматику на ворота. А до того — придумать новые места всем тем нужным вещам, которые мама и отец там складировали. Ну или достаточно незаметно выкинуть.

К позднему вечеру справился, за что был награжден вкусным ужином и двумя сумками с закатками и соленьями домашней выделки. Уговаривали остаться на ночь, а с утра ехать первым рейсом или же попутно с кем-то из соседей, но я задержался только на десяток минут — посидеть сначала с мамой, плотно удерживая ладонь, налившуюся зеленоватым свечением, возле ее больных почек. Затем, после того, как маму сморило сном, постоял с отцом полуобнявшись на прощание, придерживая его за поясницу. Папа тоже стал клевать носом, так что пообещав быть на следующих выходных, я прикрыл за собой калитку во дворе и наладился к ближайшей остановке.

Надеюсь, беды от такого лечения не будет. Во всяком случае, вчера перед сном пробовал на себе, убирая боль из перекрученного на тренировках запястья — и побочных эффектов сегодня не чувствовал. Надо будет с утра позвонить, поинтересоваться здоровьем, хотя есть внутренняя уверенность, что все будет хорошо.

Утро же понедельника началось с длинной трели дверного звонка, виновницей которого оказалась Лилия. На часах было семь, на кухне вдумчиво дегустировались макароны под лечо мамино приготовления, так что из-за стола поднимался вообще без энтузиазма и с железным намерением поскорее вернуться обратно.

Лилия посмотрела строго, будто заставил ждать ее несколько минут. Была она одета согласно дресс-коду банка, в котором работала — черную узкую юбку ниже колен, белую блузку, украшенную золотой безделушкой на кармашке, как отражение статуса высшего командного звена.

— У тебя собеседование сегодня в девять часов, — с места в карьер деловым тоном поведала девушка, протягивая визитку, отливающую серебром. — Я поговорила со своим знакомым, он готов тебя посмотреть. Ты же компьютерщик, верно? Место приличное, поэтому возьми в аренду хороший костюм, вот деньги. — Показалась вслед за визиткой, на автомате взятой мною в руки, красная купюра. — И не подведи меня.

Купюра так и осталась в протянутой руке, пока я слегка ошарашенно пытался выпутаться из этого потока информации.

Затем, не став размениваться на объяснения, молча закрыл перед ней дверь. Спohватившись, открыл вновь, и вручил Лилии визитку обратно.

Это ж надо — дважды избежать копья зеленой ящерицы, чтобы в родном доме чуть

было не проткнули голову женским каблуком. Понятно, с ее стороны это тоже демонстрация заботы, но в такой форме она даром не нужна. Я, может, люблю свою работу и не согласен ее менять! У меня, между прочим, в министерстве карьера! И три тысячи долларов в биткоинах ежемесячно. В общем, с моим мнением полагалось бы для начала поинтересоваться. Тем более, что костюм приличный у меня есть! Я его на диплом покупал.

Тут же возмущенно прозвенел звонок, но к его зову отнесся равнодушно. Провода выдирать не стал — варварски это как-то, так что просто отключил звонок переключателем внутри квартиры.

— Ну и дохни в нищете, бюджетник хренов! — Донеслось из-за двери.

Грубо это как-то, в самом деле. Тем более, что не бюджетник, а государственный служащий. Ну не сейф же свой и удостоверение с классным чином показывать, в самом деле. Короче, расстались мы, наверное. Который раз уже?

Завтрак и зеленый чай приглушили возмущение, так что на работу вышел собранным и деловитым.

Поговаривают, если день начался скверно, то быть ему таким до конца. Хотя относилось это ко мне немного косвенно, затрагивая скорее замначальника, но...

Короче, в девять часов шеф вывел нас встречать новую технику. Да, тендер только объявили, а грузовик с сотней компьютеров уже стоял на заднем дворе ведомства.

— Бюджеты надо освоить в срок, — веско заявил начальник, с улыбкой глядя на Анну Михайловну.

Та стояла с прилепленной улыбкой, внимая с тем самым выражением лица, что бывает между «враг, я дам тебе еще один шанс» и избиением стулом. Ну а для меня это все было плохо, потому что разгружать и нести на склад на чердаке выпало, разумеется, мне. Водитель на невербальный посыл помочь, ушел за кабину и раскурил сигарету. Шеф, подписав документы, тут же пропал. Анна Михайловна, правда, осталась, подрагивая губами от попыток не расплакаться. Или сдерживала особенно сильные проклятья в адрес шефа.

В общем, плюнув на груз, увел ее в серверную, успокаивать словесно и дать выплеснуть навалившееся горе. Где и был чуть не изнасилован, но сопротивлялся и довел все до боевой ничьи. Хотя карман спецовки таки пришлось отодрать целиком, потому что пришить его обратно не представлялось возможным.

— Где вы ходите, время идет, — возмутился водитель, когда я вновь спустился к фургону.

— Да мне, в общем-то, наплевать, — пожал я плечами, подхватил коробку с клавиатурой и мышкой и понес внутрь здания.

— Давай тут выгрузи, мне ехать надо. — Донеслось мне в спину.

— Тут одному работы до вечера, — вернулся я неторопливо и оглядел содержимое грузовика.

— Ай, да черт с тобой, — подхватил он две коробки с системниками и нетерпеливо посмотрел на меня. — Куда нести?

Вдвоем управились за двадцать минут, полностью заставив коридор первого этажа. Потом уже я неспешно перенес в наш кабинет — сколько поместилось на столах, под столами и между столов, а остальное на чердак, уложившись к обеденному перерыву.

— Сергей, все компьютеры должны быть установлены за две недели, начиная от этого дня. — Поднялся ко мне Эдуард Семенович, когда я уже собрался было уходить на обед.

— Не успеем, — дипломатично развел я руками. — Физически невозможно.

— Сергей, нужно постараться, — надавил он взглядом.

— Стараться буду, но все равно не успеем, — окинул я взглядом огромное количество коробок.

Только системники занимали площадь по полу более шести квадратных метров, будучи поставленными вплотную друг к другу. Еще МФУ отъедали от немаленького помещения под крышей немало места.

— Десять дней, сто машин. По десять в день. Восемь часов, сорок восемь минут на каждый. — Напряженно посчитал шеф.

— Перенос данных со старых машин, — демонстративно зажал я палец, — стартовые настройки сети и домена, — пошел второй довод. — Установка нашего софта, таскание техники туда-сюда. Нереально, Эдуард Семенович. К тому же, у ведомства постоянно возникают новые проблемы, которые тоже на мне.

— Надо, Сережа, надо! — Отчески приобнял он меня за плечи.

Ну еще бы, у него дело на миллионы горит.

— В общем, надо еще людей нанимать, — не стал я изображать порыв энтузиазма.

— Так не идет никто, — закусил он губу. — Ты вот что, по вечерам оставайся и на выходные работать выходи.

А еще я вместо сна работать могу, что уж мелочиться.

— Да я, вообще, уволиться хотел, — и сказать это стоило хотя бы ради вида вытягивающегося в ужасе лица начальства.

— Не надо, Сережа! Не сейчас, всем святым тебя прошу!

— Да платят мало, Эдуард Семенович. Повышения два года нет. Вон, девушка ушла. Говорит, мало зарабатываю, — грустно отвел я взгляд.

— Вот что, Сергей. Справишься — замом тебя назначу! — торжественно пообещал мне шеф. — И отпуск — летом получишь, а не как обычно!

— А Анна Михайловна, как же? — осторожно уточнил я.

— Уйдет от нас Анна Михайловна вскоре, есть такие слухи. Ну а ты — на ее место, а? Готов?

— Все равно не успею, — скептически оглядел я помещение. — К тому же, я родителям на выходных обещал быть. Они у меня за городом живут, старые, надо помогать.

— Сергей, — замер шеф, о чем-то напряженно думая. — Это очень важный переход на новое оборудование для ведомства. У нас очень сжатые сроки.

Затем он нырнул рукой во внутренний карман пиджака и выудил тысячную купюру.

— Мы ведь понимаем друг друга?

— Эм. Нет, — скептически глянул я на бумажку.

— Тогда сколько? — Звенел он напряжением в голосе.

— Столько же за каждый системник.

— Да побойся Бога! Я за такие деньги найму высококлассных специалистов!

— Здорово, — обрадовался я. — Тогда мы точно успеем.

Это чтобы из образа недалекого не выходить. А так — не может он никого нанять, потому что у них ни пропуска, ни допуска к гостайне нет, а оформить все эти подписки — реально на работу устраиваться надо и через испытательный срок пройти. А это, как бы, минимум месяц.

— Ладно, давай по пятьсот за машину.

— Нет, Эдуард Семенович, — замотал я головой. — Мне еще девушку назад возвращать.

По тысяче за системный блок и две за МФУ.

— Почему две-то?!

— А они тяжелые.

В общем, договорились мы. Причем, с авансом.

— «Девятку» куплю, — поделился с ним близким счастьем, демонстративно любуясь купюрами. — Подержанную.

Тот украдкой покачал головой и вышел со склада.

Ну хоть какой-то гешефт с их аферы получу, в самом деле. А что до установки — там быстро все, какие еще сорок восемь минут... «Отделу такому-то переписать все необходимые файлы и документы на файловый сервер, в папку под своим именем». Потом перекинуть на новые машины, записать мак-адрес сетевой карты и нести счастливому владельцу. Благо, операционная система и офисный пакет уже установлены, а остальное — мы накатим удаленно, когда заведем компьютеры в домен.

Несмотря на все старания, работы все равно затянулись до позднего вечера — заставка производителя с требованием стартовых настроек портила весь график. Короче, глобальный переход откладывался на завтра, что и сообщил нервничающему шефу. Успел только МФУ поставить в тот отдел, где шкаф спер — чтобы совесть успокоить.

Подходила и Анна Михайловна, предлагая саботировать работу. Но не особо активно — итак складывалось впечатление со стороны, что не успеваем. Да и будет настаивать — тоже отправлю ее подальше. Нечего за мой счет строить карьеру. Что до девушек — с людскими не выйдет, так с эльфийкой попробую отношения строить. Во всяком случае, она гарантированно умеет готовить, а это в моем возрасте столь же ценное качество, как отличница — в младших классах или красота в старших.

Напоследок, сунулся в серверную. Все равно на меня уже оформлена служебная записка, что могу приходить и уходить, когда угодно. А в каменном мешке темно что утром, что ночью — так что отличный повод завершить эту эпопею. И уж точно, никто не станет ночью отвлекать. Никого в министерстве этой порой.

Привычно поднял градус в серверной, подготовил самовоспламеняющийся состав и ватку, разделся, да под конец спохватился и не стал включать газовую горелку. Там же полог этот остался, который портал прикрывал. Вроде как, не должен огонь его задевать, а ну случится неприятность и подожгу его ненароком? А мне ведь на этой ткани камни поднимать снизу, так что рисковать не следует — зайду, сдерну и только потом огонь зажгу. Дел на пару секунд, зато риска испортить никакого. С такими мыслями осторожно и медленно перебрался на «Ту сторону», в привычный холод, который в последние разы уже не казался настолько колючим и страшным. Может, привык, а может — вместе со здоровьем и целыми зубами в комплекте пришло...

В первые секунды, после шума и гула серверной, не совсем понял, что кое-что изменилось в окружающем пространстве. А когда осознал, что вместо привычной абсолютной тишины, воздух вокруг наполнен ритмичными шевелениями, скрежетом и громкими шорохами, замер от ужаса на месте. Десятком секунд позже, когда вдобавок к шелесту, добавился дикий крик откуда-то издали, полный боли и разума, осознал, что такое — когда сердце падает в пятки. Вместе с ужасом, навалилась слабость, качнувшая тело, но я удержался от падения и посмотрел вниз.

Разум, если бы он смог достучаться через страх и ступор, наверняка потребовал бы срочно возвращаться, но ужас удерживал дрожащее тело на месте, заставляя вглядываться в

невнятное копошение темно-серого и черного внизу, вслушиваться в дикий и истошный крик, что усиливался с каждым мгновением — до тех пор, пока пещеру не осветил рваный факельный огонь.

То, что истошно вопило, было ящером. А то, что влекло его в пещеру, игнорируя отчаянные попытки отмахаться огнем факела — бесчисленным потоком пауков, размером в голову ребенка. Что-то огромное мелькнуло внизу, и на мгновение крик взвился до отчаянных высот, чтобы тут же прекратиться. Огонь факела, отброшенный в сторону, высветил всю картину происходящего, буквально парализовав дыхание.

Там, внизу, за ошметками серебристой паутины, края которой были повсюду на стенах колодца, билась в агонии тварь, похожая на черную вдову, усеченную на все ноги и половину головы. Билась беззвучно, в окружении целого моря пауков поменьше, овивающих свою госпожу, чтобы та не разбилась о каменные стены. Рядом, замотанные в паутину, лежали семь тел-саванов ящеров, принесенных не иначе как в пищу паучихе-матери. Но те не выглядели начисто высушенными, как обычно смотрятся мухи в паутине — тварь раз за разом била их жвалами, остатками конечностей и телом, убивая в который раз. Но с питанием явно выходили проблемы, как бы не подтаскивала тела к морде паучихи ее свита. Жрать с посеченной мордой эта дрянь не могла.

А еще ниже, под свалкой паучьих и ящериных тел, проглядывало трофейное полотно, закрепленное мною над порталом. Догадка вспыхнула в разуме, разбив ужас навалившейся апатии.

«— Кровь на полотне!»

Получалось, что тварь, шедшая либо через коридоры (что вряд ли, большая слишком), либо пробравшаяся с верхнего яруса через щели, шла на запах крови, но вместо добычи попала в ловушку портала, начисто срезавшего ей конечности и половину морды. И сейчас ее свита пытается восстановить жизнь босса, притаскивая из коридоров подземелья все новую и новую пищу — и будет это до того момента, когда ящеры не соберутся вместе и не вломят беспомощной твари по первое число. И не обнаружат портал в мой мир.

«— Блин!» — Но вместо этого слова были куда жестче. — «Закрыл, мать его, портал», — до зубовного скрежета пробрало отчаяние.

Вот бы тварь оказалась всего лишь немного повреждена — служила бы стражем этому месту. А так... Сама же сдохнет, раз жрать не в состоянии, ее даже победить не надо.

Надо было срочно что-то делать, но от этого кипения паучьих тел только пробирало головокружение и чувство собственной беспомощности.

«— А ну собрался!» — До крови сжал я губу. — «Достал уже бояться. У тебя за спиной был непроходимый для тварей портал», — вместе с болью пришла ясная и успокаивающая мысль.

Потому что был бы проходимым, то уже днем из министерства стали бы пропадать люди.

«Значит, что? Значит, ловушка — и если уже один раз сработала, то второй раз не подкачает». — Полный решимости, перебрался обратно в свой мир.

Естественно, собой я приманивать тварей не стал. Еще чего не хватало, итак умудрился оцарапаться, пока перебирался через барьер обратно. За десять минут после перехода, одевшись и прекратив дрожать, выработал план.

Говорят, пауки остро реагируют на тепло — подключил я горелку к порталу, мигом перебрался на Ту сторону с самовоспламеняющимся составом, нервно дождался вспышки

огня и под ясно слышимый приближающийся шелест лап занырнул в свой мир обратно. Тут же отполз к двери, подбирая одежду, и напряженно наблюдал за пленкой портала, готовый тут же занырнуть за дверь и захлопнуть ее за собой.

Но ничего не происходило, шум шелеста серверных вентиляторов не перебивал иной звук. Постепенно схлынули страхи и опасения, и я смог более-менее спокойно привести себя в порядок, подлечить порез на левой руке зеленым свечением правой ладони. Немного подумал, посмотрел на горелку, оценив примерное время горения, и отправился в свой отдел. Мне там еще чуть меньше семидесяти компьютеров требовалось просто включить, пройдя через стартовую заставку. Тоже — время, которое не следовало терять. Заодно успокоюсь.

Монотонная работа окончательно успокоила. К ее концу, часы перебрались за полночь, а в кабинет даже заходил сторож (сменщик вчерашнего), поинтересоваться планами на рабочий процесс.

«Сейчас, проверю, как там свита паучья — сдохла ли? и домой пойду» — Хотелось ответить.

Но вместо этого вежливо отметил, что еще долго.

Ломая свой страх и желание отсрочить погружение в смертельно опасный колодец до утра, все же посетил серверную. Горелка продолжала накачивать пропаном из сибирских недр атмосферу чужого мира, а по эту сторону по-прежнему не было никого и ничего нового. В общем, в очередной раз победив себя и пообещав тут же занырнуть обратно, если что-то пойдет не так, шагнул за грань портала.

В первую секунду, полную отчаянного напряжения и готовности рвануть обратно, на меня никто не напрыгнул. Хотя ноги все же подкашивало и разум отчаянно требовал вернуться, но я заставил себя заглянуть за край выступа.

В свете огненного круга, зажженного мной, виделась только изрядно потерявшая в подвижности туша паучихи, дергано шевелящаяся в синей слизи-крови размозженных ее массой бездыханных тел ящеров. Ее свита, как и планировалась, сдохла в портале, куда ей и дорога.

Под руками как-то само по себе оказалось трофейное копьё с бронзовым оголовком — чудом не свалившееся вниз. Холодное дерево придавало уверенности, а вместо эмоций жертвы, которой надо бы опасаться даже такого, почти сдохшего противника, накатывали мысли охотника. Например, как убить тварь и не сдохнуть от резкого ее движения. Выходило, что бить следует со стороны коридора, прикрываясь лазом у выхода от возможных судорог.

А убить было необходимо, как и избавиться от тела. Потому что, действительно, если ящеры найдут ее такой — дохлой или почти дохлой, то обязательно осмотрят, и быть portalу обнаруженным. Но если не обнаружат ни паучихи, ни своих плененных товарищей, то будут свято верить, что она притаилась где-то наверху, за щелями поваленной плиты. И уже мертвое будет охранять мир живых. Не сунутся, уверен — особенно если увидят застывшие следы крови на полу колодца.

Движимый такими мыслями, аккуратно заточил бронзовый оголовок копья порталом до остроты, осторожно спрыгнул подальше от тела полудохлой паучихи. Медленно, будто та могла следить за моими движениями, прошел вдоль стены, огибая лохмотья паутины, и уже рядом с провалом-выходом резко ударил копьем по туше. Руки резко повело от судорожного движения твари, но я успел выдернуть копьё и всадить еще десяток раз, выбивая из тела

паучихи черные и вязкие потоки сукровицы. Та дергалась, превращая в месиво тела ящеров рядом, но не могла огрызками лап добраться до меня, чем я пользовался, уже с выгоревшими эмоциями нанося удар за ударом, пока тварь не замерла полностью. Но я еще минут пять пытал ее копьем, то с одного края, то с другого. Пауки коварны и живучи. Но эта, уже наверняка, сдохла точно — и через десять минут я уверился в этом с гарантией.

Ноги хлюпали в синей и черной крови, пока делал пару шагов в ее сторону. Отложил копье в сторону, встал перед неприятной — что в жизни, что в смерти — тушей паучихи и положил на покрытую черной вязкой кровью поверхность хитина свою ладонь. Та уже привычно погрузилась в рассыпающееся на глазах пылью тело, пока не наткнулась на нечто крупное, теплое, круглое.

— Интересно, какие способности есть в тебе? — Задал я вопрос серебристому, с мерцающим нутром, камню в хороший булыжник величиной.

Попытался взять его в левую руку — подумал, что правая занята камнем с «лечением», но камень не торопился растекаться по поверхности кожи. Поднес к груди — равнодушие. Иные части тела тоже не приняли его силу, и я начал задумываться, что оно не работает так, как остальные. Даже хотел было коснуться пятой точкой и ее аверсом, но затем спохватился и попробовал коснуться лбом. Будто выжидая до этого, поверхность камня будто вцепилась в кожу лица, окатив такой болью, что казалось — жрет кожу и кости черепа кислотой.

Крик потонул в вязкой массе, быстро забравшейся в нос и рот, глаза и уши. Кулаки, которыми я уже всерьез бил себя по голове от отчаяния и боли, не спасали. Вместе с болью, перестал поступать воздух в легкие, я стал задыхаться, я оглох и ослеп. И когда уже пришла безнадежность и смирение, пришло облегчение. Я смог вновь вздохнуть.

Провел рукой, ощущая ладонью собственную кровь во множестве рассечений. Кажется, я бил себя камнем. Уши вновь слышали — и этим звуком было мое отчаянное, тяжелое дыхание. Глаза — невероятно отчетливо видели сквозь привычный полумрак. Видели не только контуры всех камней вокруг, но даже теплую дымку над телами полуразорванных ящеров.

Я склонился над ближайшим телом дохлого ящера и положил на его грудь ладонь. Вновь — ощущение погружения, и знакомый мутный коричневый камень в руках. Коснулся груди — и восторг жара, нового рождения, нового потока сил захлестнул тело, прогоняя боль, страх, закрывая раны на голове и коже рук.

— Хоть какая-то от вас польза, — хрипло пробормотал я, затем откашлялся серой пылью и принялся методично обходить другие тела.

Еще три всплеска желания жить, которые, подумав, не стал прикладывать к коже. Один попробую перенести в свой мир, может — пропустит.

Среди ящеров оказался представитель с синей полосой через лицо, памятный по второму поединку. К этому камню я вновь приложил правую ладонь — вернее, как коснулся ей, так он и впитался, напоследок ярко — гораздо сильнее, чем в прошлый раз, моргнув зеленым. Усилился, будем верить.

И двое ящеров напоследок, совсем странные, даже без гребня, но с массивными бронзовыми браслетами на руках. Важные люди? Без разницы, куда важнее цвет камня в их груди — мутно-синий, чуть меньше, чем обычно.

— Хм, интересно, — хмыкнул, прикидывая, куда бы приложить.

Попробовал так и эдак — не собирались взаимодействовать. Вообще никак, будто просто стекляшки. Разозлившись — от стресса, от злости, от пережитого страха, от холода,

ударил одним из них по полу.

И в оторопи смотрел, как из разбившегося камня стремительно разбегаются по углам и щелям с десяток мелких ящериц, сантиметра в два длиной.

— Куда, ять! — Взвыл от такой подставы и принялся давить зеленую сволоту пятками, пока не разбежались.

Одна из них тут же вцепилась в подставленную кожу зубами, яростно засасывая кровь и вырастая в длину до трех, а потом до четырех сантиметров!

— А ну нахрен! — Отодрал я плотьядную тварь и приложил о камень, где тут же прикончил, обморочную, подхваченным копьём.

Вот где уроки Михаила на точность пригодились.

Остальных сволочей отлавливал еще минут десять, и если бы не обострившееся зрение, вряд ли вообще смог это сделать, даже если искал всю ночь. Притаились, твари, за камнями. Помогала открывшаяся способность видеть тепловатый воздух по контуру их тел — даже если они были закрыты препятствием. Ладно хоть в коридор не сиганули, ищи их там.

В общем, сложил все тушки ящерок в один ряд и потыкал пальцем — ящерки исчезли, но камешек был только один, совсем крошечный — у той, успевшей пожрать тварюшки. И был он мутно-коричневым.

— Ясно, что ничего не понятно. Но я так тебя просто не оставлю, — жестко посмотрел я на оставшийся синий камешек. — Не дай бог, сам расколешься об что-нибудь, и будет у меня тут десять неплановых гостей.

С такими мыслями, устроил преграду из камней, посередке поставил синий камень, тщательно прицелился копьём... И чуть было ладонь не вывихнул, когда копьё буквально влетело в камень почти на полную длину! Будто там не было ничего, не каменный пол, а дыра до самых недр!

— М-мать! — Выдал я от удивления.

А затем осторожно подвигал той частью копьё, что оставалось в ладони. То, к изумлению, словно не было внутри камня — а следовало по полу вслед за движением руки. Тихонько потянул к себе — вынырнула исчезнувшая было часть...

— Интересно, — признал я через усталость.

Затем, осмотревшись и еще раз уверив себя, что сегодня запираю портал, даже если завершу к рассвету, вдавил все копьё до конца — а оно и ухнуло, как в воду, в неведомо что. Вернее, как неведомо — вон, на полу синий камешек лежит, только отчего-то с белой полоской по экватору.

Попытался выудить копьё обратно — да где там. Теперь вместо него нечто загадочное и без инструкции. И вообще, холодно, домой пора. Поднял синий камешек к лицу, пощелкал по нему ногой, чуть не уронил и спас его от падения (и новых ящериц, наверняка), прижав левым локтем к боку. Примету, что-то в очередной раз пошло не так, распознал по болючему ожогу в месте касания. А камня — нет его.

— Шикарно, теперь фиг мне, а не аэропорты, — потерянно пробормотал я, пытаюсь разобраться, что произошло с кожей и мной в том месте. — Гражданин, вам нельзя на борт, у вас в теле — копьё.

Короче, бардак. Для профилактики, растер еще один камешек с заживлением о тело — но синий камешек так и не показался. Разве что покраснение в этом месте проявилось знакомым кружочком с полоской, будто таблетка. Хм. В дело тут же пошел еще один камешек, бодря, согревая и даря энергию, но рисунок ничуть не изменился. И копьё не

появилось обратно.

— Главное, чтобы оно внутри организма не материализовалось, действительно, — уже уставший и разучившийся удивляться, принялся я собирать обычные камни по полу, набивая ими мешки из тканей, которые там же наспех и мастерил.

Проход надо было закрыть, и это не обсуждалось. Тем и занимался, по нашему времени, до самого рассвета. Там же, за каменной преградой, остались все трофеи с ящеров — потому как нечего смущать зеленых Шерлоков вопросами, почему ценности валяются на полу отдельно от костей владельцев. Трофеев, кстати говоря, на этот раз выдалось прилично — у тех безгребневых оказались нашиты к полотну одежды кошель, довольно объемные и полные добра. Хотя разбираться в этой свалке бронзовых чешуек, браслетов, разноцветных камешков и колец я толком не стал — все равно тут все оставлю.

Ну а коричневый окатыш, меньший из двух оставшихся, подхваченный в зажим двумя камешками, сгинул во время перехода обратно, будто не было никогда. Не прижился в нашем мире.

— Да и демон с ним, — устало махнул я рукой, разглядывая оставшийся со мной рисунок-таблетку на левом боку. — Ты-то чего остался?

Провел по ней отливавшей зеленым свечением ладонью правой руки, будто стараясь излечить. Но отметка осталась на месте.

— И что с тобой теперь делать?

Пыль, холод, шум, ненормированный рабочий день и ответственность — вещи привычные, хотя кого-то со стороны они гарантированно отпугнут от должности и профессии. За хорошую зарплату (не у нас) с этим можно свыкнуться, и даже полюбить свою работу. Но вышеописанные трудности даже в половину не так ужасны, как сидеть этим утром под столом в чисто женском отделе министерства и подключать там компьютеры. Замечу — там вымыт пол, тепло и никто не пинает ногами. Потому что все повернулись на креслах в сторону длинного стола возле входа, где моя замшефа с подругами томно обсуждает свою новую влюбленность. Меня обсуждает, углом дивана ей по мизинцу!

— Ему не хватает нежности. Он такой грубый иногда, властный. — Покручивая прядку завитых волос (а она завила волосы), прочувственно вещала Анна Михайловна под завистливые вздохи женского коллектива.

— Как в пятидесяти оттенках серого? — Пискнули со стороны окна.

— Нет, для этой роли он бедноват, — грустно вздохнула замшефа.

Да ну их всех лесом! Воткнул клавиатуру, мышь, и искренне надеясь, что не горю ушами, быстрым шагом удалился из кабинета. Вон, пойду другой отдел подключать. Хотя нет — взглянул я на часы — на обед пойду, почти время подошло.

Среда вышла теплой, ясной и, если откинуть недавний фрагмент жизни, весьма оптимистичной. На улице было куда больше зелени и асфальта, чем слякоти, да и вообще — умиротворенно на душе. Отчасти потому, что вчера, во вторник, пара листов гипсокартона, штукатурки и краски полностью закрыли межмировой этап моей жизни. Кирпич для этих дел показался избыточным, к тому же требовал куда больше ресурсов и умения. В любом случае, что гипсокартон, что стену в один кирпич все равно пробьют. К тому же у охранника починился телевизор, так что крупные листы гипсокартона прошли мимо него в буквальном смысле.

В общем, теперь серверная пахнет краской, нанесенной вокруг по всему помещению, чтобы фальш-стена не отличалась оттенком. Разумеется, все это — ночью, в нерабочее время.

Дома был только этим утром, чтобы побриться и вымыться — иначе коллеги уже коситься начали на впитавшийся запах краски в одежду, а Анне Михайловне «щетина колется». И только шеф, Эдуард Семенович, счастлив таким моим энтузиазмом — в график мы укладывались, а как завершу сегодня с этим кабинетом коз болтливых, показатели выйдут даже на опережение плана.

Как их вспомнил снова, да представил, что они со своим щебетанием в столовую явятся — решительно вернулся в кабинет и переоделся в городскую одежду. В кафе городской администрации пойду, оно тут рядом, и кормят вкусно.

Путь через длинную парковку, заставленную недешевыми авто, успокоил нервы, а предвкушение пищи настроило на позитивный лад.

Городская администрация располагалась в пятиэтажном здании, могуче раскинувшего левое и правое крыло перед небольшим парком. Было оно бежевого цвета, увито белыми декоративными колоннами и досталось новым владельцам с предыдущего политического строя. Функции строение выполняло те же самые, что раньше, так что из существенных изменений — новые таблички, неровно покрашенный лозунг «Все для народа!» и россыпь

кондиционеров. Ну и часть парка отгрызли под парковку пару лет назад, вдобавок к уже имеющейся.

На секунду задержался перед входом из массива дерева и стекла, пропуская двух мужчин с благородной сединой в волосах.

— Устроим конкурс рисунков среди детей, а лучшие работы изобразим на стенах коридоров в их подъезде. — Вдохновенно вещал один другому.

— Верно! Детвора не станет портить собственное творчество, наоборот, станет оберегать! — Вторил ему спутник. — Отличная идея, Александр Геннадьевич.

Толково придумано — с уважением проводил я их взглядом, пока те не дошли к мерседесу и ауди миллионов за пять каждая и вежливо попрощались друг с другом. Хотя... Какая-то контора должна будет эти рисунки на тех стенах нарисовать, не детям же этим заниматься. И если даже взять тысячу домов по два подъезда, а покраску стен оценить хотя бы в десятку на подъезд, то выходит двадцать миллионов. Хм... Но ведь ради детей...

После входа, дорогу заступил угрюмый охранник, придерживая укороченный подвид АК, закрепленный на ремне через грудь.

— Вы к кому? — Закрыл он корпусом рамку металлодетектора.

— На обед, — произнес я верный пароль, и суровая охрана тут же отшагнула в сторону.

Наверное, так и Кремль можно пройти — задумчиво хмыкнул я, вышагивая по коридору ведомства, изредка поглядывая в открытые двери кабинетов. Суэта тут не ослабевала даже в обеденный перерыв, так что то и дело приходилось уклоняться от несущихся с бумагами наперевес дам и господ. Плотный красный ковер на полу глушил звуки каблучков, иначе бы цокот тут стоял невероятный.

Кафе находилось в конце коридора, на цокольном этаже, без выхода на улицу. Но, увы, дойти до него оказалось не судьба.

Весточка грядущих проблем пришла вместе с вызовом сотового телефона, а недобрые предчувствия подкрепило имя шефа на экране.

— Да, Эдуард Семенович? — Замер я, чуть отойдя к стене.

— Сергей, срочно возвращайся!

— А что случилось? — Дрогнул я голосом, ожидая услышать про портал, ящеров, биткоины или взломанный мною начальственный компьютер — в порядке ниспадания угрозы.

— Сам не знаю. Из отдела, где ты компьютеры ставил, срочно требует тебя. Так что бегом назад.

На душе, не смотря на недобрые известия, отлегло. Даже интересно стало — что могло случиться. Все же верно и протестировано. Или начотдела не нашла на новом компьютере «Зуму»? Так это общая проблема — кто-то не досчитался игр, кто-то любимого фона рабочего стола. Шеф, после первой же жалобы, постановил не поддаваться и возвращать только документы, которые позабыли перенести со старой машины. Хотя потерю начотдела так игнорировать не получится — если дело именно в этом. На самом деле, было бы хорошо — думал я, спешно поднимаясь по лестнице родного ведомства на второй этаж. Почти бегом дошел до нужной двери, постучался и осторожно ее приоткрыл.

Хм.

Локализация проблемы в помещении прошла мгновенно — по грустному и чуть беспомощному виду девушки, сидящей за столом с тем самым компьютером, монтаж которого я завершил до обеда. Более никого в кабинете не было.

Кажется, звали девушку Юлия Владимировна. Было ей около тридцати лет — с той стороны от этой цифры, которая еще позволяет говорить «мне двадцать с хвостиком». Внешностью же она походила на тот подвид серых мышек, которые первыми в университете выходят замуж. Но тут, вроде как, не сложилось — судя по отсутствию обручального кольца. По достоверным сведениям, полученным ранее при бдении под столом, виной тому была лучшая подруга Тамара, у которой тоже не задалось в отношениях. Подруга была настолько лучшая, что прошла с Юлией школу, университет, а сейчас занимала соседнее рабочее место. Но там ситуация более-менее ясная — есть такой типаж девушек с небольшим избыточным весом, которые либо становятся веселыми хохотушками и быстро находят себе пару, падкую на заботу, домашний уют и вкусную еду. Либо грустно смотрят через очки в окно, ожидая алые паруса на горизонте. А у нас не только моря нет, но и до ближайшей крупной реки не близкий свет. В общем, ежели Конфуций утверждал, что «Если долго смотреть на воду, то можно увидеть как мимо проплывет труп твоего врага», то тут ожидали выловить приличного мужа в живом состоянии. Хотя внешностью она вполне себе — но если девушка считает себя некрасивой, то мир редко пытается ее в том переубедить.

Собственно, из солидарности с Тамарой, ее подруга тоже не торопилась строить отношения. Но это так, лирика для заполнения напряженной паузы, за которую я телепатическим путем пытался определить проблему, глядя Юлии Владимировне в глаза. Та, судя по молчанию и приоткрытому роту, тоже предпринимала невербальную попытку передачи информации.

— Что-то случилось? — Осторожно спросил я ее, сдавшись угадать причину вызова.

— Да, — засуетилась она, отодвигаясь от стола и указывая на системный блок, на котором лежала ее сумочка. — Вот. Я собралась на обед, а тут это. — С волнением и надеждой на помощь завершила она.

— Хм, — с умным видом подошел я и присел на корточки. — Понятно, — еле сдержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу от досады.

«Тут это» оказалось проводом клавиатуры, пропущенным каким-то образом ровно через лямку сумочки и подсоединенным к системнику.

В общем, Юлия собралась в столовую, хотела подхватить сумочку, но злобное техническое устройство ее не пустило. Нет, ну парни, вдруг побоявшись трогать провода, в таком случае просто взяли бы деньги и ключи, но девушки, как известно, отдельно от своих сумочек не существуют.

Моя вина. По запарке и торопливости упустил, тут уж только признавать, срочно исправлять и пытаться скомпенсировать. Потому как дело уже дошло до руководства двух отделов, так что показания пострадавшей стороны должны быть в мою пользу. Не то, чтобы это как-то скажется в глобальном плане, но хотя бы мозг есть не станут, что само по себе ценно.

— Юлия Владимировна, я настаиваю, с меня обед, — произнес я на робкие отговорки. — Я вызываю такси, — и в благостной тишине притихшей девушки заказал машину.

Потому что оплачивать обед в нашей столовой — это пошлость и нездоровое внимание коллектива. Не деньги же давать за такой пролет. И вообще, я тоже не поел, а второй раз пароль на вход в администрацию города не сработает.

— Совсем не нужно было, — семенила Юлия вслед за моими широкими шагами.

Но я молча шел вперед, галантно открывая перед ней двери на этаж, на выход из здания

и машины такси. Сам сел рядом и продиктовал водителю адрес.

— Вы что, там же очень дорого, — взволнованно шепнула она.

Вообще да, центр города все же. Но «дорого» — относительно столовой, скорее.

— Я перед вами в большом долгу, — успокоил я, положив руку на ее ладошку.

После чего Юлия замерла на все пять минут дороги. Ну а «в долгу», потому что постоянно извиняться вредно.

— Прошу, — быстро обошел я машину и помог ей выбраться. — Вот здесь я снимаю квартиру, — указал я на дом.

Водитель решил оставить нас на парковке супермаркета, встроенного в первый этаж, так как пятачок возле кафе не способствовал маневрам. Но тут шагов-то тридцать, ерунда.

— А деньги? — окликнул меня он.

— Да, сейчас, — спохватился я и заглянул через его плечо на его сотовый со счетчиком таксометра. — Шестьдесят семь рублей, хорошо.

Засунул руку в карман и обреченно нащупал пятитысячную, с которой у таксиста точно не будет сдачи. Благо, в другом кармане с ключами оказалась россыпь мелочи, тут же выуженная на ладонь и скрупулёзно пересчитанная. Это со ста рублей сегодня в троллейбусе щедро одарил кондуктор, невозмутимо вывалив запас рублевых и пятидесятикопеечных. В общем, набралась нужная сумма — констатировал я облегченно, передавая горстку монет в сложенные лодочкой ладоши водителя. Тот скептически посмотрел на металл и пренебрежительно вывалил, не считая, в подстаканник. Не понимает своего счастья — ему же еще целый день сдачу сдавать. Но да ладно.

Повернулся к Юлии и с улыбкой предложил:

— Пойдем?

На меня смотрел жалостливый и задумчивый взгляд карих глаз.

— Сергей, я не голодна. Может, просто прогуляемся? — Спросила она.

— Я обещал, и я перед вами обязан, — стоял я на своем, взял ее ладонь в свою и сделал шаг в сторону кафе.

— Сережа, будет достаточно просто мороженого, — улыбнулась она, указывая взглядом на магазин и не двигаясь с места.

— А, вы не подумайте, — спохватился я, сопоставив взгляды и сцену с мелочью, и тут же достал красненькое доказательство своей платежеспособности из кармана. — Вчера ведь зарплата была, — спохватившись, залегендировал я свои капиталы. — К тому же, я тоже пропустил обед и сам не против перекусить, — голодными глазами посмотрел я в сторону вывески кафетерия.

— Сергей, — закусила она губу, о чем-то взволнованно думая. — А давайте я нам приготовлю? Купим продукты, — шагнула она в сторону магазина.

— Да, но я обещал кафе, — смутился я. — Уверяю, там уютно и очень вкусно.

— Не беспокойтесь, я умею готовить не хуже, — гордо приподняла она носик и повела меня за руку к дверям магазина. — В кафе будет по пятьсот рублей на человека, — чуть тише пробормотала она. — А вам еще месяц на что-то жить.

Блин, гребанная легенда. Не спорить же, в самом деле. А сказать что-то на вроде «мне родители помогают» — совсем плохо в глазах девушки.

Да и, если честно, любопытно отведать что-нибудь домашнего. Меню в кафе уже год не меняется, а память о домашней вкусноте еще не выветрилась с выходных. Опять же, стану расхваливать приготовленное ею на все лады, и инцидент с проводом будет исчерпан.

То, что кое-что начисто вылетело из головы за думами о еде, настигло меня после проворота ключа у второго замка и открытия двери.

— Приношу извинения, у меня небольшой ремонт, — закусив от досады губу, посмотрел я на разгромленную перфоратором прихожую.

За всеми рабочими хлопотами попросту не успел доделать проводку, так и оставив стены с сорванными обоями и прогрызенным на всю длину бетоном. Да и дома был нечасто, вот и вылетело из головы... Хоть, строительный мусор убрал и полы вымыл. Ладно, что уж теперь...

— Зато аренда недорогая, — словно не услышав меня, изобразила вдохновенную улыбку Юлия, благосклонно приняла мои тапочки на свои ножки и прошагала на кухню.

Ну и я, шурша пакетом с едой, в носках за ней, потому как второго набора тапок в этой квартире не предусматривало семейное положение.

Хоть кухня у меня приличная и холодильник большой. Только пустой — заглянул я в него вслед за хозяйничающей вовсю девушкой. Разве что нижние полки забиты закатками из дома.

— Вот, мама передала, — с теплотой отреагировал я на банки с вареньем. — Можно компот сделать.

Это чтобы хоть какое-то участие в процессе готовки принять — иначе стою тут в сторонке, чтобы стремительному вихрю Юлиных перемещений не мешать. Не уходить же из комнаты — вот и пытаюсь себе придумать дело. Ну или надеюсь дождаться настоящей мужской работы, вроде резки репчатого лука или выброса мусора. Могу еще мясо порубить, у меня для этого топор на балконе есть. Он в каждом доме должен быть. Только мы мясо не брали. Овощи разные, фрукты, сыр, немного грецкого ореха.

— Сережа, — коснулась Юлия моей руки и заглянула в глаза. — Скоро тебя обязательно повысят. Ты хороший парень, тебя все очень хвалят. Все наладится!

— А? Да нет, все отлично, — вынырнув из медитативной задумчивости, бодро опроверг я.

— Это поначалу тяжело, без стажа. Я вот в общежитии с подругой жила на эти шесть тысяч, но потом все наладилось. Премии стали платить за выслугу лет. — Стала она успокаивающе поглаживать меня по руке. — Сейчас уже почти двадцать две тысячи, вполне можно жить! Только подождать надо чуть-чуть.

— Да без проблем, не переживай, — чуть неловко отодвинулся, посмотрев на стол, где нарезанные компоненты нашей еды ожидали несобраным конструктором. — Может, поедим? — С надеждой добавил я.

Полчаса до конца обеда, в самом деле. Да и разговор неловкий.

— Ты еще недоедаешь, бедняга, — совсем жалостливо смотрела девушка.

— Да, — повесил я голову.

Если тактика с опровержениями не работает, то надо соглашаться. Так как легкий голод стал уже перерастать в ту фазу, когда хочется вцепиться в остатки не порезанного сыра зубами и с блаженством запивать горячим чаем.

— Я тебя покормлю, — нежно провела Юлия ладонью по моим волосам и заглянула снизу вверх карими бесконечностями заботы.

Руки как-то сами собой легли на ее талию и привлекли к себе, а губы легонько прикоснулись к приоткрытому роту, готовые отпрянуть в то же мгновение, если почудится тень отказа — не важно, в движении, звуке или напряжении тела. Но ничего такого не было,

в руках была теплая и приятная нега, а сверху мое предложение встретило напористое и активное согласие. Подхватил на руки, когда мои ладони уловили слабость в теле Юлии, и перенес в спальню.

В общем, в итоге обед свелся к кусочкам нарезанных вкусностей, которыми я с рук кормил девушку, то уклоняясь от игривого покусывания жемчужными зубками, то позволяя Юлии изобразить плохую девочку — порочную и уже опаздывающую на работу.

— Ой, я побежала, — спохватившись, коротко поцеловала она меня и принялась собирать одежду с пола.

А еще говорят, девушки медленно одеваются.

Ну и я, пользуясь привилегированным положением в отделе, не торопился вставать с постели, чтобы не мешать. В итоге, проводил ее до двери, и только после этого стал надевать рубашку. Затем таки наведалься на кухню и догрыз остатки сыра под чай, ощутив сытость и полное довольство жизнью. Которое, увы, просуществовало недолго — до момента, когда на тумбе возле выхода не обнаружилась аккуратная такая и совершенно чужая тысяча рублей.

— Блин, Юля, — матернулся я, не зная, как реагировать. — Короче, верну, — наплевал я на легенды и якобы плохое финансовое состояние, положил купюру в карман рубашки, собрался полностью и пошел на остановку.

Потому что наши люди на работу на такси не ездят, а пешком — все же избыточно долго.

— У вас все хорошо работает? — Наведалься я в кабинет Юлии, сетуя, что не записал даже номера ее телефона.

— Да, все в порядке, — невозмутимо ответила она. — Спасибо.

Собственно, после этого диалога внимание ко мне от остальных присутствующих в кабинете полностью исчезло. Пользуясь чем, присел рядом с ней, якобы рассматривая системный блок. Но вместо этого снял с ее ножки туфельку и медленно провел ладонью, едва касаясь, от пальчиков ног в направлении внутренней поверхности бедра. Юлия вздрогнула и сомкнула ножки, в районе коленок которых я и вложил сложенную вчетверо купюру.

— Не нужно благодарностей, — не менее буднично произнес я. — Если что-то случится, обращайтесь.

Собрался встать, как Юлия ловко зацепила купюру и закинула мне ее за воротник рубашки.

— Обязательно обращусь, — строго произнесла она. — Если что-то вновь пойдет не так, буду жаловаться вашему начальнику.

— Хорошо, — обреченно вздохнул я и потопал из кабинета.

Не рубашку же снимать у всех на виду, да и деньги можно потом на нее потратить. Тем более, что она уверена, что сделала хорошее дело — бедному парню помогла. А я, выходит, птица гордая, но неблагодарная.

Ее коллеги, тем временем, уважительно посмотрели в сторону Юлии и с видом «знай наших» — в мою.

Ну а вечером, после работы, был клуб реконструкторов, которые за эти два дня пропусков уже меня потеряли. В этот раз настал черед спаррингов, традиционно приходящийся на среду, в котором ваш покорный слуга к удивлению коллектива взял первое место.

— Вот что значит упорный и систематический труд, — ставил Михаил меня в пример.

А я изображал улыбку и не знал, как относиться к тому, что стоило напрячься с копьем в руках — и все движения противника становились медленными, вязкими, будто картинно обозначающими удары, от которых до смешного легко было увернуться, в то же мгновение касаясь острием тела соперника.

Еще я не знал, как быть, когда после резкого движения головой, которым будто хотел скинуть наваждение, контуры тел ребят окрасились теплым ореолом, тускловатым в местах крепления доспехов и более ярким у непокрытой головы. Свечение пропало только после тщательного моргания — объяснил невольным наблюдателям, что попала пылинка.

Хотя, на фоне всего этого незнания, хотя бы один факт железно прояснился тем вечером.

После ряда поединков, я отложил копье в сторону и прошелся, разминаясь, по залу. Вернувшись, не глядя протянул руку в сторону копья, ожидая почувствовать его в ладони. Промахнулся. Зато оформившееся желание взять копье отозвалось слабым покалыванием в том месте, где остался символ-таблетка от исчезнувшего синего окатыша. Боясь спугнуть чувство, отвернулся от всех левым боком к стене и украдкой приподнял футболку — там, где был след на теле, теперь через изумление я видел деревянный конец того самого, пропавшего копья. Попытка тихонечко потянуть его завершилась облачком серой пыли и потерей сантиметра оружия, распавшегося, стоило соприкоснуться с воздухом школьного подвала.

Тогда-то и пришла мудрая и грустная мысль, похоронившая надежду вытащить копье здесь и поместить в этот «карман» оружие посовременнее — например, пулемет.

Вещи каждого мира принадлежат только ему самому.

Завершение эпопеи с компьютерами праздновалось роскошно, хоть и в узком кругу нашего коллектива из трех человек. Вечером четверга, с опережением установленного срока на один день, были подписаны и украшены печатями последние акты приемки, переданы в бухгалтерию, после чего дверь в наш кабинет была закрыта на ключ, а из двух больших пакетов, привезенных Эдуардом Семеновичем в обед, на начальственный стол стали выгружаться контейнеры с салатами, пачки сока, баночка икры, немного напластованного хлеба и праздничная бутылка шампанского. Да мы так ни одного дня рождения не праздновали. Хотя тут повод для счастья у шефа куда существеннее, чем минус один год до пенсии.

— Сегодня у нашего дружного коллектива три знаменательных события! — Шустро откупорив шампанское и разлив по пластиковым стаканчикам, взял слово Эдуард Семенович.

Я скосил взгляд на Анну Михайловну, оценивая реакцию на слово «дружного». Но та, в общем-то, смотрела нейтрально и внимала начальственным словам с полуулыбкой, удерживая импровизированный бокал на уровне груди.

К столу босса были поставлены дополнительные стулья, но праздничным речам мы внимали, разумеется, стоя.

— В первую очередь, хочу поздравить нашего дорогого Сергея Никитича с повышением, — поставив свой стаканчик на стол, шеф лихим движением открыл верхний ящик стола, выудил заполненный бланк приказа в прозрачном файле и величественным жестом протянул его мне. — «Старший специалист первого разряда»!

Тут и мне пришлось поставить стаканчик, принять документ двумя руками и поохать, рассыпаясь в благодарностях и глазами поедая текст. Ведь кем я был до того? Простым специалистом первого разряда, а теперь — старший. Короче, оклад выше на пятьсот рублей и право на премиальные в шестьдесят процентов, что с коэффициентом в две целых пять десятых и минус НДФЛ дает нам двенадцать тысяч рублей заработной платы. Две трети аренды за квартиру, весьма неплохо.

— Спасибо, Эдуард Семенович, — изобразил я полупоклон и прижал документ к груди. Тот с довольным видом отмахнулся и посулил дальнейший карьерный рост.

Выпили, заели, шустро наполнили стаканчики и приготовились внимать второму поводу для торжества.

— Наша прекрасная Анна Михайловна, — обратился шеф с новым тостом. — От всего коллектива желаю вам успехов в новой вехе вашей жизни.

«Это какой?» — удержал я любопытство.

— Пусть она будет вам подспорьем в работе и радует, — Эдуард Семенович в два шага прошел к окну и распахнул в занавеску, глядя на парковку.

Подошел вслед за ним и отчего-то сразу понял, о чем идет речь. Она одна там такая была — новенькая серебристая «Лада Гранта» с номерами свежей серии, в длинном ряду тойот и мерседесов.

— Ну, с чего-то надо начинать, — обозначил конец тоста шеф, подмигнув заместительнице и опрокинул в себя шампанское.

Я тоже поздравил и отпил показавшийся горьким и невкусным напиток.

Значит, договорились таки. Честно, ожидал от Анны Михайловны диверсий, звонков в Москву, отказа подписать акт или же целого ряда замечаний, которые она в него запишет. А вышло вот оно как.

Только договорились-то они, а ночами, обеспечивая скромное экономическое чудо всем причастным, не спал я. В общем, осадок на душе остался, чего скрывать — но оно такое, сам ведь по тысяче за компьютер просил. Мог бы, по всей видимости, в три раза поднять цену — так кого в том винить?

Третьего тоста так и не дождался, начальство засело за стол и стало под еду с шампанским обсуждать вопросы своего уровня. Но, в целом, кому должны были быть предназначены еще одни поздравления — и так угадывалось. Шеф просто от скромности не стал возвеличивать себя, да и размер вознаграждения так же вряд ли стоил огласки.

— За уважаемого Эдуарда Семеновича! — Все же поднял я стаканчик, дождался нехотя поднявшихся шефов, чокнулся с ними и, пока те садились обратно, свинтил за свой стол, прихватив наиболее вкусный салат.

Те моего исчезновения не заметили, вновь вернувшись к разговору под шампанское.

Ну а я коротал время до конца банкета за компьютером, стараясь не сильно крошить на клавиатуру. Кое-как отделался от коловшего разум чувства разочарования — маневры Анны Михайловны прошли мимо меня, а значит стоило немедленно вычищать из наших периодических встреч прикипевшие было эмоции и быть куда осторожнее в будущем. Иначе рано или поздно продадут — сам не замечу, доверившись. Ведь могла намекнуть потребовать на вознаграждение за труды мои, но промолчала... Долей своей рисковать не захотела?

Заел грусть-тоску салатом и открыл новостную колонку. Затем сравнил с подборкой условно-развлекательных ресурсов на ту же тему и какой уже день подряд неодобрительно покачал головой.

Неделей раньше великий Китай объявил односторонний выход из соглашений о «Той стороне» и объявил экспансию на новые территории. Даже лозунг под это дело ввели — «Новые просторы родины!» и благоразумно начали строительство нового города вокруг группы из десятка порталов севернее Гуаньчжоу. Благоразумно — потому как лишние люди видны будут сразу (шпионаж в таком деле никто не отменял), да и вдруг мировое сообщество долбанет чем увесистым. А мировое сообщество очень этого хотело — судя по тем самым официальным новостям. Истерика в ООН поднялась адовая, раз за разом пытались принять запрещающие, угрожающие и призывающие меморандумы, но Китай всякий раз налагал свое вето на любой документ. Странная, все же, организация — всем серьезным странам наплевать на ее решения, а мнение несерьезных государств никому не интересно.

В общем, так бы и продолжалась вся эта говорильня, если бы вчера в пятимиллионном городе Шаньтоу на побережье Тихого океана не вспыхнула чума.

Тут даже говорить о масштабах начавшейся истерики как-то неловко. Во всех новостях всех стран мира — одно и то же. Траурная картина карантинной области, журналисты в масках (даже те, что в Нью-Йорке), данные о потерях мирного населения и призывы немедленно призвать Китай к благоразумию — ведь именно с порталами новости связывают новую беду. Никому не интересно, что между новым «Городом южных ворот» и Шаньтоу что-то около четырехсот километров, а пресс-релизы правительства Китая сообщают о кратко меньшем числе заболевших и высоком проценте выживших. Все же, не средние века — есть лекарства и понимание стратегии борьбы. Ну а справедливые видео-доказательства,

что инфекция после перехода через портал вообще не выживает — игнорируется начисто. Даже своими собственными гражданами игнорируется, судя по неким намекам на бунт, когда один из замурованных порталов в Шаньюо хотели разблокировать для экстренного лечения зараженных. В общем, теперь там комендантский час, армия на улицах и никакого интернета — потому как истерика в сети заражает куда быстрее любой заразы и жертв от нее как бы не больше.

В нашей же стране смотрят на это все с опаской, а из-за расстояния — куда спокойнее и взвешеннее. Мол, граждане, не допустит портал к нам заразу — он вообще что-то типа иммунной системы меж двух миров, есть такая версия. Но о порталах вы все-таки сообщайте, если увидите. Мало ли...

Сдается мне, подставили китайцев, а смертельная инфекция в город прибыла не через портал, а в колбочке из заморских лабораторий. Но Китаю от этого не легче. Накрылись их «новые просторы», думается.

— Пора и честь знать, — подняв пустую бутылку из-под шампанского и посмотрев через зеленоватое стекло на свет потолочной лампы, задумчиво вымолвил Эдуард Семенович.

Рядом поддакнула Анна Михайловна, и слегка неловко из-за выпитого поднялась с места. Это у нас стартовал традиционный забег «последний убирает со стола».

— Я еще посижу, поработаю, — дал я отбой этой неловкой гонке. — Сам уберу, не беспокойтесь.

В самом деле, покидать контейнеры обратно в пакеты — минутное дело. Тем более, что есть разница — быть назначенным крайним или благородно взять на себя несложное обязательство.

— До завтра, — признательно качнул головой шеф и покинул кабинет вместе с замом.

Я подождал пару минут и с интересом выглянул в окно, глядя на парковку. Что-то такси они не вызвали, странно. Вряд ли такой вечер хочется завершить толкотней в общественном транспорте. Хотя, может, сейчас вызовут...

Но нет — вышли мои боссы из здания и по прямой линии к «ладе» Анне Михайловны. Машина моргнула отключенной сигнализацией и молча отреагировала на поглаживания шефом по своему капоту. Из-за окон и расстояния не понятно, о чем говорили двое возле «гранты», но по чуть скованным движениям Анны и размашистым и легкомысленным позам босса, я бы поставил на то, что хозяйка сомневалась, стоит ли садиться за руль, а ее убеждали, что шампанское за алкоголь не считается. В итоге, Анна Михайловна села на пассажирское сидение своей машины, а Эдуард Семенович приземлился за руль и лихо вывернул с парковки.

— Алоу? — Набрал я номер городского батальона ДПС со скайпа. — Тут двое пьяных на серебристой гранте в сторону Ленкома поехали. Номер 643. Вот прямо сейчас, машина жутко виляет. Как бы не убили кого. Да не за что.

Нажал отбой и с невозмутимым видом вернулся к салатику. Заговорщики хреновы.

Снесет какой-нибудь придурок остановку с людьми, и уже потом выяснится, что не придурок это был до того, как пьяным за руль сел, а вполне уважаемый коллегами человек. Это уже потом он будет зэком, который отчаянно будет желать, чтобы его остановили на час раньше, пусть даже ценою прав.

В общем, никакого желания промолчать и стать соучастником, если они реально куда-нибудь въедут. Перед потерпевшими стыдно будет, они в чужой глупости не повинны.

Прибрал со стола, вымыл руки и по привычке заглянул в серверную.

— Девятнадцать градусов, — отметил я с удовольствием, глядя на индикатор кондиционера.

Один градус все же скрадывался через гипсокартонную перегородку, но особого дела до него не было. Материал фальш-стены под краской спокойно реагировал на соприкосновение двух полюсов температур — условного тепла северной и холода Эдема. Возможно, был конденсат по ту сторону перегородки, но для внезапного проверяющего это не будет заметно, а остальное не важно.

Даже шкаф можно, в теории, вернуть — для маскировки он уже не нужен. Но этот предмет мебели оказался удивительно востребованным, пусть и не по целевому назначению. Правда, последние три дня Анна Михайловна была весьма занята и проверки на прочность старой и основательной деревянной конструкции не проводились — что-то там с квартальной отчетностью и запросом из столицы, тут все министерство на потолке бегают. Это сегодня вечером шефы позволили себе расслабиться, завтра опять будут по уши в бумагах. Хотя после сегодняшнего, что-то меня этот шкаф уже не сильно возбуждает.

А так, нормально все в серверной — подытожил я. К концу месяца можно будет съездить в Москву, обналечить накопленные на временных счетах средства.

На часах к тому времени было почти восемнадцать, так что уже ничего не препятствовало неспешной прогулке до кабинета и потом — домой. Может, в клуб даже заеду — после эпизода с «доставанием копья из себя» бывал я там редко, работа отъедала большую часть дня, а забегать на десять-двадцать минут несерьезно — даже размяться не успеешь, как уже уходить.

Кстати говоря, «копье» в метке-кружочке чувствовало себя отлично и никак себя не проявляло. Первые дни, помню, сильно переживал, порываясь сходить к врачу и сделать рентген, но, встав на весы, успокоился — масса тела соответствовала той, что была записана во время медосмотра. Так что инородный предмет был скорее не во мне, а где-то в ином измерении, а отметка на коже служила чем-то вроде ярлычка. К слову, ничего нового отметка в себя не впускала, а поэкспериментировать с ней на «Той стороне» не было возможности — это ведь фальш-стены отдирать и заново красить. Не до этого, со всей рабочей суетой. Хотя, на самом деле, надо бы решить вопрос.

— Сергей... Никитич? — Окликнули меня из коридора хорошо поставленным басом.

Повернулся на голос и узрел сиятельного Андрея Сергеевича самолично. Министр стоял возле выхода из ведомства и вряд ли дожидался меня — просто увидел и окликнул. Уже интересно, что имя мое знает.

— Да, Андрей Сергеевич? — Прибавил я шагу и постарался добраться до него побыстрее.

Не кричать же через коридор, в самом деле.

Аккуратно пожал протянутую руку — мозолистую и сильную.

— Сергей, у меня в кабинете лампочка перегорела. Будь добр, займись? — И даже в просьбе чувствовался оттенок документа с визой и печатью.

Лампочки — это хозчасть, не мы. Даже место, где запас столь нужных предметов лежит — мне недоступно, но это не повод отказывать неплохому, вроде как, человеку.

— Хорошо, Андрей Сергеевич. И спасибо за повышение, — воспользовался я моментом.

— Я бы еще две недели назад подписал, да твои начальники просили повременить. Говорят, как бы не запил от радости, работы много, как они без помощника, — со

смешинкой и укором произнес министр.

— Так я вообще не пью, — растерялся я от таких новостей. — И ни одного дня не пропустил за все годы!

И «помощник» как-то с недавним лично моим трудовым подвигом не вяжется.

— Ладно, поздравляю, — не стал вникать Андрей Сергеевич в суть моих возмущений. — Вот ключи от кабинета. Завершишь — сам закрой и сдай на вахту.

Связка легла мне в ладонь, а сам министр сложил руки за спину и медленно направился к выходу, переступая с пятки на носок.

Значит, две недели. Значит, запить могу и помощник. Интересно — аж зубы сводит от злости.

Тут ожил телефон в кармане, наполняя коридор симпатичной мелодией — я вздрогнул на секунду от неожиданности, из непростых мыслей выныривая. Глянул на экран — Анна Михайловна. Сделал пару вдохов, успокаиваясь, чтобы не наговорить ничего лишнего и ответил на вызов.

— Сережа, привет, — донесся с той стороны голос с оттенками отчаяния. — У тебя никого нет знакомого в ГАИ? У нас тут с Эдуардом Семеновичем ситуация...

— А что случилось? — Наполнив тон заботой и прикрыв глаза, поинтересовался я.

— Остановили, — после короткой паузы, будто губу прикусила, поведала Анна. — Эдуарда Семеновича хотят на освидетельствование везти. А я, а меня... Говорят, я машину пьяному доверила. Прав хотят лишить, — шмыгнула она. — Сережа, есть у тебя знакомые? Сережа, милый?

На моем лице расцветала тонкая улыбка.

— Знакомых в гаи нет, но рядом как раз находится очень влиятельный человек, — с участием ответил я. — Один момент, поинтересуюсь у него, не бросай трубку.

— Спасибо! — Пискнули счастливо.

— Андрей Сергеевич, — я прикрыл микрофон телефона и повернулся к министру. — Тут Эдуард Семенович пьяный за рулем попался на машине Анны Михайловны, они вместе ехали. Говорят, их прав сейчас хотят лишать.

— Да-а-а? — Могуче и недобро протянул министр.

— Просят человека найти, чтобы с ГИБДД вопрос решить. Я таким в жизни не занимался. Вы человек опытный, что мне делать?

— А дай-ка мне трубочку, мил человек. — Хищной походкой подошел ко мне министр.

— Анна Михайловна, передаю трубку, — отрапортовал я в телефон и отдал сотовый Андрею Сергеевичу, тут же отшагнув в сторону.

Оказывается, можно материться без мата. Оказывается, можно размазать человека тонким слоем, не повышая голос. Оказывается, можно сделать это дважды, не повторяясь — для замшефа и шефа персонально.

— Завтра ко мне оба в кабинет с утра! — Звенел от ярости голос министра. — Отдай телефон инспектору!.. Добрый вечер, Андрей Семенович Голованов говорит... Да, министр. Нет, инспектор, с начальником вашим я говорить не стану. Нечего Виталия Геннадьевича отвлекать. Вы этим двум архаровцам сейчас назначите максимально строгое наказание. Максимальное, слышите? И на мед освидетельствование они поедут как миленькие. Спокойной службы. Отбой.

Я взял сотовый обратно и, пользуясь тем, что министр отвернулся, тихонечко направился в сторону лестницы.

Навстречу быстрым шагом вышел водитель Андрея Сергеевича, заранее рассыпаясь в извинениях за задержку перед боссом.

— Не долго ждал, — буркнул в ответ ему министр. — Продуктивно, я бы сказал. Поехали... Трезвый?! — Гаркнул он так, что даже я на ступеньке подскочил.

— Вы что, Андрей Сергеевич! Конечно!..

Продолжение беседы уже не расслышал, поднявшись на начальственный этаж. А на душе отчего-то легко и спокойно. Даже, можно сказать — воздушно и невесомо, до легкого игривого мотива, который сам собой ложился на уста и требовал себя исполнить. Завтра на меня, разумеется, будут смотреть весьма косо — но уж извините, рядом действительно был весьма влиятельный человек, а то, что он не пожелал помочь, не моя проблема. Не в характере Андрея Сергеевича такая помощь, да и занимался бы он таким — к нему бы вы сами звонили, не ко мне.

В общем, раз со мной за все труды хотели расплатиться уже и так гарантированным повышением, да еще успели оговорить, то вернуть все это обратно, да по законному поводу — я в своем праве. Заодно ни один из моих шефов уж точно до зама меня повышать не станет, а значит — с любимой должностью и доступом к серверам все останется по-прежнему. Короче, нечего мне тут в карьерном плане терять, оттого никаких тревог. А спускать все это — себя уважать перестану.

Кабинет министра представлял собой обширное помещение с тамбуром в виде комнаты секретаря, за ныне пустующим столом которой и скрывалась дверь в начальственные покои. Из коридора и без записи не пройти. Два ключа в связке — от первой двери, еще один — от непосредственно комнаты министра, с длинным Т-образным столом, обрамленным задвинутыми стульями, на условной вершине которого было рабочее место министра — как полагается, с массивным креслом, флагами региона и России, фотографией семьи на столешнице и изображениями президента с премьером на стене за спиной.

Особый шарм помещению придавали темно-красные шторы, тяжелыми волнами украшавшие три больших окна с видом на внутренний двор министерства. Все это освещалось декоративными люстрами в количестве пяти штук, гармонично расположившимися по потолку, одна из которых аккуратно щурилась погасшей лампой — причем, та самая, что располагалась над головой министра. Короче, непорядок.

Прицелился к цоколю ближайшей лампы — стандартный. С довольством хмыкнул и отправился в свой кабинет, отвинчивать там такую же — завтра себе новую попрошу.

Только с заменой вышла заминка — весь начальственный стол на всю ширь покрыт распечатками формата А1, а люстра аккуратно над столешницей. Не ногами же на документы вставлять, отодвинуть бы по уму. С той мыслью и прицелился к бумагам, решая, как бы их удачней дальше по Т-образному продолжению стола подвинуть и назад вернуть, чтобы разницы не было видно. Схемы какие-то, карты на распечатках — тут бы действительно не перемешать.

Вчитался в заголовок — «План выделения земли под железнодорожную станцию федерального значения направления „Новый шелковый путь“ и сопряжения с международным аэропортом. Вариант 2». Это я кратко сформулировал, там еще кучерявей было написано. Под этим листом был вариант четыре, а еще ниже — вариант один и три соответственно. Как-то не соблюли они исконно-русскую традицию в три возможных решения, даже интересно стало, почему. Обычно ведь делают один хороший план и два отвратительных, чтобы сомнений было поменьше — но то, наверное, на региональном

уровне так работает, а тут все же федеральное строительство. Правда, с частичным региональным финансированием — перевернул я еще один лист и вчитался в аналитическую справку к проекту. Чуть-чуть денег дадим мы, много даст федеральный бюджет и много — китайские инвесторы. А тратить, что весьма приятно, всю сумму нашему министерству — оттого и бумаги на этом столе, а не где-то в Москве. Разумеется, со столичного одобрения и под их надзором будем тратить, но суммы тут такие, что ах — даже если чуть-чуть прилипнет к пальцам, уже можно считать себя обеспеченным человеком.

Заинтересовавшись, потратил половину часа на изучение проектов — так, ради собственного любопытства. Где-то авторы не учли многоэтажный самострой, которого не было ни на одной карте, но обитающие там непростые люди наверняка будут против строительства. Где-то проектанты заложили перенос старого кладбища, и быть им битыми как местными, так и федеральными изданиями, так как большинство могил там ветеранские, а память второй мировой войны у нас, к счастью, все еще чтут. Ну а в двух оставшихся проектах ряд коттеджных поселков, позиционирующихся, как тихие и элитные, ежедневно будет выслушивать перестук железной дороги. Вот же участки обесценятся. Большая стройка многое изменит, что уж поделать. Кого-то сделает беднее, кого-то богаче...

Я на мгновение замер, уловив мелькнувшую мысль, а затем сложил стопкой все четыре плана и поднял на руках к свету.

Планы, конечно, разные. Но вот один многоугольник земель, проявившийся темным пятном на фоне более светлых, разных участков, для всех четырех вариантов был один и тот же.

«Земли сельскохозяйственного назначения дер. Шарاپово, пункт двадцать три». И далее в описании пункта — «выкуп наделов у собственников, смотри раздел сметы». Посмотрел, оценил суммы, ахнул и мигом сфотографировал себе участок карты на телефон. Пока ни один проект не принят, и на регистрационные действия с землей не введен мораторий, надо немедленно становиться землевладельцем. Нечего деньгам просто так лежать в сейфе, когда тут светит под триста процентов прибыли.

В общем, всегда бы так лампочки менял.

Напоследок привел бумаги примерно в то же самое положение, пощелкал выключателем, проверяя работоспособность лампы, сдал ключи и с полным довольством жизнью отправился домой. Даже восьмой час вечера не смутил. Шампанское давным-давно выветрилось, но теплый вечер, наполненный ароматами первых цветов и финансовыми надеждами, пьянил не менее.

Только возле подъезда слегка сбился с настроения — мимо прошелестел Лилин внедорожник на родное парковочное место. Но там просто некоторая неловкость, оставшаяся после разрыва, от которой даже в простом «привет — пока» может слышаться неискренность. Хотя, казалось бы — разве могут быть слова равнодушнее.

Лифт, к сожалению, уже ехал куда-то на верхние этажи, так что дожидался я его, уже подспудно зная, что вскоре в подъезде раздадутся цокающие звуки каблуков, а значит впереди два десятка секунд неловкости в одной кабинет лифта. Так и случилось.

— Привет, — поприветствовал я Лилию.

— Привет, — мельком посмотрела она на меня, оперевшись взглядом в двери лифта.

Затем покопалась в сумочке, доставая ключи. Потом стала внимательно разглядывать экран сотового телефона, и наконец — лифт приехал.

— Как нога? — Спросил я у девушки, заинтересованно изучающей рекламу.

— Хорошо. Как карьера? — После паузы, со смешинкой превосходства поинтересовалась она.

— Повысили.

— Вот как. Поздравляю.

— Спасибо, — пропустил я Лилию вперед в открывшиеся двери лифта.

Зашагали мы в одну сторону и синхронно принялись возиться с ключами и замком.

— У вас, кстати, в банке фунты на рубли не меняют? — Поинтересовался я на всякий случай.

Никакого желания лишний раз ехать в Москву.

— Смотря сколько, — скользнул в ее голосе интерес.

— Землю купить хочу. Может, дом с землей.

— С кредитом тоже можем помочь, — оставила она ключ в замке и повернулась в мою сторону.

— Так меняют? — Спокойно посмотрел я ей в глаза.

— Приходи завтра, помогу. — Подумав и чуть наклонив голову, вымолвила она.

— Приду, — пообещал я ей, пожелал спокойной ночи и зашел к себе.

Дом встретил уже привычной разрухой отперфорированных стен, в который раз с укором напоминавших, что нужно завершить ремонт.

— В эти выходные — обязательно, — поклялся я.

Инструмент, некогда взятый в аренду под залог полной стоимости, уже перешел в собственность. Наверное, дешевле было нанять специалиста, но за ним тоже нужно следить и тратить на это время, которого за прошлые недели просто не было. Оставлять же человека с перфоратором наедине с моим сейфом не позволял здравый смысл.

А так, обещание можно совместить с грамотной мыслью — позвать себе в помощь электрика на субботу и за день добить объем работ по проводке. На воскресенье останется поклейка обоев и побелка потолка — хотя под это дело можно вызвонить еще одного специалиста. В общем, справлюсь. Еще хорошо, что хозяин квартиры заходит только в конце месяца — есть время.

За этими мыслями оформил себе спагетти, горячий чай и выставил мамины закрутки с салатом на стол.

Но, видимо, у мира стало хорошей традицией отрывать меня от еды звонком в дверь.

— Да? — Приоткрыл я дверь, глядя на смущенно мнущуюся на пороге Лилию, что-то скрывающую за спиной.

— Отпразднуем повышение? — Продемонстрировала она бутылочку коньяка, слегка отведя взгляд и покраснев.

Так. С Юлией Владимировной у меня ничего нет, с Анной Михайловной все закончилось этим днем. Выходит, я абсолютно свободен и открыт для новых отношений.

— Заходи, — с улыбкой отодвинулся я, давая девушке пройти.

Как же сложно быть порядочным человеком!

Пробуждение вместе с прекрасной девушкой стоило мне половины сковородки спагетти, трети банки с лечо и одного пакетика с зеленым чаем. Но, как известно, созерцание женской груди улучшает деятельность сердца, а на здоровье не экономят.

— Заедем в банк с утра? — Мурлыча мотив известной песни, расчесывала Лилия волосы, полулежа на моей постели в фривольно распахнутом халатике.

Так, с утра министр будет вытирать ноги об мое начальство, значит, что-то около часа у меня гарантированно есть. Можно съездить.

— Было бы неплохо, — одобрил я, пытаюсь одной рукой застегнуть пуговицу на рукаве своей рубашки. — Весьма неплохо, — автоматически повторил я, залипнув на виды, открывающиеся с кровати.

— Счет откроем или наличными?

— А? — Опомнился я.

— Фунты тебе в рублях наличными или переводом?

— Переводом, — отвернулся я чуть к окну для надежности, иначе никакого делового настроения.

Тут еще, понимаешь, акула банковской сферы под боком — отвлечешься и все, без штанов оставит.

— Кстати, а где мои джинсы? — огляделся я в комнате.

— На кухне остались, — фыркнула Лилия. — Мы ими вчера коньяк вытирали.

— Это мы опрометчиво сделали, — покаянно вздохнул я.

Кто же знал, что стол будет так раскачиваться.

— У тебя они только одни? — Удивилась она.

— У меня их много, — гордо не стал я уточнять количество три.

Вообще, всегда считал, что наличие в доме хозяйки позволяет экономить на одежде, а на практике выходит, что нужно докупать еще одну пару. И футболку приобрести — длинную, но узкую, полупрозрачную такую... Тапки еще. Халат — да демон с ним.

— А сумма какая будет? — Снова она про деньги.

Так, в шкафу у меня сейчас что-то около сорока тысяч с портретами тамошней королевы. В наши деньги миллиона три выходит. А сколько стоит участок земли? Помню, знакомый домик с участком в двадцать соток примерно в тех краях брал за триста тысяч — но там все под снос, строение бревенчатое да туалет-будка. Мне, правда, дом не особо важен, главное — площадь земли побольше.

О рисках тоже не стоит забывать — грянет опять какой кризис, и забудут про железнодорожное строительство. Что тогда с этим всем делать? Картошку сажать? Да и государство наше — оно хитрое и частенько любит играть по своим правилам, каждый раз новым. Вот вложу все деньги, а страна добровольно-принудительно выкупит мой участок за бесценок. Или вообще через суд вернет земли обратно, мол — не использую я их по назначению. Есть такой у нас пункт в законе. Ясное дело, со всем этим можно бороться, и примерно представляю, как, но...

В общем, перспективы хоть и денежные, однако всей суммой рисковать будет глупо.

— Двадцать тысяч. Полтора миллиона в рублях.

И уже отрезая себе путь от переигровки суммы — как в меньшую сторону, движимый

опасениями, так и в большую, подзуживаемый жадностью — распахнул шкаф, скрыл спиной манипуляции с кодовым замком и кинул рядом с Лилией десять пачек с купюрами по двадцать фунтов.

— Деньги, — буркнул я ей, закрывая сейф обратно.

Затем, припомнив завершение давнишнего разговора, распахнул соседнюю створку шкафа и демонстративно указал на вешалку с одеждой под пленкой:

— Приличный костюм!

— А я знала, что ты всего добьешься сам, — ворковала Лилия, нежно проводя по импортной бумаге пальчиком.

Что-то нездоровая у нее реакция. Взял белую наволочку от подушки с полки и накинул на деньги — девушка аж вздохнула разочарованно.

— Давай одеваться, — подумав, все же взял я костюм с вешалки.

Джинсы все равно гладить некогда, да и в банк иду, миллионером рублевым становиться.

— Хорошо, только отвернись!

— И не подумаю, — не сводил я взгляда с наволочки.

— Хам! — Отправилась она на кухню.

Так-то наверное, зря я капиталы свои засветил. Но что сделано, то сделано. На всякий, надо будет мельком упомянуть, что это деньги единственные, а остаток перепрятать. Как говорится, тиха украинская ночь, а в таких метеоусловиях шепот подружке «по секрету» далеко слышно. Должна же Лилия с кем-то делиться самыми пламенными чувствами. Ну а ее доверенное лицо — обсудить услышанное с кем-нибудь еще. Короче, радиостанция «подруга» запросто может охватить половину города, а мне тут еще жить.

Здание коммерческого банка, где работала Лилия, находилось на главной линии города, отличалось высоким первым этажом и отдельной парковкой «для своих» позади здания. Такая себе выставка дорогих машин — почти как у администрации города. Тоже место денежное.

— И вот, когда отменили плату за сдачу крови, я начал вечерами шить. Но все-таки через два месяца накопил деньги и выслал беглому олигарху из Лесото на адвоката, благодаря чему он смог вернуть супругу из заточения и снять арест со счетов.

— Бедняжка, — шмыгнула расчувствовавшись от моей истории Лилия. — А я думала, все эти письма через интернет — жульничество.

— Разумеется жульничество, — хмыкнул я. — Шутка это все.

— Гад! У меня чуть тушь не потекла, — стукнула она меня кулачком по плечу. — Такая трагичная история... Так откуда у тебя деньги?

— Товарищ в армии сапером был, дембельнулся — аппарат с собой прихватил. Ты же знаешь, что через наш город шла крупнейшая торговая тропа из Орды к викингам? Грабили тогда торговцев часто, вот они делали возле дорог так называемую дорожную казну, чтобы всего разом не лишиться. Ценности закапывали, да случалось, что гибли. Вместе с ними и знание про ценности пропадало.

— И вы нашли клад? — Ахнула Лилия.

— Под конец второй недели, — утвердительно кивнул я. — Идем по лесу, и тут аппарат как запищит! Мы лопатами в грунт так и вгрызлись, полтора метра копали, пока звук железа о железо не раздался.

— И что там?!

— Сундук окованный, весь позеленевший от времени. А внутри его... — Вздохнул я, поднимая паузу до вершин интриги. — Внутри двадцать тысяч фунтов стерлингов!

— Дурак! Пятый раз уже обманываешь, — расстроилась девушка и распахнула дверь.

— Головой я их заработал, Лиль. — Примирительно произнес я. — Просто так получилось, что в фунтах весь мой заработок. Другого такого вряд ли будет, к сожалению.

— Так бы и сказал, — пробурчала она.

— Вот теперь ты знаешь, что это все мои средства. Разлюбишь опять?

— Такого дурака любить еще, — гордо вздернула она голову. — Пойдем, поменяем деньги этого олигарха из Лимпопо.

— Из Лесото, — поправил я. — И, Лиля, мне бы эти средства без пригляда налоговой поменять? Я ведь все же госслужащий и родины не продавал.

— Сделаем, сапер-любитель.

Через десяток минут грустная девушка за толстенным бронированным стеклом отсчитала мне, чужому человеку, чужие полтора миллиона рублей, которые никогда не были ее и никогда не станут ей принадлежать. Затем приняла их обратно и вновь посчитала, чтобы положить их на мой счет. На этом все хлопоты завершились, оставив на память документы об открытии счета, обещание выпустить именную карту и сладость поцелуя Лилии. Но последнее — не входило в общую программу, Лилия вообще куда-то сбежала по своим делам, так что пришлось брать отдельный талончик и выстаивать очередь.

Благодаря удобному местоположению банка, до моего рабочего места от него — всего минут пять неспешным шагом. Так что уложился с денежными хлопотами в отведенный самим собой час времени и, к удивлению, пришел действительно раньше, чем боссы с планерки у Андрея Сергеевича.

Вернее, те не вошли, а втекли аморфной массой, сформированной и удерживаемой благодаря костюмам. В гроб краше кладут — даже лица землянисто-серые.

— Сергей, — произнес Эдуард Семенович, упав в свое кресло, облокотившись локтями о стол и положив руки себе на голову. — Подойди.

— Я тут, — через десяток секунд стояния возле его стола, напомнил я о себе.

— Сергей, зачем ты сказал министру, что нас остановили?

— Так Анна Михайловна попросила, — повернулся я в сторону начальницы.

Та сидела за выключенным монитором, оперев лицо на ладони. На мой комментарий она глухо простонала запертым в кладовке зомби.

— Сергей, не надо так больше делать, — поднял шеф тоскливый взгляд на меня. — Иначе я тебя...

Далее следовал набор аргументов, которые не возымели на меня ни малейшего влияния, потому что всех их я уже слышал вчера в исполнении министра, когда он говорил их по телефону, и вот тогда они действительно звучали убедительно.

— Я что-то неправильно сделал, да?

Эдуард Семенович ошарашенно замер и внимательно на меня посмотрел — будто прораб на строителя, за спиной которого падает дом.

В наступившей тишине вновь глухо простонала Анна Михайловна.

— Неправильно. Нас премии лишили, Сережа. Только голый оклад на целый месяц.

— Так и на них можно жить, — распахнул я плечи и одарил шефа улыбкой. — Значит, я обычно беру пять килограмм овсянки, самой дешевой, они толком ничем не отличаются...

— Сергей, уходи.

— А хотите, я вам денег займу? — Изобразил я сочувствие.

— Уходи, Сергей.

— Ладно, — понурил я плечи и пошел к своему рабочему месту.

Долго шел — надо было как-то улыбку унять, чтобы не запалили.

В общем, рабочий день прошел тихо, спокойно, и меня даже отпустили с работы пораньше — аж в три часа дня.

— Вон из кабинета!!! — Сформулировал разрешение шеф.

— И ничего стыдного в благотворительных обедах нет! Вам еще понравится! — Но дверь я все же успел закрыть до того, как в нее врезалось что-то тяжелое.

Что-то переборщил я с желанием помочь. И ведь не шефу говорил, а Анне Михайловне — ей же с оклада за эвакуатор и штрафстоянку еще платить, а это как бы не вся сумма месячной зарплаты. Но да ладно — к понедельнику остынут.

Разобравшись с работой, прикинул планы на вечер, не обнаружил их и отправился в клуб реконструкторов. Они там как раз примерно в это время начинают.

Размялся, поработал с копьём. Затем задумался и решил сменить его на более длинное — все же, последнее добытое с ящера, украшенное и усиленное бронзой, было куда длиннее первых двух трофеев. Если не изменяет память, я его удерживал острием на полу, тогда как рука с другим его концом была отведена вперед на уровне груди.

Так-то разницы, с учетом железного нежелания возвращаться в Эдем нет, но и мучать себя, используя заведомо неудобное и короткое оружие в спаррингах тоже нет смысла.

В итоге дошел до стройтоваров, прикупил черенок для лопаты, там же и обрезал в нужный размер. Вернувшись, вновь занялся отстукиванием бетонной стены с отметками — привыкал. Затем выпросил у мастеров клуба услугу, обменяв ее на хрустящую сотенную купюру, и копьё обрело тяжелые металлические кольца по всей длине — иначе невесомое оно какое-то, в руке совсем не чувствуется.

Итогом увеличения длины копья и привыкания к нему стала абсолютная предсказуемость поединков — такая, что под конец занятий против меня стали выставлять двоих или троих разом. Благо, ширины зала хватало для маневров, а специально расставленные стулья и столы позволяли сделать бой зрелищнее, и уже для меня — честнее. Иначе никакой скорости не хватит — ведь побеждала всегда команда, а пойти одному из моих соперников на суицидальный рывок, чтобы дотянуться до меня условным оружием, было очевидным шагом. Никто ведь не боялся умереть по-настоящему, получить глубокий порез или лишиться руки или ноги. Так бы, само собой, действовали иначе.

Но все это, разумеется, развлечение и азарт — даже спортом не назовешь. И тем более, никого тут не готовили к реальной схватке, даже умения наши — реплика то ли с книг, то ли с фильмов, то ли с понимания, что «так правильнее». А на самом деле — скорость на скорость, ловкость на ловкость, умение и опыт против лихости, вместе с пониманием, что никакого риска нет.

Оттого люди легко блокировали ладонью руки условный клинок меча, «вычитая» из своего количества жизней одно касание ради смертельного удара по врагу. Естественно, в реальности мах лезвия никто бы даже в железной перчатке не удержал, а болевой шок от срезанных пальцев гарантированно привел к поражению, не говоря об инвалидности.

Со всеми этими особенностями я отчего-то решил считаться, усложняя поединок для себя. Никакой излишней лихости, никакого риска получить серьезный порез. Наверное, виной тому первоначальная легкость побед, да и ребята стали обижаться из-за проигрышей

«новичку». Моих «поддавков» так никто и не заметил, а отношение ко мне даже улучшилось — люди любят побеждать и терпеть не могут проигрывать.

Разумеется, я не забывал учиться на чужом и собственном опыте, по-прежнему внимательно слушал Михаила, подсказавшего еще пару «цифр-стоек» в то время, когда пространство зала занимали другие поединщики. Глупо пренебрегать чужим опытом и советами.

Новые силы и возможности, доставшиеся от Той стороны, не дали готового знания или умений — да и не должны были. Просто в этом подобии «камня — ножниц — бумаги», представлявшем из себя противостояние ударов и блоков, сближений и маневров уклонения, я стал быстрее всех остальных. Но далеко не самым умелым. Ну а если вспомнить новое правило — «никакого риска», тому же Михаилу проигрывал на технике начисто.

Толком, до сих пор не знаю, к какому результату хочу прийти. Необходимости уже особой нет — ведь пришел сюда даже не для победы над ящерами, а чтобы победить страх Той Стороны, чтобы не чувствовать себя беспомощным. Сейчас, вроде как, ход закрыт, сон нормален, и ни одна ящерица его не посетила. Даже паучиха — и та не являлась в сновидениях. Наверное, сейчас это просто привычка, которая понравилась. Вон, целых семь часов пятницы провел в клубе, и ни малейшего сомнения в правильности такого решения.

Хотя определенный результат мое посещение клуба в тот вечер все-таки дало.

— Серега, — подошел ко мне Матвей и хлопнул по плечу, отвлекая от очередного — неведомо какого по счету — избиения бетонной стены. — Там к тебе пришли.

— Кто? — Оттер я пот рукой со лба.

— А вон стоит, — произнес он с доброй смешинкой и качнул головой в сторону входа.

Я автоматически повернулся, да так и замер с копьём в руках.

— Лена? — С некоторой робостью признал я в фантастической красавице эльфийку с видеозаписей.

Там она была в камуфляже, в походно-боевых условиях, с прибранными волосами и уже выглядела красиво. А тут — на каблуках, да в светлом платье с разрезом у бедра, с распущенными золотым пшеничным полем волосами.

— Рот прикрой, муха залетит, — коснулся Матвей моего подбородка. — Что замер, иди знакомься, — зашипел он в ухо и подтолкнул чуть в спину в верном направлении.

И я пошел, с копьём наперевес. В голове мелькнуло совестливое «как же Лилия?». На что я разумно ответил, что Лилия — человек, а это — эльф. Два разных вида, а значит никакой измены быть не может.

— Привет, — неожиданно навалилась на меня робость.

— Привет, — с интересом смотрела она на человека, отчего-то решившего стараться ради нее.

— А ты красивей, чем в лесу. — Произнес я.

И еле удержался, чтобы не скривиться от собственного косноязычия.

— Хочешь поддержать мое копьё? — В панике решил я перевести тему, но от результата чуть по лбу себе не хлопнул.

— Елена, а давайте как-нибудь сходим в кино? — Уже в отчаянии и красный от смущения предложил я.

Та прикрыла рот ладошкой, чтобы скрыть улыбку — но глаза ее смеялись.

— Может, сейчас прогуляемся? Поговорим о чем-нибудь. Например, вы скажете мне свое имя? — Звучал весенним ручьем ее голос.

— Сергей Никитич. Сергей. Очень приятно, — протянул я ладонь для рукопожатия, звучно стукнув копьём в левой руке о пол.

— Не будем торопиться. Вы ведь не пойдёте в этой футболке на холод?

— А, да. Сейчас переоденусь. Пять минут.

Хотел было подхватить костюм с рубашкой и метнуться в коридор переодеваться, но тут самообладание изволило вернуться, а простые вопросы о разумности межвидового скрещивания с подозрительно красивыми эльфками, призвали обратно осторожность. И вообще, они нам ещё за Эребор ответят.

— Пятнадцать минут, — поправился я. — Только душ приму. Вадим! — Окрикнул я прикорнувшего уже как час менестреля. — Развлеките даму музыкой.

На лице Елены появилась тоскливая обречённость и укор во взгляде. Ничего, зато она действительно будет меня ждать, а я уже в первый вечер смогу ее спасти от пытки и подвала (музыкой, школьного).

В итоге, меня действительно встречали со счастьем на лице, а прогулка в тишине школьного двора нам обоим дарила истинное удовольствие — мне уж точно, а Лене, на таком контрасте, как песни Вадима, наверняка.

Интересное вышло знакомство — ее любопытство о странном поклоннике и мое любопытство ее одиночеством при таких исходных внешних данных. Ну а разговаривали мы, разумеется, как приличные люди совсем не об этом — работа, кино, попытки отыскать общих знакомых и прочая ерунда, за которой легко проходит час времени, и рядом уже не школа, а освещенная по ночному времени пешеходная дорожка вдоль улицы, и вообще пора вызывать ей такси, заодно обменявшись телефонами планируя новую встречу.

— Завтра увидимся, — уверенно произнесла Лена из машины такси. — Тепло пришло, в лесу сухо. Михаил игру будет проводить, я слышала. Я там буду.

— До встречи, — подтвердил я.

Собрался, в свою очередь, на остановку, да в панике обнаружил, что куртка с ключами, документами и телефоном осталась в клубе. А уже почти десять ночи!

В процессе забега обратно, чуть успокоился — у Лилии переночую, если что.

Но к удивлению моему, возле темного школьного крыльца, освещенного только одинокой желтой лампочкой дежурного освещения, меня терпеливо дожидался Михаил — с моей курткой в руках.

— Так и знал, что вернешься. — Протянул он мою одежду.

— Спасибо! — Поблагодарил я от души, накинул куртку, мельком проверив карманы с ключами и внутренний в подкладке с договором на счет в банке.

Все на месте, аж от сердца отлегло.

— Подвезти тебя? — Предложил тренер.

Я слегка удивился от предложения — почему-то в моем представлении, Михаил и автомобиль — вещи не совместимые. Хотя сейчас жигули и москвич до шестидесяти тысяч можно найти на хорошем ходу, в самом деле.

— Был бы признателен. Хотя бы до остановки, троллейбусы вроде ходят.

— До дома докину, — отмахнулся он, а в его руке появился брелок с лейблом фольксвагена.

В затененном углу школьного двора моргнула габаритами современная сигнализация, на секунду показав вполне себе новенький белый «Поло».

«А как же кредит и финансовые трудности?» — Чуть было не выпалил я, но вовремя

сдержался.

Может, трудности — как раз от «поло» и есть. За внешним проявлением успеха многие сейчас гонятся.

— Хорошая машина, — похвалил я, когда мы подошли ближе.

Если я прав — мои слова будут ему приятны.

— Да, — коротко кивнул он, не пожелав рассыпаться в положительных отзывах или же фразах навроде «да я хотел туарег брать».

Странно.

Мы вырулили со школьной дороги на трассу, пролетели мимо ближайшей остановки — я даже дернуться не успел.

— До той кафешки довезешь? Помнишь, отмечали мое вступление в клуб.

— Хорошо, — кивнул Михаил. — Как тебе в клубе, кстати?

— Отлично. Люди хорошие. На работе вот только завал был, так бы каждый день появлялся.

— А работа тебе своя нравится? — глянул он на меня в центральное зеркало.

— Да как сказать, — отчего-то решил быть я откровенным. — Если бы не возможность подработки, ноги бы моей там не было.

— Ясно, — вымолвил он после некоторой паузы.

В кармане телефон дернулся поступившей смской.

— Тут как можно свет включить? — Принялся рыскать я по карманам.

Блин, вроде на ощупь — вот он, телефон, но то ли во внутреннем он, то ли во внешнем кармане, то ли я подкладку перекрутил. Не уронить бы.

— Понажимай возле плафона сверху. Честно, первую неделю на рулем, — отозвался Михаил.

— Все, не надо, нашел, — выдохнул я.

Смска от Лилии: «ты где?».

«Переговоры с эльфами. Скоро буду» — ей в ответ.

«Лжец и пьянь! Не вздумай ко мне приходиться!»

— Миша, тут цветы где-нибудь можно купить? — Тоскливо вздохнул я.

— Это для Лены? Уже? — Поднял он бровь и мельком глянул на меня.

— Нет, не для Лены.

— Почему не для Лены? — Возмутился он.

— Да что-то рядом с ней такой ветер приключений ощущается, что как бы колена не прострелили, — сформулировал-таки я некоторое смутное ощущение, сформировавшееся за вечер. — Слишком красивые и умные девушки опасны.

Хотя, вроде как, по ее словам — кладовщиком на заводе работает, по транспортным компаниям мотается грузы принимая и отправляя. Но что-то не верится, хотя истории она рассказывала смешные и складные.

— Приятно видеть разумного человека, — с уважением прокомментировал он. — А та, которой цветы?

— Она тоже красивая и умная, — почесал я затылок. — Слегка наивная правда, если речь не о деньгах. Только она мне в затылок из лука не выстрелит, если мы разойдемся.

— А Лена — выстрелит?

— У нее есть такой навык, — дипломатично ответил я.

Не говорить же, что когда Лена, задумавшись, смотрит мне в лицо, то от ее взгляда чуть

выше переносицы чешется.

— Думал, ты из-за Лены в клубе.

Я, как бы, прямо об этом говорил.

— С Лилей пару недель назад сошлись, — пожал я плечами. — А клуб мне и без Лены нравится.

— Значит, оставишь девушку Вадиму на растерзание?

— Нет, почему. Эльфы — это тоже интересно.

— Понятно, — хмыкнул Михаил.

— Вот такой я негодяй, — повинился я, чуть понутив плечи.

На самом деле, никакой гарантии, что отношения с Лилей не завершатся очередной попыткой навязать свою волю. А опыт девяностых учит занимать сразу две очереди — неведомо какая подойдет первой. Да и не боюсь я особо Лениных лука и стрел — копьем отмахиваюсь, в крайнем случае.

— Немного практичности еще никому не вредило. — Повернул он к круглосуточному цветочному магазину. — Вот что. В эту субботу я игру провожу, — остановившись, положил Михаил руки на руль. — Сезон открываем.

Я положил руку на дверь, но дожидался завершения приглашающей фразы.

— Я приду, — не дождавшись его слов, кивнул я. — Ты, кстати, не жди, я вроде сориентировался — мне тут два двора до дома.

— Обязательно приходи. — Осталась в его словах некоторая непонятная недосказанность, но да ладно. А может, просто устал.

— Счастливо! — Махнул я рукой, тронув зазвучавший колокольчиками звонок.

— Сергей.

— А? — Остановился я на пороге.

— Молодость быстро проходит.

Чуть сильнее рыкнул двигатель фольксвагена, выезжающего обратно на трассу.

— С чего бы это он? — Проводил я взглядом машину.

Но на всякий случай взял две упаковки кондомов.

Приглашенный с утра электрик выглядел настоящим профессионалом: трезвым, в чистой спецовке и дневной щетине, что свидетельствовало о трудоустроенности на основной работе и уверенно ложилось в версию о подработках по выходным. Лет сорока на вид, жилистый, с уверенным взглядом повелителя рубильника и укротителя линии на двести двадцать вольт.

— Николай Петрович, — протянул он пятерню с татуировкой «Коля» и обаятельно улыбнулся.

Спереди не хватало трех зубов, но единственному согласившемуся электрику в зубы не смотрят. Остальные перспективу поработать на выходных категорически отвергали, потому что тепло и рыбалка. Забрать мои деньги им удобнее в будние дни, и желательно не в понедельник. Премия, повышенная оплата — все мимо, а традиционная «бутылка» уже ждала их на берегу озера и не являлась аргументом в дискуссии.

— Кто штробил? — Строгим тоном поинтересовался Николай, запустив пальцы в выдолбленную мной дорожку в стене и с видом знатока оценил фракцию оставшегося там бетона, растерев пальцами.

На последнем действии в лице его уже отслеживался изрядный скепсис и пренебрежение.

— Я, — нахмурился в ответ.

— Нормально, — расцвел он благодушной улыбкой. — О, и перфоратор у вас отличный. Ты посмотри, сверла немецкие! Разбираетесь, сразу видно.

— Короче, сколько денег?

— Прихожую и комнату? — Деловито уточнил Николай объем работ.

— Все комнаты, на ванную и кухню отдельную линию. — Не стал я экономить.

— Тогда двадцать.

— Сколько?!

— Двенадцать, — кашлянул он в кулак и посмотрел ангельским взором.

— За шесть часов работы?! Да даже девушка по вызову... — задохнулся я от возмущения.

— Да, но она не поменяет вам проводку, — мудро заметил Николай Петрович.

— Десять, и шпаклюете обратно стену, ставите розетки, убираете за собой строительный мусор.

— А...

— Инструмент, розетки, кабель — мои. Вон лежат.

— Ладно, — вздохнул он, разуваясь. — Стремянка есть?

— Нет, — чуть растерялся я.

— Тогда две табуретки, — опытным взглядом посмотрел он на потолок. — И два-три тома большой советской энциклопедии.

— Так нет энциклопедии, — зачесал я затылок, оглядываясь. — Вообще бумажных книг нет, вроде.

Как-то некогда было обставляться, да и незачем — съемная квартира даже через пару лет проживания ощущалась чужой, потому ставить книжный шкаф даже в голову не приходило.

— Эх, молодежь, — скорбно закачал он головой.

— Стойте! — Осенило меня. — Есть книги!

Вернее, учебники, оставшиеся с университета. А именно четыре тома за авторством Ландау-Лившица, обосновавшиеся под кроватью.

— А вы удержитесь? — Скептически оценил я полезную площадь предоставленных учебников, поставленных в два уровня на верхнюю табуретку.

— Вся физика на том стоит, и я удержусь, — с важным видом донесли мне и тут же продемонстрировали.

— Ну, вам виднее, — отошел я на всякий подальше.

Тот чуть подвигался, проверяя устойчивость конструкции.

— Нормально, можно работать, — подытожил Николай.

После чего одолжил у меня маску с берушами, взял в руки перфоратор и принялся методично вандалить стену с потолком.

Звонок в дверь в таком шуме слышался не сразу, но вызывающий был настойчив.

— Соседи, наверное, — обреченно направился я к двери.

Благо, Лилию я предупредил заранее, отчего она сегодня днем на работе, вечером на фитнесе, а завтра целый день у родных. Счастливый человек.

— Да? — Поинтересовался я неожиданно наступившей тишине, приоткрыв дверь.

— Обои клеить вы вызывали? — Поинтересовалась барышня лет тридцати.

Высокая, с собранными в узел светлыми волосами, довольно симпатичная и тоже в спецовке немаркого серого цвета.

— Вы ИП Емельянов? — Усомнился я.

— Я, — подтвердила она, продемонстрировав сумку с торчащими из нее рукоятками валиков.

— Тогда заходите, — и чуть вздрогнул от вновь загудевшего за спиной перфоратора.

Объем работ оценили в те же десять тысяч, договорившись очистить стены, зашпатлевать и поклеить новые обои, абсолютно такие же — для чего Татьяна бралась их отыскать, купить и предъявить товарный чек.

Хотя девушка неодобрительно цокала, разглядывая имеющийся колер и явно намекала довериться ее вкусу. Я бы, может, согласился, но у хозяина квартиры тоже есть свои представления о красоте, обсуждать которые с ним совершенно не хотелось. Ограничился фразой, что «и так нормально».

— Можно сделать лучше и сэкономить, — настаивала Татьяна.

— Дело не в деньгах, — отмахнулся я, в процессе беседы пряча постельное белье по шкафам и прикрывая газетными листами монитор с клавиатурой (хоть где-то этот спам из почтового ящика пригодился).

Татьяна глянула оценивающе, словно свидетельница невесты на холостого дарителя самого пухлого конверта, и явно замыслила недоброе — например, женить и выбрать обои на правах супруги.

— Сергей... — мягко произнесла она.

— Моей девушке нравятся именно эти, — решил я на нечестный аргумент.

Татьяна поджала губы и резким движением жестоко сорвала целый пласт обоев — прямо как Чон Ли шею сопернику в «Кровавом спорте».

Счел верным ретироваться от этой фурии на кухню, изобразив крайнюю производственную необходимость.

В общем, в ушах гремел перфоратор, квартиру вандалили сверлом и стамеской, а я пытался не пускать шум через сомкнутые на ушах ладони и читать интернет через телефон.

В Китае уже два зараженных города, в ООН угрозы атомным ударом и ответные обвинения в бактериологической войне. Количество погибших... Блин, да хоть что-нибудь светлое происходит в мире? Урожай там, надои выше, новое метро или повышение зарплат? Не новостное агентство, а похоронное бюро... Хотя, может, это шум так действует.

Посидел еще минут пять так, пока не понял, что больше не выдержу. Решился и, как предписывает руководство при техногенных катастрофах, взял документы, ключи и деньги из сейфа, после чего немедленно покинул помещение.

— Буду вечером, удачи! — Напутствовал я работников напоследок.

Те коротко кивнули и с азартом продолжили уничтожать мое место жительства.

По расчетам с ними заранее договорились — электрику вечером до подключения новой линии к щитку, а Татьяне все равно еще завтра работать, так что пока аванс на материалы.

В принципе, целый день с ними все равно бы не смог быть — клуб собирался к двенадцати. Но и оставшееся до этого время тоже следовало потратить. С учетом двадцати тысяч фунтов и ста сорока тысяч рублей в кармане, направился в банк, арендовал там ячейку за шестьсот рублей в месяц, куда и положил почти все свои богатства, плотно завернутые в мешочек, поменяв на код. Даже от сердца как-то слегка отлегло — все же в квартире хранить не дело.

На заднем дворе школы (где находился клуб) уже активно собиралась взрослая часть участников, кучковавшаяся вокруг трех машин: серой Шевроле Нивы, красной Калины и знакомого белого Поло.

— Привет, — ответил я рукопожатием на улыбки и приветствия знакомых.

Перезнакомился с тремя новыми людьми — крепкими и основательными на вид ребятами лет под тридцать, представившимися Олегом, Алексеем и Костей, после чего откочевал к красной калине, за рулем которой обнаружилась Лена — в темных очках, плотной рубашке защитной расцветки и таких же брюках, просматривающихся через приоткрытую дверцу. Соседнее с ней сидение, увы, было занято еще одной девушкой-ровесницей, мне не знакомой, а на задний ряд машины активно пытались засунуть все новые и новые мешки с одеждой, продуктами и снаряжением — вдобавок к тем, что уже забили все пространство. В общем, рядом не усестся.

Ограничился пожеланием доброго дня девушкам, помахал рукой и отправился за своим копьем — его тоже следовало куда-нибудь устроить.

— Сергей, машину водишь? — Окликнул меня Михаил на лестнице.

— Вожу, — автоматически тронул я карман с документами.

Так-то права обычно в сейфе лежали, ввиду отсутствия машины, но сегодня с собой были даже полис и снилс.

— Возьми мою, будь добр, — вложил он мне в руку брелок с ключами от фольксвагена. — Я с ребятами на автобусе поеду.

— Так я дороги не знаю. — Попытался я отбрехаться.

Все же, машина новая, чужая — мало ли.

— Адрес скажут. Да ты за Нивой Матвея езжай, не ошибешься, — убежал он, не дав придумать аргументы основательней.

— Ладно, хотя бы будет, куда копьё с вещами положить, — вздохнул я.

Из других вещей, правда, были только «штаны под старину», отстиранные и

актуализированные вышивкой, приобретенной у девочек и ими же наштой. Рубаха с высоким воротом и подаренная мне кольчуга, которую я уже неделю как кадмировал, отдав через знакомого на местный завод. Вышло не аутентично, беловато-желто с радужными разводами от пассивации, но зато не ржавело. Ребятам пока не показывал — некогда было. Ну а вообще — смотрелось весьма завлекательно.

После еще часа, хаотичное метание людей вокруг как-то разом сформировалось в походную колонну из четырех машин — три виденных с самого начала и серебристый «Рав четвертый», нарисовавшийся у самого отбытия, за рулем которого обнаружился Олег с остальными новыми для меня людьми. Хотя клубу они вроде как давно знакомы.

Рядом со мной посадили грустного Вадима, разлученного с гитарой (та ехала в багажнике другой машины). Позади — опять же сумки с вещами, как и в багажнике.

Минут двадцать выбирались с городских пробок, еще через пять пролетели по трассе мимо таблички с названием города и около часа наслаждались пасторалью за окном, выдерживая построение в колонне. К счастью, никаких внезапных маневров и светофоров — как выехали третьими, так и добрались такими же по грунтовке до окраины лесного массива, вдали от которого виднелась небольшая деревушка с прудом. Ну а все остальное пространство занимало поле — не распаханное еще по холодной весне, зеленевшее первой травой.

Некоторое время искали знакомую ребятам по прошлому году поляну, разбирали вещи и успокаивали Вадима (по трагичной, но счастливой случайности, его гитару забыли). А там и Михаил с остальными ребятами подошли.

— Сергей, чтобы игра ощущалась реальной, надо осознать себя, как персонажа, вжиться в него, думать его мыслями, — вдохновенно объяснял мне Михаил важность отыгрыша роли. — Ты уже не ты, а персонаж, тебе назначенный. Ты знаешь только тех, кто указан в твоей роли и относишься к ним так, как твой персонаж относится к их персонажам, понимаешь? Естественно, без перегибов и в рамках закона, — тут же поправился он.

Я вдохновенно кивал, в душе сдерживаясь, чтобы не произнести со снисходительностью — мол, играли мы Шекспира в школьном театре, знаете ли... Но молчал и с предвкушением смотрел на сложенные пополам листочки с ролями, которые Михаил на правах организатора и руководителя игры (он же гейм-мастер) раздавал участникам. Интересно, кого выдадут мне? Может, графа — с довольством посмотрел я на свою дивную кольчугу — или даже короля. Вздыхнул всей грудью и представил, как струится власть, данная от рождения, в моих венах. Как звенит в ушах клич моего войска, идущего в атаку. Как...

— Вот, держи, — вручил он мне листок с ролью. — Пожалуйста, отнесись серьезно. Для начала, роль простая, но ее тоже можно сыграть.

Михаил тут же отозвал другого игрока в сторону, а я раскрыл бумагу.

«Пещерный огр, хранитель перехода в Морию. Вооружен копьем». Хм.

Попытался вжиться в роль. Захотелось жрать и женщину.

В общем, минут через тридцать и после общего легкого перекуса, меня отвели к условному «ущелью», там же и обозначенному Михаилом с двумя его помощниками. Такой себе коридор получился из деревяшек, привязанных к деревьям, метров семь длиной. Проверили мягкость поролона, нацепленного на вершину копья и замотанного синей изоляцией (без него и убить можно), после чего велели ждать героев-приключенцев, пожелавших пройти по ущелью мимо ога. Естественно, огр (я) будет категорически против

пропуска подозрительных бродяг через вверенный ему участок границы. Но оно и так понятно.

— Когда убьют, не огорчайся. Иди на поляну, там отдыхай до новой роли, — напутствовал меня Михаил напоследок. — И очень прошу, прикрой чем-нибудь это розовое чудо, — указал он мне на мою кольчугу.

— Нормальная расцветка, — проворчал я в его спину, чуть огорчившись. — И что, значит «когда убьют»?! Это мы еще посмотрим!

На природе кольчуга действительно смотрелась несколько оригинально — будто бензиновая пленка на воде и совсем не так солидно, как в темноте проходной завода. Но да ладно.

Ждать пришлось минут двадцать, благо ни комаров, ни иной живности вокруг. Заодно с интересом пробовал свою способность видеть «тепло» человеческих тел, и через деревья издали разглядывал передвижения других участников игры по лесу. Выходило, что метров на триста вижу все довольно уверенно, а если знать, куда смотреть, то на все пятьсот. Во всяком случае, не так скучно, как просто ждать.

Так что сборный отряд игроков, идущий в мою сторону и явно по мою душу, я заметил издали. Аж семь человек — две «незнакомцев» и Тимур с Матвеем и Михаилом во главе, под прикрытием лучницы Лены и магички с посохом, которую я видел в Лениной машине, но так и не поинтересовался именем.

— Перед вами ущелье, — присутствующий тут так же Михаил драматично взмахнул рукой в моем направлении. — Которое защищает злобный огр!

И никакой я не злобный, в самом то деле. Но для пользы дела грозно зарычал.

— За спиной чудовища вы чувствуете дымы Мории, но это порождение тьмы вряд ли пустит вас дальше по доброй воле! — Патетично завершил гейм-мастер и деловито добавил. — Огр полностью неуязвим к магии, а его шкура не пробивается стрелами.

— Даже в глаз?

— Не надо в глаз, — тактично отметил Михаил.

Я согласно взрыкнул.

Девушки грустно вздохнули и приготовились смотреть за подвигом мужчин.

Воины взбодрили друг друга ударами меча по щиту, встали стенкой и шагнули вперед.

Я благоразумно отошел в глубину «ущелья» из деревьев и палок, сократив боевые возможности отряда — в этот узкий коридор с трудом умещались двое, да и те мешали бы друг другу. Противники смекнули масштаб проблемы, быстренько переговорили и выставили вперед Матвея, сбоку от которого, удерживая щит двумя руками и прикрывая ноги соратника, вступил Тимур.

Не знаю, на что они толком рассчитывали, но при первом же замахе Тимур дернул щит вверх, чтобы прикрыть свою голову, а мой удар в итоге достался ноге Матвея. Я тут же дернул копьё на себя и двумя быстрыми замахами обозначил удар по плечу и шее старшего в двойке, затем с силой оттолкнул щит Тимура, заставив его отступить на шаг и зацепить краем щита за доспех товарища. Резко сманеврировал, пропуская ветер от дюралевого меча, ударившего наискосок, и уже спокойно отстучал привычные комбинации по открывшемуся торсу Матвея.

— Стоп! Двое погибли от копья огра! — обозначил Михаил, заставив двух парней горестно вздохнуть и встать по левую руку мастера игры.

Мол, все дальше без них пойдет. Зря они огорчились — остальных я отправил на встречу

с игровым перерождением еще быстрее.

— Сергей, — сделав знак остальным подождать, отвел Михаил меня в сторону.

— Аргх?

— Сергей, так нельзя. — Шепнул он. — Они должны пройти! Так нужно для игры!

— Аргх, — недоуменно пожал я плечами. Мол, пусть побеждают и проходят.

— Да хватит паясничать! В общем, сейчас волшебница попробует их оживить и они нападут еще раз.

Я перехватил копьё поудобней.

— Поддайся, прошу! Хочешь, в следующей игре седлаю тебя королем эльфов? —

Искушал меня Михаил, глядя, как девушка с посохом мелодично камлает над телами раненых, пока злобный огр отвлекся.

Я с интересом посмотрел на Лену.

— Или еще каким важным эльфом, а?

— Да педики они все. — Категорично отозвался я о длинноухих долгоживущих мужского рода. — Есть встречное предложение. Сейчас огр хватает симпатичную эльфийку и скрывается в лесу.

— Но она нужна дальше по сюжету!

— Михаил, — с укором глянул я на него.

— Ладно, но потом они ее спасут...

Я продолжил сверлить его взглядом.

— Но не сразу.

— Идет.

— Пойду с ребятами переговорю, — отбежал Михаил к ним и принялся сначала тихо, а потом оживленно в чем-то убеждать, активно жестикулируя и показывая в мою сторону.

В итоге, те согласились, хотя Лена демонстративно сложила руки на груди и отвернулась.

— Волшебница Милена вдохнула огонь жизни в тела павших, и отряд храбрецов вновь выступил в бой! Но что это, огр не собирается биться! Он отбросил копьё и замыслил недоброе!

Пришлось отбрасывать копьё и рыком броситься на группу приключенцев. Те отпрыгнули и на всякий случай синхронно указали на Лену. Мало ли, перепутаю...

— О нет, грязное чудовище! — Вопила Элиниэль на моем плече, уносимая в лес. — Скоро мои друзья догонят нас и снимут с тебя шкуру!

— Ты там особо не торопись! — Донеслось довольное со стороны поляны.

Далеко отбегать не стал, заприметив удобный пенечек по траектории. Проверил своим талантом — свечения всякой гадости, на вроде змеи, не было. Хотя те холоднокровные и не должны выделяться? В общем, визуально тоже внимательно рассмотрел, только после этого сев сам и разместив Лену на коленях.

— У тебя кольчуга колетя, — недовольно отметила она.

— Снять? — Предложил я.

— Снимай, — сверкнула она лукавым взглядом.

Явно побег наметила — вон как в сторону той полянки украдкой поглядывает.

— Помогай, — предложил я ей уцепиться за края плетения снизу.

— Какая кольчуга у тебя красивая, розовенькая, — ворковала она, собирая кольчугу снизу.

Да блин... Надо было цинком покрывать, вышла бы, как золотая...

— Нагнись, иначе не снять, — мягким тоном продолжила она.

Я угукнул и завершил незаметно цеплять проволочку своей кольчуги к ее эльфийско-армейскому плащу.

В итоге, наклонился, уловил резкое движение, рывок и вскрик вместе со звуком падения. Шустро освободился от кольчуги и с удовольствием посмотрел на горящие гневом глаза Лены, встающей с земли. Надежная все-таки ткань на плаще — иная бы порвалась, а эта выдержала. Отложил кольчугу в сторону, помог Лене подняться, отряхнуться, проверил на ссадины, тут же убрав платком землю с кожи, охнув, извинился и вновь усадил на колени. Вроде, ей даже понравилась такая забота — даже злиться перестала. Ворчала, правда, по извечной женской традиции, но умеренно. Даже рассказывать начала что-то соответствующее из своего прошлого — о падениях, дураках и синяках на колене. Ну а я продолжал отыгрывать огра.

— Руки!

— А если сбежишь? — привел я весомый довод и оставил ладони на месте, разве что разместив их выше.

— А вот и сбегу!

Я вновь опустил ладони чуть ниже талии.

— Совсем сбегу!

Ну, мы люди понятливые — посмотрел я в искрящееся на дне глаз довольство, коснулся губами уголка ее губ, оставил одну ладонь на ее бедре, а вторую повел выше.

— А ты правда из-за меня столько старался? — Не ответив на поцелуй, смущенно произнесла она, опустив очи долу.

— Правда, — уже искренне веря в сказанное, закрыл я ее уста своими.

И более целеустремленно двинулся правой рукой вверх, забираясь под ее одежду, касаясь самого ценного — паспорта, денег, документов... А нет, это я во внутренний карман плаща попал. Шевельнул ладонью, желая убрать ее обратно, да коснулся небольшой книжицы с твердой обложкой — как у студенческого. Удивился — думал, она давно отучилась — и потянул на себя. Вот раскрою и похвалю ее фото. Заодно факультет студентки посмотрю, чтобы знать, где ее с цветами встречать.

Лена, видимо, под конец моего маневра что-то уловила и отстранилась. А я аккуратно держал в руке книжицу. Красненькую. Факультета «МВД России».

— Дурак, — выхватила она свое удостоверение из мои рук, резко подорвалась с места и убежала в сторону поляны.

— Лена, подожди! — Встал я с места, думав бежать вслед, да в итоге предпочел сесть обратно и недоуменно пожать плечами.

Что в этом такого? Ну не работник она завода, так чего истинное место работы скрывать? Вполне уважаемая специальность и врать было незачем. Максимум — я бы ее в лес не понес на плече, а как-то иначе похитил, с уважением к мундиру и УК РФ.

Через какое-то время побрел до поляны, дожидаться Михаила и остальных. Надо ведь их предупредить, что я опять все испортил, и Лены им лучше не ждать — унеслась она в сторону общей поляны, судя по теплому отблеску ее тела меж деревьев, и вряд ли вернется.

— А где Лена? — Предсказуемо поинтересовался шедший первый в вернувшейся группе Семен.

— Убежала, — меланхолично ответил я, крутя в руках зеленую травинку. — Михаил,

можно на пару слов?

Тот кивнул, но отходил вместе со мной, поглядывая где-то даже с крупницей неодобрения и наверняка подумал что-то не то.

— Я случайно удостоверение в плаще Лены нашел. С ее места работы, — не стал я уточнять, может это тайна девушки, неизвестная ему. — Она обиделась, убежала. Ничего больше.

— А, это, — вздохнул он с явно видимым облегчением.

— Что «это»? — Насупился я.

— Пойдем к остальным. Ребята знают, подтвердят.

Пришлось идти, хотя вопросов становилось больше.

— Тимур, давай беги на поляну и скажи всем, что мы завершили квест, сейчас будет турнир, стенка на стенку и шашлыки.

— Ю-ху! — Одобрил тот программу и унесся по тропинке к остальным.

Михаил проводил его взглядом, дождался, как тот окончательно скроется и только потом повернулся ко мне.

Рядом встали Семен, Матвей, Олег, Алексей и Костя.

— Лену обидел? — Сухо поинтересовался Алексей, разминая костяшки пальцев.

— Нет, — отмахнулся Михаил. — Удостоверение ее увидел, а та в нервы и бежать.

— А, — виновато потупился тот и развел руками, на меня глядя.

— Короче, — хмуро посмотрел я на руководителя клуба. — Что за тайны?

— В уголовном розыске Лена работает.

— И что? — Искренне недоумевал я.

— Да мужа она своего посадила, бывшего, — взял слово Матвей. — Как кто узнает, то бросает ее. А если не узнает сам, то доброхоты потом нашепчут. Козлы отверженные.

— Сурово. — Почесал я затылок. — На родных ведь нельзя свидетельствовать?

— Можно. Это право молчать, а не запрет.

— Эка он ее достал, — нервно хмыкнул я.

— Не достал. Любила она его, говорят.

— Но посадила? — Изумился в ответ.

— Да, — кивнул задумчиво Михаил.

— Я-ясно, — протянул я.

От таких перспектив действительно как-то не по себе. Живешь так, доверяешь — а тебе любимая наручники на руки со слезами на глазах.

— Ты от нее сразу не отворачивайся, — попросил Семен. — Больно ей будет. Подожди хотя б пару дней.

— Да я не собираюсь! — Возмутился я.

— Ну-ну, — хмыкнул Олег.

Я неприязненно на него посмотрел, но промолчал.

— Ладно, давайте о деле, — хлопнул Михаил в ладоши. — Сергей, ты как насчет подработать?

— Да у меня уже работа есть, — на фоне известий про Лену, равнодушно отнесся к предложению, глядя под ноги.

— Фольскваген мой нравится?

— Ну.

— Забирай в счет аванса. — С некой лихостью в голосе предложил он.

Я изумленно поднял на него взгляд.

Рядом скалились улыбкой остальные.

— Я никого убивать не буду!

— И не надо, — хлопнул меня Матвей по плечу. — Дело будет по твоим навыкам, не беспокойся. Коммерческая тайна тоже обязательна, сам понимаешь.

— Будешь болтать — мы знаем, где ты живешь и где живут твои родители, — жестко произнес Олег.

— Так, — посмотрел я на него и на остальных. — Я ничего не слышал, до свидания. — Отвернулся и зашагал по тропке к остальным, отметив гневный взгляд Михаила в сторону Олега.

— Да погоди ты, — догнал меня Матвей и, проламывая ветви по краям тропы, стал двигаться со мной вровень. — Думаешь, каждому встречному такое предложение?

— Знать не хочу.

— Сергей! Да выслушай! Ну ради меня, да стой ты хотя бы на десять секунд! — В сердцах высказался Матвей, выламываясь из очередного куста, и я решил остановиться.

— Десять секунд, — покладисто вздохнул я.

— На Олега внимания не обращай, он немного параноик. Нормальный он парень! И ты нормальный! Просто вы друг друга вообще не знаете!

— Допустим.

— Серег, есть очень большие деньги, которые готовы платить. Ничего противозаконного.

— Так не бывает.

— Почти ничего, — поправился он. — Просто верь мне. Это шанс — он не каждому дается! Мы с Мишей и Семеном в тебя поверили, поручились за тебя. Не подводи, а?

— Так как я подведу? — Удивился я. — Я же ничего даже не обещал.

— В общем, — схватил он меня за плечо, нагнулся к уху и яростно зашептал. — Про порталы слышал?

— Это откуда чума?

— Да нет там никакой чумы! — Яростно зашипел Матвей. — Там никаких болезней нет! Но там есть то, за что люди готовы платить большие деньги!

— Через портал же ничего не пускает? — Поднял я бровь.

— А мы не переносим, мы водим их туда, — почти прислонив губы к моему уху, прошептал он.

— Я вам зачем?

— Охранять богатые кошельки. — Вновь посмотрел он мне в глаза, почти уперев лоб в мой лоб. Затем выразительно скосил взгляд на мое копье. — Ты это умеешь. Специально сегодня проверили и остальным сомневающимся показали.

— Много платят? — Уже с проклянувшимся через изумление от услышанного удивлением уточнил я.

— Много, Серег, — уверенно кивнул. — Этот «поло» за первый месяц плюс подъемные. Другого шанса не будет.

— Я могу подумать?

— Недолго, — задумался он на секунду, но все же медленно кивнул.

— Завтра скажу, вечером, — пообещал я со всей серьезностью.

— Пусть так. Добро. И еще... Никому не говори, — уже с опаской покосился он назад, к

поляне с Михаилом и остальным.

— Олега боишься? — Перевел я взгляд в ту сторону.

— Нет. Тех, кого мы водим, — обозначил Матвей их уровень, на секунду подняв очи и нервно сглотнув.

— Ладно, — кивнул я.

— Никому! Ни матери, ни сестре! Ни девушке! Иначе, вон, — усмехнулся он грустно. — Как с Леной выйдет.

— Ясно, — тряхнул я еще раз головой и пошел к остальному клубу.

— Серега...

— А? — Повернулся к нему.

— «Там» не страшно. Скорее, холодно и скучно

Молча улыбнулся и пошел дальше. Может, Лена еще не уехала, и я успею извиниться. Что до ее прошлого и принципов — ерунда это все и не пугает. Просто люди не учитывают главного — эльфы обладают иными моральными принципами, и ничего с этим не поделать. А вообще, глупо все вышло...

С удивлением обнаружил, что за отношения с девушкой переживаю сильнее, чем о предложении Михаила с Матвеем. Ну обслуживают они неизвестно где находящийся портал. Даже примерно представляю, зачем туда водят богатеев — да за кристаллами из монстров и водят. Деньги, конечно, явно выходят немалые, ведь здоровье продают, которое, как известно, обычным порядком не купишь. Но и риск — с корявой деревяшкой против той живности — тоже серьезный. Знаю я, как там «не страшно».

Автоматически провел рукой по бедру — там, где был значок-архиватор с трофейным копьем. У меня шансов, выходит, побольше будет...

Только странно, что парни такие медленные, если доступ к кристаллам у них есть все это время. Странно, что этим вообще занимаются они — ведь есть же полиция и ОМОН спецназ и отставники...

— Но Лена все-таки интереснее, — отметил я, с грустью глядя на красную ладугу, уезжающую вдаль за горизонт.

У меня было два пакета молока, семьсот грамм шашлыка, три упаковки творога, полсолонки соли и целое множество салатов всех сортов и расцветок, а также коньяк, сок, банка клубничного варенья и сахар-рафинад.

Еще была тяжелая от дум голова, занятая вопросом, как все это съесть до завтра, чтобы не испортилось.

Электричества не было. Холодильник без электричества не работает. Электрик — подлец и проходимец.

— Это не я! — Утверждал он обратное вчера вечером, пятясь от задымленного щитка. — Это у вас основной кабель в щитке от старости выгорел!

— Так что делать теперь? — Хмуро смотрел я на скопление проводов.

— Вызывайте аварийную! — Участливо посоветовал Николай Петрович под звук открывающейся двери лифта.

— Стоять! — Сообразив с фатальным опозданием, что мои десять тысяч уплывают в кармане горе-работника, резко рванул в его сторону.

— И меня здесь не было! Узнают, что самовольно в щиток лезли — вас же оштрафуют! — Пробубнил он через закрывшиеся двери лифта.

Я же от злости только по створке кулаком стукнул — не сильно, разумеется. Мой же лифт.

Метнулся было к лестнице, дабы догнать и призвать к ответу, да в последний момент решил повременить с возмездием — в любом случае, телефон и адрес его есть, а адекватная месть требует фантазии и времени.

Звонил в аварийную, изобразил историю из собрания сочинений «Оно само» и принялся ждать, нервно расхаживая мимо щитка.

В коридор взволнованно выглянула Татьяна, сходу робко предложив все усугубить — то есть, вызвать пожарных. Выслушав подробности, призвала вызвать полицию. Ну а когда сказал, что никакого договора у меня с электриком нет, предложила догнать электрика, вернуть, засунуть его руку в провода и вызвать скорую. Опасливо глянув на девушку, на всякий случай выдал ей аванс.

— А можно я выберу немного другие обои? — Чуть смущенно смотрела она себе под ноги, теребя в ладошках купюры.

— Нет.

Та возмущенно отвернулась и хлопнула дверь.

Дернув за ручку, уже с некой обреченностью констатировал — захлопнулась. Вдавил звонок — глухо, электричества нет. Застучал по двери — через пять минут открыли.

— Ой, — похлопала Татьяна ресницами, глядя на мою мрачную физиономию.

Прошел мимо нее, молча забрал ключи из куртки и принципиально вышел из квартиры. Прямо не ремонт, а семейные отношения. Только без постели, но с обоями. Короче, точно как семейные отношения.

Представитель аварийной службы — мужчина пенсионного возраста, худощавый, на голову ниже меня — смотрел с подозрением (и снизу вверх).

— А «оно само», это не лет пятидесяти, без двух зубов?

— Без трех. Нет, не он, — понурил я плечи и отвел взгляд.

— Ну, Петрович, — с тоской перевел он взгляд на щиток.

— Это выходит, все переделывать? — Посмотрел я с тоской на дверь квартиры.

— Кто знает? — Философски вздохнул он.

Не поворачиваясь, краем глаза проследил, как тысячная из моей руки переходит к аварийщику.

— Ладно, сейчас проверю.

Результатом ревизии стала ворчливая резолюция «это испортить просто так не получится» и две поправленные по горизонтали розетки (которые все равно отвинчивать для поклейки обоев). В общем, в квартире все нормально.

— А со щитком что делать?

— Что делать? — Запустил он пятерню в волосы на затылке. — Понедельника ждать, — качнул он плечами.

Еще одна тысячная его не вдохновила — даже брать не стал.

— Кабеля нет, — развел электрик руками. — Напарника нет. Наряда нет. Начальства нет.

— Но вы же аварийная?!

— Я вам искренне сочувствую, — пожал он руку напоследок, надежно все обесточил, дал свой номер и обещал быть в понедельник.

В квартиру вернулся потерянным, не зная, как дальше быть — это ведь ни компьютера, ни интернета, ни света в ванной. Механически прошел в комнату.

— Что говорят? — Тихо подошла Татьяна, отложив в сторону шпатель и бросив тревожный взгляд в окно на стремительно надвигающийся вечер.

Ей ведь тоже уже совсем скоро станет не поработать.

— Электричества не будет до понедельника, — констатировал я приговор.

— Что теперь делать? — Робко поинтересовалась она.

— Будем заниматься тем, чем можно заниматься без света. — Пожал я плечами.

Можно ведь прибираться даже с не очень хорошим освещением. Да хотя бы пыль вместе с обрывками выкинуть — я посмотрел на комнату, уже лишенную старых обоев, с выровненными стенами. Осталось только поклеить новые, а значит так много мусора больше не будет. Подавая пример, сгреб с кровати газетные листы, образуя ком со строительным хламом внутри, закинул его в угол комнаты и встряхнул одеяло.

— Сережа, а как же твоя девушка? — Непонятным тоном спросила Татьяна.

— Она только в понедельник приедет.

Так что катастрофа со светом Лилию не затронет, если этот кабель на обе наши квартиры.

— Я... Я не хочу, извини, — отступила она на пару шагов из комнаты.

— Хорошо, — хмыкнул я.

Что за отношение к труду?

— Ты не обидишься? — Тихонько уточнила она через какую-то паузу.

— Не совсем то, что я ожидал, — все же позволил я себе ворчливости. — И не совсем то, на что мы договаривались. Но ничего страшного...

— Мы ни на что такое не договаривались! — Выпалила она гневно.

— Как же? Выбросить строительный мусор за собой — было такое?

— Ну, — сбилась она.

— Вот. Тогда почему этим занимаюсь я? — Смял все газеты и утрамбовал в

подвернувшиеся мешки для мусора.

Татьяна смотрела недоуменно, переводя взгляд с меня на мешок.

— А... Я думала про постель...

— О чем только не думают, лишь бы не работать, — захватил я в обе руки мусор и пошел на выход из квартиры. — Ладно, как-нибудь сам.

С некоторой заминкой, позади в голос возмущились, но за закрытой дверью было уже не разобрать.

Зато когда вернулся, возле порога ждали еще четыре мешка, доверху забитые разным хламом, а в комнате шипела Татьяна, с шумом, тихими ругательствами и пинками формируя новые.

В общем, справились быстро.

— Мне нужно в душ, — ультимативно заявила она после последнего моего захода, демонстрируя жесткие от пыли волосы, освобожденные от прически — даже платок, который она повязывала на голову, не спас.

Вопрос решался вызовом такси до ее дома, но я махнул рукой в сторону ванной комнаты. Даже интересно на секундочку стало, как это возможно без света.

Оказалось — спасает фонарик в сотовом.

— Точно! — Хлопнул я себя по бедру, с неким стыдом, загораживаемым пониманием о собственной усталости за день, вспоминая о собственном телефоне. А ведь там — цивилизация и интернет!

Огнем надежды сиял экран с сорока процентами зарядки. Постелив покрывало, завалился на кровать и принялся вычитывать все пропущенное за день — развлекательное, в основном.

На тридцати пяти процентах спохватился и занялся более конструктивным — постарался найти Олега и других новых знакомых в соцсетях. Все нашлись в друзьях у Михаила, так что через некоторое время изучал фотографии, пытаюсь понять характер. Такое себе развлечение — ничего компрометирующего все равно не было, толком. Общие друзья, компании на фото, на которых встречались знакомые по клубу лица. Специальности: от работника бетонного завода у Олега и инженера-конструктора Кости до заместителя директора небольшой мелкооптовой фирмы у Алексея. Все трое отмечены за рулем на старых фото, только «Рав четвертого» там не было — видимо, тоже новое приобретение. Интересно, сколько они берут с пассажира за вояж на «Ту сторону», если машины появились буквально за пару недель? И кто служит гарантом оказания услуг — Алексей, как самый высокопоставленный по должности? Или же есть неизвестный мне наниматель?

На самом деле, просто разминка для ума, все равно на воскресенье планировал вежливо отказаться. Как-то нелепо это: закрыть свой ход в Эдем, чтобы вновь рисковать жизнью ради чужих дивидендов. Да и случись что «Там», и буду я — самым ненадежным звеном в глазах остальных, новичком, которого можно будет оставить, пока остальные спасаются. А мертвым деньги и машины как-то не нужны.

Есть уверенность, что мой ответ им не понравится, но опасности для них я все равно не представляю: где портал — не знаю, кого водят — тоже. Ну а молчание мое я сам себе гарантирую. По угрожают мне, разумеется, для порядка, но это я для будущего своего спокойствия как-нибудь переживу. Только вот про клуб, наверное, придется забыть.

— Сергей? — Показалась в дверном проеме Татьяна, завернутая в мой халат, с тюрбаном из полотенца на голове. — Там еще зарядка на телефоне есть, можешь искупаться.

Хотел было вежливо отклонить предложение, но усталость субботы хотелось смыть, а индикатор своей батареи отражал уже двадцать процентов. Да и сушиться работнице где-то надо, переодеться — не на кухне же.

Быстро принял душ, с удовольствием констатировал, что свежая сменная одежда на завтра имеется, и там же переоделся. Наверное, даже слишком быстро, потому как в момент моего появления в комнате, Татьяна только одевалась.

Вернее, сложно описать этим простым словом процесс, в котором девушка в одних белых носочках и трусиках, стоя спиной ко мне, медленно надевает джинсы под плавные, ритмичные движения нижних девяноста — совершенных, сформированных тяжелым физическим трудом. Не хватало только плавной музыки, а волнующий сердце полумрак обеспечивал уличный свет из окна.

Невесомым движением Татьяна подхватила с кровати футболку, повернувшись для этого ровно на столько, чтобы от увиденного профиля налитой груди у меня прихватило сердце, а в плотных джинсах шевельнулась и окрепла влюбленность. Будто ундиной погружаясь в светлые озерные воды, Татьяна надела футболку и, чтобы убрать складки на ткани, медленно, двигаясь сверху вниз, огладила свое тело ладонями, очерчивая волнующие изгибы. После чего повернулась ко мне, гордо расправив плечи и литым движением, от которого почувствовался восторг свободного падения, переместила водопад светлых волос вперед на грудь.

— Татьяна, — пересохшим горлом произнес я.

Взгляд перебежал от коленок к точеной талии, от просвечивающих через ткань волнующим ореолам к ямочкам на ключицах и лебединой шее, но я усилием воли постарался удержать их на уровне ее глаз

Девушка гипнотизирующим шагом подошла ко мне почти вплотную, коснулась пальчиком моей майки на груди и повела рукой вниз, пока не остановилась на уровне пояса и шустро перехватила свой сотовый из моих рук.

— Дальше как-нибудь сам, — смеялись ее глаза ехидством.

Татьяна ловко обошла меня, стоящего соляным столбом, метнулась в прихожую, подхватывая спецовку на руки, а на ножки — ботинки, и во мгновение оказалась за порогом, слегка толкнув дверь за собой, чтобы та медленно закрылась.

— Так нечестно! — Возмутился я с искренней обидой.

Из коридора донесся искренний и торжествующий смех.

— Татьяна, постойте, давайте я вызову вам такси! — Чуть ломаным голосом озаботился я ее возвращением из лучших побуждений.

— Я на машине, — задорно донеслось с лестницы этажом ниже.

Лифтом девушка пренебрегла.

— Вот за что, а? — Проворчал я, закрывая дверь.

Проследил из окна — действительно, зеленый «Матиз», вырвавшийся со свободного парковочного места Лилии. Даже почудился знак свыше, но был тут же стойчески отмечен в сторону. Я занят — у меня уже есть человек и эльф.

Дабы укрепить себя в вере в собственные моральные силы, отзвонился соседке. Констатировал нетипичное для фитнеса и родни веселье в голосе, шум кафетерия на фоне и с некоторой тоской посмотрел на улицу.

Всем хороша Лилия, но ее любовь к спиртному заставляла сомневаться в перспективах отношений. Возраст потихонечку доходил до порога, за которым надо обзаводиться семьей.

Ведь пенсионные накопления могут сгореть в одно мгновение, деньги — обесценятся, а лучшим вложением в старость являются дети и их правильное воспитание.

Потому невольно примерял подругу к роли куда более серьезной, да как-то выглядит картина неуверенно и сомнительно. Радует, что есть еще время на поиски — вещь весьма ответственную и важную, которую не следует портить моральными терзаниями.

Вот Татьяна тоже смотрится весьма перспективно — сразу видно, человек работающий, а возраст выдают разве что морщинки возле глаз. Правда, профессия — не совсем та, что пожелал бы второй половине, заботясь о ее здоровье, но и у меня есть множество недостатков, вроде того, что свинья я похотливая и изменщик. Это я в порядке самоиронии, само собой.

После отправился на диван — ворочаться и пытаться заснуть, отмахиваясь от соблазнительного образа.

Ну а утром случилось то, что должно было, когда холодильник не работает — лужи на полках, лужи на полу и понимание, что Николай Петрович так никогда себе на новые зубы не заработает, с естественной убылью оставшихся от недовольных клиентов.

— Татьяна, вы будете кушать? — Спросил я громко, чтобы девушка услышала. — Есть творог, — без настроения коснулся я пачки, срок годности которой завершился первым.

— Спасибо, я поела! — Звенел довольный голос.

Это она после вчерашнего озорства. Ну и еще обои принесла не совсем такие, как я просил — цвет слегка другой, рисунок опять же. Хоть и делает вид, что они те же самые — старые мы ведь все равно выкинули, не сравнить. Оттого еще счастливей, даже с капелькой злорадства, только тщательно его скрывает. Мол, дура твоя девушка и не разбирается, что она и увидит, когда в квартиру зайдет и ахнет от такой красоты.

А мне, в целом, все равно — мне главное чтобы хозяину квартиры не понравилось настолько сильно, что он мне арендную плату поднял. Мол, евроремонт — вот и плати по курсу в евро, который опять скакнул. Но, вроде как, оттенок обоев тот же, а дальше ни один вменяемый мужчина приглядываться не станет.

Ладно, на воскресенье тоже была запланирована гора дел, куда более важных, чем кормление одной малознакомой (но симпатичной) особы.

Пролистал список друзей в соцсети до нужного человека, с удовлетворением увидел статус «онлайн» и, тревожно глянув на девять процентов зарядки, набрал его номер.

— Георгий, ты дома? — Спросил я бодрым и уверенным голосом.

— Дома, — ответил он чуть подозрительным голосом, явно догадываясь, к чему вопрос.

— Скоро буду, — тут же положил я трубку, чтобы не услышать ряд неловких отказов и неубедительных оправданий.

Ну а так — будет ждать и никуда не уедет. Данную особенность знают все его товарищи, только я обычно пользуюсь этим крайне редко, отчего считаюсь лучшим другом.

Геorgia я знаю с университета — от первого до последнего его курса занимали одну парту, пока нам не выдали дипломы, и наши жизненные пути не разошлись. Я стал начинающим чиновником и хозяином неофициальной биткоин-фермы, ну а перед Георгием встал вопрос — либо ответить на письмо из военкомата, приглашавшего встретить день рождения в своих коридорах, либо уехать в Нью-Йорк к отцу. Сомневался Георгий недолго и уже следующим утром был на другом континенте, где трудоустроился заботами родителя. Парень он умный, а в общении с железом — так и вовсе гений, так что ни языковой барьер, ни присущая робость не помешали ему получать повышение за повышением. Через два года

под его началом был отдел индусов на удаленной работе, в кармане — грин кард, на счету — круглая сумма. Но душа его тосковала по родине.

Через два года Георгий вернулся, купив через родственников квартиру в элитном районе города, где продолжил управлять гражданами Индии во благо американской конторы. Ночью он работал, утром — отстреливал конкурентов в популярной многопользовательской игре. Жажда общения на родном языке полностью компенсировалась переругиванием в игровом чате, родные березки росли под окном, а девушки чудной красоты навещали тогда, когда ему удобно, забирая с собой грусть, тревоги за суммы меньшие, чем Нью-Йоркское такси до аэропорта.

Друзей у человека с такими доходами было много, о чем свидетельствовала цифра в аккаунте социальной сети, но настоящих, кто знал вдобавок номер сотового — единицы.

— Георгий, есть дело, — уселся я в кресло в комнате для гостей.

Всего комнат в огромной квартире было шесть, и обставлял их мой друг по заветам детской сказки, где главный герой заимел волшебные спички, исполняющие желания, и заполнил целый дом всем, о чем некогда мечталось. Только вместо спичек вполне подходили зеленые бумажки с заморскими президентами. Так что был и холл с камином, на полу которого лежала медвежья шкура, и спальня с балдахином, и бассейн в ванной, и игровая с плазмой и плейстейшн. Дополнялось все это вполне рабочим кабинетом с кучей мониторов и компьютеров, куда было протянуто два интернет-провайдера, обычной спальней с игровым компьютером, где он собственно и жил, а также гостевой комнатой — со столиком, который довольно быстро можно было трансформировать в банкетный, большим количеством стульев возле стен, телевизором, ноутбуками в количестве трех штук и принтером. Все это техническое богатство — чтобы на его личный компьютер не было и тени посягательств.

— Говори, — тронул он чашку с чаем.

У моего края стола исходила дымком такая же — из невесомого синего фарфора, который и брать-то в руки было боязно.

— Я перевожу тебе полтора миллиона рублей в долг. Затем, действуя от твоего имени по доверенности, покупаю тебе на эти деньги землю, на которое мы налагаем обременение в регпалате для обеспечения долга.

— Так, — нахмурился он. — Ничего не понял, еще раз.

Уловив его внимание, пусть и с оттенком подозрительности, выложил все про скромный план с купи-продай участка перспективной земли.

— Предложил бы и тебе рискнуть, но ты не станешь, — уверенно завершил я небольшой, но обстоятельный рассказ.

— Не стану, — подтвердил он, задумчиво кивнув головой. — Обременение, чтобы землю государство не отняло?

— Именно. — Чуть придвинулся я вперед. — Пока его не снимешь, с землей ничего сделать не получится. И да, все налоги с земли и прочие платежи — все с меня, тебе даже квитанции приходить не будут.

— Мутно это все, — почесал он затылок без энтузиазма.

— Рискую только я, — чуть развел я руками и обаятельно улыбнулся.

— Может, не надо? Вдруг никакой стройки века не будет, — вновь всколыхнул он мои сомнения.

— Я хочу попробовать. — Упрямо сдвинул я брови. — Второго такого шанса не будет.

Знаешь, какие откупные давали в Сочи? А за земли под Сколково?

— Пойми, — отклонился он на спинку стула. — Если что, на меня ведь станут давить. Не по-дружески это, — с укором произнес Георгий.

— А ты согласишься, да и все.

— То есть?

— К тебе не государство придет, а те, кто захочет продать земли государству — те, у кого ходы-выходы для этого есть. Накинут от стартовой цены процентов шестьдесят, что уже вполне неплохо. Ни один банк за год столько не даст.

— И стоят эти шестьдесят процентов всей мороки... — Поморщился он.

— Ну, для меня это будет почти девятьсот тысяч, — хмыкнул я, оглядывая помещение. — Для кого-то, конечно, мелочи, а кому зарплата за шесть лет, — чуть иронично вновь посмотрел на него.

— Не надо опять меня подкалывать, — поднял он ладони. — Помогу, но я тебя предупреждал и отговаривал!

— Идет. — Благодарно кивнул ему и придвинул «гостевой ноутбук».

Сразу же осуществили перевод средств через онлайн клиент-банк, оформили договор займа, распечатали заранее подготовленные мною бланки доверенностей — на покупку и регистрационные действия — и отправились к нотариусу их заверять. Они, оказывается, и по выходным готовы зарабатывать неприличные деньги за роспись на цветастой бумажке, но только с десяти до пятнадцати часов.

— Может, я тебе деньги наличными сниму? — Щурился Георгий на свет, стоя на крыльце конторы.

— В случае чего, подтверждение покупки потребует и лучше не распиской, а банковской выпиской. — И тут же с виноватой ноткой поправился — Но я к тебе только с оформленным договором приду. Буквально на минуту-две, честно.

— Да ладно, заходи, — перевел он взгляд от неба на меня. — Буду рад видеть, — пожал он руку и пошел по улице.

— Гера!

— А? — Остановился он.

— Тебе направо, — посмотрел я на противоположный конец улицы.

— Точно, — чертыхнулся он, с любопытством осматривая здания вокруг.

И это у него квартира в трех дворах отсюда. Совсем затворником с такими условиями стал — аж зависть берет.

На волне эйфории от ровно и гладко идущих планов, поймал такси и направился в деревню Шарапово, свои будущие владения оглядывать. Ну и местных расспрашивать, может кто надумал участок продавать.

Легенда у меня железная — другу, вернувшемуся из заморских чужбин, землю помогаю покупать — под ранчо и дом с яблоневым садом. И не важно, что Георгий эти ранчо видел только на этикетках пачек с молоком. Хотел было добавить, что родственники у него отсюда вышли, но побоялся засыпаться на деталях. Да и про американца разве что компетентным органам скажу, если любопытство изъявят, иначе местные мне такую наценку на неликвидные поля оформят, что никакие шестьдесят процентов сверху от стандартной цены не спасут. Для всех же остальных будет самая простая история — покупаю и покупаю. Кому, в целом, какое дело в наши-то времена. Договор же займа у Геры оставил, чтобы лишних вопросов не было.

Автомобиль попался добротный — старенькая белая «Королла», но с кондиционером и молчаливым водителем лет под тридцать, поездку за город и обратно воспринявшего завершённой программой рабочего дня, оттого не гнавшего по трассе в желании поскорее вернуться и заработать лишний рубль. Мне даже радио предложили выбрать самостоятельно, а на просьбу одолжить зарядник для уже помирающего телефона отнеслись благосклонно и с пониманием.

Так и ехали в далеко не ближний пригород, которому через некоторое время стать ключевым узлом в транспортном потоке Азии и Европы.

О том, что именно эта типовая деревенька, вытянувшаяся одной улицей на пару километров, и есть Шарапово, свидетельствовала табличка и мелодичный голос «вы приехали» навигатора.

Вглубь деревни метров на двадцать уходил асфальт, сменяясь ухабистой грунтовкой. На улицу смотрели подворьями аккуратные домики в два ряда, рядом с которыми шла желтая газовая труба. В целом — добротные кирпичные одноэтажки вокруг, возле ворот которых довольно часто попадались далеко не старые машины. В общем, никакого соответствия образу глухомани, неведомо почему придуманному самим собой — даже на столбах угадывалась оптика интернет-провайдера.

— Неплохо живут, — констатировал я, пока машина медленно катила по улице.

Эдак, с такими коммуникациями, ни о каких трехстах тысячах даже разговора не будет — минимум полмиллиона за участок с домом. Разве что брать только землю в поле.

— Только не понятно чем живут, правда, — хмыкнул, проезжая мимо и вовсе неприличного для такой глуши Ленд-Крузера.

— В столице работают, на севере, — поделился своей версией водитель. — Рядом крупных предприятий нет.

А вообще, неплохое место, даже автобусная остановка на выезде из деревни есть — цивилизация под рукой. Разве что сама деревня вдали от федеральной трассы, оттого направление не самое известное и популярное, но и в этом есть свои плюсы. Только вот все равно через год или два тут все сравняют с землей бульдозерами.

— Здесь остановись, — попросил я возле поворота на мелкую улочку, заметив скопление людей чуть ниже. — Я сейчас, поспрашиваю только.

Водитель притормозил и приготовился терпеливо ждать. О моем желании прикупить дом ему было известно, как и об отсутствии с собой денег (чтобы не замыслил чего плохого, хотя на всякий я все же определенную сумму взял — вдруг сразу повезет. Для таксиста я прицениваться приехал, якобы да и на самом деле.

Если прикинуть, домов тут пару сотен. Даже если потенциальных продавцов один процент, то уже два подворья получаются — весьма неплохо. Спрошу — а там посмотрим.

Направился к ближайшей группе людей с радушной улыбкой, да чуть не споткнулся на втором шаге. Что-то лица у них хмурые не по погоде — теплой и воскресной, а как меня завидели — так и вовсе оборвали разговоры и смотрели пристально да с подозрением.

— Здравствуйте, — поприветствовал я мужчину, что стоял ближе — лет сорока, с благородной сединой в висках, в серых брюках и выцветшем коричневом жакете поверх клетчатой рубашки.

— Вы к кому приехали, — грозным голосом спросил он.

Что самое неприятное, на его голос стали собираться те, кто стоял поближе — а за ними заинтересовались и остальные. А это, на секундочку, человек под тридцать — и мне

отчего-то стало совсем не весело в один миг. Особенно с учетом того, что я вообще не понимал причины такого интереса.

— Вот, думал, дом тут купить. — чуть повернув кисти, показал я им чистые ладони в знак мирных намерений и вновь улыбнулся.

Только я, наверное, не вовремя...

— Багажник машины покажите, — надвинулся на меня мужик, хмурясь.

А за ним шагнула остальная толпа.

И знаете, как-то спорить и возражать вообще не было желания. Не только у меня, причем — водитель самолично продемонстрировал пустоту, разбавленную ящиком с автомобильными инструментами.

— Подкладку запаски подними. — Требовательно спросили из толпы, а еще двое уже вовсю оглядывали салон.

— Эй-эй, — метнулся водитель, отстраняя особо наглых от переднего сидения и рулевой колонки.

— Да что тут у вас происходит вообще? — В сердцах спросил я все еще настороженную толпу.

— Ребенок пропал, — пожевав губами, сообщил седоволосый.

— Плохо дело, — искренне посочувствовал я.

Да и дело мое, видимо, тоже накрылось — хотя мелочь это в сравнении с такой бедой.

Рядом был лес, мимо которого мы проезжали — настоящий, не парковый. Видели мы и глади нескольких озер, где ребенок тоже может пропасть, особенно по такой погоде — обманчиво-теплой, прогретшей только верхний слой воды, но не дотягивающейся до ледяных глубин, готовых цапнуть судорогой. В общем, надеюсь, найдется.

Почесал затылок, да так и оставил свои размышления при себе — местным виднее, где искать и что делать.

— Вы пока не уезжайте, — посверлив взглядом, подал голос седоволосый.

Водитель посмотрел на меня — я же только кивнул, пожав плечами, отчего тот откинулся на кресло и изобразил, что задремал.

— Может, я могу чем помочь? — Осознав, что пытаться уехать сейчас — означает стать главным подозреваемым, подумал и решил провести время с пользой.

Опять же, мой талант видеть живое даже сквозь препятствия будет не лишним — мало ли, вдруг малец в подвал какой залез или на чердаке пустующем уснул.

Толпа, после демонстрации багажника и согласия остаться, как-то потеряла к нам интерес, так что к тому мужику пришлось подходить снова.

— Чем? — Холодно посмотрел он.

— Искать, — с легким раздражением пояснил я. — Или вы чердаки все проверили, подвалы, весь лес уже прочесали?

— Откуда знаешь про лес? — Замер он резко.

— Чердаки. Подвалы. Лес. Еще колодцы, — спокойно повторил ему. — Мужик, я даже не знаю, кто пропал. Но раз застрял здесь, могу помочь. А могу сесть в машину и ни черта не делать. — Уже распаяясь, смотрел я ему в глаза.

— Роман, — протянул он мне ладонь для рукопожатия.

— Сергей. — Оценил я крепость и ширину его руки — лопаты бы из таких делать.

— Пацан пропал. — Вдохнул он тяжело. — У сестры моей сын. Играл с другом. Тот ревет и ничего толком ответить не может.

— Как племянника зовут? Возраст, одет во что? Когда ушел? Где играли, о чем говорили?

Рядом стали вновь собираться любопытствующие — только на этот раз без агрессии во взгляде.

— Сашей зовут, десять лет. Джинсы и белый пуловер. Утром, да знать не знаю, о чем говорили! — В сердцах высказал он. — Возле леса были.

— И не нашли, — констатировал я.

Хотя одежда приметная, по нынешнему все еще голому лесу белый цвет далеко видно.

— Милицию вызвали с собакой, — прозвучал женский голос.

— А сами что? — Уточнил, напряженно пытаюсь вспомнить — видели ли мы похожего по дороге. Выходило, что нет, не видели — ни в одиночку, ни в компании с кем-либо.

— Сказали, следы не топтать, — отвел он взгляд и сжал кулаки. — С опушки покричали.

Значит, скоро приедут — на такое дело должны быстро специалистов дать.

— Поброжу по деревне, не против? — Дождавшись разрешающего кивка, я медленно пошел по улице, разглядывая дома своим талантом.

Одного меня, правда, не отпустили — следом топали три старушки, то и дело перешептываясь и стараясь держаться подальше. Да и демон с ними, не мешают и ладно.

На уровне жилых этажей все выглядело обычно — не смотря на тревожное событие, большое число людей было у себя дома и занималось повседневными делами и с какой подозрительностью не смотри — нет признаков, что кого-то заперли и удерживают насильно. Все же, день — вечером со спящими было бы сложнее. Смотрел так же ниже уровня пола и выше потолка — но там обычно кроме искорок мышей и огоньков котикового не было. Так и добрал до самого конца деревни, пару раз остановившись, чуть было не подняв тревогу — но, приглядевшись, различил собаку в будке и теленка, улегшегося у дальнего края дома.

С тем же сопровождением вернулся почти до самого въезда в Шарапово, но заслышав тревожные ноты в перешептывании старушек, не стал доходить до конца, оглядев крайние дома издали. Тоже — без результата.

Для виду, разумеется, нагибался к траве, якобы разглядывая что-то под забором, цепко заглядывал за повороты и минут пять смотрел на дно каждого из трех деревенских колодцев. Не было там Сашки, к счастью.

К моменту завершения круга по деревне прибыли кинологи — двое с собакой породы овчарка. Еще в сопровождении с ними был высокий мужчина с папочкой в руках, к которому местные относились уважительно и по имени-отчеству — Петр Семенович. Участковый местный, не иначе.

Переговаривались они недолго, отправившись к восточной деревенской окраине — той, что ближе к лесу.

Толпа как-то разом устремила следом. Часть якобы показывать дорогу, а другие просто на отдалении и из желания участвовать в чем-то тревожном и не рядовом в их жизни.

Собака довольно быстро нашла след на показанном Романом месте и рванула в сторону опушки. Вслед за ней, двинулись и люди — я вместе с ними, но без азарта, нотки которого чувствовались в воздухе, а просто из желания убедиться, что все закончится хорошо. Ну и на лес талантом своим поглядывал, что тоже не лишнее — он тут вполне живой, только живность такая же несерьезная, как в деревне, стремительно улепетывающая от людского

шума.

Вдруг движение остановилось, а через короткое время от начала колонны прошел недоуменный шепот. Я отошел чуть в сторону и посмотрел сквозь деревья — судя по метаниям «огонька» овчарки, та беспокойно двигалась по кругу на небольшой поляне, внезапно потеряв след. Периодически ее выводили за ошейник в разные стороны, чтобы след мог найтись на отдалении, но, видимо, без результата. Плохо дело — людским умыслом потянуло, спланированным и злонамеренным.

— А родители Саши — они кто? — Поинтересовался я у одной из «своих» старушек.

Та посмотрела неприязненно и отошла назад. Да и не очень то и хотелось.

Протиснувшись через людскую толпу вперед, встал за первым рядом наибольших деревни, пытаюсь прислушаться к тихому говору сотрудников, но удавалось выцепить только одиночные слова.

— Прочесывать будем? — Чуть громче, чем следовало, поинтересовался я у Романа.

Раз уж следов нет и затаптывать нечего.

— Послушаем, что скажут. — Кивнул он на представителей закона.

Вышло по-моему — кликнули добровольцев и сформировали тройки, расставив на солидном интервале друг от друга — но так, чтобы видеть друг друга. Народ, в общем-то, неплохой тут — это и по дружному приему чужаков видно и по проценту согласившихся на поиск. Ну, не совсем уж идеальный — глянул я на старух, что-то талдычивших участковому, указывая на меня пальцем. В общем, большинство было готово искать, пока есть силы.

Только поиски завершились почти столь же стремительно, как организовались — всего через сотню шагов, не больше.

— Ко мне! — Крикнул я, сам от себя такого не ожидав.

Просто там, чуть левее прохода нашей линии, в нагромождении веток от рухнувшего прошлым годом после ледяного дождя огромного дерева, мой талант видел синеватый прямоугольник холодной пустоты в рост человека и два метра шириной.

А если приглядеться, то на одной из веток рядом с ним даже обычный человек заметил бы крохотный клочок белой пряжи.

Над сенью леса был яркий день, скрытый от нас тяжелыми черными ветвями. В царстве же спящих деревьев свет замер в хрупкие минуты начала дня, когда солнца еще недостаточно, чтобы прогнать все тени, но вполне довольно, чтобы очертить острые углы, добавить темному — глубины, а светлому — оттенок серого. Нарядные и яркие под солнечным светом одеяния виделись здесь блекло, будто вечный лесной сумрак иссушал яркие цвета. Холод начала весны, позабытый в последние дни, словно никуда и не уходил из чащобы, прячась от лета целыми сугробами по овражкам и балкам. Последний снег тут растает только к августу.

Оттого переживания на лицах окружающих меня людей смотрелись гротескными масками, а в скованных от зябкости движениях виделись оттенки траура.

На мой крик народ собрался быстро, еще издали с опаской посматривая на нагромождение ветвей и на нас, стоящих бездвижно перед ними, опустив руки. К нам приходили с недобрыми предчувствиями, ожидая увидеть бездыханное тело — ведь мы не пытались никому помочь, как должны были бы, если нашли мальчишку, а апатия в наших фигурах подсказывала горькое объяснение такому поведению.

Тем больше было изумления при виде серой рамки портала среди поломанной кроны рухнувшего дерева-исполина. При виде живого серого марева, медленно текшего вертикальной рекой из ниоткуда в никуда, сверкая серебряными всполохами, впечатлительные хватались за сердце, но затем в большинстве своем выдыхали с облегчением — потому как надежда, сильная в каждом из нас, не видела подтверждения гибели, а значит верила в жизнь. На портал, разумеется, смотрели с опаской, но для этого неведомого и необъяснимого уже был ответ, полученный из телевизора — зовите представителей власти и не беспокойтесь.

— Спокойно, граждане, — пришедший на зов участковый осторожно раздвинул окружившую портал толпу локтем и вышел на передний край. — Не толпитесь.

Озадаченно тронул фуражку, приподнял и почесал ей голову.

— Тут обрывок Сашиной кофты, — надломленным голосом указал Роман, указав на приметную ветвь.

— Разберемся, — разом помрачевшим тоном ответил Петр Семенович, одной рукой продолжая придерживать папку, а второй осторожно выуживая из нагрудного кармана сотовый телефон.

— Расступитесь! — Раздалось позади, и народ пропустил ближе группу кинологов.

Зашлась азартным лаем овчарка, натягивая поводок — утерянный след был вновь найден. И вел туда, на Ту сторону...

— Ну вот, теперь найдут Сашку, — выдохнули женским голосом из толпы.

— Собака через портал не пройдет, — негромко сказал я, чтобы услышали стоящие поодаль кинологи. — Погибнет.

Но отчего-то фраза попала в тот момент тишины, когда голос разносится далеко и слышен всем.

Спиной сразу почувствовал недобрые взгляды, недовольные крушением легкого решения.

— А вы это откуда знаете? — Вкрадчивым тоном с оттенком подозрительности спросил

участковый. — И вы — кто? Я вас раньше тут не видел.

— Я с ним, — кивнул я в сторону Романа, а тот, к счастью, угрюмо кивнул.

Иначе объясняйся тут с ними.

— В интернете писали, — добавил я на первый вопрос, продемонстрировав сотовый. — Сейчас покажу. — Решил открыть нужную страничку, памятную по этой информации, чтобы подтвердить свои слова..

Да что-то переборщил с оценкой здешней цивилизации — интернета просто не было. Вернее, был — тот, что обозначается буквой «Е», но страницы загружаться отказывались — а за плечом уже сопел подозрительный участковый, тоже глядя на белую страницу с медленно ползущей снизу синей полоской загрузки.

— Не грузится, — констатировал я чуть обескураженно, поймав еще один настороженный взгляд и уловив недовольное перешептывание в свой адрес из толпы.

— Мы собаку туда не поведем, — переглянулись кинологи, цепляя овчарку рукой за ошейник.

Собака продолжала грозно рычать на марево перехода, но что-то и сама уже не рвалась в ту сторону, демонстрируя чутье и ум.

— Сами пойдем, — выступил храбрый мужской голос из толпы.

— Пойдем! — поддержал его голос чуть пьянее и старше.

— Батюшки, а ведь там же чума, — произнесла какая-то женщина обморочным тоном. — Как же там наш Сашенька!

— Граждане, успокойтесь! — Зычным голосом остановил начавшееся брожение участковый, удерживая телефонную трубку у уха. — Никакой чумы там нет! А ну ка тихо! Але? — Произнес он в трубку, отвернулся и пошел чуть дальше от толпы.

— Раз нет, то идем, мужики, — степенно вышагнули вперед четверо мужчин.

Обычные хозяева семейств — жилистые, за пятьдесят. Руки мозолистые, уже покрытые загаром — а может пропитанные им за долгие годы труда. Одежда простая, но чистая и глаженная — брюки да рубашки с чуть потрепанными от хождения по лесу ботинками.

— Сказано — никого не пускать, — преградил им путь участковый, прижимая локтем папку и этой же рукой сотовый, по которому продолжал говорить. Второй же рукой участковый шлагбаумом закрыл переход к неведомому.

Отчего-то после этого жеста пожелали стать героями остальные мужики. Может, оттого, что идти все равно запретят — кто знает.

— Ждем группу из города! — Зычно произнес Петр Семенович. — ФСБ приедет!

От грозной аббревиатуры народ как-то даже выдохнул успокоено. Эти ведь — точно все могут.

— Расходимся, граждане! — Шагнул участковый в сторону толпы, неспешными махами свободной руки разгоняя толпу в сторону деревни.

— Пойдем, — тронул я Романа за локоть и шагнул вслед за остальными.

Есть кому заняться вопросом, а значит остается только ждать. Неприятно, нервно, но вряд ли у кого есть опыта больше, чем у конторы, занятой порталами с самого первого дня.

— Саша!! — взвился под небо отчаянный женский голос.

Обернулся на него — со стороны толпы пыталась прорваться к нам, к порталу, девушка лет тридцати в длинном синем платье, но люди аккуратно удерживали ее, увещевая и успокаивая.

— Там мой Саша! — Звучал крик, чуть более тихий после нашептываний женщин

старше, придерживающих и разворачивающих ее обратно.

— Идем, успокоишь сестру. — С горечью и сочувствием обратился я к Роману.

Но тот не сдвинулся с места.

— Нет, — осторожно убрал он мою руку со своего локтя и шагнул к порталу.

— Куда! — Буквально прыгнул к нам участковый.

И нервным взглядом окинул ушедшую было толпу, ныне замершую и с интересом смотревшую на Романа.

— Евгений Артемьевич, — обратился он к старшему из кинологов, все еще стоящему тут чуть поодаль. — Проводите народ, будьте добры. Я тут посторожу, — перевел он взгляд на Романа и недобро на него посмотрел.

Те кивнули и шагнули к толпе — этого хватило, чтобы люди сами продолжили движение в сторону деревни.

Остались у портала только мы с Романом, двое мужиков из четверки вызвавшихся добровольцев (остальных увели жены), да я, неизвестно почему не ушедший вместе с остальными.

— Я с порога посмотрю, — Шагнул Роман, будто не замечая стоявшего перед ним Петра Семеновича. — Окликну. Он недалеко ушел, я знаю. — с фанатичной верой завершил он.

— Рома, подожди час, — выдохнул Петр Семенович, снимая фуражку и отряхивая от мелкого сора и веток. — Приедут, разберутся.

— Одежда через портал не проходит, — спокойным голосом объяснялся мужчина с участковым. — Сашке холодно там, понимаешь? Он один там.

— Думай ты головой своей, — ожесточенно увещевал его друг. — Следы были, потом пропали! Ну?!

— Значит, ему нужна моя помощь, — действуя с какой-то сломанной логикой, постановил он.

— И что ты там навоюешь голым?!

— Палку возьму. Камень возьму. — Категорично мотнул головой Роман. — Петр Семенович, что я сестре скажу? — Наполненными болью глазами посмотрел он на него. — Что ничего не сделал?

— Гражданин Иванов, у нас за проход через портал по закону уголовный срок, — строго произнес участковый, устав взывать к разуму.

— А кто об этом закону скажет? — Посмотрел тот на стоящего перед ним. — Петь, не ты ведь, а? Не Кузьма с Артемом, — качнул он головой на оставшихся мужчин.

— Этот скажет, — кивнул на меня участковый.

И вместе с остальными посмотрел в мою сторону.

— А этот с нами пойдет, — свершившимся фактом постановил Роман. — Знает он много. Появился слишком вовремя. Рядом трется. — Сухо добавил он.

В животе недобро екнуло. Не делай добра...

— Обмен, — неожиданно глухо из-за нервов произнес я. — Иду с вами, а вы мне помогаете дом тут купить, с землей. Подешевле.

Один черт вынудят. А не вынудят, про участок тут можно будет забыть.

— Не пойдешь, я тебе другой дом оформлю, — угрожающим тоном ответил участковый. — Лет на двадцать.

— Не пойду — ничего не сделаете, — Пожал я плечами. — У меня совесть чистая. За

мною вины нет. Но я пойду, за обмен. Я за делом приехал.

Говорил уверенно, подавив страхи. Смотрел в глаза всем, кто желал проверить волю. И видеозапись на телефоне тайком включил, от греха.

— Договорились, — с некоторым сомнением произнес Петр Семенович, а другие мужики кивками подтвердили соглашение.

Руки пожимать не стали, молча отошли к порталу, где я стал неторопливо раздеваться, прикрываясь валом ветвей. Рядом делал то же самое Роман с остальными, участковый же демонстративно отвернулся в сторону деревни, ясно показывая, что участвовать в этом походе он не собирается.

— Один взгляд и сразу назад! — Инструктировал он нас. — Минуту жду, потом все под суд у меня пойдете! — Добавил он злости в голос.

Холод земли ногами ощущался слабенько, будто сквозь прорезиненные тапки. Да и сравнивать прохладу леса с холодом пещеры — как-то несерьезно. Дискомфорта не было, ну а что до вида сопровождающих — кто был в русской бане, тому дело привычное. Только вот холодно было им куда сильнее моего, это даже краем глаза уловить не сложно — движения скованные, ступня ставится на землю боком, руки прижаты к телу, а кожа покрыта мурашками. Градусов четырнадцать тут, а сколько будет Там — сейчас узнаем. На всякий случай продемонстрировал, что мне тоже зябковато и, ожидая команд, посмотрел на Романа. Тот указал подбородком в сторону портала.

Коротко кивнув остальным, я первый шагнул на «Ту сторону».

Секунда ощущения перехода за грань — как между двумя слоями воды, один из которых чуть теплее второго — и перед глазами еще одна лесная чаща. Не смотря на внешнюю схожесть — тут тоже было начало весны, оттого лес чернел голыми ветвями — не было и тени сомнения, что место иное, чуждое и не имеющее ничего общего с тем, что было шаг назад. Дикое, неухоженное, больное грибными наростами на древесной коре, овитое паутиной, с отчетливым запахом гниения и сырости. Деревья — тонкие, согнутые, отчего уже через десяток метров ничего не видно сквозь переплетения ветвей.

Но было в видимой неухоженности одно большое преимущество — отчетливо видимый след людских ног в сырой земле, идущий прямо от портала куда-то вглубь леса, мимо отогнутых веточек кустов и примятой тускло-желтой травы, не сгнившей с прошлого года...

Спохватившись, отшагнул в сторону, пропуская Романа и Артема с Кузьмой.

Цокнув, привлек внимание мужчин, приседая рядом с тропкой и рукой указывая на отпечатки — куда крупнее детских. Роман, уже вобравший воздух для призывного крика, медленно выдохнул и присел рядом.

— Двое минимум, — хмыкнул я, прикладывая ладонь то к одному отпечатку, то к другому.

На большее, чем сравнить расстояния от края отпечатка пятки до большого пальца, умения не хватило. Фантазировалось, что вот эти ноги нагружены сильнее, чем другие, а значит на руках был ребенок... Но предпочел благоразумно промолчать. Некоторое время просидели над следами, анализируя как те из них, что шли к порталу, так и обратные им.

— Двое, — чуть осипшим голосом подтвердил Роман.

Он не показывал, что его как-то волнует холод, хоть и губы чуть посинели — здесь было явно холоднее, чем у нас. На пару градусов, но ведь еще сырость и отсутствие одежды...

— Артем, Кузьма, возвращайтесь. — Развернулся он к двум уже основательно продрогшим мужикам старшего возраста, держащимся на одном упрямстве и желании

помочь. — Петру Семеновичу расскажете все.

— А вы чего? — Обратился к нему Кузьма.

— Я дальше пройду, — ответил я за него, поднялся на ноги и посмотрел вдоль следов. — Роман тоже вернется. — Распорядился сухим тоном.

— За меня не решай.

— Я убежать всегда сумею, — изображал я решимость. — А этот старый, медленный, пропадет. Вернусь без него — на меня его повесите, так?

— Все вернемся, — строго посмотрел Артем, положив Роману руку на плечо. — Не наше это дело, ФСБ приедет, разберется.

— Мой племянник — мое дело, — хмурился тот, кусая губу и глядя в лес.

Я же просто пошел дальше, не реагируя на оклики и проклятия Романа в адрес друзей, которые не давали ему пойти следом. Досчитал до сорока, обернулся — никого.

Это хорошо, это правильно — прикрыл я глаза. Прислушался к себе, пытаюсь ощутить то самое чувство, когда мгновение действия отделяет желание взять копьё от ощущения обработанного теплого дерева под пальцами. Положил руку на левое бедро и безо всяких эмоций почувствовал часть трофейного копья ящера в своей ладони. Выудил его целиком, отметив прежнюю целостность — разве что заточить порталом в этот раз не выйдет, но бронза лезвий наверху и без того казалась острой. На землю же с глухим звуком упал синеватый окатыш, а бедро лишилось узора в виде плоской таблетки.

Поднял камешек на руки, решая как быть с ним дальше, но оставить где-то тут не решился. Вместо этого отломил ближайшую ветку и погрузил в камешек — а та и пропала бесследно, при этом расцветив камень белой полоской по кругу. Приложил окатыш к бедру, терпеливо перенес жжение и с удовольствием увидел прежний рисунок на коже. Теперь — не потеряется. Я перехватил копьё поудобнее и двинулся дальше.

Наверное, потом мое поведение покажется мне глупым и рискованным, но в тот миг все эмоции заглушал женский крик в ушах, давным-давно стихший в другом мире, но все еще эхом отдававшийся внутри меня.

«— Саша!» — гремело в ушах, и я упрямо шел вперед, осторожно ставя ногу на тропу и внимательно вглядываясь своим талантом сквозь деревья.

— Саша, — еле слышно шепнул я, глядя на огонек жизни впереди и чуть сбоку, шагов через сорок пути.

А еще — на два огня жизни гораздо крупнее, что были от него метрах в пятнадцати и правее.

Идти по такому лесу — нелегкое дело. Ветви царапают кожу, влажный холод земли пробирает до легкой дрожи в коленях, хворост под прелыми листьями старается уколоть пятки.

Но еще тяжелее оказалось идти тихо, по широкой дуге огибая два огня чужой жизни, приглядывающих за третьим, стараясь зайти в спину и не выдать себя лишним шорохом, хрустом ветви, громким дыханием или настойчивым взглядом. Под ногами не было хоженного пути, чащоба порою смыкалась так плотно, что приходилось возвращаться и огибать сложное место по более широкой дуге.

Неведомо сколько времени прошло — сложно сказать, а верить усталости и напряжению, шептавшему о получасе, не хотелось — но я все-таки вышел за спины двух человеческих силуэтов, видимых теплом жизни через кусты и деревья. Минутой позже, прокравшись чуть ближе, смог разглядеть их обычным взглядом.

Люди. Все-таки люди. Не ящеры — и от этого почему-то стало немного горше.

Двое мужчин со спины выглядели последними бродягами: низкорослыми, в замызганных коричневых накидках; с черными длинными волосами, в которые был вплетен сор веток, они сидели за поваленным стволом дерева, коротая скуку тем, что изредка бросали желуди в обнаженного светловолосого мальчишку, сжавшегося клубком посередине крупной поляны.

Иногда они попадали, и мальчишка вздрагивал. Чаще — промахивались, и рычали явные ругательства на неизвестном мне языке. Присмотревшись, нашел причину, почему Сашка — а видимо, это был он — не мог сбежать. К его ноге шла короткая веревка, прибитая деревянным околышем к земле — но если не приглядываться, в желто-красно-черном покрове осенних листьев ее не разобрать.

Обернулся вокруг — никого. Ни со стороны зла, ни с нашей, доброй стороны портала. Взял копьё так, чтобы не тратить время на замах, и медленно покрался вперед. Вопросы морали не волновали — законы не распространяются на нелюдь, ворующую детей. А после виденных ящеров, важно ли как выглядит разумная тварь? Пусть даже человеком.

Несмотря на то, что смотрел я поверх их голов, не давая им почувствовать свое присутствие, а на один шаг тратил не меньше десятка секунд, тот, что был справа, все-таки смог уловить что-то в последний момент и бросился в сторону. Скорректировав движение копья, я вонзил его в спину того, что был слева, извлекая из тела дикий крик, и резко дернул древко назад, но уже не успевал для повторного замаха. Второй рывком кинулся в ноги, своей массой и скоростью снеся меня назад и больно ударив спиной о дерево. Перед глазами на секунду показалась перекошенная рожа с ломанным носом, обдавшая криком и мерзким запахом изо рта, и в тот же миг в нос до яркой вспышки в глазах ударила его лобовая кость, а в бок замолотили быстрые но увесистые удары, от которых хотелось заорать в голос.

Спасло то, что копьё я не выпустил. Отчаянным движением, помноженным на ярость, скорость и силу приобретенных талантов, перехвати древко двумя руками над головой, и под собственный крик двинул чужаку по голове. Тело противника основательно качнуло, а из его ударов пропала сила. Повторил еще раз, затем еще, пока туловище врага с покрытой кровью головой не завалилось в сторону и не принялось отползать в сторону.

Коснулся своего лица — нос отозвался болью, рука окрасилась кровью. Все тело ощущалось избитым, начиная от ссадин на спине до простреливающей боли в боках.

Я зажег ладонь светом исцеления, медленно повел рукой над ранами, унимая боль и кровотечения. Резко захотелось есть — даже правильнее будет сказать «жрать», будто после пары дней вынужденного поста. Пытался лечить дальше — качнуло чуть ли не предвестником будущего голодного обморока.

— Хорош спасатель, — поерничал я, оглядывая себя — всего в ссадинах и потеках от крови — своей и чужой, пытаюсь отыскать, чем бы оттереться.

Выходило, что только об дерюгу, из которой была грубо сшита одежда нападавших.

Пнув еще живого противника, добился поскуливающей мольбы на неизвестном языке, и силой стянул с него верхнюю часть одежды. Обнаженная кожа его спины, покрытая рубцами, выдавала не самую легкую судьбу и отсутствие нормальной медицины. Но дело мне до него никакого не было — разве что вопрос, оставлять ли в живых.

Неплохо бы расспросить, но непонятно как. Да еще Сашка на поляне мерзнет — спохватился я. В итоге, добавил бандиту по голове, чтобы надежно отправить в обморок, подхватил дерюгу с его плеч и медленно двинулся к парню на поляне. Ткань, конечно, уже

изрядно запачкана кровью, но плевать — тепло она на удивление давала хорошее, а следы крови на коже смывает переход через портал. Двигался медленно, касаясь краем копыя земли, потому как ожидал подянки или ловушки от бандитов — не даром они привязали Сашку, выманивая возможных поисковиков. Предосторожности оказались разумными — под слоем травы обнаружилась ловчая яма, сооруженная из дерна, мха и ветвей. Без кольев на дне, слегка заполненная водой — просто достаточно большая, чтобы человеку ухнуть с головой и не выбраться.

— Саша, — коснулся паренька за плечо.

Тот только дернулся, как от боли, но на голос не отреагировал.

Вырвал кол из земли с веревкой, хозяйственно прижав локтем. Обвернув тканью Сашку, осторожно поднял и направился обратно, думая над некоторыми странностями. Например о том, что лопат для рытья ямы я рядом не видел, как и достаточного запаса провизии. Значит, где-то у этих подонков должно быть логово. Но самое главное — где-то в этом не самом добром мире должны быть клиенты на столь неоднозначный товар, которым людоловы промышляют.

Уложив мальчика в сторону, проверил состояние живого разбойника, вновь убедившись в глубоком обмороке, и с некоторой нотой взволнованности отправился к его мертвому подельнику. Поднял ладонь над его телом и с существенной заминкой, вызванной сомнениями, коснулся обнаженного участка на его груди. Просто, одно дело получать кристаллы из ящеров или паука, но другое...

Тело противника стало стремительно протаивать, оборачиваясь облаком густой пыли, особенно заметной при свете дня — будто пепел после кремации развеивали по ветру. При этом, никакого ветра рядом... Вещи опали на землю — комплект «набора бандита», испорченного отверстием в спине и испачканного бурными потеками: грубый верх, штаны, что-то типа юбки, мелкий кошель, отвратительного качества обувь, больше походившая на колодки. В мелком кошеле — знакомые по ящерам медные пластинки. Сгреб одежду в сторону, с некоторым удовольствием отметив металлический кинжал — плохенький, не особо длинный, с зазубренной каймой и кривоватой плоскостью клинка, но все же. Будто его можно взять с собой, хех.

Ну а рядом с кинжалом был крошечный — с три сахарных песчинки — кристаллик алого цвета, будто сиявший собственным цветом. По свету-то я его и нашел, иначе бы наверняка не заметил на темной земле. Размышлял не особо долго — давно уже пора вести Сашку обратно, не до философии. Коснулся пальцами алой песчинки и еле подставил руки, чтобы не завалиться лицом в холодную землю.

Его звали Хоом из свиты вольного торговца Ваор Валана. Того, что лежал в отключке, прозывали собачьей кличкой Ко и был он никем, как каждый с одним слогом в имени. Их караван шел вдоль границы диких земель, чтобы обменять бронзу, ткань и дрянной металл у дикарей на крепких рабов — дерзких, непокорных, но здоровых, с ровными и белыми зубами, которым позавидовал бы сам хозяин Бахалора. Хоому было завидно торговой удаче господина Валана, и Хоом решил добыть себе пару-тройку рабов в долине диких и непуганых варваров, живущих вне высоких стен. Ваор Валан не станет гневаться чужому промыслу, если подарить ему второго раба, а лучше — рабыню с чистой кожей, не тронутой оспой. Но как на зло второй малец сбежал, а с одной головой к каравану возвращаться было страшно, а убить свою добычу — жалко. Тогда Хоом заставил тупого Ко вырыть яму на поляне, привязал мальчишку веревкой в центре и скрылся, чтобы малец стал звать

родителей, неизбежно бы угодивших в ловушку. Когда его новый раб замолкал, Хоом бил его желудом, заставляя оглашать мертвый лес новыми криками. Но будущие глупые рабы не шли, а мальчишка как на зло перестал замечать болезненные удары. Хоом уже смирился, что перспективного раба придется оставить здесь и уходить, когда спину пронзило вспышкой боли, вспышкой пронесшейся через досаду и изумление. Третий слог в имени был так близок...

Образы плыли перед глазами скомканным и разогнанным в несколько раз фильмом, ударяя по сознанию чужими эмоциями, запахами, значениями слов и образами. Я на мгновение увидел серое и безрадостное убожество, которое Хоом с гордостью звал вольным городом Бахалором, в мыслях небрежно сравнивая с увиденными краем глаза покосившимися заборами на окраине Шарапово. Он знать не знал, что это просто чтобы соседская скотина на огород не забрела, что в русской деревне здания каменными фасадами и нарядными подворьями смотрят в центр поселения, а вся деревня целиком населена меньше, чем одна современная многоэтажка...

Еще я видел в его памяти караван, который вел сам Ваор Валан — безрадостный, голодный, отчаявшийся, собранный из двух десятков людей-рабов и, к удивлению уже моему, шести ящеров — обычную добычу по пути вдоль этих мест. В людях же несложно было опознать самую бесправную часть уже наших земель — шли друг за другом, переступая связанными ногами, удерживая скованные сталью руки перед собой, таджики, узбеки...

От злости сжались кулаки.

— Мама, — прошептал мальчишка с земли, плотнее заворачиваясь в ткань.

— Сейчас пойдём, — пообещал я ему, с трудом поднимаясь с земли.

К счастью, чужие мысли легко отделялись от своих, поэтому Хоомом я не стал. Да и было тех мыслей — крохи. Попытки «вспомнить» что-то больше, чем пронеслось в фильме чужой жизни, ничего не дали. Зато появилась уверенность в знании самых простых слов чужого языка — как школьник пятого класса легко объяснит, что из этих двух предметов — яблоко «эпл», а что — тейбл, он же стол. Но, как тот же школьник, желание выразить что-то сложнее ряда слов наталкивались на пустоту незнания. Короче, позже разберемся с полученным багажом.

Глянул на валяющегося на земле Ко. Шустрый малый, не смотря на все небрежение им его поделщика. Вон как меня отделал — повернуться больно. Вопрос в том, тащить ли его с собой?

Неплохо, конечно, принести к порталу истинного виновника. С другой стороны, хватит ли на это моих сил, изрядно подточенных поединком и самолечением — мне еще Сашку на руках нести. Опять же, какие последствия от такого «языка» будут со стороны родного закона? Как расценят смерть второго, если удастся разговорить этого? Что там у нас по поводу превышения уровня самообороны в других мирах...

Хотя, что я тут нахожусь — уже тянет на срок. Плевать, поташу с собой. Если наши раскрутят тех караванщиков, а особенно их клиентов, то за такое пострадать будет не так обидно. Хотя не хотелось бы...

Уже привычным жестом освободил «камень-архиватор» от веточки и хотел было поместить в выпавший камень копьё. Но потом зацепил взглядом железный клинок и от бережливости, которые многие необоснованно назовут пресловутой жадностью, решил на небольшой эксперимент — закутал все трофеи в дерюгу накидки Ко и начал думать, как все это засунуть в небольшой камень. Надежду давало то, что и веточку и довольно крупное

копье синий окатыш принял с одинаковым аппетитом, поэтому если немного напрячься, посильнее скомкать и краем получившегося надавить на грань камня...

Весь груз буквально ухнул в землю, исчезнув в мутной синей глубине камня с полоской.

— Другое дело, — хмыкнул я довольно, поглаживая камешек.

Даже к очередной вспышке боли на бедре отнесся спокойно.

Быстро надел на Сашу одежды Хоома, на себя же нацепил штаны Ко, чуть воротя нос от запаха и явно подозревая о некой живности, обитавшей в одежде. Но зато так было тепло, а портал сотрет всю гадость. Главное, добраться домой. Посмотрел на пришедшего в себя в процессе переодеваний пленника, очумело мотавшего головой сидя на земле, и прикинул, как нести еще и его. Хотя какого ящера я должен его нести?

— А ну встал! — Гаркнул я на чужом языке, помогая смягчить акцент и улучшить понимание толчком обухом копья. — Веди на тропу!

И Ко покорно встал и засеменял куда-то вперед, огибая ловчую яму. Я же подхватил Сашку и побрел следом.

Ко хотел было вести в сторону каравана, но я вовремя развернул в нужном мне направлении. Без тасканий по буреломам, шагая нога в ногу за мерзнувшим и зябко ежащимся проводником, портала мы достигли минут за семь. К счастью, а может и увы — никто там нас не ждал.

Там же пришлось задержаться еще на десяток минут, чтобы вырубить Ко, с чертыханьем вновь вытащить все вещи, чтобы добраться до веревки, и надежно привязать пленного к толстой ветви дерева. Предварительно, разумеется, одев — не из жалости, просто эдак помрет раньше времени. Я бы его в наш мир засунул, да вот думаю за такую сенсацию мне спасибо не скажут.

В очередной раз упаковал все вещи в камень — на этот раз вместе с копьем.

— Входит и выходит, — процитировал я мудрого Иа с той же светлой и усталой грустью — Замечательно входит!

Сашка вновь спал, дав мне завершить все дела. Мне откровенно не нравилось его дыхание, ритм сердца — как бы не к воспалению легких шло дело. Подлечил бы сам, но еле на ногах стоял, так что оставалось верить в отечественную медицину. С этими мыслями и вывалился из портала прямо под ноги пятерым представительным выглядевшим господам в костюмах. Младшему — под тридцать пять, старшему, стоящему в центре, за шестьдесят.

— Здравствуйте, — положив Сашку, отстранился и стал на корточках искать собственные вещи.

В образовавшейся тишине кивнул стоящему поодаль Роману и мужикам, поерзал по знакомым веткам, но вещей своих не обнаружил.

— Петр Семенович, что за дела? — С возмущением обратился я к стоящему рядом с деловыми участковому. — Вы кому мои вещи продали?

Тот глядел приоткрыв рот и, округлив глаза, переводил взгляд от меня к центральному мужчине у незнакомцев и обратно.

— Да, Петр Семенович, что за дела? — Со смешинкой повернулся тот самый центральный к участковому.

— Сашка! — Бросился вперед Роман к мальчишке, на ходу стягивая с себя жилет, чтобы закутать племянника.

— Это он! — тем временем грозно направил на меня палец участковый, панически поглядывая на явного ФСБшника. — Он мальчика похитил!

— Петр Семенович, ты охренел? — С изумлением попытался я привстать, но охнул от кольнувшей в бок боли.

— Он это, точно он! И оскорбление представителя власти еще сверху!

— Сергей Никитич? — Присел передо мной, мазнув по участковому взглядом, СБшник. — Володин Алексей Иванович меня зовут, полковник, — махнул он закрытой книжицей удостоверения передо мной. — Что можете сказать в свое оправдание? — Добавил он с ноткой иронии, будто не веря обвинения в мой адрес, но взгляд его оставался стальным.

— Полная чушь, — закашлялся я простуженно. — У меня есть доказательства.

— Какие же?

— Я его к дереву привязал на той стороне, — качнул я плечом.

— М-да? — Задумчиво посмотрел на меня Алексей Иванович.

— Врет он все! — Горячился участковый. — Сообщники там его.

Проигнорировав слова, СБшник указал одному из своей свиты взглядом на портал. Остальные трое обступили его, сняв пиджаки и прикрывая ими от чужого взгляда, пока тот быстро раздевался.

— Саша весь горит, — тревожно произнес Роман, трогая лоб мальчишки. — Товарищ офицер, нам бы врача.

— С собой на вертолете заберем. В нашу клинику.

— А...

— С вами вместе, — угадал его мысль полковник.

Позади шевельнулся воздух — то человек из свиты шагнул-таки на Ту сторону. И парой секунд позже вышагнул, своим ошарашенным лицом нарушая гостайну. На ходу нацепил брюки и чуть ли на одной ноге скача хотел было двинуться к Володину — но тот шагнул к нему первым. Зашептались, загудели уточняющими вопросами, а в затылке поселилось ощущение множества взглядов. Поворачиваться не было сил, будто стержень вынуло — одна сонливость через голод и желание есть.

— Петр Семенович, верните гражданину одежду. — Донеслось через зыбкое состояние дремоты.

— Но он же преступник!

— Нам виднее, кто тут преступник. Все обвинения к данному гражданину, которые были, снимаются. Протоколы и опросы свидетелей передайте моему помощнику. Сергея Никитича мы забираем с собой.

Спорить желания не было, а на обвинения отчего-то было плевать, оттого и благодарности — тоже особой нет. Хотя на меня, вроде как, хотели навесить все беды мира. Но это всегда можно успеть сделать заново, так что людям верить не стоит. Что на этой стороне, что на Той.

Уже чуть было не провалившись в сон, встрепенулся и заставил себя бодрствовать, пока не получил одежду. Документы были на месте, телефона и денег — не было.

— Что такое? — Обратил внимание на мое замешательство полковник.

— Обворовали, Алексей Иванович. — с горечью мотнул я головой.

— Взяли на сохранение, — нервно вышагнул вперед участковый, протягивая пачку денег и мой сотовый.

Пересчитывать сил не было, мысли путались. Взвесил на руках и посчитал количество приемлемым.

— Всегда с такими суммами ходите? — Оценил сбшник.

— Хотел тут дом купить, — засунул я купюры в карман и принялся искать нужный номер.

— Давайте я помогу, — будто специально дождавшись разблокировки экрана, подскочил один из помощников в костюмах и ловко перехватил трубку.

— Лену наберите. Она на букву «Э» — обратное.

— Не на «Е»? — Хмыкнул тот, цепко выглядывая список вызовов.

— Э — как эльф, — устало повернулся я, выглядывая подходящее деревце, и к нему привалился.

— Есть вызов, — аккуратно передали мне трубку.

Сам же офицер неопределенно качнул плечами в ответ на внимательный взгляд начальства.

— Лена, привет, — заставил я свой голос звучать бодро. — Помощь твоя нужна. Очень. Я тут мальчика спас, а теперь меня ФСБ на вертолете забирает. Нет, я трезвый... Просто где-то через час будь возле нашего отделения СБ, спросишь Володина... Да, Алексея Ивановича. Да, рядом стоит, передать трубку? Боишься?

Рядом звучно хмыкнул полковник.

— Я тоже боюсь. Давай бояться вместе? Ты мне еду привези, побольше. Нет, не сухарей... Сойдет и пицца, только штук пять и попить. Спасибо.

Она обещала приехать и привезти еду, потому как кормить меня там вряд ли будут.

Нажал на отбой и позволил себе задремать стоя. Телефон из ослабшей руки снова перехватили, и как показалось через сон, снова набрали Лену.

Затем меня куда-то повели, но это могло и сниться. Но этот шум в ушах вряд ли мог бы быть во сне, а вот — ошарашенная физиономия бандита Ко напротив, что отчаянно зажмурился и вновь со священным ужасом смотрел из окна вертолета на землю — вполне. Был он в обычной рубашке и брюках, что добавляли обветренной и разбитной физиономии оттенок цивилизованности. Иногда он дергался, но ремни, крепящие его к сидению и два сопровождающих по бокам не давали совершиться резкому движению.

Потом был закрытый двор вертолетной площадки и спешащие к нам медики

Первыми в этом сне, перевитом усталостью, с вертолётa забрали Сашку. Отстранили в сторону его дядю, вежливо указав на вход в здание в другом крыле, и повели за собой. В совсем противоположную сторону в сопровождении двух человек повели Ко, удерживая под локотки скованных стальными браслетами рук.

Потом на кушетку с колесиками положили меня.

— Этот тоже с обморожением? — Спросил усталый женский голос.

— С обморожением мозга, — хохотнули голосом Алексея Ивановича. — Это герой, такое не лечится.

— Сразу хоронить? — Поддержали весельем.

— Ну зачем же? Пусть для начала осознает всю глубину своего героизма. И уже потом, из милосердия...

— Добро. В диагностику. — Строгим голосом распорядилась дама.

А потом сон кончился, сменившись серой пустотой.

Уже наступил вечер, когда массивные двери из дерева и стекла сомкнулись за моей спиной, выпуская из мрачного четырехэтажного здания. Впереди был еще путь по дорожке, сжатой с двух сторон другими строениями комплекса — такими же серо-белыми, с вечно занавешенными окнами. Но ощущение свободы пришло только после железной калитки ворот, вместе с порывом свежего ветра, несшегося по небольшой улочке.

Это там — в километре, наверное, за спиной — будет грозная вывеска золотом по черному мрамору и приземистый дом в три этажа, выходящий фасадом на центральную магистраль с запрещающими знаками «остановки нет» и единственным светофором на долгом протяжении, почти всегда светящим зеленым — кроме тех редких моментов, когда кому-то из сотрудников надо будет выехать из центральных ворот регионального управления ФСБ.

Тут же все было как-то проще и скромнее — с полупустой парковкой и скамейками под изящными фонарями. Да и не вязались безликие дома, расположенные на таком расстоянии от главного здания, именно с этой государственной структурой. В центре множество всяких ведомств и министерств, пойдя угадай — чей именно этот забор и именно эти постройки. Ну а то, что куда-то сюда изредка ныряют вертолеты — так территория МЧС тоже примерно где-то здесь.

Оглянувшись по сторонам и с чувством признательной радости обнаружил знакомую красную Калину на парковке с правого края. А на ближайшей к ней скамейке — Лену в джинсах и белой ветровке, что-то внимательно рассматривающую на экране телефона, с коробкой от пиццы на коленях. Все-таки, приехала и дождалась.

Хотя ощущения голода уже не было — ушло после капельницы с прозрачной жидкостью, наполнившей тело чувством сытости.

— Привет, — подошел я к Лене.

Та хлопнула по скамейке рядом с собой, не отрывая взгляда от экрана. А стоило сесте рядом, переложив коробку с пиццей ко мне на руки. Чуть наклонилась, чтобы поднять пачку литрового сока и тоже поставила рядом со мной.

— Спасибо, — поблагодарил, испытывая некоторую неловкость.

Вытащил в выходной день, заставил потратить время. А с учетом ее знакомств и специфики ведомства...

— У тебя из-за меня проблем не будет?

— Пока не знаю, — вздохнула девушка, убирая телефон в сторону.

Хмыкнув раскрыл-таки коробку. Не хватало четырех кусков из шести. Тронул пачку с соком — ощущалась треть. Выразительно поднял бровь и посмотрел на девушку.

— Она остывала. — Строго произнесла Елена.

Это, конечно, довод. Коротко кивнул и принялся за поздний ужин. Вообще, грех жаловаться, да и ждала она меня тут... Пока обрабатывали ссадины на теле, снимали ЭКГ и просвечивали организм разными приборами. Пока заливали в организм три капельницы подряд. Пока деликатный служащий в гражданской одежде внимательно записывал все мои показания, начиная с утра субботы до осознания себя в медблоке. К счастью, без перекрестных допросов и яркого света лампы в глаза — просто разговор под диктофон и шум клавиатуры. Напоследок — с десятков подписей под разного рода бумагами,

прокатанные в краске отпечатки пальцев, которую еле удалось смыть в тамошнем санузле. И вот — я абсолютно свободен и даже где-то неинтересен могучему ведомству.

В общем, чудо, что дождалась. Чудо, что оставшихся кусочков целых два. Да и вообще она чудо — даром, что эльф.

Хотя можно было не смотреть так пристально, как я ем — будто никогда меня не видела раньше.

— Пойдем, подвезу тебя до дома, — поднялась Лена по завершению легкого ужина.

Я поднялся следом, чуть скривившись от пробравшей боли — следы от драки наливались полноценными синяками на скулах и ребрах, а рану на спине даже пришлось штопать — и еще раз признательно кивнул.

Пустые коробки забрал с собой, не доверив местным урнам — уж больно место непростое, еще посчитают бомбой какой и заставят вернуться обратно. Или я уже накручивал себя от усталости. Наверное, последнее — потому как идеальной позицией в машине оказалась та, где лоб может касаться холодного стекла.

— Ты какие цветы любишь? — Спросил, не отрывая взгляда от пролетающих мимо домов.

— Розы красные, — проклюнулось в ее голосе любопытство.

— Конфеты?

— Темный шоколад.

— Спартак или ЦСКА?

— Что? — Удивились рядом.

— Говорю, темный шоколад мне тоже нравится. — Отлип я от стекла и рукой стер следы. — Будь добра, во-он у того цветочного магазина, — показал я на уголок знакомого здания и тут же ощутил некое несоответствие. — Постой, я ведь не говорил свой адрес? И мы, кстати, проехали поворот к магазину, — с сожалением проводил я нужное ответвление дороги, повернув голову.

— Нет. Сразу едем к тебе, — коротко ответила Лена.

— Ну хоть что-то хорошее за сегодня, — констатировал я с усталым ликованием.

— Я не в этом смысле, — бросила она в мою сторону строгий взгляд и хлопнула по болезненному синяку на плече.

Вынужденно чуть качнулся от боли, сморщившись.

— Извини, — спохватилась Лена, поворачивая руль для заезда в мой двор. — В общем, теперь я твой куратор.

— Надеюсь, не в самоубийственной игре? — Уточнил, осторожно потирая плечо ладонью.

— Да как повезет.

— Чего? — Настало мое время сверлить ее недоверчивым взглядом.

— Расслабься, просто поговорим, — выдохнула она, ставя машину на свободное Лилино место.

— А может, все-таки это знак, — чуть философски произнес, вновь увидев в совпадении высший символизм.

— Ну-ка смотри на меня. — Как-то нервно отреагировала она на мое глубокомысленное замечание.

Включив верхний свет, Лена коснулась моей щеки и чуть повернула лицо — так, чтобы глаза оказались прямо напротив лампы.

— Тебе что вкололи? — Смотрела она с подозрением, то закрывая от меня свет ладонью, то открывая вновь.

— Что б я знал, — честно ответил ей. — Кто бы меня спрашивал. Вкололи, фамилии не спросив — не то, что полис. Но, надо отметить, болит теперь гораздо меньше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хотя по синякам все равно бить не стоит. Но мы общее состояние организма за ночь поправим самолечением — надо только побольше еды заказать.

— Это до утра не болит, — шепнула она с досадой, пытаюсь вновь что-то разглядеть в глазах. — Попробуй что-нибудь соврать.

— Не хочу, — искал я такое желание в себе и не обнаружил.

— Ладно, — поджала она губы, и принялась о чем-то напряженно размышлять. — Вот. Пойдет для проверки. У тебя есть девушка?

— Три, но с тобой четыре. — После краткого раздумья, неожиданно сознался.

— Значит, просто устал, — Лена успокоено поправила мне волосы на голове и отстегнула ремень безопасности. — Тебе помочь выбраться?

— До дома уж дойду, — буркнул, слегка нервничая от собственной откровенности и одновременно прокручивая в памяти диалоги интервьюера в ведомстве.

Выходило, что гадость мне какую-то все же влили. Иначе, к примеру, сложно объяснить причины столь искреннего моего монолога насчет пройдохи-электрика. Слова и эмоции, в принципе, не главное — важно то, что я вообще рассказал о том моменте столь подробно. То же самое — про поход с клубом, красочно, с поединками и маневрами. Но в остальной части беседы, связанной с посещением Той стороны...

Если бегло вспомнить все и проанализировать, в остальном выходило, что мне просто повезло — и от этой мысли я даже замер на какое-то время перед домофоном, чувствуя, как проносится ледяная волна по спине.

— Открывай, — выразительно посмотрела на меня Лена, и я неловко коснулся ключом электронного замка.

Был бы хотя бы один вопрос про иные порталы, про ящеров, про камни — и хана... Да, я подробно описал, как крался через лес, как увидел двух бандитов и мальчишку. Но меня не просили уточнить, как именно я смог это сделать, а меня и самого не тянуло на подробности. И этому наверняка верили, сравнивая с детализацией, с которой я описывал злоключения у щитовой. Той частью разума, что не была заблокирована препаратами и полна чувства самосохранения, убийство Хоома превратилось в корректное «вырубил сильным ударом и забрал одежду, чтобы одеть Сашку. Позже спрятал трофеи», а мое желание рассказать про пленных гостей из средней Азии вылилось в честное: «лично видел караван издалека», но без той сочной детали, что видел в образах от алого камня, оставшегося после ликвидации похитителя. Про рисковую коммерцию даже как-то речи не заходило — покупаю землю для друга, да и ладно. Не для ящеров же с бандитами...

— Тебе совсем нехорошо? — С тревогой в голосе, Лена подхватила меня под локоток и вместе со мной неспешно поднялась к лифту по ступенькам.

Было действительно весьма и весьма нехорошо. Всего один прямой вопрос про приобретенные способности — и меня с моим значком-архиватором на бедре пустили бы на опыты. Про возможность работать на прежнем месте и карьере вообще не говорю — не было бы у меня никакого будущего. Разве что облагораживать высокопоставленные лица зеленым сиянием ладони, чтобы на свои фото в бюллетенях стали похожи...

Какое-то хождение по самой кромке тонкого льда, подломиться который мог от любого случайного уточнения. Везение, недооценка... Или они просто не знали, что именно спросить? Не сталкивались со всем этим? Не верили, что человек заурядной должности на такое может быть способен? Выходило, что правильнее будет последнее. И еще везение, несомненно.

Свечку что ли поставить, за наши инопланетные дела?

— Уже лучше, — тихонько вдохнул я воздух, выдохнул и изобразил улыбку.

Главное, что оно позади, и эту ночь я проведу не в одном здании с Ко. С другой стороны — поправил я себя тут же — еще далеко не все...

— Что за куратор? — Поинтересовался я еще в прихожей, закрыв дверь квартиры.

— У тебя свет не работает, — пощелкала вместо ответа выключателем Лена.

— Ремонт, — после пары движений пальцем по сенсору сотового, включил встроенный фонарик. — Так нормально?

Зарядка у аппарата, кстати, полная — всю информацию из него наверняка тоже выпотрошили. Движимый сомнениями, проверил память телефона: видеозаписи — той самой, что оставил записываться в сложный момент переговоров у портала, не было. Значит, точно... Поменять что ли сотовый и сим-карту, или подозрительно будет?

— Нормально, — Лена с интересом смотрела на свежепоклеенные обои в луче света. — Но цвет мог и лучше выбрать.

— Раньше было еще хуже, — отмахнулся я, памятуя о прежнем виде «бюджетного ремонта для съемных квартир» и первым пошел в комнату. — Идем, можешь не разуваться.

Новые обои наличествовали тут тоже — Татьяна без дела не сидела. Даже уборка какая-никакая присутствовала, но квартиру еще отмывать после всех приключений с клеем и растворами. Единственный стул в комнате был занят пакетами, да и был запылен, поэтому указал на постель.

— Присаживайся. Все-равно наволочку менять.

Но Лена все же сняла ветровку, оставшись в белой футболке с короткими рукавами. Присели, помолчали о своем.

— Мне сказали, ты в Шарапово дом с землей хотел купить? — Начала девушка с неожиданного.

— Верно.

— Ведомство хочет помочь. Будет хороший дом на ровном месте, с колодцем и коммуникациями. Рядом участок земли, недорого. Взамен люди поживут в купленном доме, пока идет расследование. Может, месяц. Может, два.

— Считай, договорились. — Подумав, медленно качнул головой.

Мне в том доме все равно некогда жить, а так хоть кто-то присмотрит, да еще бесплатно.

— Хорошо, — вновь притихла Лена.

— Не хочешь говорить, давай перенесем на завтра?

— Нет, — тряхнув головой, выпрямилась она. — Не будем переносить. Про кураторство... — Замешкалась она на секунду. — Тебе ведь в клубе нравится?

— Да, — чуть настороженно ответил я.

— Значит, в походы с ними и на игры ходить будешь, — утвердительно подытожила Лена. — И если там, на выездах, увидишь портал, гостей оттуда, что кто-то без вести пропал или слухи о побывавших там — сразу звонишь мне.

— То есть, персонально стучать?

— Проявлять гражданскую сознательность, — поправила она. — Тебе, между прочим, сохранили свободу несмотря на грубейшее нарушение закона.

— Я так понимаю, до этого стучала ты... — Проигнорировал я намек «кнут».

— Сергей!

— Проявляла гражданскую сознательность, — миролюбиво повернул ладони вверх я и по-доброму улыбнулся.

Хотя в свете телефонного фонарика может жест выглядел иначе. Но тон не намекал на конфликт — и Лена не стала долго дуться.

— Кто-то же должен следить за великовозрастными детьми, — проворчала она. — Я в клуб, между прочим, давно хожу и не поэтому.

— Теперь перестанешь? — С легкой грустью уточнил.

— К спортсменам переводят, — так же невесело вздохнула Лена. — Маунтинбайк. Тоже как не знаю кто по лесу носятся... И охват территорий выше.

— А со спутника порталы не видны?

— Часть видна, — качнула она плечом. — Но за ветками — нет.

— Это вы так все социальные группы хотите обхватить?

— Стараемся.

— Выходит, у ФСБ даже среди грибников есть свои люди? — Цокнул я. — Недооценивает вас СиЭнЭн.

— Не у ФСБ. Всем разнарядку дали, нам вот тоже, — равнодушно пожала она плечами. — Все теперь спортсмены или любители диких походов. Как будто у нас других дел нет.

— Дали бы объявление, что за сообщение о портале — вознаграждение?

— На черном рынке координаты портала стоят от ста тысяч рублей. Только цены поднимем.

— Скупали бы сами.

Лена посмотрела на меня, как на идиота.

— А, уже скупаете, — спохватился я. — Слушай, а мне деньги положены?

— Нет.

— Вот поэтому никто в герои не идет, — махнул я рукой, заваливаясь на постель спиной. — Замерз, избит, спас ребенка. И что?

— Не ради денег ведь спасал?

— Да, но хоть грамотку какую-нибудь! — Возмутился я. — Я даже на медаль не претендую!

— Ну вот зачем тебе грамота, а?

— Я бы ее на стену повесил, в рамочку, — мечтательно положил я ладони под голову. — А тут... Спасибо — до свидания, так уж и быть, мы вас не посадим... Эх... — С горечью вздохнул.

— Ладно, давай я насчет грамоты спрошу?

— Да уже не надо.

— Только что хотел — и уже нет.

— Так награда — она ведь должна ждать героя, а не он за ней ходить, выпрашивая. От души оно должно быть. — Произнес я вполне искренне.

— Ну хочешь, я тебя поздравлю? От чистого сердца?

— Поздравления принцессы идут в комплекте с поцелуем? — Тут же деловито уточнил.

— Нет.

— Пф, — совсем погрузнел я.

— Ох... Ладно, — закатила она глаза. — Поднимайся.

— Даже не подумаю. Герой ранен.

— Сергей!

— Я серьезно, — охнул я, чуть повернувшись. — Два шва на спине.

Кто бы знал, что кора дерева может быть такой острой...

— Ну, тогда ладно, — чуть ворчливо пробормотала Лена, забираясь на кровать с коленками и нависая надо мной.

Для навигации в полутьме комнаты, положил ей руку на талию и чуть привлек к себе.

— Только один поцелуй! — Строго предупредила она.

— За каждый подвиг, — согласно кивнул я за мгновение до дегустации сладости алых губок.

Поздравляли меня долго, вдумчиво — явно от чистого сердца. Подтверждением тому было загнанное дыхание, как бывает после искренней речи, сказанной за один раз. Или же — после исполнения дивной мелодии, прервать которую — значит испортить.

— Это за превозмогание холода, — шепнул я, глядя в искрящиеся в полутьме глаза, и вновь объединил наши уста.

На этот раз Лена не стала опираться на руки и осторожно прилегла на меня сбоку, открыв простор для поглаживаний ладной спины и изящной шейки ладонями.

— Это за победу над похитителями, — провозгласил я название прошедшего награждения и тут же плавным маневром перенес Лену на спину. — А это за спасение мальчишки, — тронул мимолетно ее губы, и пока из пелены страсти Лены выглядывало удивление, украсил сквозь футболку поцелуем левую грудь. А там и осторожно оттянул ткань, касаясь нежной кожи устами.

— У тебя же спина болит, — шепнула Лена.

— Они целебные.

— Что?

— Твои поцелуи, — вновь объединил я наши дыхательные процессы, поднимая ее футболку с талии вверх.

В общем, по прошествии часа, могу констатировать — на некоторые виды подвигов за такую награду готов. Даже с риском для жизни.

— Только ты в меня не влюбляйся, — неведомо отчего произнес я, глядя прелестную голову Елены.

Девушка лежала у меня на груди, выглядя пригревшейся кошкой.

— Почему? — Царапнула она коготками меня по коже.

— Я нечестный человек, коррупционер и негодяй, — признался ей.

— А ты будешь прикрываться моим именем и званием, когда тебя поймают? — Напряглось тело Лены, а ногти замерли, впившись в меня.

— Да никогда в жизни, — возмутился я уже вполне искренне.

— Тогда я тебя ненадолго посажу, — хмыкнула она. — Передачи даже буду носить. Хочешь?

— Нет, — категорично качнул я головой. — Вообще туда не хочу.

— А ты не воруй, — наставительно произнесла она, куснув за плечо.

— Лен, а те люди, которые за порталами... — Решил я сменить тему. — Почему про них молчат? Ведь все же люди...

— Ну скажут про них, а дальше? — Вздохнула Елена, устраиваясь на мне поудобнее. — Признавать равными? Давать избирательные права?

— Нет, пускать сюда не надо. Посольства к ним отправить...

— Наивный. Так они тебя и спросят, хочешь ты их пускать или нет. Они уже сюда лезут: где скот украдут и сожрут там же. Где сарай захватят. Где в дом вломятся и людей с собой...

— А посольства? Пусть там у себя тоже ограничивают доступ, а мы им чертежи сборного улья и косы.

— Там у них одни банды, голод, смертность в тридцать лет. — Горестно шепнула Лена. — Не с кем договариваться. У нас для них рай. Только нам такие сожители в одной квартире не нужны. Даже если объяснишь это по телевизору, все равно найдутся те, кто захочет там проповедовать, стать прогрессором или со своими советами и знаниями занять место советника царя. А нам потом по таким без вести пропавшим бумаги пиши... Их же там в кандалы первым делом, никто слушать не станет...

— Лена, а наши почему порталы покупают, раз там так плохо?

Девушка чуть раздраженно цапнула коготками, показывая нежелание этого разговора, но все же ответила.

— Вот представь, ты директор сети автозаправок, и у тебя все есть.

— Прямо все-все?

— Квартира, дача, жена, любовница, лексус, вилла и счет в банке. — Подтвердила она. — Вот что бы тебе захотелось после всего этого?

— Не просыпаться.

— Я серьезно, — щипнула Лена меня.

— Ай. Не дерись! Не знаю. Хорошее, наверное, что-то, — хмыкнул я. — Для души. Может, приютам каким помог. Или в больнице нашей ремонт сделал.

— А они хотят феодалами стать, — зевнула девушка. — Землю, замок и крепостных. Чтобы право первой ночи и неограниченная власть. А утром — сюда: кофе, в лексус и на работу.

— Да ну бред.

— Серьезно, — хмыкнула Елена. — И поверь, на той стороне они найдут, как договориться.

— Даже без знания языка?

— Даже. На языке товарно-денежных отношений. Поменяют эмигрантов на топоры и кирки, нагонят новых — а те им замок с флагом там, где никакие власти и законы не достанут. Вот тебе и мечта.

— Плохо, — выразил я куда более крепкие слова в слове, уместном в присутствии девушки.

— А эмигрантам деваться не куда, — как-то потерянно потерлась Лена носиком о мою грудь и прижалась сильнее. — Документы и телефоны отнимают, за порталом сбежать некуда. Кормят только на этой стороне, в загоне с железными дверьми, врач тоже только тут. Иногда им везет, и мы узнаем о них раньше, чем их поменяют на других рабов.

— Поменяют?

— Безвольных, привыкших, местных, — потухшим голосом пробормотала девушка.

— Это у нас так? — Постарался не показывать я телом свое напряжение, вспомнив о

вчерашнем предложении.

— Нет, в Подмосковье случай был, говорят...

— Лен.

— А?

— А я тебе не сказал про еще один мой подвиг?

— М-м? — Тряхнув головой и выметая дурные мысли, девушка задорно посмотрела на меня.

— Я электрика спас, — честным взглядом ответил я.

— И как же? — бархатистым тоном спросила она, поднимаясь пантерой, и грациозно надвинулась на меня, пока наши лица не замерли в паре миллиметров друг от друга.

— Бить не стал, — прихватил я устами ее нижнюю губу, привлек к себе левой рукой и звонко шлепнул по попке.

Елена возмущенно прогудела, и я медленными и ласковыми движениями погладил обиженное место. На секунду отстранился, заглядывая в наполненные чертенятами очи, и под новый поцелуй повторил маневр другой рукой.

В общем, не знаю, кого там куратором назначили, но вертикаль власти за эту ночь у нас утвердилась железно, и я был в ней сверху. Чаще всего.

Был только один момент в завершении того дня, который требует упоминания.

«Ты подумал?» — гласила пришедшая смс за авторством Матвея.

На секунду глянул в сторону выхода из комнаты, прислушиваясь к шуму воды в душевой, где плескалась в сомнительном свете своего фонарика Лена.

Пальцы набили ответное сообщение.

«Я согласен».

Рассвет наступил в пять часов двадцать две минуты. Наблюдение — единственное, чем можно заняться бессонной ночью в квартире без электричества, будучи неспособным уснуть. Можно разглядывать кружку с горячим чаем в синих отсветах огня газовой плиты, вглядываясь в черноту заварки, но надолго этого занятия не хватает. Чуть интереснее смотреть сквозь стены на окружающую многоэтажку, выделяя теплые силуэты тел на постелях. Будто куклы, которыми наигрался мир за прошедший день и отложил в сторону до рассвета.

Еще можно бы попытаться прочувствовать, как медленно выкручивается регулятор космического света, постепенно выбеливая лампой на двадцать тысяч люмен темно-синий оттенок неба. Но боль не давала сосредоточиться на возвышенном, подкидывая матерные слова в любые размышления.

Посмотрел на двор, задержавшись взглядом на свободном парковочном месте. Лена ушла под второй час ночи, движимая своими пониманиями о приличиях. А чуть позже, под третий час, прошло действие капельниц.

Не так страшно меня отделали, в самом то деле, но рана на спине оказалась весьма скверная. Даже под медикаментами давала о себе знать, а тут еще я растревожил ее постельными подвигами и межвидовым скрещиванием. Отказаться бы от них по уму, но часто ли в вашей постели оказывается эльфа... Соблазн велик и необорим, а легкие неудобства можно и потерпеть — ведь есть козырь в левой руке, и его зеленый свет избавит от боли. Казалось бы.

— Я зайду к тебе завтра вечером, — коснулась моей щеки Лена перед уходом, сияя полусонным довольством. — Занесу договор на дом и землю.

Здорово звучит — кроме улыбки и слов нетерпения новой встречи не было иной реакции. До того момента, как пришло понимание: вот Лена завтра удивится, не обнаружив ни одного синяка на привычных и хорошо изученных местах. Она ведь тоже пыталась меня лечить, зацепившись за фразу о лечебных поцелуях — но без медицинского образования получилась одна порнография...

В общем, целить себя было нельзя. С оговорками, естественно — шрам я свой немного обработал, обнаружив начавшееся кровотечение. Даже чуть больше, чем немного — ориентируясь главным образом на внешний вид и не поддаваясь мысли закрыть полностью излеченное место пластырем. Есть большая вероятность, что характером ран она поинтересуется, а может — захочет проконтролировать процесс снятия швов.

В процессе самолечения опустошил банку варенья для поддержания сил. Для вечерней доставки еды было уже поздно, а иные продукты со сроками годности, увы, еще утром воскресенья пришлось утилизировать. Интересно, а вот если заболит живот из-за несвежего — можно ли будет вылечить это иномировым талантом? А если да, то оно ведь вновь потребует питания, и если и оно окажется плохим — то каким КПД будет обладать процесс?

Закусил мудреные и бесполезные мысли таблеткой обезболивающего и залил сверху горячим чаем. Боль притихла, но осталась на той границе, когда лежа на спине, хочется повернуться на бок, а перевернувшись — встать и походить, концентрируясь на холоде в ногах. Так и проходил до самого рассвета, с некоторым даже недоумением ворча на организм, не желающий отключаться. Хотя, казалось бы, сон рано или поздно должен

пересилить боль — но то ли выпался я за день, то ли часть медикаментов еще действовала. То ли тесное знакомство с майором МВД (она же эльф), так взбудрило организм.

Оставалось делать очередную петлю на кухню, к горячему чаю и очередным подтачивающим волю изнутри мыслям излечить себя и уехать к родным, а позже сослаться на иногороднюю медицину. Но сейчас лучше никуда не уезжать. Следить за мной никто не станет, смысла в этом нет — сотовый сам доложит все маршруты передвижения и сам поднимет тревогу. Это ведь двадцать первый век, с досье в социальных сетях и отпечатками пальцев, добровольно передаваемых через сенсоры телефонов. Еще говорят, скоро можно будет снимать блокировку телефона по распознаванию зрачка — не абы как, а за доплату, разумеется.

Подвернувшаяся под ногу пустая бутылка растревожила квартиру неестественно громким звуком пластика — это, наверное, чтобы не бурчал о глобальных заговорах и тотальной слежке. Кому мы, в самом то деле, нужны кроме родителей и налоговой. В итоге, на ногах удержался, но часть чая выплеснулась из кружки. Но этому моменту даже обрадовался — дело, которое поможет скоротать время до утра, нашлось само.

Уличного света из окон к тому времени было достаточно, чтобы вдумчиво и обстоятельно заняться уборкой квартиры. Пусть за это было оплачено, но это не повод жить в грязи до вечера. Да и внешняя неустроенность жилища, говоря откровенно, изрядно раздражала. Привык держать все в чистоте, так что иной вид знакомых стен воспринимался тихим жужжанием соседской дрели — можно терпеть, но лучше бы, конечно, соседа пристрелить.

Ну а в процессе уборки даже боль слегка притихла, будто удивляясь энтузиазму. Или кровообращение повысилось, и оттого стало легче. А может, просто переключился на иные мысли, как это бывает при размеренных действиях, не требующих особого приложения ума, но созидательных по своей сути. Сразу отчего-то Лена вспомнилась...

А вообще, думал о том, что иногда бывает очень сложно почувствовать, что начинаешь опаздывать к чему-то действительно глобально важному. Вот когда опоздаешь, сделать это станет гораздо проще — по закрытым дверям социальных лифтов, по целым кипам запретительных законов, призывающих более не нарушать, но не осуждающих прежних нарушителей.

Сколько таких моментов уже было? Ваучеры, залоговые аукционы, мутные сделки с экспортом и импортом товаров, которые никогда не пересекут границу, обмен сникерсов и ширпотреба на технологии рухнувшего государства и вывоз производственных линий под видом металлолома. Что там еще — финансовые пирамиды, приватизация и заброшенные военные склады... Да без числа того, что делало людей очень богатыми, уважаемыми, либо мертвыми, к слову. Конкуренция в таких делах никто не терпит — особенно, когда процесс уже идет, доли подсчитаны, рынки и делянки распределены, а значит все остальные — безнадежно опоздали. Опоздали, хотя казалось бы — процесс в самом разгаре.

И дело не в том, чтобы ограбить страну, пользуясь нарочитой беспомощностью законов. Не в том, чтобы надавать обещаний под цветные бумажки или выдернуть медь из шкафа управления станка, пользуясь уволившейся из-за отсутствия денег охраной.

Дело в первую очередь в том, чтобы не ограбили тебя. Один человек мало что может против глобального решения отнять и поделить, но вот поменять свой ваучер на акции чего-нибудь прибыльного и нефтегазового кое-как можно. Это, конечно, в прошлом, но вот стоять в очереди к пункту обмена валют, когда народ выжидаячи смотрел на стремительный

обвал рубля через телевизор, приходилось.

Надежда, что все само-собой нормализуется, очень сильна во всех нас. Это уже потом, когда приходит осознание, что из кармана вытащили половину всех денег, становится горько. Телевизор, конечно, успокоит, что обворовали не тебя лично, а всех, и значит все нормально... Но будет уже поздно что-то менять. Кто-то станет очень богат, кто-то потеряет все, а кто-то ценой титанических усилий и бухты нервов хотя бы останется при своих.

Вся эта лирика про то, что к стыду своему, все это время я вел себя непростительно равнодушно к стремительно вошедшим в жизнь изменениям. Искренне верил, что это меня не касается, что порталы все равно залиют бетоном, а значит размеренный процесс моей сытой жизни никак не изменится. Да никто вокруг не хотел изменений! Именно эту идею транслировали медиа, и именно этому не хотелось сопротивляться.

Уже два месяца, как открылись порталы и месяц, как был открыт мой собственный — тихо, как положено грандиозным делам, шел очередной виток изменений, который навсегда изменит существующий мир. А я не делал ничего. Даже наоборот — замуровывал, отказывался и старался забыть. Ждал, что все наладится само. А тем временем сильные мира сего получали здоровье, через него долголетие, опыт — значит, и знания Той стороны.

Не все из богатых и влиятельных маньяки и безумцы, я уверен. Более того, для извращений куда больше подходит наш мир, а вот новой земли на нашей планете больше уже не станет. Куда ни ткни пальцем — будет собственник и номер ЕГРП, куда ни сверни с трассы — забор и злой пес. Зато там, за порталом, еще очень условно с границами, а недра земли только предстоит освоить. Найди местного, уговори сказать, что до горизонта все твое — и какой суд оспорит владения? Но даже все эти рассуждения — такая мелочь грядущих последствий, что поставил я их скорее из легкого страха перед глобальными вещами.

Возраст больше не станет естественной причиной для обновления элиты страны вперед. Вот, что важно. Вот это и есть сочетание последствий иномирового здоровья и силы. Президент — пусть, да и вся столица никогда не заржавеет в своем вечном движении. Куда хуже будет за третьей кольцевой, где фамилиями магнатов уже привычно называют улицы, ссылаясь на однофамильцев из прошлого, а к крупным преступлениям относятся по-семейному. Раньше это рушилось, когда избалованные дети херили начинания влиятельных, но одряхлевших здоровьем и разумом стариков. Теперь никто не упустит руля, а поднявшим голову выше положенного — ее и срежут. А детям своим они найдут, что отдать — и внукам, и правнукам. Надолго хватит того, чем раньше владели другие — а там подрастет достойная смена, воспитанная не избалованными чадами, с оглядкой на собственное трудное детство, а преемниками династии...

К счастью, договариваться, там — наверху, все равно придется. Долголетие — не панацея от огнестрельного выстрела. Тут бы и выдохнуть, но потом как-то вспоминаются страны, где власть победившего в такой сваре переросла в гигантские памятники самому себе при жизни и новым календарям, первым днем которого стал день рождения некогда законно избранного президента.

Может, где-то перегибаю. Может, не могу оценить всех перспектив. Но знаю точно, что прямо сейчас люди набирают силы, получают новые навыки, часть из которых — кто знает? — вполне может быть сильнее огнестрела, а часть — вполне может быть — способна от него защитить. И если так, то именно сейчас формируется новое общество, которое пройдет потом через выбитые двери по заблокированным социальным лестницам до самой вершины — править самим или служить. Михаил и ребята выбрали служить, и это их право.

Я же не спешу править, куда важнее — чтобы не правили, распорядясь как вещью, мной самим. Но для этого нельзя быть слабым. И ни в коем случае нельзя опоздать к этой волне изменений — ведь запрещающие законы уже приняты, бетон закрывает новые пути, а храбрая эльф Лена готова посадить всех потенциальных феодалов нового мира.

Но если я не с Михаилом, то почему с ним? Да потому что они уже там, на той стороне, целых две недели — а мне нужны их знания и опыт. Откуда у них возможность продавать здоровье, почему эти камешки вообще так легкодоступны — и почему при этом владелец Бахалора, который видится в воспоминаниях Хоома мощным воином в дубленой шкуре неизвестного зверя, живет с отрезанным ухом и гнилыми зубами? Почему смертность там уже в тридцать лет? Для кого это здоровье — только для нас? Или не здоровье, а сами камни — доступны только нам? А их исцеление — в зверях уже нашего мира, и они за ним готовы прийти с огнем и мечом?

Много вопросов, чтобы получить на них ответы самостоятельно, а вот ребята Михаила уже обязаны были этим озадачиться. И каждый вариант правильного ответа сулит немалые выгоды человеку, который пожелает связать свою жизнь с Эдемом.

Тем временем уже вторая тряпка для мытья пола превратилась в нечто не отмываемое, скованное бетонной пылью и остатками шпаклевки до той степени, когда проще выкинуть и внимательным взглядом окинуть старые футболки — какая-то из них станет новой жертвой, отданной во имя чистоты. Кухню вымыл первой, за ней кое-как разобрался с комнатой, выкидывая все лишнее в дверь прихожей. И уже там сгружал все в заранее подготовленные пластиковые мешки.

Собственно, даже когда завершил с прихожей и ванной, это означало только начало нового круга мучений, потому что ремонт просто так не отмыть — тапочки оставляют белесоватые следы, чуть сдвинутая мебель открывает виды на залежи бардака, неведомо как пропущенные в первый раз, да и паутину на кухонной гарнитуре тоже неплохо бы убрать. Благо, опыт войны с пауками у меня уникальный, так что никакого страха — ордер на выселение в виде палки с намотанной на него футболкой и крутящее движение по часовой стрелке. В общем, по прошествии еще одного часа, чистота стояла такая, что даже матери не стыдно показать. Но, разумеется, она придет только тогда, когда двое суток был на работе, в ванной бардак из нестиранной одежды, в раковине пирамида из посуды от нежданно нагрянувших гостей, в холодильнике пусто (см предыдущий пункт), а сам я ввиду рабочих обстоятельств смахиваю на улыбающегося зомби (потому что искренне рад), но рассказам про мои трудовые подвиги не верят и пытаются углядеть пустые бутылки из под алкоголя под кроватью. Находят чей-то лифчик, учебники Теормеха и успокаиваются. Лифчик, кстати, отряхнул и закинул обратно.

— Позвонить маме, что ли? Или фото сделать на память, — с довольством от результатов собственного труда оглядел я комнату.

Но в итоге решил звонить Татьяне. Потому что я ей денег за работу должен, а мне все равно ждать прихода электрика. Пусть лучше сейчас заходит, вечером мне в клубе быть — не состыкуемся, неловко выйдет. Это с таксистом проще — я ему еще вчера отзвонился и скинул недостающих денег на телефон. Тот был искренне рад моему звонку и даже посоветовал хорошего адвоката по уголовным делам. Слишком впечатляюще я вчера пропал, это да. Но в мою вину он не верил, а словам местных не доверял ни на грамм — особенно, когда его чуть не линчевали за компанию, да участковый спас, обозвав главным свидетелем. В общем, бурная у таксистов жизнь, а с учетом общих баек на один таксопарк — скоро

полгорода будут знать все обстоятельства дела. Может, даже мне как-нибудь расскажут.

Татьяна приехать согласилась, на весть о генеральной уборке отреагировала с одобрением, пообещав скидку — кою я тут же устно вернул в благодарность за хорошую работу — и оговорила себе сорок минут на движение по пробкам.

Глянул на часы — семь двадцать. Отзвонился электрику-аварийщику с целью напомнить о субботних договоренностях, с трудом убедил его, что он действительно обещал быть и даже с нарядом, напарником и кабелем. Раз шесть назвал его по имя-отчеству, дважды добавил «уважаемый», один раз «отец», и тут его наконец проняло. Сошлись на то, что будет только с кабелем, но зато хорошим, не сильно дорогим и гарантированно работающим, потому как проверен в работе там, где его сейчас нет. В общем, воцарение электричества в моих палатах откладывалось.

Попытался дозвониться до начальства с целью выпросить себе половину дня в личное пользование, потому как техногенная катастрофа и электрик (или наоборот — но оно как курица и яйцо, никогда не поймешь, что было сначала).

— Ничего не знаю! В восемь чтобы был на месте! — С ноткой торжества в голосе припечатал Эдуард Семенович.

Вот гад, а я ему еще сочувствовал... Ладно, пусть себе, даже полезно немного прогулять — объявят выговор, да и успокоятся, может.

В итоге оставалось только ждать, про себя гадая, кто придет первым — Татьяна или электрик.

Такая себе идея, с учетом того что первой в дверь настойчиво затарабанила Лилия, немедленно требуя меня перед свои очи.

Открыл дверь, впуская в свой дом ярость и свежесть геля для душа, нетерпение и чуть помятую белую блузку, и легкий запах перегара, тонувший в мятной свежести зубной пасты.

Словом, Лилия была явно не в лучшем настроении, с некоторыми побочными эффектами от вчерашнего веселья и с целым рядом претензий, временно скрывающихся за главной.

— Сергей, у меня нет электричества в квартире! — Голосом набирающей силы грозы прочеканила она.

— У меня тоже. Я вызвал электрика, он починит. — Мирнолюбивым голосом, максимально доступным уставшему человеку после бессонной ночи вымолвил я, отстраняясь чуть в сторону и приглашая пройти.

Лилия цепко охватила пространство за моей спиной и не сдвинулась с места.

— То есть, это из-за тебя, да? — Ультимативно постановила она.

— Ошибка электрика.

— Сергей, у меня вся кухня в воде. Все мои йогурты испортились! Мне нечего есть, я не могу нормально принять душ, не могу высушить волосы, погладить одежду. Я опаздываю на работу!!!

— Это прискорбно.

— Ты издеваешься?! — Звенел Лилин голос на весь коридор.

— У меня нет ключей от твоей квартиры, а ты не брала трубку в воскресенье.

— То есть, я виновата?!

— Вообще, да, — устало состыковал я факты и сообщил вывод.

Конечно, можно было извиниться (это стандартный элемент примирительного диалога) и даже предложить помощь. Ну там, воду с кухни убрать, потому как вряд ли она пришла

просто поругаться. Или даже придумать что-то с сушкой-глажкой, а может организовать ей йогурты из круглосуточного магазина. Но как-то не хотелось.

— Ах так, — смирила она меня решительным взглядом, давая техническую паузу для вымаливания прощения. Не дождалась. — Подрался еще с кем-то, пьянь! Ну и пошел ты, нехороший человек! — Сказала бы она, если была бы чуть вежливее, хлопнув моей же дверью.

С коридора тут же отчетливо донесся синхронный звук захлопнувшейся двери в Лилину квартиру. В дверь робко застучали.

— Сквозняки у нас, это да, — пробурчал я, уходя в свою комнату. — Просто бедствие какое-то...

Через какое-то время со двора донесся резкий вой шин, звук нетерпеливого клаксона и шум маневра с заездом на газон.

Проверил парковку — отбыла на боевой пост: одалживать фен и рассказывать, что на одного козла в городе стало больше. Ну хоть ключи от машины у нее с собой были...

Минуты через три в дверь вновь постучались.

— Одумалась, что ли? — Даже удивился я, подходя к двери и заглядывая в глазок.

И тут же распахнул дверь дивному чуду в приталенном платье цвета морской волны, белых туфельках-лодочках и прелестной прическе длинных светлых волос, украшенных заколкой с аквамаринами. Все это в миру звалось Татьяной.

— Привет, — потупила она очи долу, чуть порозовев щечками.

Это, наверное, от моего ошеломленного вида с открытым ртом и нелепой позы, все еще удерживающей руку на открытой двери.

— Проходите, — отмер я, куртуазным жестом указывая на свои хоромы. — Изволите чаю? Есть сахар, варенье и хлеб. И хлеб с вареньем.

Татьяна тихонечко прошла, скромно остановившись у порога, будто тут в первый раз.

— Мне бы денежки получить, икорки с хлебушком я сама приготовлю. — Прожурчал ее голос с оттенком иронии, а сама она будто ненароком отшагнула, чтобы коленка показалась из декоративного выреза юбки, а спина прогнулась ровно настолько, чтобы обрисовать холмы третьего размера и среднестатистический человек временно забыл свое семейное положение. Ну а не среднестатистический — спрятал обручальное кольцо. Я же, как лицо выдающееся и закаленное иными видами не хуже, рассыпался комплиментами, завершив стандартным:

— Прекрасно выглядишь, хоть сейчас на обложку.

— Спасибо, — милостиво приняла она комплимент, наконец подняв на меня взгляд. — Ой, а что это с тобой? — Спросила она чуть взволнованно.

Углядела-таки синяки. Пару раз мне-таки по лицу прилетело, да и удар затылком о дерево отчего-то тоже проявился тенями под глазами. Ладно хоть, с Леной отсутствие освещения помогло — в темноте я нынче гораздо симпатичнее.

— Да так, мелочи, — не стал я хвастать собственным героизмом.

Потому что скромненько, а еще за рассказы о прошедшем статья двести восемьдесят третья УК РФ — так написано на одной из бумажек, которую я подписывал. До шести месяцев ареста, плюс прицепом двадцать лет за все хорошее.

— Это она была, да? Твоя девушка — та, на джипе? — Шагнула Татьяна ко мне, с тревогой заглядывая в мои глаза снизу вверх.

— Да. — Ответил автоматически, хоть и с легким удивлением.

Лилия тут причем?

— Ей... Ей не понравились обои? И она тебя побила? — Пальчиками легонько тронула она синеву на скуле.

Голос Тани легонько дрожал, выражая то ли ярость, то ли тот момент, когда слова оборачиваются слезами вины.

— Ты ни в чем не виновата, — пресекая второй вариант, тут же принялся я ее убеждать. — И вообще все неверно поняла!

— Из-за меня тебя избили, — Шмыгнула Татьяна, осторожно касаясь ладонью моей груди, будто видя сквозь футболку темноту синяков.

А может, и в самом деле видела.

— Таня, успокойся! И вообще она про этот ремонт ничего не сказала. Все нормально.

— Сережа, это не нормально, — покатила слезинка по ее щеке. — Это домашнее насилие, это кошмар!

— Слушай, — вздохнул я глубоко, пытаясь привести мысли в порядок и найти те слова, которое способны ее убедить. — Да, ей не понравились обои, — решил я согласиться, вспоминая Лену. — Но нет, она меня не била.

— Тогда откуда синяки?!

— Напали в подъезде, гулял ночью.

— Сергей, мы должны написать заявление в полицию. — Категорично отреагировала она.

— Не стоит тратить время. Было темно, их все равно не найдут.

— Потому что ты меня обманываешь! Это была она!

— Послушай, — тяжело вздохнул я. — Давай не будем это обсуждать?

— Сережа, ты слишком добрый! Нельзя все так оставлять!

— Татьяна, она сама работает в полиции, — привел я довод. — И нет, она меня не била.

— Это ужасно... — Прошептала Таня.

В этот момент заиграл сотовый телефон.

— Это она? — Тронула меня за левую руку девушка, не давая отойти.

— Не знаю.

Выудил трубку из кармана и чуть не чертыхнулся — «Лилия» на экране. Блин, ну почему не шеф, почему не электрик.

— Ты должен ее бросить, — смотрела Татьяна на меня строго, а ее пальцы на моей руке сжались.

— Таня...

— Так не может дальше продолжаться!

— Ты вообще неправильно все поняла, — уже отчаявшись всплеснул я рукой с телефоном.

— Ты боишься ее?

— Нет!

— Я понимаю, — сжав зубками губу, посмотрела она на меня с грустью. — Ты боишься остаться один.

— Таня...

— Сережа, есть девушки лучше ее! Которые будут тебя любить и понимать! — Искренне убеждали меня.

— Татьяна, она хорошая девушка. Не надо себя накручивать и придумывать нелепицу.

Ничего такого не было, честно!

К счастью, экран вызова потух и вместе с ней замолкла мелодия. К несчастью, звонок начался вновь с тем же именем на вызове.

— Ответь ей, Сережа. Только включи громкую связь. — Поджав губки, посмотрела она с вызовом. — Я не скажу ни слова. Честно.

— Ладно, — посмотрел я телефон, нажимая ответить.

Только не подведи, Лилия. Иначе мне тут весь мозг вынесут...

— Что б ты сдох, сволочь, и тебя камазом переехало! — И гудки.

Блин.

— Она просто перенервничала, — проворчал я в ее оправдание, махнул рукой и отправился в комнату.

Надо просто отдать девушке деньги и завершить этот фарс.

— Брось ее, Сережа, — произнесла Таня мне в спину.

— И что дальше? — Выдвинул я ящик и подхватил деньги.

— Живи счастливо.

Я протянул ей деньги, но та показательно убрала руки за спину.

— Ладно. — Вздохнул я, открывая вызовы на телефоне.

В самом деле, надо как-то отреагировать на развитие событий. Эдак Лилия еще вечером придет настроение портить. Да и Таня успокоится — иначе с нее станется пойти написать заявление от моего лица. Разбирайся потом...

— Алло? Это козел, да. Все кончено, прощай. — Отбой и внимательный взгляд на Таню. — Теперь ты довольна?

— Ты молодец, — радостно улыбаясь, взяла она меня за руку и вместе со мной присела на кровать. — Это очень смелый и важный поступок. Вот увидишь, теперь все наладится! — С искренностью и жаром уверяла она.

— Вряд ли, — пробурчал я.

Жили бы далеко — может быть, а так все равно соседями остаемся.

— Ты ведь совсем молодой!

— Как будто это поможет, — был я все еще в тяжелых думах о соседстве.

— Сережа... Ты мне не веришь?

— М?

На руку легла прохладная ладошка.

— Малыш, а как же я? Ведь я же лучше этой собаки?

Я с некоторым удивлением повернулся к ней.

Чувственные губки были приоткрыты, показывая ровный ряд жемчужных зубок. Взгляд смотрел на меня с искренним выражением заботы и надежды, а ложбинка меж ключиц дышала взволнованным дыханием.

— Таня, я...

— Ничего не говори, — придвинулась она ко мне, прижимая указательный пальчик к моим губам. — Я не собираюсь на тебя давить, тебе сейчас нелегко. Но знай, что я рядом, — шепнула она, приближаясь.

А затем заменила свой пальчик устами. Ну и я не растерялся.

Есть мнение, что после скандала отлично заходит примирительный акт любви, действуя на контрасте и вызывая настоящий каскад новых и ярких ощущений. Следует отметить по личному опыту, что данное правило действительно даже в тех случаях, когда состав

ссорившихся и примиряющихся слегка отличается.

— Отвлекать не стал, починил, — буркнул электрик, поглядывая с завистью в проем двери.

Естественно, кроме разобранной постели там ничего не видно.

— Спасибо, — протянул я тысячную.

— Оставь, — вздохнул он, отказываясь. — Цветы своей голосистой купи.

Я со смущенной улыбкой еще раз поблагодарил и прикрыл дверь. Коснулся выключателя — есть свет. Ну и пошел радовать этой новостью свою гостью — одними словами не ограничился и лично продемонстрировал свет в ванной, где и остался на некоторое время.

В общем, на работу дошел к одиннадцати, о чем несколько не жалел.

— Вы смотрите, явился! — Напрасно попытался испортить чудесное настроение Эдуард Семенович.

— Опоздал, да еще в ненадлежащем виде! — Предательски вторила ему Анна Михайловна со своего места. — Весь избитый, кошмар!

— С запахом алкоголя, прошу заметить!

А это неправда, это духи Танины, и ощущаются, между прочим, весьма завлекательно.

— Пишите объяснительные, Сергей Никитич! — Хлопнул шеф чистыми листками по столу.

Как будто у меня таких же нет.

— Три объяснительные по каждому нарушению трудовой дисциплины, как то: пьянство, опоздание, ненадлежащий вид. На имя министра. — Подытожил Эдуард Семенович, с видом картежника с флэш роялем пододвигая ко мне листы.

— Как скажете, — хмыкнул я, продолжая сиять улыбкой.

Возможно, глуповатой, потому что:

— Возможно, он еще под наркотиками, — прошипела Анна Михайловна в сторону босса.

А ведь я ее... Хотя нет, не любил, но регулярно... И не зря, между прочим!

В общем, написал. А потом переписывал — это они уже откровенно придирались, требуя более жестких формулировок и не веря в мою трезвость. А как Анна Михайловна прочитала про девушку и ее духи, то совсем взъярилась. Но мне с ней детей не крестить, это уж наверняка. Да и злые они будут ровно до того момента, как у них тут все упадет, а починить они не смогут. А упадет ровно тогда, когда я захочу.

— Эдуард Семенович, здравствуйте, — показалась в дверном проеме симпатичное личико секретаря. — Вас вместе со всем отделом Андрей Сергеевич вызывает.

И тут же скрылась, потому как устами секретаря говорит сам монарх, так что возражений не будет, а слушать что-то иное ей некогда.

— Все, Сергей Никитич. Бери свои объяснительные и пойдем, — с видом кота, у которого на обед застрявший в паркете мышонок, промурчал шеф.

— Я тоже завершила докладную, — холодно и мстительно посмотрела на меня начальница. — Подпишите, Эдуард Семенович. Тут для вас тоже, но другими словами. Об аморальном поведении старшего специалиста первого разряда.

— Что, видео с камер уже кто-то видел? — будучи на волнах игривого настроения, деланно улыбнулся я.

— Видео? — Не понял шеф.

— Впрочем, — чуть нервно смяла Анна Михайловна листки. — Возможно, это избыточно, если Андрей Сергеевич его сейчас уволит.

— Нет, увольнять — это перебор, — автоматически пробормотал Эдуард Семенович. — Но наказание будем требовать самое строгое! Идемте, и не забудьте объяснительные, — это уже мне.

И в боевом порядке направились на этаж министра — впереди шефы, ну а я в почетном арьергарде.

В кабинет нас приняли без промедления, где мое начальство начало тут же извиняться за мой внешний вид под удивительно покладистую реакцию Андрея Сергеевича. Ну а потом стали по-отечески, но не менее жестко песочить в присутствии самого главного, демонстративно потряхивая листками с объяснительными перед моим лицом. Ну а министр мрачнел.

— Довольно! — Гаркнул он так, что шефы подпрыгнули. — Тут с утра факс пришел, — продолжил он чуть раздраженно и поднял лист со стола. — Про Сергея Никитича.

— Ты смотри, какой подлец! — Начал было Эдуард Семенович.

— А ну тихо!!! — Дождавшись дрожи в коленках у невольного собеседника, министр продолжил. — Благодарственное письмо. От Федеральной службы безопасности Российской Федерации. За подписью самого Володина! — Бережно поднял он лист.

Шефы аж выдохнули от удивления.

— Мальчишку спас, — чуть тихо и добрым тоном завершил Андрей Сергеевич.

Положил лист обратно на стол, в полной тишине подошел ко мне и отечески приобнял меня за плечи.

— Спасибо тебе, сынок.

— Служу России!

— Спасибо. Эка тебя отделали, — осмотрел он меня с заботой.

— Им больше досталось, Андрей Сергеевич, — постарался я ответить скромно.

— А на работу почему вышел? Почему больничный не взял? — построжел он.

— Так как тут на работе без меня? — Постарался я выдать искреннее радение делом. — А если у кого что сломается?

— Молодец. Молодец. — Вновь встряхнул он меня за плечи, но в этот раз осторожнее. — Сегодня-завтра можешь идти в отгул, приказ я сам подпишу вместе с премией.

— Спасибо, Андрей Сергеевич!

— Все, иди, отдыхай. Заслужил. А вы, двое, — обратил он жесткий взор на мое начальство. — Останетесь.

И даже плотно прикрытая за собой дверь не смогла удержать его гневный рев.

В общем, отличный день. Пользуясь законным выходным, вышел из здания и улыбнулся солнышку.

В кармане тренькнула смс.

Взял телефон в руки и прикрыл экран ладонью от солнца.

«Сегодня в восемнадцать».

Матвей.

Старенькую пассажирскую «Газельку» покачивало на ухабистой проселочной дороге. Справа сплошной стеной стоял лес, по левую сторону изредка проглядывали серые крыши деревушек, к которым шли тонкие нитки направлений из накатанной по земле колеи. Позади, километрах в двадцати, оставался город, а в нем клуб и сотовые телефоны, которые предложили оставить вместе с остальными лишними вещами, вроде кофт и ветровок. Весна, конечно, изрядно потеплела в последние дни, но иногда холодный ветер находил излишне оптимистичных на улицах города и продувал насквозь.

Впереди же была неизвестность, про которую сказали «увидишь сам».

В машине фоном играло радио, выводя что-то хрипкое и отечественное по вкусу водителя — ранее не знакомого мне мужика лет под пятьдесят, чуть полноватого, с двухдневной щетиной и седым ершиком волос. Представляться он не торопился, с остальными наверняка был знаком судя по поведению, а я пока был просто «плюс один» к четверым: Михаилу, Матвею, Олегу и Алексею. Народ расположился рядом с окнами, занавешенными самодельными тканевыми шторками, с противоположной от солнца стороны. Я тоже сидел один в своем ряду, позади остальных.

Собирались по походному: короткие рубашки, майки, светлые брюки и летние джинсы с кроссовками. Даже какая-то еда была уложена в пакетах под соседнем рядом сидений; изредка на кочках громыхал мангал и позвякивали стеклом бутылки. Так то оно, наверное, правильно — остановит кто, и будет объяснение откуда мы и куда: из города, природу портить шашлыками.

Ехали молча, но без нервного молчания — не банк ведь грабить. И без мрачного настроения, отведенных взглядов или ухмылок тайком — так что, будем верить, не могилу себе копать придется, и обратно я вернусь. Лене я намекнул, что задержусь до девяти и сообщил с кем, чтобы не искала звонками... Или знала, где искать, если в самом деле пропаду. Особого доверия к ребятам из клуба все равно не было, месяц знакомства — это не годы. Хотелось верить, что им действительно нужны люди, но гарантии, в каком качестве — партнером или же товаром — никто дать не мог. Если все пройдет хорошо, то сыграет моя ставка на «сотрудничество с Леной» — буду в нашей группе тем самым неофициальным контролером, который должен пресекать доступ к порталам, а значит нового нам не назначат, и мешать никто не будет.

Но если все обернется плохо — то в значке-архиваторе на бедре есть копые, одежда, нож и некоторое количество меди. Только вот с примерным расположением бы определиться, и можно прорываться к portalу в министерстве или в Шарапово. К досаде своей, отметил, что этой мысли бы прийти чуть раньше — я тогда карту местности заучил бы накрепко. Погрешность все равно будет, но хотя бы не такая страшная, как при ориентировании на север по кронам деревьев, солнцу и мху. Будем верить, спастись не придется.

— Тут ведь поворот? — Перекрикивая музыку, спросил водитель, чуть снижая скорость перед очередным съездом — на этот раз направо, вглубь леса.

— Да, — так же громко ответил Михаил, чуть привставая и глядя на дорогу.

Почти тут же присел и жестко вцепился в кресло перед собой. Остальные повторили этот маневр, да и я не стал отставать. Не зря, причем — если нечто ухабистое до того под нами еще кое-как могло держать километров сорок в час, то сейчас микроавтобус

периодически взмывал вверх, словно корабль в шторм на волне, даже на самом малом вперед.

— Как танками все разбито, — проворчал я в момент пологого пути, чтобы не прикусить себе язык.

— Тяжелой техникой лес везли, — пояснил Михаил, переждав очередной ухаб. — Дальше получше пойдет.

Так оно и вышло, минут через пять качки. Постепенно пошли массивные бетонные плиты, врытые в землю и установленные почти встык.

— Рядом с дорогой такая же бетонка была, но растащили, — пояснил Михаил, пересаживаясь рядом на соседний ряд. — Сейчас заброшено все.

— Ясно, — качнул я плечом, имитируя участие в диалоге.

— До конца по дороге нам не нужно, еще минуту-две и пешком пойдем. Тут рядом озеро есть, природа — закачаешься. Места глухие, людей нет.

— А зверье?

— Случается, — хмыкнул он, поглядывая в окно на медленно проплывающие пейзажи. — Кабанов видели, лису. Людей боятся, сами не подходят. Для волков тут близко к городу.

— Мне, получается, туда идти, или здесь...

— Потом решим, — хлопнул он по плечу, поспешно отсаживаясь.

А там и поднялся, чтобы сесть на места за водителем, в пол-оборота глядя на дорогу.

Примерно через минуту газель остановилась — как была посреди бетонки, никуда не съезжая. Все равно тут движения нет, судя по всему.

Откатную дверь шустро отворили, так же споро перекидали сумки с едой и мангалом из салона на дорогу, распределили грузы между собой, махнули рукой водителю и неспешно пошли вслед за Михаилом.

Глянул назад — шофер неторопливо вышел, открыл капот и медитативно уставился на железную начинку микроавтобуса.

— Забыл предупредить, — приотстал Михаил, пропуская вперед Олега. — При водителе никаких разговоров.

— А разве... — Удивился я, оглядываясь. — Не с вами?

— Он нас на шашлыки возит. — Усмехнулся тот. — Весь секрет, который он знает, что это место наше, тайное.

— Обычно про хорошее место всем друзьям хотят рассказать. — Хмыкнул в ответ.

— Далеко от города, — категорично качнул Михаил головой. — Нас водитель сам убеждал, что есть места лучше. Отвезти хотел. Мы ему придумали, что Саша у нас дикий после чеченской, после водки на людей бросается.

Впереди фыркнул Александр.

— Короче, не нужны нам соседи, им же хуже будет.

— Поверил?

— Сам ведь видишь, с нами не идет. Мы ему потом шашлыка принесем немного.

— А будет время жарить?

— Конечно, — усмехнулся наш лидер. — Костер все равно нужен, после Той стороны отогреться. Мясо, водочка...

— Я не большой любитель, — чуть поморщился.

— Да тут все такие. Только вот водителя уже не первый раз нанимаем, — хохотнул

Михаил.

— А те самые, которые заказчики. Они уже там? — Позволил себе толику любопытства.

— Как шашлыки будут готовы, объявятся, будь уверен, — улыбнулся он, вновь прибавляя в шаг, чтобы обогнать всех и чуть скорректировать путь.

Значит, есть еще пятый человек, который приведет «отставших» к пикнику.

В таком походном темпе, двигаясь колонной по натопанной тропе, через некоторое время выбрались к озерцу метров в триста шириной. Почувствовалось оно влажным холодом еще шагов за сотню, но показалось во всю свою красоту буквально на последних шагах. Были тому виной подтопленные деревья, уходящие под воду на добрый метр — пологий спуск к водоему проглядывал только с противоположной стороны, здесь же пришлось некоторое время поискать полянку, достаточную для размещения всей группы. Вернее, не искать — а просто дойти до знакомого всем, кроме меня, места. Потому как на месте обнаружилась и пара грубых лавок, сколоченных из горбыля, и след от костра меж ними, и воткнутый в пенек проржавевший топорик чуть в стороне и даже промокший мешок с остатками угля, который Матвей с разочарованием выудил из-под черного от нагара котелка, в свою очередь отрытого из земли.

Наши пакеты положили в одно место и на некоторое время просто сели отдыхать, глядя на водную гладь.

— Тут родники, — качнул рукой Михаил, пространно очерчивая где это — тут. — Раньше воду забирала лесопилка, потом канал забился, и вода в озерце поднялась. Заодно потеплела, не такая студеная. При этом чистая, в жару не цветет.

— Воду отсюда брать будем?

Питьевой с собой не взяли. Я главным образом потому и подумал, что мангал — бутафория. Емкости же были и тут — там, где Михаил брал котелок, были замаскированы пустые пластиковые пятилитровки.

— Из родника. Пойдем, покажу, — поднялся он и зашагал вдоль берега, слегка забираясь в сторону леса. — Не бери пока, — остановил мой порыв захватить бутылки. — Прогуляемся.

На поляне же, уловив движение лидера, решили завершить отдых — загремели железки, вдумчиво перебирались пакеты, а сама поляна силами Матвея очищалась от мусора.

То, что шли мы не совсем к роднику, понималось сразу. Но все равно завершить путь возле мерцающего прямоугольника, притаившегося на пятачке меж трех невысоких деревьев, было неожиданно. Вечный шелест перехода скрывался журчанием воды — родник действительно был в двух десятках шагов, чуть в стороне и ближе к озеру. Рядом с переходом сор и ветви убраны в сторону, есть и отпечатки следов на некогда влажной, а теперь подсохшей земле. Впрочем, никто и не собирался специально скрывать этот портал — сама природа с этим справлялась лучше некуда.

Сколько их еще не найденных на просторах родины? Один у них, один у меня, еще один случайно обнаружил себя в Шарапово. Казалось бы, и тут и там случайности, но ведь все это — часть статистики. Если везет всем, то скорее в шансе дело, а не в личной удаче? Но с другой стороны, за ординарную вещь сто тысяч не платят.

— Как считаешь, сколько таких у нас возле города? — Мысли преобразовались в вопрос.

— Мало, — считал Михаил.

Не особо долго думая, словно готовый ответ был давно.

— Десяток, сотня?

— Меньше десятка, — ответил он, вглядываясь в мерцающее серебро перехода. — Статью видел, — чуть повернулся Михаил ко мне. — В самом начале кто-то проверил со спутника, там, где это возможно — в степях и на открытых территориях. У нас, в Казахстане тоже, в других странах. Там было что-то около одного на семьдесят квадратных километров. Где-то больше, где-то меньше. Статью стерли потом.

— Это, получается, у нас на всю страну... — решил я блеснуть знаниями географии, лихорадочно деля общую площадь на указанное число.

— В воде порталов нет, — пресек всю математику Михаил. — Но пару сотен тысяч, это точно.

— Сколько же им бетона понадобится, чтобы все закрыть...

А одновременно думал, что где-то в городе и районе есть еще как минимум шесть переходов. С такими их размерами, искать — та еще проблема. Размер ведь как у обычной двери, никаких тебе рам или конструкций. Пока не наткнешься, как сейчас... Летом так вообще в упор подходить придется, чтобы разглядеть за зеленью.

— Этот как нашли, если не секрет? — С некой осторожностью в деликатном вопросе поинтересовался.

— На лесопилке той заброшенной в пейнтбол играли. Дружественный клуб позвал, — качнул плечами собеседник. — Оттуда пешком, решили озеро поискать. Вот, набрали, — повел он рукой.

— А там, за ним, что?

— Опушка леса. Озера нет, но вдаль проглядывает река. Сам скоро увидишь.

— Миш, а говорят, порталы лечат, да? — Чуть смущенно произнес я, коснувшись лица.

Свои синяки и бланши я кое-как замотивировал деревенской дракой, постаравшись не врать больше положенного. Рано или поздно владение в Шарапovo всплывет, а это удобный способ замотивировать, почему ехать туда нет никакого желания (и звать с собой — тоже). Обычная ситуация — они пьяные, а я не курю. Даже как-то расспрашивать не стали, потому как истории такие редко хочется обсуждать, а ребята с пониманием. Отмахался, жив — молодец.

— Такую красоту — нет. Но можешь быть уверен, если грызет тебя какая инфекция сейчас, то больше не станет, — ободряюще улыбнувшись, развернулся Михаил обратно к поляне.

— И то хорошо, — хмыкнув одобрительно, бросил взгляд на чуждый прямоугольник иномировой серебристой пленки и пошел следом.

Приготовление пищи, тем временем, шло обстоятельно и в полный размах — мангал был собран, угли тлели, взрываясь искрами от махов картонки в руках Матвея над ними. Прокаливались на огне темные от сажи шампуры. Алексей методично нарезал мясо из пластикового бидончика на более мелкие куски. Куда-то пропал Олег — но судя по отсутствующим пятилитровкам, отправился за водой к другому роднику. Тихонько шумел лес над головой, где-то вдаль заливалась трелями неизвестная птичка, плескало озеро волной в паре шагов.

Идиллия, если забыть, зачем мы сюда пришли. А так — нервно немного, хоть и пытался в себе это подавить.

Минут через двадцать сняли первую пробу мяса, удивительно сочного и вкусного с таким гарниром, как дикая природа и тайна межмирового перехода рядом. Ну и соус удался,

тоже надо отметить.

— Пойдем? — Глянув на наручные часы, спокойно поднялся с деревянной лавки Михаил.

Было девятнадцать десять.

Угли тушить не стали — незачем. Разве что мясо прикрыли крышкой, после чего вместе отправились к переходу.

Разделись там же, украшая ветви деревьев своими вещами. Михаил с Матвеем хотели было объяснять про механику портала и необходимость оставить свои вещи здесь, но успокоил, что читал и знаю. А так, наверное, у любого человека дискомфорт возникнет от предложения голым прогуляться в неизвестность. В Шарапово, вон, так бы и махнули в одежде, если я пример бы не подал.

Первым шагнул наш руководитель, за ним Алексей, потом я и Матвей с Олегом. Выходили на молодую зеленую траву лесной опушки и тут же отходили в сторону, уступая следующему место. Над головой было облачно — ветер нес в сторону грозовые тучи, царапая холодным ветром заодно и нас. Для меня холод ощущался терпимо, ребята же держались за счет мясо-водочного допинга. Хотя, разумеется, ветер все равно пробирал до гусиной кожи.

Где-то слева и впереди действительно отливала серой сталью речная гладь, отражая пасмурное небо, но все остальное пространство занимали невысокие холмы с редким украшением в виде нескольких деревьев. Признаков разума отыскать не удалось — разве что старые людские следы под ногами. Это место тоже звучало немудреной живой природой — птицей, зверем.

— Разбирай оружие и одежду, — тронул Матвей за плечо.

Повернулся к нему и перевел взгляд на самодельные копы из стволов молодых деревьев. Около десятка их лежало чуть в стороне, сваленные вместе. Там же лежала «одежда» из содранной и почищенной древесной коры, закрепленная гибкими ветвями. Фактически — пластина впереди и пластина для спины. Вряд ли защитит от чего-то, скорее для соблюдения приличий. И чешется, надо отметить, немилосердно — отметил я в первую очередь, как Матвей помог ее на себя накинуть. Да еще жучки мелкие бегают... Обувь — такая же деревянная, но с толстой подошвой. Так себе на вид, мешает движению и гораздо хуже поделок, которые были на Хооме, но всяко лучше, чем на голой земле стоять. Но опять же — в ней действительно лучше стоять, потому что при ходьбе царапается.

— Обрато перейдем, вся грязь уйдет, — успокоил товарищ меня, глядя на мое кислое выражение лица. — Вот, копы, — помог он взять в руки выбранное мною «оружие».

С таким доспехом нагибаться — то еще удовольствие.

— Только острие пальцем не трогай, порежешься. — Хмыкнул Матвей. — Заточено особым образом.

Знаю я ваш особый образ, но информированность показывать не стал — покивал просто и посмотрел на чуть потемневшее навершие с интересом.

По завершению всех приготовлений, меня отвели на сотню шагов вперед и влево, наказав внимательно смотреть вперед себя.

— Вон от того деревца и до края холма справа твоя зона ответственности. Если что увидишь, скидывай эти колодки и тут же беги обратно, но без крика, — строго предупредил наставляющий меня Михаил. — Как бы оно не выглядело. Главное, внимание не привлекать.

— А если догонит, драться?

— Лучше бы, чтобы не догнало, — шепотом произнес он и с опаской посмотрел по

сторонам. — И самое главное.

Михаил сделал паузу, глядя мне в глаза.

— Да?

— Ни в коем случае не поворачивайся к порталу, пока я к тебе не подойду и не окликну. Понял?

— Понял, — чуть недоуменно пожал я плечами.

— Вообще не поворачивайся! Наши гости не любят публичности. Тебе их в лицо знать незачем. А им это очень не понравится. — Строго наставлял лидер, внимательно разглядывая — будто сомневаясь, достаточно ли я проникся предостережением. — В таких делах, сам понимаешь... За тобой тоже присмотрят, так что решишь даже краем глаза подсмотреть... Тут уж извини. — Развел он легонько руками.

Как-то даже уточнять не хотелось, что он подразумевал под «извини», так что отделался общими уверениями, что все понял. И для пущего его успокоения задал вопрос:

— А потом сколько заплатят? — С некоторой робостью уточнил я.

Иначе подозрительно это — храбро кивать, идти в неизвестное, соблюдать разные условия и надеяться на то, что «не обидят» потом рублем.

— За сегодня будет пятьдесят тысяч, — чуть подумав, ответил Михаил. — И сверху двадцать на лечение зубов. Пломб не чувствуешь, а?

— Есть такое, — спохватился я и с обеспокоенным видом изобразил, как проверяю языком состояние эмали.

Целой и здоровой — но это ему знать не нужно.

— Врачу скажешь, в платной клинике диверсию устроили, чтобы с тебя денег содрать, — подмигнул он. — попросишь, чтобы нарастили, иначе пломбы опять пропадут. Все. Стой, не поворачивайся и следи прямо с этого мгновения. Удачи.

— Спасибо! — радовался, разумеется, озвученной сумме.

Отвернулся в сторону заданного мне сектора и напряг главным образом слух — самое время садануть мне-ответственному по голове и продать такого доверчивого местным. Но, судя по звукам деревянных колодок, Михаил спешно зашагал обратно.

Потянулись минуты ожидания, перевитые напряжением и существенной толикой разочарования — эдак мне действительно не суждено ничего увидеть. Зачем только шел — на чужие природы любоваться? Так дома оно гораздо симпатичнее местами и в тепле... Подглядывать же не собирался — во-первых, за мной наверняка присматривают, как за новичком. Да и меж лопаток что-то чешется, словно от взгляда... Или это какой муравей с деревянной одежды решил отведать человеченки... Аж плечами вздрогнул и постарался не думать о вкусовых предпочтениях местных насекомых.

В общем, решил коротать время за порученной мне работой — а именно разглядыванием окрестностей. Для начала, обычным взглядом, затем, закрыв глаза для четкости, и своим талантом — обнаруживая немалое такое количество теплых огоньков в обозримом пространстве. Ничего страшного, просто обычные обитатели берега реки, самым большим из которых посчитал некий аналог выдры.

А потом как-то незаметно для себя перевел этот внутренний, полученный из камня-кристалла паучихи взгляд себе за спину. Не поворачиваясь телом, не поворачивая голову, стоя прямо — как до того. Даже успел испугаться до того, как понял, что все еще стою прямо. А как успокоился, с интересом стал смотреть по сторонам, выглядывая главное...

Наверное, минут десять уже прошло с начала дежурства — и те самые «клиенты»

обязаны были явиться за тем, что им тут хотят продать. Но никого, кроме ребят, не было. Даже больше — все они стояли чуть поодаль от портала, глядя на меня. Просто стояли и смотрели, изредка по одному занырявая обратно в наш мир и через какое-то время появляясь, все эти двадцать минут — пока холод в самом деле не стал пробирать мое тело, начав с ног. И так продолжалось до того момента, как трое из них разошлись по периметру вокруг портала, а ко мне стал приближаться Матвей.

— Сергей, все, — окликнул он за десяток шагов.

— Поворачиваться можно?

— Поворачивайся, — со смешком ответил он. — И пошли уже греться.

Положил на прежнее место копье, сгрузил древесную «одежду», невозмутимо последовал за остальными обратно в свой мир. И, разумеется, фразы на вроде «но ведь никто не приходил» оставил при себе. Даже когда изрядно подточенный шашлык объясняли тем, что вот — гости отведали, вместе с горькой (которой тоже было на доньшке), уважительно кивал и поглядывал в сторону леса, где был микроавтобус. А то, что ребята не особо налегали на мясо, предпочел не заметить.

Значит, проверяли. Оно, наверное, и правильно.

— Вот твоя доля, — на обратном пути положил мне в руки рулон тысячных купюр Михаил.

— Спасибо, — хозяйски пересчитал и припрятал я деньги в карман брюк.

На мгновение уловил недовольный взгляд Олега, идущего впереди и чуть ускорившегося от услышанного.

Видимо, вчетвером скидывались на проверку, а с кровными деньгами расставаться не особо приятно.

— Завтра еще раз в восемнадцать, если не против.

— Конечно!

— Наверное, в последний раз, — добавил Михаил в голос грусти. — С этим клиентом почти все, нового неизвестно когда найдем. Осторожно ведь надо, сам понимаешь.

Я поддакнул, соглашаясь на новый раунд проверки. Да и шашлыки у них вкусные, можно поскучать полчаса на прохладе. А слова о «последнем рейсе», наверняка — это если стучу, и тут же стану названивать начальству с требованием немедленно организовать захват. Потому как «гипс снимают, клиент уезжает». Резон есть у ребят — поймают их за «шашлыками в другом мире» — будут, конечно, проблемы с законом. Но не с клиентами, которые могут запросто всех переселить за метр под землю, опасаясь огласки.

Мысли свои вновь озвучивать не стал, наоборот — выражал светлую грусть по поводу сорвавшегося легкого пути к обогащению. Даже легонько предложил свои услуги в поиске клиентуры, но тут меня осадили в четыре голоса, строго приказав забыть о таком и более не думать. Есть, кому искать — он за это процент получает.

Водитель тоже получил свои деньги за ожидание, вместе с порцией шашлыка, и мы отправились обратно — чуть уставшими, осоловевшими от съеденного и с приятной негой в конечностях как от завершения нагрузок и холода, так и потому, что кончилось это внутреннее напряжение на сегодня.

Сотовый в клубе мерцал индикатором, отражая аж несколько десятков вызовов за прошедшее время — и, если честно, от широты спектра вызывающих было как-то не по себе.

Ладно Эдуард Семенович с работы — два вызова. И пусть даже шесть звонков от Анны Михайловны. Но более двух десятков от Лилии, Татьяны, Елены... Не к добру.

Сразу звонить не стал, а потом еще Михаил предложил подбросить до дома — не при нем же беседовать. Так что к ответным звонкам приступил уже в родном подъезде.

С некоторым сомнением и предчувствием недоброго, набрал Лену — мне у нее документы на дом забирать, а сейчас как раз около девяти.

— Привет, — обозначил я радость в голосе.

— Ну, привет, — сухо ответили мне.

— Лена, я освободился, можем встретиться.

— Я документы в твой почтовый ящик положила. Получишь, перезвони.

— Подожди, сейчас проверю, — нажал кнопку вызова лифта, и пока тот едет выудил рукой связку с ключами из кармана.

Железный короб ящика открылся с тихим скрипом несмазанных петель, открыв вид на довольно увесистый белый конверт.

— Все на месте, спасибо!

— Погоди, а ты сейчас в лифте уже поднимаешься? — Спросили меня вкрадчивым голосом.

— Ага, — автоматически ответил, входя в кабину.

И звук закрывающихся дверей лифта подтвердил мои слова.

— А я тут с девочками сижу, — таким же мягким тоном продолжила она.

В трубке послышалось какое-то шуршание, звук открывающейся двери и напоследок гулкое эхо бетонной лестничной площадки.

— С Лилей и Таней... Знаешь таких?

Я резко вдавил кнопку «стоп» и нажал кнопку возврата на первый этаж.

— Куда!!! — Взвыло в трубке Шерханом, упустившим добычу, на три знакомых голоса.

— Я за цветами, — резко отдернул я трубку от уха и даже не с первого раза нажал на кнопку отбоя вызова.

Оттого «А ну вернись и прими свою...!» услышать успел.

Наверное, концовка там про то, как важно быть настоящим мужчиной и потому умереть в расцвете сил и лет.

Из лифта выбежал, с опаской прислушиваясь — не слышен ли шелест домашних тапок по лестнице. Сдуру глянул в просвет меж лестничными маршами и еле уклонился от бутылки вина. Та разбилась вдребезги, оросив пол алыми пятнами и осколками стекла.

— Вы там совсем офигели?! — Прокричал я возмущенно, но высовываться еще раз не спешил.

— Лена, дай ствол, я по нему шмальну! — С азартом требовала Лилия где-то наверху.

Да ну их к ящерам! Как-нибудь потом по телефону объяснюсь — выбежал я из подъезда от греха и рикошета.

— Сынок, что там делается-то? — Спросила старушка с лавочки, с жадным любопытством

— Там трое женщин, — приостановился я рядом, пытаюсь отдышаться и успокоить нервы. — Пенсии лишить хотят.

Потому как если пристрелят — ее у меня точно не будет.

— Вот проститутки! — С возмущением отреагировала она. — Это из негосударственного пенсионного фонда, да?

— Все может быть, — оторвался я от скамейки и шустро зашагал со двора, вновь доставая убранный было телефон.

А вообще, с появлением сотовых общение стало гораздо удобнее. Вот напишешь: «Прости меня, я тебя люблю!» — и рассылкой сразу на три номера. Потом «дорогая, ну не сердись!». «Ты все неверно поняла!».

И только им приходится по старинке набирать в индивидуальном порядке все эти несправедливые гадости и обвинения. А я ведь их в самом деле люблю, всех троих.

Добрел до цветочного магазина, оставил там пятую часть сегодняшнего заработка в обмен на шикарные букеты и доставку до квартиры. Пока ждал оформления, читал смски и мрачнел. Под конец хотел оставить только один букет, озаглавив «прекраснейшей», чтобы они там передрались друг с другом, хамки очаровательные, но махнул рукой. Пусть их... Тем более, что вопрос «кто прекрасней и милее» очевиден, потому что у Лены ствол...

Соизмерив опасность возвращения домой, решил ехать к родителям. Только заявляться таким красивым — с фингалами и синяками, к ним точно не стоит. Значит, плевать на конспирацию — решил и направился в любимое кафе, заедать лечение и грусть тамошней пищей.

«Спасибо за цветы. Плетем тебе венок».

Нормально, а?!

Месть моя была ужасна — тут же в кафе оформил заказ на доставку вкуснейших тортов и бисквитов, указав Лилин адрес. И водки. Еще минус десять тысяч, для понимания масштаба заказа. Пусть толстеют и плачут, плачут и толстеют.

— С вами все в порядке? — Уточнила вежливо официантка, глядя, как я массирую грудь сквозь расстегнутую рубашку.

— Да, нормально, — улыбнулся я, убирая мрачный вид.

Синяк почти сошел, но место, конечно, для исцеления не самое лучшее. Тем более, что дело к закрытию, народу в зале мало. Ладно, с собой еды тоже возьму и в пути завершу.

«Ах, это мы проститутки?!»

Это бабка из подъезда до них добралась.

«Ну гад, сейчас мы ей ВСЕ про тебя расскажем».

Уронил лицо на ладони. Квартира, конечно, отличная, но придется съезжать. Впрочем, из каждой неприятности можно найти преимущества — так что пока скорблю, решил подлечить фингалы на лице.

— Мужчина, вам вызвать такси? — Снова подошла милая девушка в очаровательном переднике форменной одежды поверх легкомысленного платья.

— Света, — прочитал я ее имя на бейджике.

— Да? — Зарделась она румянцем.

— У меня три любовницы.

— Но жены нет? — Деловито уточнила она.

Я еще раз закрыл лицо ладонями.

Может, это все-таки инопланетный дар такой? А может, Оно сидит во мне и пытается размножиться через гипноз симпатичных представительниц землян и совместной постели? И через девять месяцев на Земле должна появиться новая раса повелителей планеты... И только надежные латексные презервативы отделяют галактику от порабощения...

— Света, дайте водки, — со стоном отмахнулся я от дурацких мыслей.

— Сейчас, — побежала она, бросив по-женски жалостливый взгляд.

Вот, сервис. А обычно к стойке приходится идти-заказывать.

До закрытия заведения всю бутылку уговорить не успел, да и не пытался. Потом кое-как

отказался от приглашения Светы, отдарившись парой тысяч чаевых, и поехал к родителям.

«Мы ршили. Выбрий, кого лбишь бльше». — Это с Лириногo телефона, у нее Т9 выключен из-за банковских дел.

«Разве можно приказать ребенку любить папу больше, чем маму?» — Отправил им философское послание, другой рукой пытаюсь тормознуть частника на дороге.

Затем стряхнул легкое опьянение и вызвал машину службы такси. Иначе так до утра махать можно.

«Они грустные и пьяные, я их спать уложила. Гад ты, Сережа». — Лена.

Ну а вообще, да — взгрустнулось и мне.

«Спасибо, торт вкусный, цветы красивые. На двери не я писала».

От последнего предложения затребовал у таксиста заехать в мой двор. Там прокрался по лестнице до своего этажа, включил фонарик на сотовом и с возмущением посмотрел на исписанный фломастерами лист железной двери в мое жилище. Хотел было стереть, но вместо этого начертил нанесенной на руку побелкой с потолка длинную стрелочку к соседней двери. Потом перечитал текст и констатировал — Лилия не такая. Зашел к себе, взял полотенце, спирт и воду и быстренько все отмыл. Ушел раньше, чем подозрительное шебуршение за соседской дверью успело перерасти в очередную атаку бутылкой.

— Теперь куда? — Спросил водитель, приглушая громкое радио.

— Домой, к родителям. — Вздохнул я.

— Со своей поссорился?

— Да...

— Помириться, — обещал он. — Цветы, вино...

— Не надо вина. — Чуть вздрогнул я.

— Шампанское тогда.

Но насчет цветов дело здоровое — еще раз остановился возле круглосуточного цветочного, набрал небольших белых букетов и вернулся, чтобы рассовать под стеклоочистители на знакомых машинах. Благо, все были в одном дворе.

— Жене и дочкам? — Полубопытствовал шофер.

Угукнул, не став опровергать.

— А я вот на днях вот так в район мужчину возил, — вырвав на шоссе, произнес водитель. — Так тот суперагентом оказался. Его потом на вертолете забрали, представляешь?

— Да вы что? — Деланно удивился я, приготовившись слушать.

Ну а дальше была ночная трасса, радость на лицах родителей и горделивое выражение на лице отца, демонстрирующего почти завершенный гараж.

— Силы есть, делаю, — скромно произнес он, окидывая пространство строения, освещенного парой фонарей изнутри.

— Молодец, отлично получилось. — Похвалил его от всей души — и слова мои ему были приятны. — У меня на завтра выходной нарисовался, помогу, чем смогу.

— Вот это здорово, — пришла от него волна радости.

Как будто можно иначе — быть дома и не помочь старикам.

Посмотрел на подошедшую маму, порозовевшую и будто помолодевшую с прошлого моего прихода.

«И со здоровьем тоже помогу».

Гараж доделали в обед, загнав туда отцовскую «Ниву» и отпраздновав данное событие скромным семейным застольем. Без машины в частном доме никуда: после дождей дороги условно проходимы, а зимой в снегопад жизнь и вовсе зависит от того, когда пройдет трактор и пройдет ли вообще. Нива же — машина ходкая и безотказная, практически. Хотя надо будет старикам предложить ее обновить, пока деньги есть, но могут не согласиться — привыкли.

С другой стороны, гараж — повод задуматься над новой техникой. Во всяком случае, минус одна отговорка, как бывало раньше — мол, а хранить где это новое чудо... Старая-то и под открытым небом нормально себя чувствовала, с рядом оговорок, разумеется — и от града приходилось укрывать, и от сильной жары самодельным навесом. В общем, поедем в город — попрошу проехать мимо пары-тройки салонов, авось зацепит что-нибудь.

После обеда родителей сморил сон — ну и я своим лечением, замаскированным под объятия при посиделках, тому помог.

Глянул на выключенный с утра телефон, разделся до пояса и пошел дрова колоть, мысли о дамах отгоняя. Как они там? Живы, здоровы, не сожгли ли мне квартиру... Два куба древесины перевел, пока не обрел меланхоличный взгляд на вещи — все равно будет то, что будет. Парой недель назад и знаком-то с этими девушками не был. Жил ведь как-то. Да и не бывает, что три жены разом — тут тоже заблуждаться не следует. Хотя очень хочется.

— Внуков когда подаришь? — Разве что тронула затихшую струнку души мама.

Это уже вечером, перед отъездом. Отец готовил машину, мама проверяла, все ли закатки я забрал и не выложил ли чего обратно. Ну и спросила наедине, как бывало до этого не раз.

— Мам, а жену какой специальности лучше?

Вдруг подскажет чуткое сердце верный вариант... Полицейский, строитель, банкир...

— Медика бы в дом, — робко попросила она.

— Будем искать, — пообещал я.

Реагируя на жест отца, подхватил сумки и проследовал к машине.

Действуя в рамках коварного плана, попросил папу проехать вдоль «автомобильной» магистрали — там, где друг за другом выстроились салоны различных марок, от Тойтоты до Порше. Кое-как уговорил посмотреть, что у нас теперь вместо Нивы выпускается. Заехали, обнаружили ту же Ниву, но с пластиковым бампером и конским ценником. Вид, конечно, получше, однако тут я даже убеждать не стал.

Вообще, не все так плохо в автомобильном салоне: чисто, прохладно, девушки симпатичные — вот уж что точно не разучились производить на родных просторах, не смотря на все политические потрясения и экономические кризисы. И никакие синтетические бампера тут точно не нужны.

— Девушка, вы медик? — Тонул я в омуте зеленых глаз нашего менеджера.

— Нет, — глянула работник Оксана с легкой тревогой.

— Жаль, — взгрустнулось мне.

— Вам плохо?

— Разве что на душе, — признался ей, со стыдом отворачиваясь от завораживающей глубины очей и припоминая трех почти родных чаровниц.

Разговорились, обсудили мамино пожелание, пока отец одобрительно поцокивал возле «Весты» и сокрушался, что такая по его дорогам не пройдет.

По итогам визита, нам предложили бесплатную аптечку в довесок к любой машине и номер телефона, чтобы объяснить, как ей пользоваться. Но мы были тверды в своем выборе, и взяли только телефон. Потому что не дело отказываться от помощи и практического курса бинтования в домашних условиях, рассказанных украдкой на ухо тихим шепотом. Я чуть для себя Ниву не купил...

— Спасибо, товарищ Оксана, — нашел я в себе силы на суровый и уверенный голос.

И вообще, вдруг Лена или Лилия проходили медкурсы? Ведь и в той и другой работе важно оказать первую помощь или откачать после сердечного приступа от очередного скачка рубля... А я тут свое счастье по сторонам ищу... Нехорошо.

— Всегда готова, товарищ Сергей, — довольно грубо застегнула Оксана мне верхнюю пуговицу, чуть царапнув, и тут же мягко подула на кожу.

Но интересно.

После чего отправились смотреть, что там немцы в это время придумали.

Немцы придумали Фольксваген Амарок — пикап, возле которого отец почти сразу стал задумчиво похаживать, оценивая столь нужный в хозяйстве открытый кузов. Картошку там перевезти, сено, даже ванна чугунная влезет — очень полезная конфигурация. Только вот цена была такой, что папа похаживал по весьма большому радиусу.

— Пойдем, салон посмотрим, — повел я его за руку, как некогда он меня в песочницу с детсадовскими товарищами знакомиться.

— Да нет, я отсюда посмотрю, — отговаривался он так же неубедительно.

— Отличная машина! У нас действуют акции на кредит и трейд-ин! — Материализовался продавец за спиной.

— А Трейд-ин, это что? — Усевшись за руль и тронув кожу на нем, заинтересовался отец.

— Часть стоимости оплачивается за счет вашего старого автомобиля, плюс солидная скидка! У вас какой марки машина?

— У нас джип, — емко ответил я.

— Так это замечательно! Сумма покупки выйдет совсем символическая, я вас уверяю!

— Да? — С некоторой даже надеждой смотрел отец.

— Будем брать, — за него ответил я, уверенно посмотрев на менеджера.

Тот от счастья чуть за сердце не схватился. Но переборол слабость и отправился за ключами для пробной поездки.

Сам на тест драйв не поехал, отправив отца вместе с продавцом — пусть тот ему на уши терминами и характеристиками покапает. Заодно мнение сформируется, которое я потом подтверждать и одобрять буду.

Приехали они минут через десять, и чуть осоловевший от западного комфорта отец залихватски махнул рукой:

— Берем!

Весь румяный, счастливый — прямо как наш менеджер.

— Давайте оценим ваш джип.

Наш «джип» модели «Нива» чуть погрустневший от увиденного представитель салона оценил в сто двадцать тысяч рублей. На что отец категорически не согласился и продемонстрировал сальники и пружины.

— Новье! — Был он убедителен.

— Да. Но триста тысяч пробега... — Робко возражали ему.

— И еще столько же пройдет!

В итоге десятиминутной перепалки и нового осмотра цену подняли до ста тридцати тысяч. Завидев банки с медом в багажнике, хотели надбавить еще по тысяче частным порядком за каждую, но тут я уперся и отдавать отказался.

Итого от цены: минус деньги за старое и сто пятьдесят тысяч рублей скидки. Осталось найти всего-то миллион семьсот пятьдесят тысяч, и будет, куда переложить банки.

Тут отец посмурнел и начал без особой охоты смотреть программы кредитования, мысленно примеряя ежемесячный взнос к пенсии — своей, своей вместе с маминой, и суммарной соседских домов...

— Знаешь, мы, наверное, подумаем немного? — Обратился ко мне папа.

— Были бы деньги, взял бы? — Посмотрел на него серьезно.

— Да, — вздохнул тот с грустью.

— Тогда берем, — повернулся я к поникшему было менеджеру.

— Сын, а деньги откуда? — Шепнул папа.

— Я ведь работаю, — ответил ему обычным тоном.

И тот с гордостью окинул меня взглядом. То, что в министерстве работаю — родители знают, но размер моей зарплаты я им никогда не сообщал, чтобы сердце слабое не тревожить.

Просто с домом действительно получилось очень удачно — я только утром документы посмотрел, которые Лена оставила. За гигантский участок и дом — кадастровая стоимость. То есть, практически ничего — какие-то две с половиной сотни тысяч за целый кирпичный особняк с мансардой и гектар земли. Продавец — какое-то ФГУП нечитаемой аббревиатурой. Не знаю, как так получилось, но есть подозрения, что кто-то либо с кредитом влетел, либо со взяткой, либо наследников не оставил, а государство себе прибрало. Если первый или второй вариант, то будут проблемы с владельцем — но мне уж точно их решать не придется, судя по тем, кто должен дом заселить.

В общем, деньги были, как и желание совершить хорошее дело — а заодно карму себе почистить, Оксаной пока что окончательно не испорченную.

— Да, кстати. Если наличными и сразу, скидка будет? — Задержался на мгновение.

— Я поговорю с руководством. — Заверили меня.

Взял такси, оставив отца сторожить мед и закатки, а сам поехал для начала к Георгию — нещадно портить его дневной сон, проводить платеж за недвижимость и возвращать мне остаток, а потом в банк за деньгами из хранилища. В общем, маршрут вышел длинным, и под его конец пришлось даже извиняться — папа уже нервничал.

— Ты почему телефон выключил? — Выговаривал он мне.

Да потому что от телефона ничего хорошего не ждал. Но пришлось включить, что уж делать — нет такого возраста, в котором можно перечить отцу. Во всяком случае, по такой мелочи.

Для успокоения работников салона, выложил пачки пятитысячных на столик. Мало их на вид, кстати говоря: всего три в банковской оплетке и еще одна стопка россыпью — не чувствуется особо сумма. В качестве скидки, между тем, страховку подарили, а так же все эти коврики довеском. Но все равно — персонал вился, как пчелы на мед. Собственно говоря, мед и был под нашими стульями, а трудолюбие окружающих соответствовало.

Даже номера нам новые вместе с регистрацией оформить умудрились — оказывается, по новому закону теперь можно прямо тут на учет ставить.

— Мать в торговый центр отправила за стиральным порошком, — фыркнул папа, выруливая со двора автосалона. — А приеду с новой машиной.

— Тут главное стиральный порошок не забыть.

— Это да. Спасибо, сын, — потрепал он от избытка чувств меня за плечо.

А я смотрел на смски, пришедшие за это время, и думал, что кармическая справедливость все-таки есть.

«Давай начнем все сначала». И ладно бы одна — три сообщения, с трех номеров, независимо друг от друга... Лена, Таня, Лилия... Да, там — сверху — была россыпь ругательств, бесконечная череда «почему молчишь» и «не могу дозвониться, позвони мне»... Всякое там было, с самого утра, но завершилось одинаково.

Еще «Нам нужно серьезно поговорить» от Анны Михайловны. Но это мы в рабочем порядке, завтра.

Что до девушек — если действительно начать все сначала да со всеми тремя, они меня точно пристрелят. Вроде, светло на душе от их сообщений, но одновременно и грустно — как у диабетика, задувающего свечи на праздничном торте. Так и хочется загадать желание «не помереть» и есть, наслаждаясь, наплевав на все... Но и жить-то как хочется — оттого самосохранение оберегает от глупости, такой доступной и приятной.

Решения все-равно не было, несмотря на очевидные и логичные варианты. Может, действительно влюбился во всех троих. А может, виной тому блуждающая на краю мысль, что привычному миру совсем скоро наступит конец.

Кто знает, как станет «нормально» завтра? И будет ли это завтра у человека, изнуряющего себя диетой.

Найти бы, с кем обсудить — покосился я на папу, но этот вариант отмел тут же. У человека счастье и новая машина, а так же тридцать лет в браке — спрашивать просто неловко. Вместо сложных бесед, просто поддакивал на одобрительные речи и хвалебные возгласы отца в адрес автомобиля.

Есть, правда, телефон психолога, с разрешением звонить в любое время дня и ночи, и даже с выездом ко мне домой для решения острых личных проблем... Однако, вспоминая ее грудь, боюсь, что только усугублю.

Пока ехали по городу, мысли, в целом, были нейтральны. Но как стали попадаться на глаза знакомые виды, чуть взгрустнулось. Вспомнилась развязка вчерашнего дня, мысли о смене места жительства, только что отремонтированного и одновременно — привычного. Да и любил я этот район — район котов, ухоженных и подкармливаемых всем миром, вольготно греющихся на бетонных плитах возле подъезда и умно поглядывающих из подвальных окошек. Не то, что районы собак на окраинах, где бездомные псы сбиваются в стаи, и смотрят зло на предавший их мир людей. Там тоже довелось жить короткое время...

Выходило, что переезжать никакого желания. Да и судя по последним новостям, с Лилией можно будет восстановить добрососедские отношения, пусть даже формальные, на уровне приятельства. Оставалась только Клавдия Никитична, что вчера вечером, что сегодня днем сидевшая на страже у подъезда. Вот уж кто, вооруженный «всею правдой про меня», от меня просто так не отстанет.

Можно, конечно, лавочку спилить (или перенести к соседям), и не видеть каждый день ее осуждающий взгляд. Но это не избавит от последствий ее отношения: вроде визитов

участкового, неприятных слухов и низкой репутации у других бабушек, которые запросто могут позвонить на работу или родителям. Люди с неограниченным личным временем деятельны и опасны. Значит, тут тоже надо мириться и выкручивать ситуацию в свою сторону.

С такими мыслями, попросил отца сделать круг по району и только потом возвращаться к подъезду. Тот удивился, но возражать не стал — а потом как-нибудь объяснюсь. Сделать это будет гораздо проще, чем под крики бабки и обвинения в низкой социальной ответственности сына. А я не такой. Я, в общем-то, добрый и положительный человек — что и поспешил доказать, подхватив одну банку с медом и прошествовав с ней прямо к поджавшей губы старушке на лавочке.

— Это вам, за заботу, — успел я раньше, чем она произнесла жесткое и обвинительное в мой адрес.

Трехлитровая банка меда тут же была положена под левый ее бок. Сам я присел рядом и, легонечко подхватив ее руку, которую та от удивления не отдернула, осторожно, но искренне потряс в рукопожатии.

— Если бы не вы, Клавдия Никитична, не знаю, что и делал бы. Спасибо вам огромное!

— Да ладно, что уж, — смутилась она, поглядывая на банку с медом и меня с интересом. — Как будто я не понимаю.

Хотя по лицу было видно — не понимает. Но разубеждать не стал, вредно это.

— Вы уж извините, нашумели немного, запутались. Без вас бы не разобрались, точно говорю!

Отпустил ее руку, порывисто встал и изобразил поклон до пояса.

— Дорогой вы наш человек!

— Сережа, что уж ты, — растрогалась она вконец, пытаясь подняться.

— Теперь все хорошо будет, — придержав ее за плечи, я вновь присел рядом, расцветая улыбкой.

— Так а что случилось то? — Смотря совсем дружелюбно, поинтересовалась она.

— Социальные сети, Клавдия Никитична, вы ведь слышали наверняка. «Лайк» поставил под фотографией, и уже считают за измену.

— Ай-яй-яй, — сочувственно покачала она головой.

— Только благодаря вам помирились. Вот, посмотрите, — демонстративно включил я телефон и поднес экран с открытыми смсками к ее лицу.

— «Что б ты помер, тварина», — прищурилась она близоруко.

— Вы ниже читайте.

— «Давай начнем все с начала».

— Вот! — Вновь расцвел я улыбкой, чуть нервной из-за накладки.

— Помиритесь, — произнесла она снисходительным тоном под умудренный взгляд, но под конец замаялась. — А с кем...?

— Так с девушкой своей! — Ответил я открытым взглядом.

На что переспрашивать и уточнять она не стала. И слава Богу.

А тут еще папа подъехал — весь из себя солидный, на красивой машине и с большими хозяйственными сумками с добром, которые мы совместно перенесли ко мне в квартиру.

Заодно по пути Клавдии Никитичне помогли ее банку до порога донести.

— Какой замечательный у вас сын! — Напоследок произнесла она искренне, когда я уже заходил в лифт.

— Весь в меня, — с гордостью посмотрел папа в мою спину.

Еле удержался, чтобы не обернуться и не побуравить его подозрительным взглядом.

Впрочем, кто его знает, как там было тридцать лет назад, до того, как они с мамой встретились. Будем верить, тоже найду себе такую одну единственную. Ну или трех, кто суммарно были бы столь же положительными.

Показал отцу квартиру — только-только после ремонта, чистую и проветренную (окно забыл закрыть по вчерашним несуразностям). Получил полное одобрение и пожелание радовать дальше.

Когда провожал только вышла накладка — дверь-то я вчера помыл, но в темноте, да при торопливости кое-что осталось...

«Путана!» — фиолетовым маркером, почти неразличимым на фоне двери, оттого пропущенным во вчерашней полутьме. Но сейчас, при свете дня, заливавшего лестничную площадку через окна коридора, надпись на уровне пояса и по левому краю двери виднелась отчетливо... Ладно хоть не ключом по краске нацарапали...

— Кто рядом живет? — спросил папа, чуть сжав губы.

— Девушка. Хорошая! — Поспешил заверить я отца, защищая подругу. — Это не про нее!

— Ты с ней поосторожней, — строго, но с заботой выговорил он. — И такую — указал он на надпись. — Домой не приводи!

Затем окинул недовольным взглядом соседскую дверь и пошел к лифту.

Хорошо хоть, не оборачиваясь. Иначе наверняка увидел бы мои горящие огнем уши и смущение на лице... Перед Лилией было стыдно. Да и за себя — тоже.

В полном раздрае чувств отправился в клуб. Благо, было уже под пятый час дня.

Вцепился в свое копьё, да так и сел с ним в руках возле стены, пытаюсь разобраться в мыслях. Выходило, что Лилия из трех кандидаток на «начать сначала» исключалась, да и у самого, если честно, меньше, чем к другим двум лежала душа. Но вот сам формат решения, что виной тому не мое осознанное желание, а возможное неприятие родителями... Да еще по ложному поводу, виноват в котором, как ни крути, я сам и мое молчание... Приедем вот так вот к моим родным на ее бмв, представлю ее работницей банка, а тут всплывет про соседство — и кто ей, такой красивой, поверит, что умная? А как начнет она выяснять причину ухмылок — то и мне конец настанет. Тяжело и муторно.

Может, отцу позвонить, пока не поздно, и объяснить все? А если с Лилией не заладится, то зря душу открою? А вдруг заладится? Но ведь Таня может быть лучше? Но ведь знаком-то три дня... А если Лена? Раздобыл чистый блокнот, ручку (в два раза дороже рыночной цены, но зато быстро) и принялся выписывать девичьи имена, обрамляя положительными и отрицательными характеристиками. Остановился, когда понял, что опять совершаю какую-то лютую глупость и окончательно поник.

Рядом присел Михаил, задал какой-то пустяковый вопрос и тут же в ответ получил целый ворох моих мыслей, соображений и метаний. Естественно, без имен и подробностей, но схематически верно и со всеми теми терзаниями относительно выбора одной единственной и недостатков-достоинств возможных кандидатов, включая нештатных Оксан, Свет и даже Юлию с работы, которые в последний час основательно захламили голову. Михаил порывался было перевести все в шутку и вернуться к прежнему вопросу, но потом затих и стал слушать со всей серьезностью. Мне же с каждой секундой становилось легче, и даже проступило некоторое смущение относительно своей откровенности. С другой

стороны, отчего-то чувствовал, что этому человеку довериться можно.

Под конец вынырнул из себя настолько, что начал замечать неестественную тишину вокруг себя. Поднял взгляд и увидел притихших пацанов-школьников, с нешуточным уважением внимающих моей истории чуть поодаль. Разве что Тимур стоял чуть впереди.

— Женщины — это да, — уловив мой взгляд, произнес он бывало и значительно.

И неспешным жестом выудил из внутреннего кармана сигарету. Затем спохватился, но было уже поздно.

— Так! — Лязгнул голос Михаила, тоже заметившего залет бойца. — Сигареты на стол! Двести отжиманий!

— Но...!

— Упал-отжался! И остальные — тоже по пятьдесят!

Народ горестно вздохнул и приступил к отталкиванию земной тверди от груди.

— Правильно говорят, если у тебя нет девушки, у кого-то их две, — хмыкнул Михаил тихо.

— Три... Или семь. Хотя, наверное, ни одной, — поправившись, с силой провел я ладонями по лицу. — Впрочем, разберусь. Спасибо что выслушал и извини.

— Да ладно, нормально все. Сегодня едем?

— Да, само собой. — Спрятал я блокнот и ручку в карман.

Выбросить бы, за ненадобностью, да такие записи лучше с собой унесу.

— Как раз развеешься, полегчает, — пообещал он мне.

Так и вышло — монотонная дорога медленно переваливающейся по ухабам газельки успокоила до гипнотического состояния покоя. А там и холод Той стороны помог, вычистив морозным ветром тревоги. Как и в прошлый раз, к слову, стоял просто так... Ну и напоследок — огнем вкатилась в организм высокоградусная жидкость, отключая разные лишние мысли. Не сильно ее много было — на этот раз всем досталось по символической, для согрева.

Но понять, что я хочу и должен сделать, успел раньше. Так что спиртное точно не виновато в принятом решении. Осталось только в клуб вернуться и сообщить его заинтересованным лицам — как и в прошлый раз, телефон остался там.

Потому отъезда обратно ожидал даже с неким нетерпением, по лесу обратно шел с улыбкой, а торопливость остальных, отмеченная краем сознания, только радовала. Совсем скоро мы загрузились в бывалого вида микроавтобус.

— Что про деньги? — Осторожно уточнил я Михаила, как-то позабыв важный элемент каждого посещения Той стороны.

А то действительно, воспринимается отдыхом на природе, даром что скидываться не просят, наоборот — доплачивают.

Сидел он на первом ряду, так что пришлось осторожно добираться до него, замирая на особо сильных ухабах, и потом наклоняться к его лицу, потому как вопрос довольно приватный.

— Потом, — посмотрев на меня некоторое время, ответил он. — Как в город доедем.

— Ладно, — пожал я плечами и вернулся на свое сидение.

Но в город мы так и не доехали. В какой-то момент газелька взяла правее, вырвав на второстепенную трассу, проехала метров триста, пока не замерла на парковке возле длинных складов со стройматериалами.

— Как просили, — обозначил конец маршрута шофер.

— Спасибо, — вручил ему Михаил деньги и распахнул дверь. — Мангал и прочее у себя придержишь?

— Как обычно, — качнул тот плечом, с довольством пересчитывая деньги.

— Пошли, — обернулся ко мне Алексей, что был на сиденье впереди, и тоже направился на выход.

Если бы гнали в спину или требовали злым голосом, я бы, разумеется, был сильно встревожен за свою будущую судьбу. Но а так — было разве что легкое любопытство, пока выбирался из салона. А как увидел на парковке рядом Фольксваген Михаила, к которому тот и направился — то любопытство заменило волнительное предвкушение чего-то нового, будоражащее сознание и отдававшее легким мандражом.

— Что замер? — Хмыкнул Михаил, остановившись возле распахнутой водительской двери. — Поехали, время работать по-настоящему. — Улыбнулся он покровительственно, и не дав мне вставить наивную фразу про то, что тогда было до этого, сел за руль.

Матвей с Алексеем и Олегом глянули с ухмылкой и загрузились в салон — Олег рядом с водителем, остальные, подождав меня и чуть потеснившись, на второй ряд.

Михаил дождался, пока наш микроавтобус исчезнет из виду, и тоже медленно поехал в сторону города.

— Ситуация такая, — раздался спокойный голос Михаила после того, как машина тронулась. — Есть две группы заинтересованных друг в друге людей. Одни с нашей стороны, другие с той.

Остальные предпочли молчать, да и я притих — даже когда пауза затянулась, не стал уточнять. Только смотрел с интересом и нетерпением на Михаила через центральное зеркало.

— С той стороны — это именно с «Той» стороны, понимаешь?

— Да, — ответил я пересохшим горлом.

— Хорошо. — Легонько кивнул он, продолжая править машиной. — С нашей стороны шесть человек. С их стороны семеро. Так сложилось. Посвященных у нас столько, а убирать наши партнеры одного лишнего не хотят. Пока все мирно, но у нас один из шести — клиент, так что в итоге выходит пять на семь. Понимаешь?

— Неуютно, — отозвался я.

— Нам то может все-равно, но клиент нервничает. Это на него давит и заставляет сомневаться в собственной безопасности. Поэтому нужен седьмой.

— Понял.

— Как и раньше, нужно стоять с копьём и смотреть в оба. В основном, для декорации, но если что... Если не ты, то тебя, — с несвойственной еще неделю назад жесткостью завершил Михаил.

— А как же назад не поворачиваться? — Уточнил у него.

— Поворачиваться можно и нужно. Глаз с них и с округи не сводить.

— Так ведь вчера вы говорили...

— Проверяли мы тебя, — хмыкнул Михаил. — Должен понимать, брать человека, который дисциплины не знает... Ну и чтобы в полицию не побежал. Не в обиде?

— Да все нормально, — подумав, качнул я плечами.

— Вот и ладно, — машина наконец вышла на трассу и прибавила в скорости. — Первые пятьдесят тысяч заработал честно, остальное не мы тебе будем платить. Это, думаю, тоже понятно?

— Ага. А мы почему в город едем, портал ведь не там?

Ребята в машине фыркнули с некоторым превосходством и гордостью.

— Из восьми городских порталов у нас два, — чуть иронично ответил Михаил, даже голову повернув, чтобы на меня взгляд бросить.

Значит, у меня третий, один в Шарاپово, два по слухам наши и залили бетоном, и еще два где-то еще... Интересно.

— С клиентами удобнее работать в городской черте, там второй. Так быстрее и меньше внимания. Сам поймешь, почему.

— А оружие, одежда там тоже будут? — Позволил я себе немного деланного любопытства, чтобы скользнуть на интересную мне тему.

— Все будет. — Слишком сухой ответ разрушил намеченную стратегию.

— Народ, если я что не то спрошу, сразу извините и поправьте. Но мы за их услуги-то чем платим? — Решился я на легкий риск. — Через порталы ведь ничего не проходит.

— Не поверишь, — хохотнул Михаил. — В основном едой.

— Чего?

И, видимо, у меня в этот момент вид был настолько опарашенный, то легкие смешки заметивших его быстро перешли в настоящий хохот.

Атмосфера в машине как-то даже расслабилась — общее напряжение я смог оценить только в сравнении.

— Нечего там им жрать, Серега. У нас они едят. На нашей стороне. — С превосходством ответил Олег.

— Еда-то у них есть, — поправил Михаил. — Но вкусной ее не назвать при всем желании. Мясо, репа, лук, соли почти нет, вода. Мы поначалу копыя на шоколадки и газировку меняли.

— А потом?

— А потом нам копыя стали не нужны, — фыркнул Алексей рядом.

— Но шоколад они все еще хотят, — подтвердил Михаил.

— И что, даже просто отнять не пытаются?

— Пытались, — помрачнел голосом Михаил и добавил уже после долгой паузы. — Но мы доказали, что будет выгоднее сотрудничать.

— Подстраховались заодно. — Впервые подал голос Матвей. — Сам увидишь.

— Главное забыл сказать. Ни с кем из них не разговаривай, ни о чем не распространяйся, вообще лучше молчи. Между собой тоже стараемся не беседовать

— Понял. — Чуть озадаченно вымолвил я. — А они наш язык знают?

— Есть там у них главный, вроде нашего ученого. Он каким-то образом умудрился язык выучить.

Знаю я такой способ — чуть помрачнел, припоминая Хоома. Но ничего говорить не стал.

— Ему наш мир интересен, но мы их далеко стараемся не пускать. Они тоже дальше портала просят не разгуливать. Говорят, звери хищные. Может, так и есть.

Машина тем временем была уже в городе и двигалась под эстакадой моста в сторону промзоны. Шел восьмой час вечера, солнце все еще было довольно высоко над горизонтом и радовало теплыми оттенками грядущего лета. Небо, на радость, было почти безоблачным — только та его часть, что была над ТЭЦ, скрывалась в серой дымке пара из градирен и выхлопа длинных труб.

К этому времени, соизмеряя то, что уже знал, и направление нашего движения, я уже примерно догадывался, куда мы направляемся. И через пару минут уже с неким внутренним удовлетворением отмечал транспортные ворота бетонного завода с выезжавшим из них восьмикубовым миксером. Именно здесь работает Олег, если верить анкете социальной сети. И, видимо, именно с этим связан его выраженный апломб, агрессия и поведение, вплоть до места, которое он занял в машине. Не удивлюсь, если остальных подтянул к делу он. Другой вопрос, как удалось убедить руководство...

Между тем, завидев нас, уже закрывающийся шлагбаум придержали и распахнули вновь, так что заехали мы на территорию почти не снижая скорости. Сразу повернули влево, запылив вдоль целого ряда гигантских кранов на бетонных опорах, скользивших по направляющим даже в вечернюю пору. Город строится круглосуточно, материалы нужны всем. А за материалами, разумеется, приезжают солидные люди с деньгами — потому никто не удивится двум черным «Ленд крузерам» почти в самом конце внутривозвездной дороги, возле довольно большого и свежего, судя по виду, двухэтажного домика с занавешенными окнами. Как не удивятся нашему более скромному, но все еще дороговому Поло, вставшему чуть поодаль от них. Это к вопросу об удобстве городского портала. Действительно — хоть каждый день заезжай, выезжай, никому дела не будет.

— Мне переодеваться надо? — Спыхватился я с вопросом, пока все не вышли из машины.

Михаил обернулся и внимательно оглядел меня с ног до головы.

— Сойдет, — с некоторым сомнением решил он.

— Нормально, — подтвердил Олег.

— Кроссовки только хорошие. — Чуть нагнулся Алексей. — Будут просить поменяться — не соглашайся.

— Вообще ничего им не отдавай, — строго посмотрел на меня Матвей. — Что бы они не предлагали! Они цен не знают, торговлю нам не порть.

Как будто вы знаете цену их услуг. Впрочем, это я от нервов — еще неизвестно, что им за это предложат. А что до еды и покупок за нее... Помнится, в средние века за мешочек специй можно было купить поместье. Может, выгодно.

Зашли с левого края домика — как успел отметить, входов внутрь было аж три, причем по трем сторонам. Четвертая сторона здания упиралась в довольно большую бетонную постройку непонятного предназначения и без единого окна. В этом доме тоже окна были скорее декоративными — приглядевшись, обнаружил за стеклом и занавесками деревянный щит. Но долго рассматривать мне не дали — вместе с остальными зашел во внутрь, в небольшой тамбур метра в три, за которым была еще одна дверь — стальная, с большим окошком из толстого стекла, через которое виднелся еще один участок коридора с крашенными в белый стенами. На всех дверях светились электроникой кодовые замки.

— Идем, не стоим, — поторопил Олег, шустро набирая код и первым заходя внутрь.

Коды разные, какие именно — не успел заметить. На третий раз отвернулся для приличия, включая свое «зрение» и кое-как разглядел примерную последовательность из восьми нажатий. Мало ли, вдруг пригодится.

Очередная дверь вела в довольно крупный зал без окон, свет в котором давали замаскированные под натяжным потолком лампы. На широкой стене бормотал картинками дикой природы телевизор. Еще на двух стенах были ниши в виде окон с пейзажной акварелью, подсвеченной лампами. Из комнаты уходили три прозрачные двери — в первую

заши мы, вторая была приоткрыта и вела в очередной коридор, третья закрыта.

Но самое важное — посредине зала был массивный стол, прикрученный анкерами к бетонному полу, за которым сидели люди в окружении пластиковых тарелок с остатками еды, пакетов из под сухариков и чипсов, в том числе небрежно разбросанных по полу.

С виду самые обычные трудяги, кто в чем — в джинсах, брюках, футболках, халате. Пусть и с легким восточным акцентом по взгляде и ростом чуть ниже среднего.

Если бы не холодные изучающие взгляды. Если бы не запачканные едой пальцы, в виду отсутствия столовых приборов. Если бы не тихий гомон на чужом языке, в котором нет-нет да проскальзывали знакомые слова. А также то, что их было семеро.

— Мой дорогой друг Олег, с вами новый друг? — Поднялся из центра человек в обыкновенном банном халате, цветастом и нелепом, натянутом прямо на футболку с изображением Че Гевары.

Был он черноволос, с длинными и тщательно отмытыми прядями, подвязанными узелками шелковых платков. Глаза его смотрели блеклой синевой — будто небо отражалось в подтаявшем льду на реке. На вид заметно выше остальных своих компаньонов, относительно них — чист лицом, хоть и со следами некогда сломанного носа, и аккуратен пальцами — длинными, как у пианиста. Иномировой гость меж тем спокойно демонстрировал улыбку, полную целых и здоровых зубов.

Говорил он на чистом русском, но с тем заметным акцентом из тянущихся гласных, благодаря которому легко узнать чужестранца. Или человека из другого мира, каким-то образом почти идеально выучившего наш язык. Почти.

— Именно так, друг Мерен, — вышел вперед Олег.

Показалось, или тот немного поморщился?

Иномирец вышел из-за стола, медленно обошел его и встал напротив меня, внимательно разглядывая мое лицо. Я обаятельно улыбнулся во все свои тридцать два.

— Мое имя Мерен Варам Белилитдил, — согнул он руки в локтях и протянул их ко мне вверх ладонями.

Охренеть, три(!) имени — два двуслоговых и одно четырехсловое!!! Память Хоома, будто очнувшись от его приветственного жеста, трепетала и привставала на задние лапки, одаривая сильными эмоциями.

— А это... — шагнув ко мне, начал было Олег, желая представить, но я успел первым.

— Мое имя Сергей Никитич Кожевников, — представился я с расстановкой полным именем и отзеркалил его жест, положив свои ладони на его.

— Ко-жев-ни-ков, — чуть ли не растроганно произнес иномирянин, слегка пожав мне руку большими пальцами.

Я автоматически пожал тоже.

— Наконец-то достойный человек, — продолжил Мерен искренне и указал на стол, — прошу, раздели со мной пищу.

Слегка растерявшись от предложения, скосил взгляд на Михаила. Тот стоял в шоке и пучил глаза.

— Хорошо, Мерен Варам Белилитдил, — решил я изображать чугунный уют, пущенный твердой рукой легкоатлета и пока что уверенно летящий по волнам.

А тот аж глаза прикрыл от удовольствия. Его же тут все это время зовут первым двуслововым именем! Это как президента Вовкой звать!

— Мерен, скоро будет гость, и наши договоренности... — пытался влезть Олег.

— Уйди, О-лег, — небрежно оттолкнул его ладонью по лицу иномирянин и вежливо указал мне на стол.

И только волна ненависти, прокатившаяся от Олега мне в спину непрозрачно намекала, что я опять влип.

Есть кое-что базовое, шагающее вместе с человеком из самой дикости. Например, отношение к еде — в той его грани, когда вокруг не родственники, но люди интересные и нужные. У нас оно будет названо гостеприимством, частью которого станет разделение пищи. Еды достаточно, голод редко посещает освещенные фонарями города, краюха хлеба не является ключом к еще одному шансу на выживание. Просто: вежливость ради беседы за общим столом.

Там, откуда пришли иномировые гости, было иначе, древнее. Шестеро почти слитно встали из-за стола, стоило Мерену произнести заветные слова про еду. Шестеро, не сомневаясь, высыпали всю свою наличную пищу из пакетов на столешницу, скинули мусор на пол и отошли к стене. Было в этой синхронности то самое, что позволяет определить в содеянном если не ритуал, но традицию — вся пища принадлежит сильнейшему. Он ест первым, а остальным положено ждать своей очереди. Потому что сила и здоровье лидера определяет, будет ли хоть какая-то добыча на следующий день.

— Прошу, — осторожно тронув за локоть правой руки, повел Мерен меня к столу.

Заодно — к массивным, сделанным грубо, неказисто, но прочно деревянным стульям, прикрученным к полу, как и вся остальная мебель.

Такой себе комфорт, который пришлось принять с нейтрально-дружелюбным выражением на лице, занимая предложенное мне место — по правую руку от того места, за которое сел пригласивший.

— Олег, — как ни в чем не бывало, повернулся назад Мерен. — Сегодня я работаю за во-доч-ку и мясо.

Будто не было нанесенной им обиды — или та казалась ему столь обыденной, что не волновала даже самую малость.

— Мерен, — опомнился Олег, стараясь подавить злость и отвечать уверенным голосом. — Мы...

— Ты слышал, — перебив на полуслове, добавил жесткости иномирянин. — Плата нужна сейчас.

— У нас есть договоренности, — поднял голос Олег.

И шестеро, до того недвижно стоявшие у стены, сделали легонький шаг к нему, отмеченный мною краем глаза.

Но этого хватило, чтобы в голосе соклубника послышались нотки паники.

— Андраник Наапетович Маргарян будет очень зол! Его гость уже прибыл и ждет!

Как удобно, наверное, быть восточным человеком в новом мире. Три слога в имени, четыре в отчестве и три в фамилии. Три-три-четыре против моих два-три-четыре и скромных два-два-четыре Мерена. Только почему последний морщится, будто лимон разжевал? Это же как минимум на слог круче меня, а значит просьбы такого человека куда приоритетней.

— Одну во-до-чку сейчас! Остальное — потом, — раздраженно пожевав губами, выдал Мерен.

— Олег боится, что водочка может помешать исполнить общее дело, — очнулся Матвей, выговаривая куда спокойнее и рассудительней.

— Чушь! Я могу работать в любом состоянии!

На секундочку почувствовалась душа из края родных березок — прямо как наш слесарь по подъезду, до того как его кипятком обварило. И смотрит так же гордо и упрямо.

Короче, именно эта фраза наконец-таки отморозила меня из того состояния, в которое загнали некстати всплывшие воспоминания Хоома.

Ну не мог я в тот момент допустить, чтобы Мерену меня представили просто Сергеем! То самое ощущение «правильности», которое создано из опыта и интуиции, прямо-таки требовало представиться полным именем, чтобы не потерять самоуважение. Ведь повести себя иначе — означало улыбаться при первом знакомстве с министром, когда рядом произносят «Этого Ивашкой зовите, вашество. Дурачок он, зато полезный». После такой оплеухи поменять к себе отношение было бы малореально — разве что тут же лезть в морду обидчику и добиваться извинений. Молчать же, обтекая — накладно. Я ведь сюда не за деньгами пришел, за знаниями. А тут — живой источник информации по «Той» стороне, носитель языка, местный вождь и черте знает кто еще в одном лице! Который, разумеется, с просто «Сергеем» даже говорить не станет.

В общем, мысли пролетели одним мгновением, еще раз успокоив самого себя. Что до последствий — разгребем как-нибудь в глобальном плане, а прямо сейчас надо ребят выручать. Потому что перечить Мерену, конечно, они могут — и разумеется, по итогу никто ему ничего не принесет и не нальет, но до драки дойти может запросто. Опять ведь дело в статусе — шестеро из свиты Мерена, например, просто не понимают, как смеют холуи перечить господину — оттого продолжают приближаться на дистанцию уверенного броска. Как же они до этого сосуществовали-то? Не было прихотей и конфликтов?

Или так влияет присутствие признанного хозяином гостя? Одно дело — простить глупость чужаков, когда вокруг свои, но другое — в присутствии человека, мнение которого вам важно. В общем, ящер разберет, что там у них в головах. Но гасить конфликт необходимо немедленно, пусть даже ориентируясь на интуицию и осколки поглощенной памяти.

— Матвей, спроси хозяина этого дома, можно ли тебе принести нам еду и водочку.

Намеренно обратился к другу, опасаясь вспышки ярости Олега и гораздо более серьезных последствий. Матвей же будет поадекватней, да и подмигнуть ему умудрился.

Не имеют права двуслоговые чего-то там решать, даже если правы десять раз. Вот если хозяин повелит, то ответственность будет на нем, а голос двусловых — голосом хозяина. Это опять из памяти Хоома, будь она неладна.

— Я сейчас спрошу, — метнулся к противоположной стене с дверью Матвей.

— Пусть спросит, — равнодушно поднял я плечо, мельком посмотрев на недовольного Мерена.

И шестеро, уже шагнувшие наперерез, вновь отступили на свои места к стене.

Между тем, подхватил со стола чипсинку и с хрустом и удовольствием употребил внутрь себя. Все равно вся инфекция со стола в портале сдохнет, а дома панкреатином заем.

Рядом, с некоторой заминкой, захрустели тоже.

— В традиции моего народа, водочку кушают после дела или по праздникам. — Между делом, сообщил я иномирянину, сосредоточенно хрустящему едой, будто пытаюсь на этот раз меня объесть.

Все его внимание занимала дверь, куда ушел Матвей. Ну а я исподволь готовил Мерена к грядущему отказу.

— Уважаемый, ты слышишь?

— Что, где? — Дернулся он, парой движений осматривая комнату.

— Кто где? — Уточнил я, пододвигая к себе пластиковое блюдо с налитым майонезом и пакетик нарезанной копченой колбасы.

Прямо не инопланетяне, а студенты первого курса. Вкусы те же, желудок разве что царской водкой прожжешь. Попробовал комплект — как я только ел такую гадость? Но ради Мерена значительно хмыкнул. Пусть тоже налегает и травится в равной мере.

— Так этот... У-ва-жа-е-мый? — Последовал он моему примеру и сейчас прислушивался, как необычный вкус проходит через организм.

Вроде как — с одобрением прислушивался, но продолжал глазами кого-то искать по комнате.

— Уважаемый — это ведь ты.

— Я? — Удивился он, замерев.

— Именно его я вижу перед собой. Так подсказывает мне сердце и ум, — выдал многозначительно, будто не придумал только что.

— Я — у-ва-жа-е-мый? — Затребовал он подтверждения, расплываясь улыбкой.

— Именно так я сказал, — подтвердил я, заедая ответ сыром и соком. — Или ты откажешь мне так себя называть?

— Я?! Да я счастлив, дорогой друг! — Вцепился он мне в левую руку двумя своими. — Но станут ли остальные звать меня так же?

— Алексей? — Обратился я к самому авторитетному из соклубников (исходя из слогов в имени).

Не Лешей же он представлялся.

— Безусловно, уважаемый, — хоть и с заминкой, чуть поклонился тот иномирянину.

К чести Алексея, он не позволил тому легкому флеру нереальности и бреда, от которого у Матвея до сих пор было ошарашенное лицо, помешать единственно правильному ответу.

Понятия не имею, чему он там радовался, но пусть так, чем хмурое недовольство во взгляде.

Смотрелись мы с Мереном, наверняка, теми еще чудаками — только для него, судя по всему, все было архи-серьезно, а я как представитель техподдержки давным-давно овладел талантом говорить редкостную ерунду важным голосом и с невозмутимым видом. Иначе как находить общий язык с бухгалтерией? У людей по двадцать лет стажа в двух государствах подряд, а я тут буду пренебрежительно рассказывать, что их проблема полная фигня? Нет уж, раз пришел — то только спасать мир.

— Это нужно отпраздновать, Уважаемый Мерен Варам Белилитдил.

— Да! — Вдохновенно и радостно провозгласил он — прямо как наш мэр, когда президент решил не приезжать.

— А разве правильно портить праздник перерывом на работу?

— Не правильно, — согласился он со мной, глядя настойчиво — будто подвыпивший гость на тамаду в ожидании нового тоста.

— Значит, водочка нам пригодится после дела?

— Именно так, — выдохнул он и даже чуть порозовел от удовольствия.

В этот момент скрипнула дверь, из-за которой осторожно выглянул Матвей, оценивая диспозицию и явно готовясь к неприятностям.

— Мерен, хозяин попросил воздержаться...

— Потом, — небрежно махнул иномирянин рукой в его сторону. — Водочку, мясо —

после работы.

— Именно это он и хотел предложить, — облегченно выдохнул Матвей, прикрывая дверь за своей спиной.

— Я слышал. Где этот гость? Я хочу делать работу быстро, — не отделяя слова от действий, встал Мерен с места и зашагал по комнате. — Сколько я должен ждать?

— Все готово, — заверил Матвей. — Мы можем идти хоть сейчас.

— Отлично! — Шагнул было иномирнин и его остальная свита вслед за ним ко второй, приоткрытой двери.

Но остановился и вернулся ко мне, отодвинув рукой неловко вставшего на его пути своего слугу.

— Сергей Никитич Кожевников, — смотрел он на меня странно.

Тут даже сложно вот так просто определить, что было намешано в этом взгляде. Не считаю себя особым знатоком людских душ — просто именно эти семеро, в особенности их глава, обладали столь четкой и контрастной мимикой, которую при всем желании было сложно скрыть. Будто дети — те тоже не сразу понимают важность вести себя нейтрально на вопрос, кто разбил вазу. Это уже потом приходит понимание, что в семье же есть кот, которого точно не будут так обидно лупить по попе.

Словом, пусть Мерен и явно пытался кое-как повторять невозмутимость моих соклубников, но читать его эмоции было вовсе не сложно. Все это пренебрежение в адрес остальных, злость в отношении хозяина этого места, искренняя радость величания «уважаемым»...

Сейчас же мне виделась какая-то часть сомнения в его выражении лица, но при этом, одновременно — желание и надежда, что сомнения окажутся дутыми и напрасными.

— Что, уважаемый Мерен Варам Белилитдил? — Встал я с места, как-то случайно нависнув над все же низковатым иномирцем, отчего тому приходилось чуть задирать голову.

— Ты ведь поможешь мне в работе? — Внимательно смотрел он в мои глаза, а в облике даже почувствовалась некая напряженность.

— Раз праздновать мы будем вместе, то работать тоже станем вместе, — ответил я то, что пришло на ум.

Мне все равно идти на «Ту сторону», брать в руки копьё и отрабатывать свои пятьдесят тысяч.

А Мерен же расслабился — словно выдохнул тайком. И даже вновь продемонстрировал мне свою идеально здоровую улыбку — пришлось ответить ему тем же. Разве что то странное рукопожатие повторять не стали, так пошли. Правда, чуть ли не в обнимку, придерживая друг друга у локтя.

Вот странно, кстати — зубы у его свиты, рассмотренные украдкой, все же весьма далеки от идеальных... Не сказал бы, чтобы они были настолько плохи, как у памятного Хоома или Ко, но все же... Что-то не сходится в иномирной картине мира. Знать бы, в чем причина.

Третья дверь оказалась не заперта — вернее, открывалась с этой стороны свободно, просто проворотом ручки. Что будет, когда мы окажемся за ней, и как возвращаться — тут без гарантий, так как электронный замок там тоже был. После прохода обнаружилось разветвление из двух коридоров. В правую его ветку уже привычно прошли иномирцы, чуть не утащив меня за собой, но я посчитал правильным быть со своими. Удерживать меня не стали — Мерен даже покивал нейтрально на мои сдержанные пояснения, что мне правильнее быть там.

— Сергей, что за херня? — Стоило двери в конце нашего коридора плотно закрыться за нашими спинами, как последовал жесткий вопрос.

Передо мной стояли четверо, приведшие меня сюда, и только то, что Олега поставили за спины троих (а само помещение, оказавшееся раздевалкой, было не особо большим) удерживало его, чтобы произнести эти же слова, предварительно с силой впечатав меня спиной в окрашенную бежевым бетонную стену.

— Да я понятия не имею! — Поднял я голос, заглядывая остальным в глаза. — Какого демона он в меня вцепился?!

Оправдываться в таком деле — путь к признанию вины. Да и лучшая защита — это понятное дело, агрессия. Вот и ребята слегка растерялись от моего тона, хотя и пережитый ими стресс вместе с опасениями за собственную жизнь не позволили спустить конфликт на тормозах.

— Да это ты из себя что изображал, а?! — Все же прорвался ко мне Олег и схватил за ворот рубашки. — Ты кем себя возомнил?! Ты хоть представить себе можешь, что поставлено на кон и что с тобой сделают?!

— Олег, угомонись, — влез между нами Матвей с Михаилом, разнимая.

— А что я должен был сделать?! — Ухватил я его в свою очередь за край рубашки у ворота, дернув к себе. — В морду ему дать?! За его приглашение?

— Стоять на месте тебе было сказано! — Рывкнул тот.

— А если он специально меня на конфликт разводил, ты не подумал?! Какая разница, чтобы я делал?! — Отпустил я его и поправил ворот своей рубашки. — Шли бы вы в..., не хотел же идти...

— Сергей, ты тоже успокойся. Посмотрим потом видеозаписи, разберемся, — ладонями разводил нас друг от друга Михаил. — Вдруг, действительно, они конфликт искали?

— Да если бы этот урод спокойно и молча стоял...

— Ты кого уродом назвал, а? — Потянулся я к нему для антуража, но тут и Алексей навалился с остальными, отведя нас по разные стороны комнаты.

— Угомонились, оба! — Рывкнул Михаил. — Нам работать, человек ждет. И этого человека вы оба должны охранять! А не между собой драться! Поняли?!

— Понял, — отвернулся я чуть в сторону.

— Подошли, пожали друг другу руки, успокоились. Ну.

Под гневным взглядом Михаила, все же встретились посреди зала и без охоты пожали руки.

На самом деле, думаю, вряд ли бы Олега так задело, если бы не демонстративное пренебрежение Мереном. Оттуда вся эта ненависть, проросшая будто на пустом месте. Вон, остальные трое сразу же подхватили вполне жизнеспособную версию, что нас пытались развести на «обиду» достопочтимых иномирян, за которую явно пришлось бы щедро оплатить. Это же чем примитивней строй — тем больше откровенного жулья, особенно где все опирается на силу и оружие. Феодальную раздробленность хотя бы вспомнить — на каждом углу поборы, за каждый мост потребуют оплаты, а за кривой взгляд либо добро заберут, либо жизни лишат. Так что вполне допускаю, что за стол меня вели именно с целью обменять людской страх на собственное достояние, пользуясь незнанием новичка. Но вышло так, как вышло.

Раздевались в молчании, да и сам процесс не способствовал общению. Выстроились колонной возле очередной двери у дальней стены и слажено вышли в следующее помещение

— на этот раз, видимо, крайнее во всем лабиринте ходов.

На этот раз перед глазами была бетонная коробка без единых следов окраски, с довольно высоким потолком, собранным из бетонных плит, уложенных стоймя с некоторым интервалом меж ними. По краям потолка видны железные скобы, в углах под которыми помигивали красными индикаторами непонятного назначения металлические гильзы. Впрочем, неизвестной их миссия была недолгой.

— Если что, вот эти пиропатроны сработают, и плиты рухнут сверху прямо на головы. — Шепнул Михаил, оставаясь позади. — Не убьют, так ход закроют — безопасность в первую очередь. Под это дело специально новое здание отстроили, с пониманием начальство.

Ага, уже начальство. Это я, значит, немного обманулся, услышав, что «у нас два портала». Да и откуда у ребят деньги на строительство?

В остальном, обстановка даже несколько привычная: прямоугольник стен, глубокий и теплый песок под ногами и серебристая рамка портала в воздухе прямо посреди. Обычный прямоугольник перехода — близнец виденных мною уже трех таких же. Только в этот раз непосредственно за ним не было ничего — ни стены министерства, как в первый раз, ни деревьев, как в Шарапово и у третьего портала. Пустота.

— Слушай, а важно с какой стороны заходить внутрь? С той или этой? — Задался я внезапно возникшим вопросом.

Алексей, Олег и Матвей уже деловито вошли на «Ту сторону», стараясь не задерживаться со своей наготой на месте. Иномировые же гости, как я понял, прошли раньше нас — они время на конфликты не тратили.

— Вообще все равно, как заходить, — чуть нажал он ладонью мне на спину, чтобы я тоже пошел вперед. — Просто будешь позади относительно тех, кто вошел спереди. Считай, как проем двери, только посередине столкнуться нельзя.

— Интересно, — хмыкнул я, прикрываясь руками и шагая за грань.

Главным образом, не из ложной стыдливости и традиций — значок архиватора на левом боку прикрывал от случайного взгляда. Наши-то привычны к таким вещам, полагая дефект либо незажившей травмой, либо следом прививки. А вот от чужих и опытных взглядов лучше бы побережся.

На этот раз тут было больше лета, чем даже у нас за городом. Быть может, сказывалось весьма солнечное место — открытая для неба поляна, радующая глаз подросшей травой и проклюнувшимися фиолетовыми цветками. По краям же стоял высокий лес, охраняющий от резких порывов ветра и позволяющий теплу накопиться. Деревья, к слову, смотрелись вполне нормально и где-то даже цивилизованно — не было той гнетущей атмосферы мертвых деревьев, как под Шарапово. Да и были они с более массивной кроной, чем те редкие островки, которые ютились по холмам за порталом у брошенной лесопилки. Где-то невдалеке журчал ручей — даже, я бы сказал, небольшой водопад, но холод от него не ощущался. Позади же, за спинами и порталом, сиял белым камнем на солнце выветренный холм — не особо высокий, метров в десять, с почти лысой шапкой без растительности наверху.

Группа из семи «партнеров по бизнесу» стояла чуть поодаль, расположившись крыльями по три человека по обе стороны от Мерена. Уже одетые — обычная серая ткань, обернутая на манер тоги несколько раз вокруг торса. Разве что у главы есть яркие пятна красного и грязно-зеленого, выглядящего на полотне нелепыми заплатками — но потом

приглядываешься, и уже заметен ритм в расположении цветных пятен на одежде. Показатель богатства?

Чтобы не привлекать внимание, медленно двинулся вслед за ребятами и Михаилом в левую сторону, к грани леса, продолжая тихонько осматриваться.

Наверняка рядом должен быть транспорт иномирян, конный или иной, а также личные вещи — не налегке же они шли по лесу, покуда не набрали на портал. И обязательно — те, кто все это должен сторожить в их отсутствии. Но ничего подобного видно не было.

Спохватившись, чуть прикрыл глаза и оглядел подступавший лес приобретенным талантом. И как-то даже взгрустнулось на мгновение — лучше бы и не смотрел. Человек двадцать наблюдало из глубины чащи за залитой солнцем поляной, расположившись в десятке метров от той грани, где тень кроны и переплетение ветвей делали невозможным что-то разглядеть. Еще дальше, метрах в пятидесяти — в той стороне, где шумела вода — виделось еще одно людское скопление, но из-за расстояния и плотного размещения, за точное число населения не ручаюсь. Явно, что не меньше десятка.

Невольно повернулся в сторону холма — с виду то он как на ладони, но еще двое каким-то образом умудрились спрятаться на самой его вершине, не в самой удобной позе, под довольно жиденькой растительностью из стекающих по склону плетей выюна.

Надеюсь, все это не признаки подготовки к штурму, а разумная предосторожность и еще одна грань доверия «компаньонам». Впрочем, в отношениях с близкими друзьями тоже не ставят падающие бетонные плиты на голову, так что паритет соблюден. Все хотят иметь возможность уйти и не пускать к себе, вплоть до самых крайних мер. Но сейчас обе группы друг другу весьма сильно нужны — и сейчас узнаем, зачем. От этой мысли даже небольшой мандраж прошел по телу.

— Оружие здесь, — окликнул Матвей, отступая к деревьям.

Рядом с ним уже стояли остальные, только я запоздал, разглядывая все вокруг.

Мне достался лоскут грубого полотна, как и у остальных — был он влажен, напитан росой и не особо приятен на ощупь, но скрывал наготу и значок на коже, и этого было достаточно. Еще лапти — самые настоящие, сплетённые обычным дедовским способом. Уж что-то, но это точно нашей выделки — хотя бы потому, что иномиряне предпочли ходить в своих колодках. Примерив, могу констатировать — наша технология на ноге ощущается куда лучше и не спешит сорвать кожу со ступни на очередном шаге. Я пока Ко тащил, две мозоли натер...

И самое главное — копьё. Полная ерунда, а не копьё, откровенно сказать — даже черенки от лопаты из хозмага казались верхом совершенства по сравнению с ним.

— Небогато, — хмыкнул я, разглядывая одним глазом геометрию оружия.

Вроде, прямое. Из преимуществ — зеленоватый медный наконечник, да и то точно не родной, явно насаженный позже. Еще — древесина легкая. Но некая степень разочарования все равно присутствовала.

Да, лучше того, что сделали ребята сами за порталом у озера. Но на несколько порядков хуже трофейного копьё ящера. Признаться, именно на тот уровень и рассчитывал.

— Говорят, ничего лучше нет, — хмыкнул Матвей. — Врут, думаю, но какая разница?

Им-то действительно без разницы — ребятам достались вполне приличные клинки, уложенные до этого на нижние ветви деревьев и закутанные в промасленные тряпки.

Под ногами, кстати, оставалось еще с десятков копий, но все они были проигнорированы — железные игрушки, извлеченные из ножен и продемонстрированные под открытым

небом, смотрелись куда солидней, отражая своей поверхностью солнечный свет. Опять же — рукоятка, оплетенная черной кожей. Солидно. Присмотрелся к клинку и обнаружил ритмичный рисунок металлических волокон.

— Местный дамаск, — заметил мое внимание Михаил и продемонстрировал меч во всей красе. — По местным меркам, должен стоить космических денег. В нашем средневековье так и стоил.

— И вот так просто отдали? — С уважением коснулся я клинка кончиками пальцев, принимая в руки приятную тяжесть.

Меньше килограмма общим весом — легче, чем даже наши деревянные тренировочные. Чуть больше локтя длиной. Но есть в нем что-то эдакое, смертоносное, что к неожиданной легкости относишься со всем почтением и опаской. Лезвия прямые, чуть подтупленные — не удивлюсь, если продавцами.

— Не просто так, разумеется, — хмыкнул владелец. — За царский стол два дня подряд. Еще гетер им вызывали, падкие они на них.

— А девушки как же? — Полюбопытствовал я. — Не признали в них...?

— Что они, таджиков не видели? — Фыркнул тот смущенно, забирая клинок.

А вообще, что Мерену и его почти трем десяткам бойцов мешает забрать все назад? С этой точки зрения, продавать можно все и по любой цене — лишь бы не сломали, «владея»... Свои подозрения Михаилу высказывать не стал — не ко времени.

— Караван их не пробовали искать?

— Караван?

— Телеги, лошадей.

— А... Они поляну караулят. Алексей пробовал пройти, когда эти у нас столовались. Чуть стрелу не поймал.

Рядом согласно хмыкнул упомянутый.

— Я только два шага сделал.

— Откуда хоть стреляли? — Обернулся я в сторону холма.

— Не до того было, — буркнул он, подхватывая свой меч, поднимая круглый щит из травы и отправляясь к своему условленному участку охраны.

Мы, как я понял, должны были расположиться полукругом у портала, ближе к нему. Мерен и остальные, наоборот, у дальнего края поляны. Мне место тоже определили — подальше, чтобы глаза не мозолил. Но этот день не хотел забывать мое имя.

— Сергей Никитич Кожевников, — окликнул меня Мерен, когда я уже было хотел пройти мимо. — Ты хотел работать со мной.

Пришлось глубокомысленно кивнуть, пройти мимо не замедляя шаг — но на этот раз сделать вид, что изначально шел к Алексею. Шепнуть ему пару слов, обозначая диалог, затем повернуть к Олегу.

Мне с ним, все же, работать, и продолжать ругаться просто глупо.

— Олег, этот меня зовет, — шепнул я, глядя в ему глаза. — Что мне делать?

Тот недовольно пожевал губами и кинул взгляд за мое плечо.

— Ну, иди, — выдохнул он обреченно.

С таковым благословением и вернулся к Мерену.

— Я закончил свои дела, — обозначил мотивы своих действий и встал рядом.

Так оказалось, что были мы лицом к portalу, в окружении остальных людей — его и наших, выстроившихся кругом по поляне. Левый висок царапало взглядом Олега, но это уже

было полной ерундой.

Потому что сейчас явно ожидалось те, ради кого все организовано — а я стоял возле иномирянина с копьем и понятия не имел, что нужно делать. Сорву дело — либо чужие, либо свои прибьют. Нервно.

Подумав, скинул свое копьё в траву. Пусть уж руки будут свободны, раз у Мерена тоже нет в ладонях оружия — вот нож железный на поясе есть, его я смог выглядеть в складках одежды. Но опять же — не в руках.

К счастью, ожидание продлилось не настолько долго, чтобы бездействие породило панику разума. Так-то я только визуальнo спокоен и невозмутим, но внутри и без того потряхивало — и это, уверяю вас, уже продукт немалого приложения воли. Просто было понимание, что любое резкое движение, особенное такое, как побег обратно в портал — во-первых, всегда успеется, а во вторых гарантированно порушит дело. Это как экзамен по незнакомому предмету — негативный вариант событий и без того гарантирован, потому не следует его торопить. Но можно подождать, и быть может — кто-то станет отвечать на билет, близкий к твоему. Останется только внимательно слушать и потом постараться повторить.

Из портала вышагнули двое. Первый — в возрасте, невысокий, жилистый, с синеватой от татуировок кожей. Национальность — южная. Если приложить фантазию и одеть в национальный костюм — то напрашивается высокий бокал с красным вином в его руки, добродушная улыбка и уважительная тишина в банкетном зале. Если визуальнo надеть на него кожаную куртку, то образ легко дополнить укороченным автоматом Калашникова и короткой кепкой — глаза соответствуют. Предположу, что Андраник Наапетович собственной персоной. Наготы не стесняется. Глаза смотрят умно, остро — и на меня. Предпочел не встречаться с ним взглядом и принялся разглядывать грань портала над его головой.

Второй шагнул в новый мир неловко, прикрывая пах руками. Одутловатый от сытости, мягок кожей, черен короткими волосами, нос выразителен и округл — наверняка из диаспоры. Мягкие пальцы выдают директора завода или крупного торгового комплекса. Кожа чистая от татуировок и явных примет. Имени не знаю, на телевидении не видел. Но раз есть деньги — человек непростой, хотя держится испуганно, явно пребывая не в своей тарелке. Впрочем, в первое посещение все действительно пугает, а тут еще больше десятка мужиков с холодным оружием. Что до известности — большие финансы любят тишину.

К новым лицам — нашему боссу и его клиенту — тут же метнулись Олег и Михаил с отрезами ткани, помогая замотать чресла. Опять же — две пары обуви легли рядом с их ногами, но они лапти проигнорировали. Тепло и трава.

— Уважаемый Мерен, — хриплым голосом протянул распахнутые руки старик к иномирянину, будто желая обнять.

Но на полшаге к нему остановился и показал на сопровождающего его.

— Это Гарик, он мой друг. Скажи, что с ним и можем ли мы ему помочь?

Мерен внимательно оглядел «клиента».

— У твоего друга черное под правой рукой. Пройдет половина года, и руку придется отнять.

Гарик вздрогнул и с силой вцепился пальцами левой руки в плечо правой.

— Я могу вылечить твоего друга, — после долгой паузы, в течение которой Гарик уже стал тревожно коситься на невозмутимого Андраника, вымолвил Мерен. — Не сразу, но

смогу. Черного слишком много. Три... Нет, четыре визита.

— Я согласен, — торопливо повернулся Гарик к приведшему его.

— Действуй, мой друг.

Мерен величаво кивнул и повернулся к свите, пряча заметную только мне ухмылку.

Прозвучали резкие и громкие слова на неизвестным остальным языке. Потому что лично я услышал то, для чего знаний Хоома было вполне достаточно:

— Финир, принеси приманку для этого лопуха.

Из леса торжественно выступил еще один иномирянин, удерживая деревянную корзину, закрытую тканью, перед своей грудью. Вышагивал он медленно и степенно, будто выполняя важнейшую миссию, и только откровенное веселье выдавало его с головой — но кто же станет к нему присматриваться? Клиент смотрел на корзину, затаив дыхание, и его сложно было обвинить в этом. Если под рукой у Гарика рак, то несут ему исцеление — и за это, я уверен, никаких ему денег не жалко. Куда важнее, чтобы лечение наступило как можно быстрее, да вот кроме денег — никакого влияния на процедуру. Оттого и чуть ли не гипнотический трепет в его глазах, канализирующий зрение исключительно на одном предмете.

Корзину донесли до нас с Мереном и одним движением сдернули лоскут ткани.

Гарик невольно ахнул, да и я не удержал громкий выдох.

Внутри оказалась птица — довольно крупная, коричневого окраса, что-то на вроде дикой утки. Лапы ее были связаны, крылья стянуты лентой, голова нервно подергивалась в стороны, а клюв полуоткрыт.

— Подойдите, — неожиданно глубоким голосом повелел Мерен, и двое у портала торопливо приблизились к нам.

Помощник поставил корзину на землю и убрал верхнюю грань. Мерен же выразительно посмотрел на меня.

Чувствуя, что пауза затягивается, степенно наклонился, не спеша поднял на руки ворохнувшуюся птицу и, повернувшись к остальным боком, протянул «компаньону». Мерен не шелохнулся и продолжил смотреть на меня. Да что он вообще хочет?!

— Убей ее, — спокойно подсказал он.

Чем вогнал меня в панику куда более серьезную, чем попросил хряснуть уткой по морде местного начальника. Да если я ее убью, она тут же рассыплется от прикосновения! Или ему камешек как раз-таки нужен? Так сделал бы сам, в самом деле. Или вон, помощник пусть займется... Только странно, что помощник не наловил себе других уток и не залечил шрамированные порезы под левым виском, открыто видимые с моей позиции. Можно, конечно, грешить на моду — но шрамы явно не столь давние и кожа вокруг них опасно покраснела...

Что-то тут явно не то. Стоп... Будет камешек — так я его тут же впитаю сам, утка же на руках. Клиенту ничего не достанется!

В общем, действуя скорее интуитивно, а не опираясь на эти рассуждения, вновь наклонился и подхватил кусок ткани, до того накрывавший клеть. Накинул ее край на левую руку, переложил туда птицу и остатком полотна завернул ее сверху, укрыв глаза и клюв. И резким движением руки сломал ей шею, стараясь отстраниться от содеянного. Да, я злодей и птичку жалко. А мясной суп ели отчего-то все.

Неприятный звук прозвучал в тишине замершей поляны особенно громко. Я же вновь попытался передать невинно убиенную птицу Мерену.

И тот принял сверток ткани. Принял, сияя довольной улыбкой.

Мерен распахнул ткань, коснулся мизинцем пары натекащих под клюв птицы капель крови и сделал жест Гарику приблизиться. Затем — чуть наклонить голову. А когда тот выполнил требование, лихим движением украсил его лоб тем символом, который на нашем языке пишется аж в три буквы и частенько встречается на заборах. Неграмотный Хоом знал его прекрасно, как и десяток других...

А вот Гарика пробрало до серьезной дрожи по всему телу — да и остальные мои соотечественники, как я мог отметить, смотрели с благоговением.

Затем, на глазах притихших зрителей, Мерен схватил правой рукой птицу за тело, и пока та осыпалась облаком серого пепла, резко впечатал ладонь с мелькнувшей на ней крохотным мутно-черным камнем в лоб Гарика.

Тот было дернулся, но в момент касания широко раскрыл глаза от накатившего наслаждения и со стоном упал на колени, заваливаясь вперед. Пока его аккуратно не подхватил Андраник и подлетевшие ребята — уж больно был он габаритен, и наверняка без поддержки упал бы лицом в землю.

— Пойдем, Сергей Никитич Кожевников, — равнодушно обойдя всех стороной, пригласил Мерен, двигаясь к portalу. — Нас ждет праздник и водочка.

В мире есть множество способов добиться нужной информации. Самые эффективные и дешевые, впрочем, будут и самыми жестокими, а значит редко применимыми в обществе, где нужно улыбаться друг другу на публике, а еще как-то вести дела позже. В таких случаях цивилизация подсказывает варианты серьезно хлопотнее и дороже — подкуп, шантаж, промышленный шпионаж и медовая приманка. Зато эффективно, и если вам действительно нужен глобальный контроль над ситуацией, новые технологии или шанс переломить ситуацию в свою пользу — любая плата будет приемлемой.

Но если средства ограничены, противник малознаком, его окружение недоступно, а пыточный инструмент все-таки никак не получается привести в дело, то остаются старые дедовские методы.

— Вот скжи, — смотрел на меня пьяно Мерен, полюбнвя одной рукой и наливая другой водку в мой стакан. — За стеной — большой город?

Я чуть придержал бутылку, чтобы налитая до краев жидкость не разлилась по столу. Впрочем, лужа там уже была.

— Большой, — поддакнул я ему, забирая бутылку себе и наливая ее остаток в стакан Мерена.

Тот грустно смотрел, как пустеет очередная емкость, подпрыгивая последними капельками содержимого по поверхности у верхней грани его посуды.

— А вот нсколько большой? — Жалобно смотрел он на меня. — Вот если в полдень от края на другой край пройти, то где солнце будет?

— Никогда не обращал внимание, — поднял я свой стакан и, приглашая, чуть им качнул.

Тот скорбно выдохнув, поднял свой.

— За здоровье! — Провозгласил я, со звоном чокнулся с ним и залил жидкость внутрь себя.

По краям стола что-то дружно пробормотали павшие в борьбе с зеленым змием на шесть интуитивно понятных иномировых голосов. Свидетельством глобальной битвы было два пустых ящика водки в углу комнаты и основательно подъеденные салаты и закуски на столе. Но мы с Мереном еще держались.

Вернее, Мерен отчаянно держался, пытаясь меня спойть. А я читерил.

— За здоровье, — вяло поддержал он, касаясь губами жидкости.

— Пей до дна! — Грозно пресек я халтуру, и тот недовольно крякнув, влил остальное в себя, потряхнув от накатившей горечи головой.

Мерен посмотрел ошалелым видом на полупустой стол, вцепился в недоеденный кем-то кусочек ветчины и закинул его в себя, пережевывая.

Я же степенно влил свою порцию в желудок и удовлетворенно положил на желудок левую руку. Хотя из-за стола не видно, как я ее положил — так же, как не видно зеленоватое свечение ладони, вымывавшее такой очевидный яд, как этиловый спирт, из организма. Не бесплатно, разумеется — голод накатывает только так, успевай только колбасу выхватывать из-под занесенных ладоней собутыльников. Короче, где-то треть стола я в одиночку умял.

Полезная особенность самолечения — еще после кафетерия, до поездки к родителям, ее отметил, да тогда и опробовал в первый раз. Уж очень не хотелось на родню перегаром

дышать и порицательные взгляды от матери видеть.

К счастью, стол нам выставили царский — к моменту выхода из портала он был просто заставлен едой и напитками. Потому и остальные из-за моего обжорства в обиде не остались — все равно всего и всем хватало, никто косо не смотрел. Ну, после четвертого стакана и обижаться-то мало кому было... Это они меня подначивали, кстати — мол, все пьют, а ты чего... Потом, наверное, подумали, что водка слабая и налегли сильнее. Ящеры им в помощь.

Ребята из клуба и наш наниматель успешно избежали грандиозной попойки, и пусть им будет завидно — не каждый день удается доказать превосходство родной планеты перед залетными, хотя бы в командном зачете. Правда, совсем скоро, когда питье и еда завершатся, и мне все же придется предстать перед местным начальством, вполне вероятно, завидовать им буду я. Отправляться к боссу на правеж было страшновато, оттого оттягивал момент, как мог — например, потихоньку спаивая Мерена. Так бы давно ушел... Вот свалится Мерен, и я пойду — с определенного времени добавился к приятному времяпровождению азартный подтекст.

— А вот я был у хозяина города Бахалора, так у него войска так много, что если поставить в одну линию, то не пройти мимо и за тысячу шагов!

— Ого, — был я многословен, потянувшись за новой бутылкой.

— Да погоди ты пить, поговори со мной! — Взмолился Мерен. — Вот сколько у вас в городе войска? Я же ведь сказал тебе, а!

— Никогда не считал, — покачал я головой.

— Ну вот как ты сам думаешь? Вот если они возьмутся за руки, сколько ты будешь мимо их идти, пока они не кончатся, а?

— Если возьмутся за руки, то мимо них и за жизнь не пройти, — рассудительно ответил я.

— Врешь! — Возмутился Мерен.

— На что спорим? — Деловито уточнил я.

— Да на что хочешь! — Распалился он.

И что с него взять? Меч — дело интересное, но я все же по копьям. А приличных у них нет, это мне Мерен только что жаловался. Хорошие копья, как бы не было это удивительно, только у ящериц, прозванных у местных Гоурами. И они — ящерицы — качественное берегут, оттаскивая в пылу сражения не раненных, а оружие. Потому как все равно плодятся сотнями за сезон... Хлама же хватает — его и трофеят вместо собственного производства.

Коня просить, как в сказке? Так ездить не умею.

— На пять лет службы спорим! — Добавил я нотки Дейви Джонса в голос.

— А идет! — Загорелся он глазами. — Когда пойдем посмотреть городское войско? — И даже протрезвел легонечко, перейдя на деловой тон.

— Зачем идти в город? — Удивился я, нащупывая в кармане свой блокнот с ручкой. — Вот, смотри.

Положил я книжицу на стол, демонстративно распахнул и ручкой изобразил людей, вставших кругом.

— Это воин, это другой воин, — тыкал я ручкой в классические изображения «палочка — палочка — человечек». — Видишь?

— Ну, — прогудел он.

— Во, а теперь, — соединил я их черточками. — Они ВСЕ взяли за руки. Верно?

— Верно.

Начертил себя рядом и обозначил направление движения. Затем, из уважения, нарисовал рядом Мерена в его халате с заплатками.

— Вот мы идем вдоль строя, а строй не кончается. Так? И идти мы будем так вечно! — Довольно отклонился я на спинку стула.

Мерен хмурился, пыхтел и точно чувствовал, что его накололи.

— Это что? — Тыкнул он рядом с рисунком.

— Блокнот.

— Продай блокнот, — в итоге мрачно выдал он, царапая бумагу ногтем.

— Не продам.

— Продай. Самую ласковую и красивую жену за него отдам! — Хлопнул он по столу кулаком.

— Нет! — В священном ужасе отодвинулся я. — У меня их итак три!

— Так будет четыре!

— Да меня и эти три уже с ума сводят. — Вздохнул я горестно.

— Так продай, — недоумевал Мерен.

— Не могу... Люблю я их, — признался я собутыльнику, дотягиваясь-таки до новой «ноль семьдесят пять» на полу.

А затем поставил в на стол, да так и замер с ней в руке, грустно уставившись на столешницу.

— Вот как оно, — понятиливо вздохнул тот, сам перехватил у меня водку и набулькал себе и мне.

— Как стоворились меж собой, все мозги мне вынесли, — пожаловался я.

— Эх, неопытный ты, Сергей Никитич Кожевников. Кто же всех жен вместе держит! Каждой надо — отдельный замок! — Попенял он по-отечески и обозначил стаканом тост. — И будут они кроткими и тихими!

За такое действительно стоило выпить.

— Так я старался их не знакомить, да что уж теперь, — грустно махнул ладонью и потребил прозрачный продукт.

Даже легкое опьянение снимать не стал, уж больно настроение накатило соответствующее.

— Вот у тебя какой замок? — Пьяно поинтересовался Мерен.

— Большой, — икнул я и придержал себя за грудь. — Ой... Девять этажей.

— Да ты что?! А комнат сколько? — Завистливо распахнул он глаза.

— Больше тыщи. — Если с прихожими считать и кухнями, наверное так и выйдет. — Но живу я только в двух... или трех, — тут же поправился для честности.

— Слушай, — шепнул он тайком. — Ты такой богатый... И ботинки у тебя красивые! Почему ты с этой швалью возишься, а?! Скажи? Они же все не настоящие! — Под конец он распалился так, что чуть не произнес достаточно громко, чтобы быть услышанным потенциальными микрофонами.

— Тш-тш-тш, — осадил его я. — Я на тебя пришел посмотреть. — Ткнул я его пальцем в грудь.

— И какой я? — Выпрямил он спину, но неизбежно завалился чуть вбок и кое как выправился за столом.

Последний стакан, видимо, оказался той соломинкой, что ломит хребет даже такому

верблюду, как Мерен.

— Настоящий! — Ткнул я снова его пальцем и веско произнес.

— А то ж! — Расправил он плечи.

— Вот скажи, ты как третье имя получил? — Пользуясь уже очевидно осоловелым взглядом, решил я тронуть сокровенную тему.

— Да как все, — мотнул он головой, заваливаясь плечами на стол. — Учитель дал. Белелитдаш, скотина. — Ожесточился его голос от воспоминаний. — Всех кидал в такие дыры, чтобы опыта набрались. А потом наш опыт отнимал! — Зло проскрипел Мерен в мутное отражение на столешнице. — Но я его все равно убил и пожрал его суть, — завалился Мерен лицом в салат, продолжая тихо и несвязно ругаться на своем языке.

Вот как, интересно. Надеюсь, последний вопрос он завтра не вспомнит.

Что до проигранной им мне службы — тут и сам напоминать не стану. Так как требовать долг мне нечем, не в милицию же идти, если Мерен упрется и станет неосознанку изображать. А сам он в слуги не пойдет — не дурак быть честным в нашем беспокойном мире. Так что пусть будет частью шутки. Да и зачем он мне? Маршем с его головорезами возле подъезда ходить?

Тронул Мерена за плечо — тот всхрипнул, пробормотал что-то невнятное, но включаться обратно отказывался. Значит, и мне пора честь знать.

С этими закрытыми окнами и не разобраться, сколько уже время. Внутренние часы подсказывают, что уже под одиннадцатый час ночи, но тут без гарантии. Пошарил по карманам — деньги есть, не пропали, как и документы. Значит, будет такси, будет и родная постель. Телефона, жаль, нет — так и остался в клубе, а школу мне сейчас никто не откроет. Ничего, прорвемся, главное на дорогу выйти.

Только выбираться отсюда как? Подошел к ближайшей двери и подергал туда-сюда — заперто. Нет, один код я кое-как помню, но остальные знать не знаю. Чуть беспомощно обернулся на помещение — не тут же ночевать. Затем перевел взгляд на потолок, разыскивая камеры, о которых говорил Михаил. Вроде как, нашел одну — вмурованную в самый угол, только линза и проглядывает еле-еле. Помахал ей руками и пантомимой изобразил, что очень хочу домой. Должен же кто-то смотреть-следить? Или не должен? Взгрустнулось, да еще природа запросила свое. Так-то тут есть клозеты — за незапертой дверью, рядом с раздевалкой. Из философских побуждений, в этот раз использовал портал. Из марева портала выглянуло хмурое незнакомое лицо и осуждающе посмотрело на меня.

— Извините, — повинился перед ним, застегивая ширинку. — Там ваши за столом уснули, забрать бы.

Тот пробормотал что-то непонятное и возмущенное и вновь скрылся в другом мире.

— Сам такой, — без энтузиазма отозвался я и потопал обратно.

Ладно хоть нет у них иномировой милиции, чтобы забрать в околоток по столь стыдному поводу. Да и я тоже хорош, пьянь инопланетная.

Сходил помыть руки и вернулся обратно в комнату — благо, догадался бутылкой дверь подпереть, чтобы не закрылась.

— Эй, — раздался молодой голос от третьей, до того ни разу не открывавшейся двери.

За приоткрытой створкой стоял парень лет семнадцати, со жгуче-черными волосами, темноватой кожей и равнодушным взглядом. В руках его был сотовый телефон, на плечах белая футболка навывпуск поверх шорт. Сам он подпирал дверь, чуть расставив босые ноги в сланцах.

— Дядя с тобой говорить хочет.

Это, выходит, племянник Андраника Наапетовича. Не самому же ему за мной ходить. Хотя увидеть в качестве гонца Михаила или других ребят было бы предпочтительней.

Коротко кивнув, оглянувшись на стол, переложил Мерена в чистую тарелку и пошел к открытой двери.

Парень пропустил меня, затем закрыл створку и указал на деревянную лестницу, вившуюся ступенями вверх сразу за входом. Была еще дверь под лестницей — но за непрозрачным массивом не разглядеть, что там. Может, даже улица. Вернее, охраняемая территория бетонного завода, с которой еще тоже надо как-то выбираться.

Восходящая лестница круто развернулась, вновь поворачивая нас лицом к двери, но на этот раз — второго этажа. Парень отодвинул меня плечом, встав возле электронного замка с цифровым кодом и выразительно посмотрел в мою сторону. Пришлось отворачиваться и подсматривать пароль затылком. Шесть цифр, повторы тройки, четверки и семерки.

Дверь позади клацнула, сообщая, что можно уже поворачиваться и идти дальше. Хотя, вроде как, уже пришли — помещение размером с зал, где мы ужинали, занимал всего один человек.

Андраник Наапетович сидел за массивным столом, заставленным десятком небольших мониторов, отражающих виды на коридоры и комнаты внутри здания. Чуть дальше стола горел красной кнопкой кулер с установленным баллоном воды, там же на тумбе примостилась кофеварка. За спиной хозяина дома мудро смотрел с настенного портрета неизвестный мне южный человек. Перед ним, напротив стола, стояло незанятое кожаное кресло — но на него тут же присел паренек, невозмутимо поставив ногу на ногу и уткнувшись в экран телефона.

Другой мебели и предметов обстановки в помещении не было, так что остался на ногах. Окон, кстати, тоже ни одного — освещение шло от нескольких люминесцентных ламп, запрятанных в короба меж панелями фальш-потолка.

Вряд ли тут принимали клиентов, или как выражались остальные — гостей. Служебное помещение для своих, как по виду, так и наполнению — для клиента же полезно бы добавить роскоши и мистики. Зря, что ли, Мерен так старался устроить шоу с раскраской... Ему ведь для работы это было вовсе не нужно.

В общем, пока стоял, отвлекал себя посторонними мыслями. Хозяин кабинета не торопился обращать на меня свое внимание, нагнетая тишиной и прокручиваемой раз за разом видеозаписи на центральном мониторе. В ушах Андраника был небольшой проводной наушник, но я и без звука прекрасно помнил, о чем мы говорили с Мереном около часа назад — именно эти эпизоды раз за разом крутил суровый мужчина за столом. Мерен цокал языком, разглядывая алый цвет вина в прозрачном бокале на свет лампы и рассуждал, что оно почти настолько же хорошо, как с виноградников какого-то очередного его друга. У Мерена все из его мира было лучше, чем наше, и на каждый овощ с фруктом находился друг, кто растил его вкуснее и больше. Только кушать отчего-то предпочитал он в нашем мире. Впрочем, беседу он вел скорее из желания подначить и узнать, где все это растут у нас, далеко ли эти сады и пашни, и как ему туда проехать. Я же отвечал стандартно — вон, на экране убираю его бокал в сторону, вручаю стакан водки и коротко обозначаю «За урожай!».

Короткий момент перемотки, и вот уже изрядно пьяный Мерен втолковывает мне, тыкая себе ладонью в изображение на своей футболке: «А знаешь, кто это? Это Эрнестс Рафаэль Гевара Де Ла Серна! Шесть имен! Когда-нибудь я буду таким же великим!». И мое

следом: «За тебя!».

— Пришел, да, — чуть шевельнулся Андраник, ставя видео на паузу и снимая наушник.

Я коротко кивнул.

— Вкусно поел? — Посмотрел он устало и скорее без особых эмоций.

— Вкусно.

— Пил как, понравилось?

— Понравилось.

— Стол был на тридцать тысяч, — правой рукой открыл он ящик стола, затем положил на столешницу небольшую стопку пятидесяти тысяч. — Вот твои пятьдесят. Снимаю десять, — продемонстрировал он, убирая две купюры.

Оставшаяся сумма была легонько придвинута в мою сторону.

Я чуть шагнул вперед, подобрал деньги и не пересчитывая положил в карман.

— Чтобы я больше тебя здесь не видел, — стал его голос жестче, а взгляд обрел холодную жестокость. — Артур, проводи человека до дома.

После чего Андраник полностью потерял ко мне интерес, вновь вернувшись к наблюдениям за экраном. Разве что на секунду отвлекся, когда Артур требовательно протянул к нему руку — чтобы вложить в нее брелок ключей от Ленд Крузера. Собственно, на этой машине меня и довезли до дома — в очередной раз не спросив адреса.

Других машин, кстати говоря, у домика не оказалось. Клиент, понятно, уехал домой радоваться (или в клинику — подтверждать результаты). Ребята же не дождались, да и наверняка в курсе решения руководства. Моя эпопея с чужим порталом завершилась, едва начавшись. Может, так и правильней — информацию я получил в достаточной мере, а для всего остального у меня свой портал есть.

Уже хорошо, что живым оставили — проняла до дрожи мысль, когда уже подъезжали к дому.

— Пять тысяч с тебя, — нагло заявил Артур.

— Не дорого?

— Машина хорошая, ночь, ты при деньгах. Нормально, — качнул он плечом.

Легких денег было не особо жалко, но и наглость поощрять не хотелось. Впрочем, ящер с ним, пусть этот день быстрее закончится.

— Ну, держи. Хотя стой. Мои ребята когда уехали? — Задержал я руку с купюрой.

— Как дядя прогнал, так уехали.

— Подожди, совсем прогнал? — Удивился я, чувствуя, как прорастает в душе тягостное ощущение.

— Пока нет, — ответил Артур довольно, размещая купюру в карман шорт.

— Почему?

— Братья не приехали. — Затем спохватился и прикусил язык, глянув зло. — Все, иди.

Хлопнул дверью и отправился через темноту двора к своему подъезду. Значит, штатная ротация состава — от незнакомцев случайных к родне, надежной и проверенной. Если кормить, то понятное дело, своих. Ребят надо предупредить.

Прошумели двери лифта, забирая на родной этаж, поприветствовавший светом умной лапы. Мельком глянул на дверь — ни одного нового ругательства. И то хорошо.

Зашел к себе, скинул в стирку обувь, одежду, принял душ и уже потом обратил внимание на часы. Два пятнадцать. Посмотрел на компьютер, который уже четыре дня к ряду не включал, махнул на него рукой и завалился спать.

Завтра будет новый день, и нужно встать свежим и бодрым, чтобы придумать, где и как построить еще два замка.

Утро бывает разным. Это, например, будто специально подкарауливало мое пробуждение, чтобы с размахом огреть воспоминаниями вчерашнего дня — до красных от стыда щек и легкой похмельной боли в голове.

— Нет, господин следователь, в первый переход я убил разумного ящера, во второй человека, а с третьим мы просто пили, — присев на кровати и обхватив голову, доложил я валяющейся у ног подушке.

Вот где, где красивая сцена на рассвете, с двумя представителями планет и поднятой в знак мира ладонью под вечное: «Мы пришли с миром»?! Утке шею свернули, лечили армянина. Затем я вроде выиграл инопланетянина на пять лет. Чуть блокнотик на четвертую жену не поменял. Знал бы пятиклассник Вова, что носил в ранце...

— Брр, — встряхнул я головой, выполз из под теплого одеяла и пошлепал в душевую.

Под струями горячей воды, немилосердно сменяемых на ледяную, грустно думал, покатит ли домик в Шарапovo под замок. Но по мере того, как контрастный душ будил тело и разум, сама идея становилась блеклой и несерьезной.

Это Мерену хорошо — посадил жену в каменный терем, и пусть от скуки платки шьет. А какие стены останоят суровую русскую девушку, у которой в восемь часов начало рабочего дня? Нет таких заборов — вон, как прыгали через ограждение у шоссе возле работы, чтобы пять метров до пешеходного перехода не ходить, так и прыгают.

Опять же, у Мерена ни сотовой связи, ни интернета, при помощи которых так легко скоординироваться и отравить мне жизнь. Короче, никак не получится одну скрыть от другой, хоть пять замков в ипотеку бери.

Стандартный ритуал с одеванием и приемом пищи обесцветил мысли о «Той стороне», каждым привычным движением напоминая о том, кто я и кем был все эти годы. Свежая пара джинс, рубашка и пуловер, немаркие кроссовки, и уже перед зеркалом стоит специалист министерства, которому через половину часа надо быть на службе. С интересом прислушался к «подвижной пустоте» внутри себя — желаниям действовать по привычке, без участия разума — и подошел к компьютеру. Автоматически листнул новости, зная, что есть десять минут. Испытания ядерного оружия в Китае уничтожили намывной остров. Эпидемии локализуются, новых очагов нет.

После новостей, подключив vpn и шифрование, украдкой посмотрел на счет в биткоинах, любуясь на, вроде как, незначительно подростую сумму. Но если конвертировать, выйдет весьма недурно — месяца за три накопилось, можно потихоньку переводить на временные счета, оттуда на один более-менее легальный и выводить. А там и машину, может, все-таки себе прикупить? В кредит, разумеется, чтобы лишних вопросов не возникло.

В общем, обычные такие мысли и действия меня-прежнего без лишних сложностей с порталами и их последствиями. Уютно в них, спокойно и приятно. Только некая неправильность, искусственность не дает принять их в себя, посчитать своими, как раньше. «Не настоящие они» — вспомнилось отчего-то голосом Мерена.

Выходя, потянулся проверить сотовый — и вновь напомнил себе заглянуть в клуб после работы.

Министерство встретило дружелюбными приветствиями и улыбками, любопытством и

крепкими рукопожатиями. В общем, оригинал того письма, что пришло факсом министру, теперь гордо занимал место в рамочке за стеклом на доске объявлений возле входа. Судя по всему, за прошедшие два дня весь персонал уточнил и разобрался, кто это такой героический работает рядом с ними, а теперь жаждал посмотреть на меня лично. Приятно, чего скрывать, да и работе должно способствовать. Вон, мое начальство — как шелковое. Взгляды отводит, улыбается смущенно, а на мою просьбу отлучится в серверную посмотрели так, будто министр у них ручку попросил.

— Конечно! Впредь даже спрашивать не нужно, Сергей Никитич!

Я поблагодарил, но сделал себе пометку не зарываться. Грамоту когда-нибудь снимут, а накопленные претензии останутся.

Вышел из кабинета, заметив, как поднимается со своего места Анна Михайловна. Повернулся перед выходом на лестницу — идет за мной. Вспомнилась ее просьба о серьезном разговоре, но задерживаться не стал — все равно лучшим для этого местом как раз будет помещение серверной, в которое постороннему не попасть, да и делать там ему нечего. Потому шаг не снизил и с опережением на полминуты зашел в выстуженное кондиционерами помещение, встретившее привычным и таким родным гулом. Обернулся на шкаф, за которым был портал — стоит, что ему сделается. Крашеный гипсокартон за ним, правда, чуть изогнулся — самую малость, но если не приглядываться, то не видно.

— Сергей, — закрылась за спиной дверь.

— Да, Анна Михайловна? — Повернулся я к ней, заложив руки за спину.

Блузка, до того расстегнутая по теплой погоде на одну пуговицу, была застегнута полностью. Взгляд ее был холоден, серый деловой костюм на ладном теле смотрелся строго и начальственно.

Под моим пристальным взглядом, женщина поправила прядку волос, выбившуюся из высокой прически, но тут же гордо приподняла подбородок, а руки сложила замком перед собой на уровне живота.

— Сергей, мне нужно, чтобы ты удалил все записи с камер наблюдения. Все, на которых мы... Ты понимаешь, о чем я.

— Так эти записи уже перезаписались новыми, — пожал я плечами. — Объема дисков хватает только на неделю, поэтому поверх уже записано новое видео. Ничего удалять не требуется.

— Тогда, — пожевала она губами. — Я хочу, чтобы ты уничтожил эти диски. Физически.

Женская логика — как же много в тебе темного и разрушительного.

— Я слышала, что записи можно восстановить, — чуть нервничая поведала она под моим удивленным взглядом.

— Потеряется весь архив наблюдения. Если что-то происходило в эти дни, и у нас запросят выборку, то появятся вопросы.

— Вопросов не появится, — нажимала она.

— Кроме того, это дорого. Я не смогу заменить архивные диски обычными, их придется как-то списывать и покупать новые. Давайте просто подождем еще два месяца. После семи циклов перезаписи ничего уже гарантированно будет не восстановить.

— Сергей, где эти диски? — Завелась она не на шутку.

— Хорошо. Можно просто пройти специальной программой. Мы уничтожим информацию, но диски останутся целыми. — Увещевал я ее.

Списывать, оформлять и налаживать заново — это ведь все мне придется.

— Сергей! — Добавилось истерики в ее голос.

Да что с ней не так?!

— Вот, — вздохнув, указал я на нижний сервер в центральной стойке.

На него скидывался весь объем с камер.

— Выключай и отдай мне диски.

— Дайте хотя бы переключу на резервные...

— Просто. Выключи. — Нервно дрожал ее голос.

Пришлось подчиниться, отщелкнуть с передней панели все восемь слотов с жесткими дисками, извлекать из салазок и отдать Анне Михайловне — прямо так, складывая ей в руки.

Ни пакета, ни сумочки у нее с собой не было.

— Это они?

— Можно проверить, — недоуменно качнул я головой.

То, что делать это стоило раньше, промолчал. Просто подошел к развернутому на стойке ноутбуку и попытался подключиться к системе наблюдения. Интерфейс программы был Анне Михайловне знаком, а возникшая ошибка дисков ее изрядно успокоила, судя по выражению лица.

Анна Михайловна замерла на некоторое время, а затем с силой уронила все диски на бетонный пол — аж сердце зашло от такого. Затем подняла их снова и ударила ими по полу уже по одиночке, вкладывая всю доступную силу.

— Они упали и испортились, — смотрела она на меня довольно, чуть раздумываясь от упражнений по вандализму. — Служебную сама напишу.

Помятые диски она рачительно собрала в найденную у шкафа коробку из-под бумаги и собралась забрать с собой.

— Анна Михайловна, но зачем? — Все же не понимал я.

Та остановилась в пол-оборота и значительно посмотрела на меня.

— Я выхожу замуж за министра, Сережа.

Оп-па, Санта Барбара, двадцатый сезон, сто вторая серия. Я аж присел от услышанного — вернее, привалился к шкафу и на среднюю полку оперся.

— За нашего? — Уточнил с легким недоумением.

— За Андрея Сергеевича, — согласно подтвердила она с превосходством. — И если я хотя бы услышу... — Начала она, но я пропустил мимо ушей.

Когда они успели? Когда отчетность сдавали? Нет, ну слышал про шоу-бизнес, но чтобы у нас через постель в начальники отдела...

Это что же, если не контрацепция, мой сын рос бы в семье министра? А как повзрослел — унаследовал бы престол...

— Сережа, с тобой все в порядке? — Озадаченным голосом донеслось до разума.

— Не совсем, — мотнул я головой, отгоняя дурацкие мысли, возникшие скорее от удивления.

— Понимаю твое огорчение, — донеслось с сочувствием. — Но извини, я люблю другого.

Дверь в серверную закрылась, оставляя меня одного.

Вон отчего она так насчет камер стала нервничать. А в моих предложениях наверняка заподозрила, что я собрался сделать копии, оттого тянул время, потому и сорвалась.

— Уф, — выдохнул я со смешинкой.

Анну Михайловну и отношения с ней было нисколько не жаль, просто само развитие событий изрядно ошарашило и напоследок где-то даже развеселило. Хотя, если вспомнить, как она намекала на мое увольнение в понедельник, то не до смеху. Не с руки ей продолжать работу с бывшим любовником и мужем в одном здании. Некоторое время остерегаться подлянок с ее стороны не стоит — не позволит министр меня вот так просто уволить. Это когда ореол героизма спадет, а Анна Михайловна обзаведется кольцом на пальце, вот тогда да — возможны провокации.

Хотя мелочи это все — закрыл я кабинет изнутри, оставив ключ в замке. Отодвинул шкаф, поддел лист гипсокартона и без особой жалости выдернул его из креплений, отставив в сторону. Разделся и шагнул в серебристую плоскость портала. Холод царапнул было тело, но отступил — как и тьма, ослепившая на контрасте с освещенным помещением, через пару мгновений окрасившаяся в серый цвет поставленных друг на друга камней. Стенка, мною сооруженная, все еще держалась, а значит никого особо любопытного здесь не было.

Закрыл глаза и огляделся талантом — рядом, ближе чем метров на сто, никого живого. Но вот дальше, там — за множеством стен, мелькают вместе и поодиночке тускло-алые огоньки. Дар, что ли усилился?

Постоял так некоторое время, дыша холодным воздухом иного мира, и шагнул назад. Разумеется, чтобы вернуться после обеда — на этот раз с горелкой, баллоном топлива и приспособлениями, чтобы сделать не особо уютный мир каменного колодца светлее и теплее.

Начальство на сообщение о том, что мне придется быть в серверной до конца дня и может, даже завтра, вновь отреагировало положительно. Анна Михайловна даже добавила, что по ее вине что-то там сломалось, и чиню я именно за ней. Шеф к этой новости отнесся с пониманием, а что до компенсации в счет зарплаты, о которой он там говорил, прочитав ее служебную — мне никакого дела нет. Я почти сразу вышел из кабинета, так что нервное обсуждение, как один диск может стоить пятнадцать тысяч рублей, осталось вне моего участия.

Кроме топлива и прочего железа, еще в здание месте со мной проникла небольшая клетка, запятанная внутрь обычного магазинного пакета вместе со всем остальным. Кое с чем необходимо было разобраться.

Ничего криминального, впрочем, не задумал — в клетке была небольшая мышка из зоомагазина, искусственно разведенная в пищу совам, змеям и прочей хищной живости, которую заводят у себя дома энтузиасты. Но все равно, держа через салфетку трупик серой мыши на руках, не покидала смесь смущения и стыда. Как ни крути, все равно живое, да еще вполне возможно, убиенное напрасно. Осторожно коснулся тельца — а оно осталось на месте, мертвым упреком моему неправильному предположению.

— В этом мире не работает? — Грустно озвучил мысль, осторожно отправляя кулек с тельцем в переход другого мира — где они вместе истаяли бесследно.

С другой стороны, я был рад, что талант ограничивался «Той стороной». Еще не хватало волны убийств от таких, как Мерен. Как он говорил про своего учителя? «Пожрал его суть»? Вот этого нам тут точно не нужно.

Но ведь как-то Мерен получил наш язык? Впрочем — пришла догадка — затащить кого-то в портал и поглотить там, ему ничего не могло помешать. Да и ритуалы свои он творил именно в родном мире, а не в комфорте нашего.

Что до способности обращать мертвое в небольшие камешки с силой, здоровьем и

знаниями, то после вчерашнего становилось кристально ясно, что этот талант достался далеко не всем. Почему такая несправедливость, и как так получилось, что он есть у меня — вопросы сложные. Одно понятно, что если бы его у меня не было, я бы там, в пещере, погиб.

Оттер руки, будто они от этого могли стать чище, сходил и отключил пожарную сигнализацию, и еще после получаса подготовки перешел через портал.

Сегодня я не планировал идти далеко внутрь пещер. Все, что меня интересовало, лежало прямо под ногами — трофеи трех нелегких битв, так и не пересчитанные и не отсортированные. Что, как известно, непорядок.

По итогам ревизии, проведенной в свете огня от горелки, насчиталось три плохих, но длинных копья, два коротких того же качества, двести три медные пластинки, шесть алых неограниченных камешков, два зеленых с грубыми гранями, двенадцать тяжелых перстней размерами мне на большой палец — тяжелые, но свинец от золота не отличу. Четыре браслета с узорами, явная медь, судя по зелени на поверхности. Еще был целый ворох различного тряпья разной степени подпорченности и запыленности, качественно из которых отличались только два полотна — от владельцев синих камешков. Отдельным лотом шли остатки жвал паучихи, которые она содрала себе о портал и камни сама — правда, в весьма малом количестве. Так-то тварюга оказалась весьма прочной — на полу колодца можно увидеть перемолотые ею в агонии камни.

Не знаю, насколько мое богатство «тянет» в ценах «Той стороны», но для того, кто вошел в этот мир голым, капитал преизрядный, как по мне. В общем, не жалею — с этими мыслями выудил из камешка-тайника на бедре все остальное свое добро, в том числе свое единственно нормальное копьё и железный нож, переупаковал в единый ком и запрятал обратно. Потому как все свое ношу с собой.

Да и мелькает, если честно, на краю сознания одна идея. Например, о перспективах времени после того, как ребят прогонит Андраник и заменит своими бойцами. У соклубников ведь и свой портал есть. А если вспомнить про мой талант, выходит, что у нас есть даже собственный, условно назовем, «шаман». Только как их убедить, что торговать здоровьем и дальше — дело гиблое? Если объединяться, то не для чужих денег, а для собственной безопасности в мире, который уже тронуло изменениями. Для собственного здоровья, силы и новых талантов, которые можно приобрести Там. Хватит ли красноречия, чтобы они поняли мои мысли? Или стоит идти по выбранному пути одному?

Подумав, решил, что о своих способностях говорить никому не стану. А вот поговорить о будущем вообще — будет полезно.

Завершил свои дела, погасил огонь и установил лист гипсокартона обратно, загородив обратно шкафом. Глянул на часы ноутбука — сорок минут до конца рабочего дня, самое время заняться порушенным Анной Михайловной видеонаблюдением. В самом деле, ничего особо страшного — как уже упоминал, серверов у нас много, а информации на большинстве из них никакой нет. Так что переставил диски из других машин, восстанавливая прежний объем хранилища, и перезапустил систему. Вроде, работает. Поцелкал по камерам, разглядывая кабинеты и лестничные марши, переключился на коридоры, пока с интересом и удивлением не остановился на том участке, который был прямо перед дверью в серверную. Возле двери переминаясь и поглядывая на часы, нервно прохаживалась Юлия.

— А, я же сегодня без телефона, — погасила удивление очевидная мысль.

У нее в отделе наверняка что-то не так, но не моему начальству же это чинить. Где я — ей наверняка сказали, вот и отправилась добывать ремонтника. Быстренько перемотал

запись чуть назад — уже десять минут ждет, и стучалась неоднократно. Даже неудобно как-то — человеку помощь нужна, а я жвалы иномирового реликта пересчитываю.

Снова переключил на прямую трансляцию — с ноги на ногу переминается и по сторонам смотрит. Наверное, думает, что отошел. Ладно, пойду виниться.

— Здравствуйте, — выглянул я из кабинета, широко раскрывая дверь, чтобы шум серверной в полной мере проник в коридор и был частью алиби. — Вы ко мне?

— Да, — с толикой удивления и одновременно — облегчения посмотрела она меня.

— Что-то сломалось?

— Почти. Сергей Никитич, можно с вами поговорить? — Чуть помялась она, воровато оглянувшись по сторонам.

— Конечно, — зашел я обратно в помещение, предлагая пройти следом.

Юлия, чуть подумав, шагнула за мной. Я же затворил дверь и выжидаячи посмотрел на нее.

— Говорите, — подтолкнул я притихшую девушку.

— Сергей Никитич, можно будет поговорить с вами сегодня вечером? — Все же выдохнула она.

— Юлия, нет, — решительно качнул я головой.

— Вы меня неправильно поняли, — заалела она щечками. — Это совсем другое! Просто очень нужна ваша помощь.

— Так. — Все же решил я уточнить. — Это не про нас и постель?

— Нет!

— Так какая помощь, можете уточнить?

— Как специалиста, — все же смогла произнести она твердо и посмотреть на меня.

— Тогда приходите, — качнул я плечами и выпустил из серверной изрядно успокоенную девушку.

Аккаунт в соцсети ей взломали, что ли? Или наоборот, требуется взломать? Я, конечно, не по этому делу, но в понимании многих — компьютерщику подвластно все: от кофеварки до МКС. В общем, попробую помочь, если ничего криминального.

Остаток дня досидел в кабинете. Отрицательно ответил на вопрос грустной и подавленной Анны Михайловны, интересуется ли меня почти новая Лада Гранта, после чего отправился в клуб.

Мыслей и желания поговорить у меня было громадье, но никого из старшего поколения в клубе не оказалось — всем управлял Тимур, вполне жестко и толково руливший сверстниками. Зато телефон свой получил назад — разряженным и отказывающимся включаться.

— Весь вечер и все утро звонил, — поведал мне Тимур, который забирал трубку к себе домой, чтобы не пропала. — Я не трогал и не отвечал, только звук выключил.

— Правильно сделал, — вручил я ему сотенную за догляд и пошел домой.

По пути только едой из кафе запасаю, про визит сотрудницы вспомнив — мало ли какие у девушек проблемы, некоторые полезно заедать чем-нибудь вкусным. Да и сам потерял сегодня обед на хождения по магазинам. К девятнадцати был дома, а еще через половину часа в дверь позвонили.

— Привет, — приоткрыл я дверь и ожидаемо увидел Юлию — в том же виде, как она была на работе.

Затем, зацепившись взглядом, посмотрел на коридор позади нее. Чуть поодаль, почти

возле лифта стояла ее подруга Тамара. И если Юлия явно не успела переодеться, то вторая девушка была в той очаровательной ипостаси, что бывает обычно с прекрасным полом в день свадьбы — потому что в иные дни тратить такую грудку денег на косметолога, визажиста и парикмахера банально дорого. В общем, Тамара смотрелась богиней, а с учетом выразительных форм, подчеркнутых белым с абстрактным черно-синим узором платьем — богиней плодородия, пшеничных полей до горизонта и нежности в скирдах сенах. От прежней тихони, сидевшей за компьютером казначейства от восьми до шестнадцати, оставался разве что взгляд — чуть испуганный и неуверенный.

— А... — Начал я было удивленно, но тут Юлия буквально втокнула меня в дверь и закрыла ее за собой.

— Сергей, нам нужна твоя помощь.

— Не понял? — Поднял я на нее недоуменный взгляд.

— Понимаешь, у Тамары никого нет. Я очень беспокоюсь за свою подругу. — Искренне и чуть взволнованно начала она. — Мне кажется, ей просто нужен небольшой толчок.

— Я то тут причем?

— Сережа, ты все понял. Просто назови сумму, — суетливо потянулась она за сумочкой.

— Ты охренела? — Выдал я вполне искренне. — Вон отсюда!

— Подожди-подожди! — Заволновалась она. — Мы просто друг друга неправильно поняли!

— Я, как ты сказала, все прекрасно понял. — Помрачнел я. — Валите отсюда обе.

— Сережа, дай мне минуту, я все объясню! — Сложила она молитвенно ладони и всей силой навалилась на дверь, не давая ее открыть.

— Десять секунд.

— Понимаешь, ее первый раз был не совсем хорошим. Она боится мужчин. А ты тут такой весь героический, и то я ее еле-еле уговорила!

— Я — не жиголо, — терпеливо произнес я, с силой выдыхая, чтобы сдержаться. — Ты ошиблась адресом.

— Мы тебя таким совсем не считаем! Мы просто хотим помочь хорошему парню. Вон, какой красивый ремонт сделал, — восхищенно посмотрела она по сторонам.

Это она про свою тысячу, что ли? Тут, блин, материалов, работ и моральных затрат на полсотни тысяч.

— Ноги в руки и вон.

— Сергей, ну что тебе стоит!

— У тебя с головой все в порядке? — Посмотрел я на нее сумрачно. — А если я с другом к тебе приду и скажу «ну что тебе стоит»?

— Но это совсем другое дело! — С жаром и искренне заявила она.

— Отличное равноправие полов, вы посмотрите!

— Сережа, ну пожалуйста! — Тронула она меня за рукав, заглядывая в глаза. — Если ты сейчас откажешь, она ведь сломается!

— Раньше надо было думать, — мрачно заявил я, убирая ее ладонь.

Но Юлия тут же взяла другой рукой и чуть шагнула вправо, вновь закрывая мне путь к двери.

— А если она покончит с собой? Ты сможешь это держать на своей совести?

Отчего-то вспомнилось тельце мышонка на моей руке. Капля вины все же пробила плотину уверенности, но сама конструкция все еще железобетонно выдерживала напор

девушки.

— Юлия, нет. — Прочеканил я ответ. — Сходите, развейтесь. Вон, в клубе кого-то подцепите.

— Опять какого-нибудь козла?! — Возмутилась она, но тут же вернулась к увещаниям. — Сережа, ну неужели она тебе не нравится? Мы столько денег потратили на весь этот шугаринг, пилинг и парикхмахерскую! Не девушка, а конфетка! Посмотри, посмотри на нее в глазок, а?

— Все, закрыли тему, — приподнял я Юлю руками и отставил чуть в сторону, сам же взялся за ручку двери.

— Она хоть чуть-чуть тебе нравится?

— Не мой типаж, — скупо ответил я.

— Я поняла. То есть, у тебя на нее... Без энтузиазма? — Положив ладонь на дверь, выразительно посмотрела она чуть ниже моего пояса, затем подняла взгляд.

Я только глаза закатил. Да нормально Тамара выглядит, вполне волнительно. Ладно, пусть использует в качестве причины.

— Да, именно так.

— А на меня у тебя... Есть энтузиазм? — Подперев открываемую створку туфелькой, напряженно смотрела она.

— Да.

— А если мы будем вместе? — Из-за борьбы за дверь, стояла она ко мне плотно и смотрела почти глаза в глаза.

Я попытался отвести взгляд и закономерно уткнулся в приоткрытый верхними пуговичками блузки бюст. Слотнул и перевел взгляд обратно вверх, чтобы ответить свое решительное:

— Нет!

Но взгляд чертовки уже довольно сиял, получив совсем иной ответ. Для проверки, Юлия растегнула блузку еще на парочку пуговичек, изобразила невинный взгляд и, положив свою ладошку мне на грудь, медленно скользнула вниз, встав на коленки и стремясь завладеть рычагом, ответственным за принятие множества нелогичных решений.

— Просто смотри на меня, — шепнула она на ушко, поднявшись. — Обещаешь всегда смотреть на меня?

— Да, — легко соврал я.

И меня оправдает любой суд, потому как важная часть тела все еще была в заложниках.

— Тамара, — распахнув дверь, окликнула Юлия подругу. — Заходи.

Испуганным олененком ее подруга зашла в прихожую и замерла, стоя прямо, отчаянно алая щеками и пытаясь скрыть, что видит, где лежит Юлина рука.

— Проходи в комнату, Сережа сейчас сходит в душ. — По-хозяйски распорядилась она.

Отчего уже возмутился я и подхватил взвигнувшую Юлию на плечо.

— Располагайся, — спокойно улыбнулся я шокированной Тамаре, игнорируя острые кулачки Юли и требования поставить ее на пол. — На кухне есть много вкусного, а в комнате есть гостевая учетка у компьютера и быстрый интернет.

— Спасибо. — Вновь смутилась она, отводя взгляд куда-то вверх и вправо.

— И не беспокойся. У Юли сегодня вообще будет в первый раз.

Изумились, вроде как, обе — судя по притихшей девушке на плечах и выражению лица Тамары. А затем Юлия кое-что поняла и стала всерьез выражать беспокойство грядущей

перспективой.

— А может, не будет совсем ничего, — вроде легкомысленно произнес я, тихонько хлопнул по попе, и Юлька притихла.

— Ну, в в общем, мы скоро, — заверил я Тамару, наконец-таки получив несмелую ответную улыбку.

Да и ворчание Юли, скорее тихо-просительное, чем категоричное, располагало к легкой атмосфере.

В общем, поплескались, провели переговоры, нашли согласие, что если дискомфортно — то стоп-слово в виде имени первого космонавта казахской национальности. Покручинились над смятой и слегка промоченной Юлиной одеждой, вывесили ее. В процессе вновь не досчитался своей футболки и обнаружил на Юле.

— Но ведь Абакиров же! — Чуть недовольно бурчала девушка, после всего-всего прижимаясь щекой к моей груди.

По другую руку со счастливой улыбкой дремала Тамара, целомудренно укрывшись простыней.

— Аубакиров! — Веско произнес я, показывая всю бездну разницы, а затем заботливо спросил. — Болит?

— Болит, — ворчала Юлия. — Я его теперь на всю жизнь запомню.

Ну а мы что — мы за просвещение.

— В следующий раз что-нибудь по проще будет, — пообещал я. — Без этих сложных гласных, честно.

— Ладно, — вздохнула она.

Тем самым признавая, что следующий раз будет.

А хотел ли его я? Опыт, безусловно, интересный и познавательный. Да и конфигурация неплохая — две девушки на обе руки. С тремя так идеально не получится. Опять же тепло и приятно, в какую сторону ни глянь.

В общем, вечер прошел занимательно. Через пару часов девушки уехали на такси домой, разрешив проводить только до входной двери. Мало ли кто увидит — хотя в двух одновременно выходящих девушках меньше криминала, чем в одной. Посмотрел на Лилину дверь — через глазок просвечивает свет прихожей, она дома.

Накатила тихая грусть. Хотя, по словам Юли, хорошее дело делал, но в нормах морали оно оправданием не станет. Наоборот, с учетом всех обстоятельств, усугубит.

— Ладно, — решил я грустить как-нибудь потом.

Зашел домой, приготовил себе чаю, заглянул в холодильник на предмет организовать поздний ужин, да так и замер, шокированный видом красненькой пятитысячной прямо на полочке на уровне лица.

Так и сел на табуретку, невидящим взором уставившись в стену.

Но как же так? Мы же договаривались, что никаких денег! Я же не такой! Я, между прочим, победитель ящеров, Мерена и владелец собственного портала!

— Я межмировая путана, — горько произнес я в тишину.

Затем резко встал, оделся, подхватил деньги и побежал на улицу. Купюра жгла руки и требовала немедленно от нее избавиться — подарить, пожертвовать, да что угодно, но не класть в собственный кошелек!

Выбежал в подъезд и вежливо поприветствовал вышедшую подышать свежим вечерним воздухом Клавдию Никитичну.

— Как хорошо, что я вас встретил! — Вспышкой искренней радости под озарение идеей обратился я к ней. — Я же вам как раз отдать хотел в знак благодарности, — протянул я ей купюру.

— Ой, это же так много! — Растрогалась она, глядя на пятитысячную, почти силком вложенную ей в руки.

— Не беспокойтесь, я еще заработаю! — Хотел было отделаться я банальной фразой. Потом понял, что сказал.

— Сережа, с тобой все в порядке? — Взволнованно произнесла она.

Эко меня наверное перекосило. Но умудрился вновь улыбнуться и выдавить из себя:

— Молоко забыл выключить. А оно, наверное, убежало. — И убежал тоже, вслед за молоком.

По ступенькам, зло чеканя шаг и накручивая себя.

— Сергей? — Выглянула из-за своей двери Лилия. — Привет, я тебе звонила...

— Всем вам только одного надо, — огрызнулся я, открывая дверь ключом. — А у самих — ни стыда ни совести! Обманщицы!

Хлопнул я дверью и принялся менять везде белье. Затем звонил Юлии, а та не брала трубку.

Успокоившись, вспомнил о других важных вещах, которые обещал сделать — скорее, сотовый в руках напомнил — и отписал ситуацию по «работе» Михаилу. Телефон он наверняка оставил в клубе, как на каждом выезде «Туда». Да и текстом некоторые вещи сообщать проще — хотя бы прочтут, не споря. А там и перечитают, задумавшись. Не прямым текстом писал, разумеется, но умный поймет.

После чего еще раз безуспешно набрал Юлии. Чертыхнувшись еще с десятков раз, вызвал машину и уехал к родителям — латать брешь в самоуважении промышленной колкой дров.

Но на работу, естественно, на следующий день вышел. В обед попросил Юлию на разговор, завел в серверную и вручил ей шесть тысяч.

— Чтобы никогда больше. Услышала?

— Ага, — смотрела она виновато. — Это не я, это Тамара!

— Не волнует, — приблизился я к ней и на полминуты заблокировал приятным способом все возможности оправдаться.

Добился сбившегося дыхания и блеска в глазах. Затем развернул к себе спиной и весомо и медленно произнес ей на ухо.

— Первого космонавта Монголии звали Жугдэрдэмидийн Гуррагча.

Наверное, впервые в истории человека пугали именем космонавта.

Но, в целом, этот эпизод ограничился только устным предупреждением, в котором я сначала ругал, потом хвалил, а Юлия ответить не могла.

Потому что для другого условия не те, да и работать надо. В общем, взаимопонимание наши.

Ну а вечером этого дня в моей квартире вновь раздался звонок в дверь. И если были у меня кое-какие радостные предположения на этот счет, то они тут же оказались сметены в сторону.

— Поехали, — стоял на пороге Артур, поигрывая брелоком с ключами от машины. — Мерен без тебя работать не хочет.

Сложно разубедить человека, привыкшего думать о людях штампами. Особенно в юном возрасте, когда кажется, что главным рычагом в мире являются деньги, а значит мир делится на тех, у кого они есть, и других — кому они нужны. У Артура было сто тысяч для меня, аккуратными зеленоватыми купюрами, перетянутыми в несколько витков тонкой резинкой. И он с некоторой еще детской искренностью недоумевал, как их можно не взять.

— Просто поедем, эй, — вкладывал он в одну фразу столько эмоций и действий руками, что они легко заменяли с десятков минут скучных уговоров.

— Не хочу, — отвечал я равнодушно, заставляя весь его мир трещать по швам.

Не «мало», не «со старшим говорить буду» и не демонстративная поза обиженного человека, которая улавливается на раз, как бы кто не пытался сохранять напускное безразличие.

— Не интересно, — Легко улыбнулся я, стоя в дверях.

Назад в квартиру уходить не стал, иначе начнется цирк с длинными трелями звонка, а если его отключить — со стуком ногой по двери. Проще решить сразу, и пусть уходит сам, когда поймет.

Артур попытался вручить мне деньги в руки, разумно полагая, что их приятный вес и текстура заставят изменить решение.

— Бери, просто бери и поехали, а! — Тыкалась пачка мне в руку, повернутую тыльной стороной ладони к нему. — Приедешь, постоишь! Завтра приедешь, постоишь — столько же денег дадим, ну? Машину купишь, девушке подарки купишь, родителям поможешь, давай бери!

Закончилось это тем, что деньги упали на бетон лестничной площадки, а Артуру пришлось их поднимать под тихий, но резкий говор на незнакомом языке.

— Скажи Мерену, не работаю я с вами. Не хочу. Он поймет, — сохранял я спокойствие, хотя в этот раз на душе кое-что тревожно ворохнулось.

Не из-за Артура и его слов, просто свет в глазке двери Лилиной квартиры мигнул — будто подошла ближе.

— Мы сказали, — зло ответил он. — Не хочет, сказали! Ушел, сказали! Сам ушел! Он говорит: «я тоже пойду». И тоже ушел! А клиент уже пришел, ты понимаешь? Что мы ему скажем?!

— Договорились один раз, договоритесь и другой.

— Договорились. Без тебя договорились, когда тебя не было! Без тебя все хорошо было!

— Теперь тоже без меня все хорошо будет.

— Не-ет. Тебя позвали, честно денег заплатили, — делал он ударения на паузах между слов, будто волна перекатывалась через барьер. — Вот скажи, а ты что сделал?

— Я его за стол не вел. На поляне Олег добро дал рядом с ним стоять.

— Олег? Кто такой Олег?! Ты должен был молча стоять! Да за такие деньги убить можно, а не стоять молча два часа! — Распалялся он.

— Значит, не сработаемся, — еще раз нервно глянул я на свет в глазке.

Лишь бы не вышла из квартиры. Придумает себе геройства, вылезет, а мне потом еще и за нее отвечай. Красивая и молодая женщина рядом — очень легкий рычаг давления.

— Ты человеку голову зачем задурил, а? Ты почему сейчас не хочешь по-человечески

поехать-попрощаться с ним?! Ладно, не работай! Но объяснись с ним, — широкими жестами указывал он в сторону лифта. — Нам работать дай!

Показалось, или во время его тирады легонечко провернулся дверной замок?

— Поехали, объяснюсь, — чуть поспешно, не дожидаясь явления Лили, решил я.

— Вот, правильно же умеешь думать. — Расцвел улыбкой Артур, став на секунду очень похожим на своего дядю.

У того такие же мимические морщины на лице, хотя видел я его только серьезным или усталым. Наверное, в юности улыбался часто.

Видимо, сильно их приперло, и дело тут скорее в сроках, чем необходимости именно во мне. И без меня договорятся, тут не стоит о себе слишком много думать — Мерен покапризничает, но как кушать захочет, вернется. На новых условиях вернется, правда, и наверняка не сегодня, это тоже понятно — человек он умный и торговаться умеет. Клиент же Андраника, судя по всему, лечение хочет получить именно сейчас. Не удивлюсь, если ему до того основательно накапали на мозг, что процедуры прерывать нельзя — в рамках необходимости именно четырех визитов. В таком случае, он просто не поймет, если дело этим вечером сорвется. Это нам — интриги, деньги и торговля, а у человека на кону жизнь.

— Деньги бери, — уже как другу протянул Артур мне купюры.

— Сто пять.

— Эй, на сто ведь договорились, — с укором посмотрел он на меня.

— Так утро, ты при деньгах, машина не твоя.

Тот посмотрел, насупившись.

— Бери, — буркнул он все же, но извлеченную из кармана купюру к остальным приложил спокойно.

— Переоденусь, минутку жди, — зашел я к себе, закрыв дверь.

По счастью, Лилия не вышла — выдохнул я. Быстро передел тапочки на ботинки... Затем подумал и полностью сменил весь гардероб на яркое и красочное — есть у меня спортивный костюм в цветах прошлой олимпиады, с ромбами красного, белого и темно-синего цветов. Под него белую футболку, а на ноги «красивые» по мнению Мерена и моей мамы кроссовки.

— Готов, — захлопнул я дверь и сразу начал спуск по лестнице.

Опять же — не давая Лилии выйти, пока мы будем лифта ждать, и вставить что-нибудь вроде «я ключевой свидетель, не забудьте меня потом убить».

Потому что никакой гарантии, что зовут меня именно по рабочему поводу — не было.

— Деньги почему не оставил? — Спросил меня Артур на очередном лестничном марше.

Купюры я по-прежнему держал в руке, потому как если все пойдет не так, то забрать у меня ключи и зайти потом ко мне, чтобы их вернуть — не будет для них проблемой.

— В банк хочу положить по пути, не против? — Сказав, краем глаза постарался отследить реакцию.

Из банка просто так деньги не заберешь. Если планы их криминальны, то что-то должно было мелькнуть на его лице. Та же жадность.

— Только быстро заедем, — сказал он скорее отмахиваясь от чужой блажи, чем раздраженно. — Люди ждут.

Может, не будут меня убивать?

«Или просто сотня тысяч для них — не деньги», — тут же поправился я, не собираясь расслабляться, и переложил купюры во внутренний карман спортивной куртки, к паспорту и

документам.

Перед подъездом стоял знакомый черный «Ленд Крузер», нагло опираясь на бордюр двумя колесами под неодобрительные взгляды бабушек со скамейки.

— Это мой знакомый, он извинится, — найдя взглядом «свою» Клавдию Никитичну, обратился я к ней, указывая на рядом идущего спутника.

— Я извиняюсь, торопился, — буркнул Артур, снимая машину с сигнализации, но за неискренность получил только возросшее роптание. — Человек умирает! — На нервах выдал он повышенным тоном, с хлопком двери закрыл водительскую дверь и взрыкнул заведенным мотором.

Наверное, из тех его оправданий, за которые прощают любое хамство на дороге, вроде движения по обочине или поворота не из своего ряда.

Я только руками развел и еще раз улыбнулся обитателям лавочки, неспешно направляясь к машине через прохладу вечера середины весны.

— А Сережа, что, врач? — Шепнула бабка за спиной.

— Высокооплачиваемый, — весомо ответила ей Клавдия Никитична.

Вот, блин. Тут же заторопился и поспешил укрыться за дверью Ленд Крузера от сурового мира. Теперь точно переезжать — мало того, что эти как к себе заезжают, так еще не хватало очередей пенсионеров по утрам. Хотя с первыми вроде можно мирно разойтись, а для вторых придумать специальность, им не интересную... И не интересную их детям, внукам, родне, близким знакомым и домашним животным. Про настоящую работу мне никто не поверит — что мое слово и трудовая книжка против слов уважаемого человека... Обидятся разве что. Ладно, переживу — унял суетливые мысли, в которых было больше желания отвлечься от нынешних событий, чем пользы.

Прорвемся — пообещал я себе предпринять все для сохранения собственного спокойствия в прежних стенах. Для начала, в банк заехал, предложив Артуру меня сопроводить — пусть тоже на камерах банковских покажется.

Скормил банкомату в три захода деньги, полюбовался образовавшейся суммой (плюс остатки от зарплаты) и даже несколько воспрял настроением. Все же, есть в этих ноликах до запятой нечто жизнеутверждающее..

До бетонного завода добрались быстро, влетая на перекрестки на желтый и агрессивно перестраиваясь из ряда в ряд — Артур то и дело косился глазами на индикатор часов у приборной панели. Приближалось пол девятого — то самое время, в которое проходил «ритуал» первый раз. На душе даже слегка отлегло от такой торопливости, не смотря на дорожную лихость — если что, машина большая, подушки безопасности есть, ремень пристегнут, а по городу особенно не разгонишься. А вот ради переправления меня на тот свет никто торопиться бы так не стал — наоборот, зачем проявляться на камерах и оставаться в памяти людской и злопамятной? Опять же — ГАИ может остановить и запомнить. Но экипажей инспекторов, кстати говоря, так и не встретилось — промзона все же, час для нее поздний.

Вкатились под шлагбаум с той же скоростью, что и в прошлый раз — открыли его нам заранее, издали узнав хозяйскую машину. Все, как раньше — тот же маршрут, те же бетонные пейзажи и суета вечерней смены работников по сторонам. Разве что у самого домика, к которому был пристроен бетонный бункер, на этот раз кроме «Поло» Михаила и черного внедорожника клиента были еще три машины — не первой свежести черная «Ауди», такого же года «БМВ» тройка и белый «глазастый» «Мерседес».

На новых клиентов непохоже, а машины ребят из клуба я знаю — не они. Да и регион не наш — московские «три семерки», хотя их где сейчас только не раздают.

— Братья приехали? — Спросил я у Артура.

Тот посмотрел недовольно, явно сетуя о собственной болтливости в прошлую нашу встречу.

— Сам же не хочешь дальше работать, — ответил он, будто виной всему только мои слова.

Признаться, думал, что приедут его родичи гораздо позже — но сейчас даже самые дальние расстояния, это всего пару дней. Стоило учитывать.

«Ладно хоть Михаила предупредил заранее», — пронеслась мысль, когда выходил из машины. — «Ему польза — готовым быть ко всякому».

Да и мне в глаза ему смотреть будет проще. Андраник, не будь дураком, на меня ведь их увольнение захочет повесить. Мол, привел неправильного напарника — теперь только его вини, что вас на улицу попросили. Так и было бы, уверен, если бы я им сегодня не понадобился. Сейчас, интересно, что придумает...

На этот раз удалось подсмотреть все цифры дверных кодов, изображая, что разглядываю то бетонное заводское ограждение, то стену дома или дверь, в которую только что вошли. Не то, чтобы точно все-все — память не идеальная, да и талант мой такой детализации не дает — видно только движение руки и пальцев — но что-то близкое уловил, вновь добавляя немного уверенности в бездну неопределенности сегодняшнего вечера.

Последнее окошко в двери показало суету в большом зале возле накрытого обеденного стола: незнакомые мне люди южной внешности числом семеро, как на подбор — спортивные, лет под тридцать, но при этом тщательно выбритые, в черных брюках и закатанных в локтях белых рубашках, обставляли пространство вокруг могучего кальяна разнообразными блюдами.

Мерена и его людей в комнате не было, как и ребят из клуба.

На нас персонал внимание обратил, стоило пикинуть индикатору дверного замка — почти синхронно выпрямился и молча посмотрел в нашу сторону. Ни одного слова произнесено не было.

— Все нормально, работайте, — отмахнулся Артур, поспешая в сторону дверей раздевалок.

— Где мои напарники?

— На той стороне все, — открывал он двери передо мной, жестами предлагая поторапливаться. — Не стой, времени нет. Все тебя ждут!

— Мерен тоже ждет? — Поинтересовался я, заходя в раздевалку и принимаясь неспешно разуваться.

— Не ждет, — вынужденно ответил он. — Его надо пригласить, хоть как. Клиент уже час у дяди сидит, очень надо, чтобы Мерен пришел. — Добавилось в его тон просительных ноток.

— Постараюсь, — качнул я плечом, направляясь к двери, укрывавшей портал. — Ты не идешь? — С любопытством обернулся я на него.

— Моя работа тут, — категорично качнул он головой. — Удачи.

Я кивнул и перешел через серебристую пленку портала, прикидывая перспективы и расклады для занятия ума и успокоения души. Три машины — это пятнадцать человек максимум, но скорее двенадцать или даже меньше — на большие расстояния нет смысла

набиваться впятером в одну машину, неудобно. Семеро в зале, заняты ужином и кальяном. Еще пять — вряд ли целиком на той стороне, без присмотра. Одного дня для обучения мало, пускай даже требуется стоять и молчать. У меня с первого раза не получилось...

Вышагнул на «Той стороне» и даже выдохнул успокоено — вон мои знакомцы из клуба стоят, в тени знакомых деревьев, уже одетыми, вооруженные щитами и мечами. Признаюсь, была мысль, что их уже того — по голове. И меня сейчас того же самого...

Оглядел поляну — если не смотреть талантом, то из посторонних на виду только один человек, да и тот не из «родственников», а от Мерена — сидит на краю поляны возле небольшого костерка из наваленных ветвей в одной утлой накидке и пытается согреться. Молодой, кстати говоря — лет четырнадцать. Те, кто был с Уважаемым раньше, выглядели лет под тридцать-тридцать пять, и если верить Лене, то возраст для этого сурового мира у них был сродни взрослому воину, ветерану чуть ли не на закате лет. Понятно, что таких не оставят дежурить возле костра у портала. Такие, судя по тому, что видит мой талант, смотрят на нас из чащобы леса, укрываясь в листве и тенях. Восемь человек — уже семь, один побежал докладывать в ту сторону, где виднеется скопление людей. Значит, сейчас Мерену доложат. Но придет он, разумеется, только когда к нему «побежит докладывать» парень у костра.

Впрочем, до того времени стоит одеться — зашагал я к ребятам, прищуриваясь на заходящее солнце, светящее в глаза.

— Привет, — накинув ленту ткани на бедра, спокойно пожал я протянутые мне руки. — Сообщение читал? — Обратился я к Михаилу.

— Читал, — горько усмехнулся он. — Ребятам тоже вчера сказал. Те не верили, — повел он взглядом, остановившись на Олеге.

— В общем, не я в этом виноват, — сказал я им то, что на самом деле тяготило. — Но если что, извините.

Для них ведь эти деньги действительно были важны. Дополнительного источника финансов, как у меня, ни у кого не было.

— Там пока не понятно, — отозвался Михаил. — Тебя назад позвали, Олега оставляют. Нам тоже сказали, что не хотят отпускать. Говорят, дежурство с новенькими посменно будет, чтобы не каждый день.

— Может быть, — принялся я одеваться, прислушиваясь к интересным новостям. — Было бы хорошо.

— Да не оставят нас, — чертыхнулся Алексей рядом. — Как Олег этих с гор обучит, выпнут всех.

— Я долго учить могу, — хмуро произнес Олег.

— Значит, еще раньше выгонят, — чуть раздраженно, будто это уже слышал, сказал ему Михаил. — Не ты систему монтировал.

— Но я ее настраивал!

— Артур тоже разбирается. Успокойся.

— Если что, меня временно позвали, — вновь привлек я к себе внимание, поднимаясь с копьем в руке. — Я так думаю, вернее. У пациента два сеанса осталось, а Мерен почему-то меня требует.

— Не знаешь, почему? — Пристально посмотрел на меня наш лидер.

— Пили вместе, — по-простому качнул я плечами. — Кто ж его знает? Может, опять повод ищет, чтобы цены поднять? Ему, кстати, почему кальян-то поставили? — Поспешил

перевести я тему.

— Подсадить хотят, — равнодушно отозвался Олег, явно скрывая за показной безэмоциональностью бурю чувств и эмоций. — Чтобы не ушел потом, как сейчас.

— На наркотики? — Не поверил я.

— Что-то легкое, — повел он плечом, отворачиваясь к поляне. — Скоро ты тоже ему будешь не нужен.

— Да я сам уходить хочу.

— Тут еще такое дело, — хмыкнул рыжебородый Матвей, вышагивая вперед к поляне и поворачиваясь к ней спиной, якобы случайно загораживая нас от чужого взгляда. — Есть мнение, что нас просто так отпустить не захотят.

— Да ну, шесть человек пропадут разом? — Усомнился я. — Все равно ведь найдут, должны же они понимать. Нам проще денег дать.

Говорил я не из наивности и человеколюбия — было интересно услышать их мысли на этот счет и сравнить со своими.

— Может, дадут и отпустят, — тут же согласился Михаил. — Мы с ребятами намекнули еще в самом начале, что если пропадем, то будет кому и где искать.

— Ну вот, — выдохнул я успокоено, сетуя тайком на себя — сам ведь не озаботился хотя бы конвертом с текстом, где я и почему, на тот самый крайний случай.

— Скажем так, не в деньгах счастье, — продолжил наш лидер. — У нас с Андраником и Мереном уговор был про эти клинки, одежду и копыя, — указал он взглядом на наше обмундирование.

— И нам кажется, — продолжил за него Матвей. — Что нам эти железки не отдадут. А они подороже любых денег будут.

Михаил кратко пояснил, что «родственников» уже заводили на эту сторону и давали им примерится к «нашим» клинкам и их одежде. На что Михаил и ребята, естественно, реагировали без энтузиазма и выводы сделали.

— А как вы собрались их забрать? — Уже искренне удивился я повороту беседы.

— Пешком, — вступил Михаил. — Этот ручей, — качнул он подбородком в сторону источника шума воды, пробивающегося через лес. — Скорее всего, источник нашей реки, у нашего портала.

— Карты так говорят, — согласно качнул головой Алексей. — Если наложить координаты завода, лесопилки и прикинуть направление реки.

И только Олег недовольно качал головой. Наверное, верил, что можно остаться на хлебном месте, зацепиться, и что лишние действия только все испортят.

— Постойте, вы всерьез? — Посмотрел я на уверенные лица ребят.

— Тебе где такой клинок в этом мире дадут? — Хмыкнул Матвей. — Ради него прогуляться не жалко.

— Километров двадцать идти, — прикинул Михаил. — Если вдоль русла, то двадцать пять-тридцать. До утра доберемся. В крайнем случае, до завтрашнего вечера. Огонь тут есть. Полоса средняя, крупных зверей я не видел. Волки, может, лисы, но мы вооружены, — продолжил свои доводы глава клуба. — Только рук свободных нет.

— Вы мне предлагаете? — Ткнул я себя в грудь.

Даже та буря возражений по поводу отсутствия крупных зверей пропала под напором искреннего удивления. Не скрою, приятного — на контрасте того, что от них ожидал услышать за мои... Действия в первый день.

— Олег не хочет идти, — кивнул Михаил. — Свой меч готов оставить. Получается, это твой меч будет, он не против.

— Глупость это, — подал голос Олег. — Я с Андраником поговорить не смог вчера нормально. Всех он оставит, а вы своим походом только все испортите. Он мне должен!

— Короче, уходить будем, как ритуал закончим, — глянув на Олега мельком, продолжил Михаил. — Сразу, пока Олег не разболтал.

— Я никому ничего не скажу! — Гневно заявил тот.

— Ладно, я шучу, — устало подняли ладони в ответ и обратились ко мне. — Ну как, ты с нами? Завтра нас просто могут не пустить на территорию завода. А такие мечи, — погладил он свой по рукояти. — Бесценны.

— С вами, — подумав, кивнул я, придвинул голову и прошептал Михаилу на ухо. — Только вы в курсе, что тут по кустам восемь человек сидит и еще двое на холме за нами смотрят?

— Нет же никого, — удивленно округлил он глаза и украдкой с опаской посмотрел по сторонам.

— Мне Мерен вчера признался, по-пьяни, — не стал раскрывать я источник информации. — Так что думай, не спеши. Если что, завтра я тоже смогу всех вас провести.

— Гарантированно? — Уточнил он, о чем-то напряженно задумавшись.

Видимо, не приходило им на ум, что некоторые дикари из другого мира могут быть тертыми и крайне недоверчивыми людьми. А потом еще на лице Михаила отразилось осознание, что все это время они стояли не пять на семь, а почти с двукратным преимуществом не в свою пользу, и была бы хоть тень враждебности — не факт, что удалось бы сбежать в портал. Неприятный такой момент понимания чужой власти над собой.

— Получается, их тринадцать? — озвучил Олег, придя, видимо, к тому же выводу.

Ну, шепот на таком небольшом пяточке — дело безнадежное. Все-равно услышал.

— Так ведь это хорошо! — Обрадовался он. — Значит, мы будем нужны!

Остальные только поморщились.

— Потом Андранику скажешь, хорошо? — Попросил у него Михаил.

— В общем, подумайте, — кивнул я ребятам и пошел к парню у костра, просить «звать начальство».

Тот, правда, изобразил, что русского вообще не понимает. Пришлось методом кота Васьки — рывкнуть «Уважаемый Мерен Варам Белилитдил» и кинуть тапком. Подорвался с места мигом.

Ну минут через пять явился Сам хозяин этой поляны — с широко распахнутыми руками и готовностью обнять и прижать к груди до хруста в костях. Не моих.

— Хватит, хватит! — Чуть взволнованно произнес он, и я отпустил его на траву. — Как твое здоровье, Сергей Никитич Кожевников? Мне сказали, ты болен? — Оглядел он меня с заботой.

— Сегодня я здоров, уважаемый Мерен Варам Белилитдил, — констатировал я, не желая отвечать за чужие слова. — Но с тобой последние дни, мой друг. Мои дела зовут в иные места.

— Эти слова печалят меня. — даже с некой искренностью произнес он.

— За хорошей пищей и легкой работой разлука проходит легче, — намекнул я.

— Но не заменит хорошей беседы с достойным человеком, — на этот раз было куда больше показательного расстройства, чем настоящего.

— Я постараюсь принимать пищу ровно тогда, как ты тоже будешь за столом. И память о тебе будет всякий раз со мной. — Продолжил я радушно, но тут же почувствовал, что явно ляпнул что-то не то.

Взгляд Мерена чуть ожесточился, а в сияющей улыбке, им продемонстрированной, больше не было доброты.

А сейчас-то что не так?!

— Не будет беды, если мы станем есть отдельно, — повернулся он боком. — Где моя работа на сегодня? — Крикнул он в сторону моих товарищей.

Олег тут же метнулся к portalу, разделся возле него и занырнул внутрь.

— Наверное, я что-то не то сказал, — со всем уважением обратился я к нему, не забыв полное имя. — Традиции наших мест могут отличаться, как ты мог видеть. Хочу только отметить, что двигали мною исключительно добрые пожелания и стремления.

Мерен скосил взгляд, но промолчал.

— В знак признания своей оплошности, пусть даже не понятой мною в полной мере, хочу дать совет своему другу.

— Я слушаю, — хоть и с паузой, но все же благосклонно произнес Мерен.

— Не всякий сладкий дым полезен для человека. Иной может загуманить разум и сделать даже самого великого человека своим рабом.

— Как дым может стать человеку господином? — Фыркнул он.

— Так же, как дурной сон без возможности проснуться.

— Сон пройдет.

— Но как проснуться от сладкого настоящего? — Задал я риторический вопрос и первым шагнул в сторону появившегося из портала пациента.

В этот раз Андраника с ним не было, за руку обнаженного гостя вел Олег.

Далее повторилось практически точь в точь, что было ранее — облачение больного в грубую материю, клетка с птицей, принесенная кем-то из свиты Мерена. Только на этот раз птицу убил тот же слуга — и голыми, не прикрытыми тканью руками, передал тельце для завершения ритуала. Ничего с птицей, естественно не произошло — до того момента, как ее коснулся Мерен.

Я же, пользуясь свободой от дел, получил возможность внимательно пронаблюдать за участниками церемонии.

С нашей стороны реакция была понятна — ребята все-же относились к происходящему благоговейно, как к любой мистике, внезапно обретшей реальность.

Гость — с прошлого визита стал явно стройнее, но при этом румяней и... Счастливей, наверное? Есть у здоровья тела такая кондиция здоровья, неразрывно связанная с точным осознанием дальнейшего благополучия — буквально сияющая внутренней энергией. Такое проще всего подсмотреть у детей на старте летних каникул, а вот у взрослых почти никогда не встречается. Мало кто может быть уверенным, что завтра все будет замечательно. Вот смертельно больной, внезапно узнавший о скором излечении — тот на это способен.

На лицах же свиты Мерена был голод. Самый обычный, жадный и разочарованный — все то время, пока слуга нес клеть с птицей, сворачивал ей шею и отдавал Мерену. А когда потенциальное сочное птичье мясо обратилось камешком — то мелькнуло обреченное разочарование, как в преддверии очередного голодного вечера.

Так-то да, если преобразовывать все живое в камень, так никакой еды не напасешься. Камешек, конечно, заливают энергией по уши, но только одного человека, тогда как одной

птицей можно насытить с десяток — наваристым бульоном с кусочками овощей и мяса.

Ритуал подошел к концу, покачивающегося от нахлынувших сил и удовольствия пациента Олег буквально на руках перевел в наш мир. Мерен отошел организовывать свою свиту, собирая людей под очередное пиршество, а ко мне подошел Михаил.

— В общем, мы решили сейчас уходить. — Спокойно произнес он. — Как Мерен уйдет, сами потихоньку двинем в лес.

— Может, завтра?

— Олег все доложит.

— Он же обещал...

— Он Андранику верен, как собака. — Вздохнул Михаил. — Когда эти, — качнул он подбородком в сторону Мерена. — Пришли и пару работников из бригады его убили, тот в милицию не побежал, а к шефу. За торговлю договариваться — мы ведь наш портал за неделю до этого нашли и всерьез этот момент обсуждали. Правда, про дешевую рабочую силу думали и купи-продай... Короче, со всеми задумками нашими он к шефу и рванул. А как договорились и поняли, что тут гораздо круче тема, Андраник ему за это тройной оклад и долю дал. Он на проценте, Серег, и думает, что так будет всегда. Он нас сдаст, если не сейчас, то через двадцать минут. А мечи — за такие раньше деревеньку купить можно было, дворов в сорок.

— Михаил, идти в ночь — самоубийство, — переварив услышанное и глубоко вздохнув, ответил я. — Давай я с Мереном договорюсь, пусть сопровождающих даст?

— Я не уверен, что он чтит договоренности, — изобразил Миша кривую улыбку. — Кроме того, мне не хотелось бы, что он узнал, где наш переход. Валить нам надо. Сейчас валить. Пятьдесят тысяч того не стоят. Ты пойми, мы не ворует чужое. Это наше — уже две недели наше, по всем договоренностям! Ничего нам Андраник не может против этого сказать! Ну денег не даст, если обидится — наплевать. Машину удержит — так я ее в угон заявлю. Испортит — так полная страховка еще на год.

Я только головой покачал. Уперся он в эти финансы. Будто это самое важное и потому я мнусь и сомневаюсь. Как ему сейчас про ящеров и паучих сказать? Он же не поверит ни слову. Средняя полоса ему, видите ли, чудится вокруг. Да я еще глупость про свиту из людей Мерена ляпнул, на фоне которой остальные слова будут смотреться столь же несерьезно.

— А если Олег ваш портал сдаст?

— Зачем портал? Он все домашние адреса знает, — устало улыбнулся Михаил. — Только правда на нашей стороне. Попытается заставить — потеряет все. — Жестко завершил он и посмотрел выжидательно.

— От меня на пять часов никого из них нет, — вздохнул я грустно. — Это железная информация. Выходите к воде, идите вдоль течения. Я свой меч позже подберу и вас догоню.

— Как догонишь? — Усомнился он.

— Мерена спую, как в прошлый раз. Ночью выйду. Облаков нет, — посмотрел я на верх. — Ночь будет лунная, потом по костру найду.

С моим талантом, сориентируюсь как-нибудь. Потому что ребят надо спасать — они упертые, по лицам вижу, что все уже решили.

— Портал караулят.

— Мерена на плечи закину, — пожал я плечами. — Скажу, тащу домой. Кто мне что скажет?

— Ладно. Час идем, разведем костер и будем ждать еще час. Потом — извини.

— Идет. Пойду Мерена спаивать, — в очередной раз горестно вздохнул я.

Все же, повело этих реконструкторов на чудачества. Я то уж подумал, что обычные люди с коммерческой жилкой, а туда же — как признали клинки своими, так отпускать нет сил, по глазам же вижу. Да и продали им их... Так же продают участки на Луне — мол, спасибо за деньги, а теперь попробуйте на самом деле забрать... Ладно, надеюсь за пару часов никто их не сожрет, а мне с Мереном стоит ускориться.

— Друг мой, — подхватил я так кстати оказавшегося иномирянина под руку. — Знаешь ли ты такую замечательную игру «лесенка»?

— Игру? — Заинтересовался он.

— Очень интересную, — подтвердил я. — При этом простую. Для нее нужно всего-то один стакан и много водки!

Мерен погрузился и даже как-то обреченно вздохнул.

— Где ты научился так стойко пить, мой друг? — Спросил он, раздеваясь для перехода через портал.

— Год в студенческом общежитии. — Охотно поделился я. — Иначе там не выжить.

— Сколько вас там было? — Глянул он с интересом.

— Больше сотни человек. Но до второго года дотянула только треть. ИВТ, сопромат, — продолжал я беседу, поглядывая, как ребята вроде случайно собираются на подказанном им направлении.

— А я еще думал, что нам не повезло с наставником, — поддержал мою грусть Мерен. — Этот ваш Ивт-Со-Про-Мат еще большее чудовище, чем наш Белелитдаш. Не удивлен, что ты не стал брать часть его имени.

— Не будем об этом. Давай лучше играть.

— А вот у меня на родине играли в камень и палку, — ворча, прошел Мерен в наш мир.

Я в крайний раз обернулся на друзей, молча пожелал им удачи и шагнул следом.

— У нас тоже играют в такие игры, уважаемый Мерен Варам Белелитдил. Называется «догони меня кирпич». Но я вам правила не расскажу, потому что нам еще вместе пить.

Пусть тоже с ума походит, расшифровывая наши традиции и слова. Не одному мне страдать.

В общем, направлялся я к столу даже с некоторыми планами и намерениями их осуществить. Споить тут, побежать туда, прокрасться, найти, провести. Желательно — не сильно опоздать на работу.

Но чем тщательнее планируешь и думаешь о возможном будущем, тем веселее смеются с небес.

— Сергей, можно тебя на секунду, — еще до первой бутылки, позвал меня Артур.

— Я сейчас, — выбрался из-за стола под укоряющий взгляд Мерена и показал на персики. — Попробуй эти фрукты, такую сладость редко сыщешь в холодный сезон.

После чего заторопился за Артуром следом, тщательно просчитывая варианты. Если Олег проболтался, то ерунда — наоборот, попрошусь преследовать, а там «не найду». Это в худшем случае. Тем более, я Андранику точно нужен — завтра четвертый и последний сеанс лечения. Все будет хорошо — как мантру повторял я, игнорируя подкатывающее недоброе предчувствие.

В дверь кабинета на втором этаже я вошел первым, автоматически заметив, как, вроде невзначай, двинулись за мою спину двое из виденных сегодня за сервировкой стола, что были до того по разные стороны от двери. Хотел развернуться — замок закрылся под

звуковой индикатор фиксации замка, Артура за спиной не оказалось, а меня чужие руки подтолкнули чуть вперед.

Посмотрел на кабинет, в первую очередь обратив внимание на Андраника, склонившегося над какими-то паспортами и удостоверением, а уже после, обомлев и не веря, заметил таки-то, что просто никак не могло быть в этом помещении. И в этом доме. И в ближайшей части города вообще!

У дальней стены, на трех дешевых стульях, придерживаемые еще тремя родственниками Андраника за плечи, сидели с растерянными и испуганными лицами Татьяна, Лилия и Лена.

— Вы что тут делаете? — Не выдержал я искренне.

— М-мы думали ты попал в беду, — пискнула Татьяна.

Рядом, глядя на меня с надеждой, кивнула моя соседка.

— Мне позвонила Лилия, сказала, что ты попал в плохую компанию или к бандитам, — потерянно произнесла Лена.

Единственная, у кого испуг был сменен некой обреченностью, а на скуле проступал алый след от удара. И вот последнее — вызвало прямо таки огненную волну ярости.

— Понятно, — с интересом смотревший до того на нас Андраник, перевел взгляд за мою спину и коротко кивнул.

Я чуть прикрыл глаза и талантом отметил замахнувшегося резиновой дубинкой мужика за моей спиной. Сделал подшаг влево, скручивая тело и пропуская замах вдоль правой руки. Продолжая движение, с яростью и усилением совместил свой кулак с подбородком второго конвоира — да так, что его отбросило к двери. Еще один удар достался в затылок его соседу, тягуче-медленно возвращавшемуся после промаха в прежнюю позицию.

Быстрый взгляд в комнату — Лена буквально выбросила свое тело со стула, падая на бок. Лилию прижали к спинке стула, Татьяну схватили за волосы и заломили голову назад — опять же, медленно, будто скорость мира уменьшена раз в десять. Оттого ее боль видна настолько отчетливо и ярко, что отключило всякие мысли, кроме лютой ненависти.

Одним движением подхватил резиновую дубинку, выпавшую из рук моего конвоира, а затем ногами вперед бросился на стол Андраника, с абсолютной уверенностью зная, что долечу и попаду не смотря на разделявшее нас расстояние и разницу в высотах. Так и вышло — я буквально снес хозяина кабинета, отправляя его вместе со стулом в полет к ближайшей стене.

Кое-как затормозив, бросился к девушкам, сходу метнув дубинку в замахнувшегося кулаком на Татьяну мужика. Попал, сбив удар и заставив отклониться. За это время успел коленом встретить голову метнувшегося было за Леной охранника, вырубая его до боли в собственной ноге. Еще в два широких замаха кулака сквозь тягучий, будто склеенный замедлением времени воздух, два глухих удара, и все было кончено. А настоящее, наконец, вернуло себе обычную скорость — под боль в руках, ноге и остром покалывании в легких.

— Ну что, — выдыхая, ворчливо и громко спросил я у девушек. — Вот вам — плохая компания. — Махнул я рукой в сторону Андраника. — Вот вам — бандиты. — Указал я на его родичей. — Довольны? Легче вам стало?!

— Мы хотели помочь, — зашмыгала Лилия.

А Татьяна уже редела, закрыв лицо ладонями, с момента, как ее потянули за волосы.

Лена, что была подле меня, притянув колени к груди, тихо содрогалась плечами.

— Все хорошо, — присел я рядом с ней и полуобнял.

— Ты мне соврал, — шептала она в колени. — Ты должен был все рассказать. А ты

соврал!

— Все, успокойся. — Хотел я вновь обнять, но та дернула плечом и я просто сел рядом.

Потом почувствовал себя как-то потерянно и неправильно — будто не спасал я их только что, а опять совершил глупость. Повернулся — подхватил плачущую Таню и усадил на свои колени, принявшись гладить по волосам.

Понял, что все равно неправильно, когда за спиной тоже слезы, и расположил рядом еще и Лилю, уложив ее голову на колени, а Танину положив на плечо.

— Все, мои дорогие, все будет нормально. Вот поедem в город, я вам красивые платья куплю и что-нибудь еще. Цветы красивые... Только венки не плетите.

Возле коленок и плеча фыркнули, успокаиваясь. И только Лена продолжала отрешенно сидеть на полу.

— Лен. Ну прости. Хочешь, я тебе настоящий портал покажу?

— Ты и так должен был его показать.

— А я и покажу. А хочешь, настоящих инопланетян посмотреть? Одного из них зовут Мерен Варам Белилитдил. Представляешь, три имени, а одно даже четырехсложное.

Елена повернулась, глядя недоверчиво, но с явным затаенным в глубине глаз азартом.

— Он здесь?

— Все здесь, мои родные. И портал, и инопланетяне. Всё посмотрим, только недолго.

— А почему недолго? — Спросила Лилия.

— Потому что валить нам отсюда надо, драгоценные мои, и побыстрее. Так что документы свои со стола подбираем и руки в ноги.

На словах о документах, девушки подобрались и ринулись к столу.

— Этот гад еще деньги с ключами забрал, — зашуршали Татьяна с Лилей по ящикам. — Телефоны сломал, скотина.

— У тебя сотового нет? — Спыхватился Лена.

— Нет. — Отрицательно качнул головой.

Сам же присел к Андранику и споро проверил его карманы. Как же начальство и без телефона. Оказалось, телефон есть — только разбит при падении, с характерной такой трещиной посреди экрана. От такой неудачи аж зубы заныли. Ладно, еще Артур внизу должен быть с сотовым.

Просто ситуация уже такая, что не до тайн. Захват Лены им никто не простит, а сама она молчать не будет. Вернее, я не знал способа, как всем нам разойтись миром.

Пока что оставалось наскоро связать побежденных и побыстрее покинуть помещение. Вревок, разумеется, не было, но разорванные на полосы рубашки тоже годились. Блин, время, провожусь... Будто прочитав мысли, рядом встала Лилия, деловито принявшись помогать. Признательно ей кивнул, получив в ответ робкую и грустную улыбку.

— Интересно, — пробормотала Лена посмотрев на мониторы, все еще показывающие картину застолья из зала, затем отследила по кабелям системный блок и принялась выуживать его из-под стола. — Мне нужен этот диск, — строго обратилась она ко мне.

— Нужен — бери, — не проявил я энтузиазма, продолжая наскоро фиксировать ноги и руки проигравшей стороны.

Одно дело, что я тут случайно, а другое — объяснять следствию наше общее с Мереном застолье. Хотя... Оставлять диск тут тоже — не дело. Потому изобразил вину перед нахмурившейся Леной, завершил с последним и подсел рядом, принявшись откручивать винты с корпуса. Обо что-то нужно будет стукнуть железку, качественно и неуклюже.

— Тут деньги, — подала удивленный голос Татьяна, выдвинув очередной ящик и замерев. — Много денег!

Чужие деньги — это интересно. Хотя тут и деньги девушек должны быть, и зарплата ребят...

Впрочем, как говорил папский легат Арнольд Амальрик, а я безобразно переиначил: «берите все, потом разберемся». В общем, стянул с себя куртку, застегнул на молнию, рукавами перевязал горловину и кинул в руки Тане.

— Собирай все.

Опять же, адвокаты бесплатно не работают.

— Это вещдоки! — Возмутилась Лена.

— А ты на меня настучи, — посоветовал я с улыбкой.

Та гневно задышала, но продолжила молча отвинчивать корпус.

— За моральный вред, — подошла к столу Лилия, вообще не сомневаясь в собственных действиях и принялась деловито складировать наличность в руки чуть растерявшейся Татьяне. — Можно!

— Боевые трофеи, — поддакнул я, куроча найденными на столе ножницами жесткий диск, подцепляя снизу салазок и вдавливая механизм во внутрь.

Вроде и при деле, а вроде и контроллер уже гарантированно сдох.

— Ну, если так, то ладно, — чуть смущенно, как неопит перед первым делом, Таня подцепила первую пачку и положила в мешок. А дальше вроде втянулась — даже щечки порозовели.

— Но что на камерах будет зафиксировано — все сдадим! — Грозно проворчала Лена. — Все равно ведь сдать потребуют, — чуть виновато и просительно добавила она.

— Идет, — легко согласился я, дабы не ссориться.

Во-первых, в этом помещении камер вообще нет. Во-вторых, диск уже считай мертвый. А в третьих, что самое приятное, не клинит Лену на законе, как я боялся. Вполне вменяемый человек.

Я даже ради такого дела встал во весь рост и оглядел нас всех с умилением: если считать меня, чиновник, строитель, мент и банкир. Не семья, а организованная преступная группа.

Ну и стресс еще, да — главный спонсор таких мыслей.

— Врача бы нам еще, — с оттенком романтики выразился я.

— Я врач, что-то случилось? — С тревогой выглянула из-за выдвинутого ящика Татьяна.

— Ты же строитель?

— Я подрабатываю, — строго произнесла она. — Так что у тебя болит?

— Уже все просто замечательно, — расплывшись в улыбке, смотрел я на нее влюбленно.

— Ну-у, тогда хорошо. — Неуверенно произнесла она, автоматически поправляя прическу.

— Не отвлекайся и собирай деньги! — Одернула ее Лилия.

А меня подергали за брюки, тоже призывая вернуться к работе, чем и занялся.

— А за портретом нету сейфа? — С некоторым азартом подала голос Таня, завершив с деньгами в столе.

Мы еще возились с компьютером, окончательно добывая механизм — вернее, занималась этим Лена, которой я отдал ножницы и предоставил свободу творчества.

Девушка, как им и положено, в компьютерах понимала не очень хорошо, но возмещала этот пробел энтузиазмом, благодаря которому данные теперь точно не восстановить. И меня обвинить не в чем.

— Есть! — тут же тронув уголок картины, ликовала Лилия. — В кармане бородатого ключ посмотри!

— Ага... Нашла!

Мы с Леной прервались от курочения системника и синхронно посмотрели друг на друга.

— Девочки нервничают, — пожал я плечами.

— Пусть, — выдала Лена уже без негодования.

— Пусть, — согласился и все же отвинтил последний винтик, давая Елене вытащить убитый диск из салазок.

В общем, уходили мы изрядно отяжеленными. Бумага, если ее много, прилично весит.

Спустились на первый этаж, хотели было прорваться через дверь под лестницей, отмеченную мною в прошлый раз — но людским плечом без правильного разгона железный лист оказалось не пробить, код же от замка можно было подбирать до утра. Оставался путь через общий зал, благо там Мерен — человек почти свой, а коды от остальных дверей я знаю. Прорвемся — на наглости и напоре прорвемся.

— Девчонки, слушаем меня, — остановился я перед рывком. — Первыми ничего не говорим! На гостей смотрим украдкой, взгляда не поднимая. Проходим быстро и организованно! В зале, скорее всего, еще двое из охраны и племянник местного шефа. Я с ними разберусь, а инопланетянам на нас все равно. Ключи, — вручил я трофейные от Ленд Крузера Татьяне.

Джип Лили, по их словам, остался за шлагбаумом. А их самих, святую наивность, вооруженную только удостоверением сотрудника МВД, сопроводили сюда своим ходом, прямо до этого дома, где стояла машина, на которой меня увезли.

В общем-то, именно дружелюбное поведение начальника охраны, чутко реагировавшего на пожелания аж целого майора, ввели Лену в заблуждение — люди сотрудничали, недоуменно и искренне реагировали на слова о возможном похищении. Наоборот, припомнили, что я уже как-то заезжал позавчера и в тот же день отправился обратно, пьяным и довольным. Короче, не было повода у Лены для вызова кавалерии и всей королевской рати.

Уже здесь, у домика на краю заводской территории, улыбающийся и галантный Андраник заверил начальника службы безопасности завода, что он все сделал правильно, а девушкам — что тут полный пустяк вместе с недопониманием, и я действительно у него в гостях и даже сейчас выпиваю. Можете, мол, убедиться.

Так понимаю, охрана завода вообще не в курсе того, что здесь происходит — не даром с нуля Андраник отстроил тут целый дом в два этажа и оборудовался так, чтобы вся безопасность обеспечивалась электроникой и кучей дверей при минимуме персонала.

После всего, охрану отправили обратно на пост, а девушек завели на второй этаж через дверь с улицы, обещая ко мне провести. Может, и обошлось бы — только я в это время был «Там», а Лена, никого не увидев в помещении и накрутив себя, уже демонстративно хотела вызывать полицию...

— Выходим и валим! Все поняли?

— Ага, — сверкали они предвкушением в глазах.

А Лена нежно поглаживала портфель с трофейным жестким диском и укладкой документов из сейфа — все про пациентов Мерена, вся его бухгалтерия и из под хозяйской руки.

— Двинулись, — набрал я код и первым вошел вперед, чувствуя, как девушки идут следом.

Первыми на нас обратил внимание мужик из свиты Мерена. Глянул пьяно и тут же взревел довольным голосом.

— Бабы! — Произнес он не по-нашему.

За что тут же получил от меня по морде.

— Мое! — Рыкнул я ему на понятном ему языке.

Чтобы не ходить далеко, отоварил еще двух дернувшихся «родственников», оказавшихся удачно рядом у двери, и пошел дальше.

Артур, где Артур? Не видно его. Прикрыл глаза, напряженно вглядываясь в дом через стены. Нашел — у портала двое стоят. Олег, Артур? Оба уже в курсе, зачем меня наверх звали, просто так подойти к себе не дадут. А то и могут рвануть в переход... Или Мерена на помощь позвать. Но у Артура телефон, а значит можно будет просто вернуться на второй этаж и ждать подмоги. Да и не понятно, кому Мерен еще помогать станет... На мгновение оглянулся на девушек, прикидывая, не зацепит ли их, если что-то пойдет не так. Плевать, так прорвемся — двинулся я по маршруту.

— Сергей Никитич Кожевников, кто эти прекрасные создания с тобой? — Встав и сияя восхищением во взгляде, смотрел на нас Мерен.

Акты физического насилия в моем исполнении его вообще не волновали.

— Мои жены, — кратко ответил я ему, хоть и остановившись из вежливости, но продолжая бочком-бочком двигаться к цели.

— Какие еще жены? — Зашипела Лилия.

Мерен нахмурился.

— А с вами Юли не было? — Чуть нервничая, прибег я к верному варианту.

— Юля? Какая еще Юля, кобель?! — Стукнули меня мешком с деньгами.

Вроде, осознавая это — приятно, а вроде так себе.

— Жены, — расцветая понимающей улыбкой, произнес Мерен. — Теперь понятно, почему ты их не продал. Таких красивых, ах!

— Прода-а-ал?! — Растянулось на три голоса.

— Ну, мне надо идти, — нервно улыбнулся и заспешил на выход, к двери, поспешно набирая код замка.

— Надумаешь меняться — за каждую строптивую трех тихих дам!

— Ага-ага.

Скользнул внутрь, дождался подруг и закрыл замок. И только потом, через стекло в общий зал, мельком увидел, как из третьей двери, которая к порталу, спешно метнулся в сторону кабинета дяди Артур. Дернулся было за ним, да сам себя удержал — тут всего две двери до свободы. Успеем, должны успеть, а там даже местная охрана будет на нашей стороне.

Только второй замок отчего-то не хотел принимать пароль. Да еще жены эти... Недовольны тем, что жены. И Юлей. И вообще.

— Что значит «ага»? — Шипели они. — Ты на кого нас менять вздумал?!

— А ну-ка тихо! — Гаркнул я, и спокойствие пришло в окружающую реальность. Да и

пароль словно по волшебству тут же подошел.

Осталась последняя дверь, и виднелось уже внутреннее подворье, когда свет над головой мигнул, будто электричество просело.

Забил код, в котором был почти уверен — мимо. И тут же — значок «заблокировано», «ошибка».

— Добрался-таки, — припомнил я злым словом Артура, руками отодвинул девушек к стене и с силой разбежавшись, двинул плечом по косяку, вызвав осязаемое дрожание.

Знал же, чувствовал, что надо бежать за паршивцем! Зарывав, мощно ударил по двери — так, что она на полсантиметра точно отскочила.

— Либо магнит отпустит, либо косяк вышибу, — залихватски подмигнул я побледневшим девушкам.

— С-сергей, — испуганно произнесла Лена, глядя куда-то над моей головой. А затем подняла туда палец, указывая.

— Что? — Повернулся я в ту сторону.

Чтобы вместе со всеми понаблюдать, как из щелей решетки, принятой за вентиляцию, со все нарастающим шипением парил, вливаясь длинными лоскутами внутрь коридора, серо-белый газ...

Я качнулся, не понимая — действует ли это он, или просто от обреченного осознания. Откуда он здесь? Как, каким образом?.. Очередной удар по двери вышел слабым и несерьезным.

Шагнул назад, чувствуя как подкашиваются ноги и оказался между Лилией и Леной, не давая им упасть. Не удовлетворившись этим, уперся головой в стену и нащупал правой рукой Татьяну, крепко прижав всех троих.

— Я... люблю...

— Кого? — Тихий, словно давно не пивший воды голос.

— Каждую... И вместе...

Темнота.

За мгновение до того, как открываешь глаза, тело обычно напоминает, где оно отключилось вчера. Если у него бывали сомнения, то про то, что в этот раз подушка лежит ближе к двери, а не к окну, оттого света сквозь закрытые веки так много. И совсем редко в моей жизни непонимание, где я и почему, осложнялось блуждающей болью по всему телу.

Лениво просыпался разум, пытая память: что я вчера ел и пил, во сколько лег, был ли вечером душ и зубная паста. Осторожное движение рукой стрельнуло неожиданной болью, отбивая желание шевелиться вообще. Открывать глаза тоже не хотелось — свет в лицо бил немилосердно, но попытка отвернуться завершилась болезненной вспышкой в шее, до тихого стога. Оставалось тихо прислушиваться к телу, выискивая подсказки через осязание окружающего пространства кожей.

Спину, ноги и грудь обнимало жаром чего-то шерстяного и тяжелого — да так, что хотелось раскрыться. Шею касались слабые порывы ветерка, будто на сквозняке. Шелестело нечто в отдалении, вентилятором ли, али приглушенным белым шумом от телевизора. Ну а лицо — лицо по-прежнему заливало солнечным светом, и терпеть это становилось с каждой секундой все сложнее и сложнее.

— Очнулся, — шепнул сверху знакомый девичий голос, а лоб протерли чем-то приятно-холодным.

И даже тень закрыла от яркого света, даря чуть ли не физическое наслаждение.

Все-же, с трудом открыл глаза, будто залитые смолой. Увидел бесконечное синее небо, а в левой его половине — сочную женскую грудь с красивым ореолом вокруг соска.

Приподнялся, игнорируя боль, и губами прихватил эту прелесть, легонько втягивая и тут же отпуская, играя языком и целуя. Правой рукой обнял хозяйку такого богатства, а второй приласкал другую грудь.

— Живой, — шепнули сверху радостно.

Таня, точно!

— Еще какой живой, — добавили справа мрачно, Лилиным голосом.

— Доброе утро, — оторвавшись от груди, повернулся я в ту сторону, глядя чуть замыленным взором — будто что-то в глаз попало, оттого все расплывалось — на очаровательный анфас соседки, прятавшей тело под большой темной звериной шкурой — той же самой, что покрывала и меня.

— Доброе, — столь же хмуро добавили слева.

Повернулся и через боль улыбнулся Лене. Рукой нырнул под шкуру и быстро убедился в наготе эльфийки — быстрее, чем мне хлопнули ладонью по запястью.

То есть, вчера у меня все получилось?!

— Как здорово что все мы здесь сегодня собрались!

— Ой придурок, — отвернулась она спиной и сдвинулась подальше, натягивая на себя шкуру по шею, а место по левую руку заняла грустно улыбающаяся Таня.

Все же, три девушки — это идеальная конфигурация! Ведь одна по левую руку, вторая по правую, а с третьей можно быть в ссоре. Зная девушек — с одной из трех так будет стабильно.

— Дай мне минутку, — попросил я у чаровницы чуть виновато, все еще морщась от боли в теле.

— На что? — Удивилась Татьяна.

— Хотя, не надо минуты, — вновь прикипел я взглядом к Таниной груди, скрывая стон, повернулся на бок и приник к ней поцелуем, начиная блуждание ладонью по ее телу.

— погоди, ты чего, — отпрянула девушка. — На нас смотрят.

— Лена отвернулась.

— Не она! Он! — непонятно ответила она, испуганно посмотрев мне за спину.

Отодвинулся и мрачно обернулся в ту сторону. Разум уже нашел версию, как и где я — на природе, а значит на пикнике. А приватность нашу изволит нарушать какой-то левый турист-извращенец. Сейчас мы его, добрым словом усоведем или чем потяжелее.

И что бы вы думали? Сидит, почти рядом сидит, какая наглость! С виду бомж — тряпки серые, сам заросший, неведомо сколько не мылся, ладно хоть ветер не на нас. За забором сидит — массивным таким, из толстых веток, и похоже, думает, что раз за забором, то все можно.

— А ну пошел на хрен! — Яростно рявкнул я.

Тот только дернулся, но все еще сидел и буркалы на нас свои паялил. Вот гад, а.

— Сейчас встану и глаза выдерну, — рыкнув, пообещал я, ища свою одежду.

Вокруг одни меха на молодой траве — на одних лежим, вторыми укрываемся. Блин, под верхними, что ли? Занырнул в тепло и темень, пытаюсь найти хотя бы трусы. Но нашел только две повернутые ко мне спины, а еще побродив — очаровательные ножки. Подумав и оценив размер звериных шкур — а их тут, похоже, несколько, и сшиты они в нереально огромное полотно, потянул находку за лодыжки. Сверху взвизгнули, ругнулись и застучали кулачками по голове, потом по плечам — затем, когда я охнул и простонал от боли, ойкнули, извинились и позволили себя поцеловать.

— Жарко, — невнятно и глубоко дыша прошептали на ухо

В пространстве под шкурами действительно было, как в бане, ладно хоть запах не бил по голове, а был где-то даже приятным, лиственным.

— Выныривай, — согласился я, сам же продолжив целовать и ласкать то, что оказалось перед лицом.

И только перед самым действием, припомнив про грязного извращенца, притянул сладкое тело снова к себе, разделяя вместе жар и дыхание, под слабые дуновения прохлады и свет дня от просвета в мехах над головами. Вновь вынырнули уже вместе: я — изрядно посвежевшим после маятного пробуждения, а она — приводя в порядок растепанные волосы, убирая их ладонью с лица.

— Лилия? — Удивился я, глядя на румяную подругу.

Позади откашлялись — задорно так, со смешинкой. Повернулся — Таня смотрит, улыбаясь.

— Мои тысячи извинений, — посмотрел я на нее, думая, как искупить.

Затем махнул рукой и утянул ее тоже вниз, вновь схлопотав ворчание, протесты, но завершившиеся столь же приятно.

Вылез, убедился, что передо мной именно Таня и выдохнул спокойно — в этот раз все штатно, не перепутал. Посмотрел на очаровательную спину Лены, обнаженную почти до пояса из-за наших маневров. Может, она тоже обиделась? Перебрался через размякшую и расслабленную Таню и коснулся Лениного плеча.

— Я не хочу! — Строго ответила она, дернув плечом.

Ну, это мы сегодня уже слышали — философски констатировал я, утягивая девушку в

темноту звериных шкур.

В общем, не самое плохое утро, и даже неприятный жар в теле, который намекал на скорую болезнь, обратился веселым огнем энергии и действия. В общем, все отлично.

Только эта скотина извращенская до сих пор сидит и смотрит.

— Ты не охренел, мужик? — Искренне изумился я. — Все, пойду морды бить, — решительно приподнялся я.

А хоть и голым, но такое хамство — это ни в какие ворота.

— Куда? — удержала меня за плечо Лена.

— Да за забор этот.

— Какой забор, Сережа? Мы в клетке. — Грустным голосом произнесла Таня

Недоуменно посмотрел на нее. Затем внимательно оглядел все еще раз. Толстые прутья «забора» окружали нас со всех сторон, запирая даже небо решеткой, незаметной из-за солнца в зените.

Большая клетка, с комнату в моем доме. А мы на ее полу — лежим поверх звериных шкур на земле, прикрываясь еще одной сшитой шкурой. И никакой нашей одежды рядом нет, потому что ее никогда и не было. В этом мире.

Момент осознания ударил по голове почище чистого спирта, заставив мир легонько качнуться.

Вокруг стена чахлых деревьев — скорее, разросшихся кустов. Низина, пахнет сыростью и ранней весной, а тот шелест — шум воды неподалеку. Попробовал оглядеться талантом — и мир расцвел десятками людских силуэтов, часть из которых была совсем рядом, но большая в отдалении и чуть в стороне, собираясь в образ небольшого людского поселения.

Я быстро потряс головой, чтобы мысли и события заняли положенные им места, и еще раз посмотрел на наблюдателя.

— Зови Уважаемого Мерена Варама Белилитдила, — обратился я к нему жестким голосом, на его языке.

Тот хоть и ворохнулся, но продолжил за нами смотреть.

— Иначе я погложу тебя следующим.

Подорвался, будто тот хоббит назгула увидел. И ноги такие же волосатые.

— Так, — развернулся я к девушкам. — Господа гарем.

— Че?!

— Уважаемые жены, — тут же поправился я. — Как нас угораздило, есть варианты? Кто очнулся первым?

— Я, — подала голос Лена, глядя после моей отповеди местному подозрительно. — А ты что и на каком языке ему сказал?

— Не важно, что я ему сказал. Важно, что он понял, — выдал я мудрую фразу, как положено главе семьи. — Так что произошло, пока я спал?

— Пока ты умирал, — поправила меня Лена. — Мы очнулись уже тут, в клетке.

— На этих шкурах, голыми! — Возмутилась Лилия за моей спиной.

— Целыми? — Затревожился за них я.

— Целыми, — подтвердила Таня, оглядев все вокруг, тихонько поднявшись и, сияя наготой, юркнув к дальней части клетки.

Присмотрелся — стоят там три кадки с водой, а в другом конце клетки такая же, но пустая. Местные удобства, надо полагать.

— Целыми — это хорошо, — выдохнул я успокоено, отворачиваясь, чтобы не смущать

даму. — Никто ничего не говорил? Не угрожал?

— Нет, — ответила Лена, продолжая смотреть с подозрением. — Только у тебя были сломаны руки.

— Левая рука, — поправила Татьяна, возвращаясь. — Закрытый перелом.

Я с удивлением посмотрел на целую руку.

— Вроде, нормально, — осторожно повел я ей, согнул и разогнул.

— А еще тебе почти выбили глаз, сорвана кожа на ребрах, многочисленные рассечения, подозрения на перелом стопы, ключицы, почти оторвано ухо и перебит нос. — Произнесла Лилия, успевшая незаметно юркнуть к воде.

— Да ну? — Не поверил я, прислушиваясь к организму.

Болит, конечно, но все в пределах нормы. Ну как нормы — ощущения по утру от честной студенческой драки, усугублённой похмельем.

— Ты весь в крови был, Сережа, — подтвердила Таня, задрожав губами и явно заново переживая то, что было. — Я отмыла грязь и землю, но покраснения у ран уже было, а антибиотиков нет. И никто не помог! Я звала на помощь!

— Мы все кричали. Потом в нас начали кидать камни. — Буркнула Лилия, вернувшись, забравшись под шкуры и отчего-то отвернувшись от меня спиной.

— А говорите, не трогали, — укорил их я, внутренне заводясь гневом. — Кто кидал? Этот лохматый?

Лена коротко кивнула.

— Хана хоббиту, — процедил я сквозь сжатые губы.

— Лиле по лбу сильно попало, — добавила она, выразительно показав взглядом на девушку.

Я с трогательной заботой коснулся плеча соседки.

— Покажи, — попросил я.

— Нет.

— Лилия.

— Я некрасивая.

— Самая красивая! Ну покажи, я полечу. — Ворковал я, убеждая и поворачивая на спину. — Вот подую, поцелую, и все пройдет.

Лилия все же повернулась, показывая здоровенную гематому на лбу. Оно так-то под мехами видно не было, да и не касался я той части.

— Камни остались, которые он кидал? — Играя желваками, осмотрел я рану.

— Я спрятала под пустой бочкой. — Доложила Лена.

— Отомстим, — пообещал я Лилии, накладывая ладонь левой руки на поврежденную кожу и желая всей душой ее излечить.

Еле заметное под светом солнца зеленоватое сияние коснулось раны, почти моментально обращая ее здоровым участком.

— Ой, тепло, — ворохнулась Лиля. — И приятно... Почти как тогда... — Сонно улыбнулась она, сонно смеживая веки.

Уснула. И вновь прекрасна — довольно улыбнулся я.

— Сережа, — мягко, почти воркующе произнесла Елена, пристально наблюдавшая за моими манипуляциями. — А расскажи мне сказку?

— Потом, — буркнул я.

Так глупо спалился... Хотя иначе, наверное, не мог.

— Сереж, а ты ведь знаешь местного босса? — Подала голос Таня.

Чудес она не видела, и мысли ее были про другое.

— Знаю.

— Значит, он нас отпустит. — Выдохнула она, чуть закусив губу, и посмотрела на небо. — Да ведь?

— Конечно, — не стал я портить ей настроение.

— Вот. Хотели бы убить, не дали бы нам эти одеяла, — похлопала она ладонью по мехам. — И нас бы... Но мы ведь целые! Только тебя не лечат. А еще нас, наверное, милиция ищет. А еще папа может денег на выкуп собрать, — тихонько всхлипнула она. — И я машину продам, если не хватит... — Появились первые слезы.

— Таня, все будет хорошо. — Заверил я ее уже со всей искренностью, приобнимая. — У тебя самой ничего не болит? Никуда не попало?

— В руки, и в спи-ину... — Плакала она.

Погладил по обиженному месту, используя талант, и осторожно опустил уснувшую девушку на меха, прикрыв другими до шеи.

Поманил ладонью рукой Лену, уже голодной пантерой смотревшей на меня — столь же напряженно и предвкушающе. Только интерес у нее даже не гастрономический, хуже — должностной.

Плавными движениями Елена перебралась через Таню и нависла надо мной.

— Забирайся, — указал я под меха. — Не май месяц. Простудишься.

Тут скорее была середина апреля — вроде и тепло, но порой дунет как твой февраль.

Справа спала Лилия, толком не оставляя свободного места, так что Елена уместилась прямо на мне. И смотрела глаза в глаза — строго и выжидательно. Если бы мои руки в этот момент не лежали на ее нижних девяносто, то я наверняка бы впечатлился.

— Руки!

— Знаешь ли ты, как зовут сотого космонавта на планете Земля? — Спросил я одухотворенно, выполняя ее просьбу с фантазией.

— Хватит паясничать. — Буркнула Лена, вытаскивая мои руки своими, размещая их на моей груди и положив сверху свой подбородок для фиксации. — Рассказывай.

— Что именно?

— Все рассказывай! С самого начала!

— Ну, сначала было тепло, уютно и сытно, но потом меня родили и больно дали по попе.

— Сергей!

— Тебе, кстати, не кажется символичным, что это первое, что делает с нами мир после появления на свет?

— Укушу.

— Ладно, — вздохнул я. — Просто так получилось.

— Это не ответ.

— А на другой у тебя допуска нет, майор! — Ответил я столь же строгим взглядом.

Лена встрепенулась и явно попыталась выполнить команду «смирно» из положения лежа. Привело к тому, что мои руки вновь оказались на мягких округлостях, а там я ее мягко перевернул и изобразил, что обычно делает добрый начальник с нерадивой подчиненной. Добрый — потому что нежно.

— Хорошо быть Джеймсом Бондом, — вздохнул я полной грудью прохладный, но такой

приятный воздух.

Мерен, что характерно, запаздывал, но в данном случае с его стороны это было по-джентельменски.

— Ты мне соврал, — буркнула Лена, тут же обо всем догадавшись.

— Но ведь допуска нет? — Глянул я на нее мельком.

— У тебя — тоже! — Прижалась она к плечу, предварительно его чуть укусив. — Ну и ладно, все равно помирать... — шепнула она каким-то своим мыслям..

— Нет, ну по семейному рассказать могу.

А затем перевел взгляд на Таню, прислушиваясь к спокойному дыханию Лилии за спиной.

— Всем троим, — добавил я. — Не притворяйтесь.

— Да вы даже слона разбудите, — буркнула Лилия.

— Вот-вот, — открыла глаза Таня, приподнимаясь на локте и хмуро глядя на нас. — Спать не дадут.

Затем перевела взгляд на Лилию и, на мгновение замерев, ойкнула:

— Рана пропала!

Лилия осторожно коснулась лба рукой, затем подорвалась и поспешила к воде — любоваться.

— Впрочем, если нас все равно убьют... — шепнула горько Таня, прячась поглубже под звериными шкурами.

— Не убьют. Чтобы знали — ваш муж великий шаман. — Гордо ответил я.

На что девушки слитно посмотрели на меня, задумчиво, но без ожидаемого благоговения.

— Голова не зажила, — констатировала Таня.

— Короче, я вас всех спасу, — буркнул я, заворачиваясь поглубже в меха. — Отсыпайтесь, ждите ночи.

Да и сам прикорнул незаметно. До той поры, пока не растолкали под ожесточенный шепот.

— Там эти идут! — трясла за плечо Елена.

— Пусть эти идут нафиг, — отмахнулся я, желая досмотреть сон.

Он, вроде как, был приятный, только про что — ускользнула мысль, потому как с другой стороны начала тормозить Татьяна.

— Ну просыпайся же! Там этот, Мерин... — Чуть неуверенно произнесла она его имя.

Тут уже я сам подскочил, припомнив всю глубину и тяжесть ситуации.

Для приличия, поменялся местами с Лилией, до этого занимавшей место с краю. Там же и уселся в позе лотоса, завернувшись в меха, ожидая, как подойдет Мерен со свитой из семи человек.

Иномирянин выглядел сонно, а его сопровождение — еще и с изрядного похмелья. Получалось, что они только-только проснулись после вчерашних возлияний, а ведь день — если судить по солнцу — уверенно шел к трем часам. За их спинами обнаружился тот самый хоббит, который явно не заживется на свете — ему я улыбнулся особенно ласково, отчего тот задрожал и спрятался за ближайшего соплеменника.

— Доброго дня и ясной головы, Уважаемый Мерен Варам Белилитдил, — перевел я взгляд на лидера. — Твой слуга был неласков с моими женами и чуть не испортил их красоту.

— Здравствуй, — ответил он, кинув недовольный взгляд себе за спину.

Тут же раздался звук тумака и болезненный стон, порадовавший мою мстительную душу. Ничего, потом я еще сам доберусь.

А затем Мерен произнес то, что мне крайне не понравилось.

— Здравствуй, Сер. — Стоял он почти возле клетки, в каком то метре от нее.

Свита же осталась в десятке шагов позади.

— Меня зовут Сергей Никитич Кожевников, — ответил я со спокойной гордостью.

— Ты утерял право на это имя, — придвинулся Мерен ближе, смотря с непонятной смесью сочувствия и уверенной решимости в своих словах.

— Когда? — держался я нейтрально, стараясь не выдавать свои чувства.

Что-то не похоже, что нас сейчас будут освобождать, брататься и кормить. Вообще не похоже — даже волнение взяло из-за ответственности за тех, кто прислушивался к словам Мерена за моей спиной.

— Когда? — Повторил он мой вопрос, присаживаясь на корточки перед решеткой, чтобы наши взгляды были на одном уровне.

В его тоне не было моего равнодушия, но сквозила горечь и злость.

— Когда позволил двусловным взять себя в плен и продать себя с женами, как глупого гаура-однолетку?

— Мерен Ва...

— Ах нет! — Перебил он меня, выговаривая ожесточенно. — Может, когда позволил этим лжецам с фальшивыми именами помыкать собой?! Этот... Наа-пе-то-вич! — Плюнул он перед собой. — Я, даже я на секунду поверил, что передо мной представят достойного человека! Но тут же все понял, когда увидел его зубы!

— Зубы? — Изумился я.

— Желтые кривые зубы, — чуть не зарычал Мерен. — Кого он пытался обмануть?! Где ты видел трехсловного четырехслогового с большими зубами?! Но нет, ты был настолько же глуп, настолько недостоин трех имен!

— Послушай, — приподнял я ладони, желая унять разошедшегося иномирянина.

— А может, ты потерял имя, — только повысил он голос, распаяясь. — Когда связался с ворами?! — Гневно указал он в сторону, где я в тот раз талантом увидел небольшую группу людей рядом с нами.

Догадка кольнула сердце. Я встал во весь рост, не стесняясь наготы, и посмотрел в указанную сторону.

Тут, с определенной высоты, можно было смотреть сквозь верхушки кустов, наблюдая решетчатый верх еще одной клетки — куда более мелкой в ширину и длину, чем наша. Посмотрел талантом — шесть силуэтов: один лежит, двое привалились к решетке, еще трое с другого края сидят на корточках — видимо, местные провинившиеся... Или для кого эти клетки...

— Значит, поймали, — тихо шепнул я одними губами и вновь повернулся к Мерену, неспешно возвращаясь на свое место.

— Там все... Эти... Как их... И А-лек-сей. — Отмахнулся Мерен рукой, вроде успокаиваясь.

Спросить, живы ли они? А есть ли в этом смысл — если я выберусь (а я выберусь), то все равно узнаю сам.

— У вас безумный мир, неправильный. — Посетовал мне Мерен между тем. — Столько

вкусной еды в руках недостойных. И ты в этом тоже виноват! Ты допустил!

Я вновь промолчал.

— Но ничего, — вздохнул он, не дождавшись моей реакции. — Я уже призвал три тысячи войска владыки Савармара. Скоро он и его воины будут здесь, и мы заберем все ваши су-пер-мар-ке-ты и станем владеть всей вашей едой. — Завершил он буднично, чуть улыбнувшись.

От удивления я только рот приоткрыл. А за спиной испуганно охнули.

Даром, что план смотрелся абсурдно — не важно, насколько ошибочны представления Мерена о том, откуда берется в нашем мире еда. Угрозу он в себе нес самую настоящую, и именно она пробирала до мурашек по спине. Три тысячи человек в нашем небольшом городе могут устроить кровавую баню, даром, что войдут они в этот мир голышом. И бетонный завод станет для них идеальным плацдармом — за высокими стенами город не сразу увидит скопление сил противника, а металла и арматуры на территории завались...

— Ты не пройдешь дальше портала, — осторожно произнес я в попытке выведать детали плана.

— Олег ведь проходит? — Ответил он новой улыбкой.

— Но ты — не Олег.

— Но я поглосщу память Олега, — скалил он здоровые зубы. — И узнаю, как пройти дальше. А до этого поглосщу память этих воров, которые тоже могут что-то знать. И твою, Сер, тоже поглосщу. Но знай, — спохватился он отчего-то. — что бы с тобой не произошло, я действительно уважал тебя. Поэтому я дарю тебе этот день и эту ночь. Проведи свое последнее время с женами в комфорте, счастье и радости, мой бывший друг. — Добавил он грусти в голос.

— Мы не его жены!

— А раз не жены, то место таким в клетке для рабов! — Гаркнул Мерен. — Так жены или нет?!

— Жены, жены, — испуганно исполнили в три голоса.

— А когда тебя не станет, — Обратился он ко мне вновь. — Я сохраню память о тебе и покараю твоих врагов, — с мрачной торжественностью произнес Мерен и принялся подниматься на ноги, обозначая завершение беседы.

— Пстой. Ты можешь дать моим женам свободу в знак нашей дружбы? Они глупы, неопытны и ничего не знают о моем мире. Их поглощение тебе ничего не даст, а моя последняя ночь будет куда прекрасней, если я буду знать, что они в безопасности.

Позади промолчали, не став возмущаться данной им характеристикой — умные. А мне в одиночку прорываться проще.

На Андраника и остальных Мерену уже все равно — захочет, выведет. Может сработать — не видит он в них опасности, а зря. Там же эльф.

— Твои жены слишком красивы, чтобы их поглощать, — цокнул Мерен, заглядывая мне за плечо. — Будет правильно, чтобы они жили, продолжая украшать мир. Я подарю их Савармару и другим вождям.

— Что?! — Дернулся я с места.

— Да я лучше сдохну! — Звонко крикнула Лилия.

— Даже тут ты оказался слаб, Сер, — печально покачал Мерен головой. — Просишь не за себя, а за этих ведьм, окрутивших твою голову.

Я же неожиданно для себя успокоился. Толку сотрясать воздух громкими фразами и

угрозами. Надо просто дождаться ночи.

— Как же ты не распознал их сразу? Разве людские женщины могут быть столь красивы? Даже ребенок знает, как распознать ту, что родилась на спине волка под полной лукой! Но не беспокойся, вожди смогут усмирить их норы, — рассмеялся он, отправляясь в сторону поселения. — Или это сделают сотни дружинников.

Прошло, наверное, минут пять, как спина Мерена исчезла из виду, как позади донесся тоскливый голос:

— Сере-ежа, — тронула меня за плечо девичья рука.

Рядом присела Лилия, по другое плечо Лена, а возле ног легла Таня, глядя снизу вверх с надеждой и ожиданием.

— Он ведь... Ты ведь нас спасешь, да? — Смотрели на меня три пары глаз.

— Конечно, родные, — заверил я их, улыбаясь и переводя взгляд с одну на другую.

— А за меня награда полагается, — шепнула Лена. — И грамота.

— Всех спасу, — оглядел я пространство перед собой, вновь наткнувшись на этого полурослика, уставившегося на нас не по-служебному маслянистым взглядом.

— А ну закрой глаза и уши, иначе я дуну и прокляну их через ветер! — Гаркнул я на него по ихнему, отчего извращенец резко зажмурился и сильно сжал уши ладонями. — Вот так, — буркнул я, переходя на русский.

— Может, перед смертью все расскажешь? — Потерлась Лена щекой.

— Да погоди ты меня хоронить, — отмахнулся я, успокаивая поглаживанием ворохнувшуюся было испуганно Таню. — Мы не только сами выберемся. Мы еще мир спасем.

— И я не ведьма... Я утром родилась. В восемь сорок две...

— Ну конечно не ведьма, — приласкал я ее, ни секунды не сомневаясь.

Ведь нет лучше времени для появления эльфа, чем утро и весна.

Параллельно с любой действительностью, в каждом из миров есть место совершенное и безопасное, теплое и гостеприимное. Вход в него доступен каждому, и всякий там бывал. Место под одеялом.

В детстве оно укроет от ужасов, притаившихся под кроватью; от монстров, поглядывающих через щель в приоткрытых створках из темной глубины шкафа. В юности защитит от недоверия тех, кто сомневается, что нет первого урока и первой пары. А в более зрелом возрасте под одеяло можно взять любимого человека, разделяя радость и счастье от пребывания в идеальном пространстве — вроде как, совсем небольшом, но способным уместить в себе так много движения. И, как показала практика, чем больше любимых вы способны под ним собрать, тем интереснее.

— Какое длинный и большой... — Раздавалось приглушенно-восхищенное девичьим голосом над сшитыми друг с другом звериными шкурами, прикрывающими от любопытного взора происходящее под ними действие.

— Не помещается! — Сетовал ей другой женский голос.

— Дай я..! — Азартно звучал первый. — У меня все поместится!

— Не тяните так сильно! — В пику им возмущался я, опасаясь за свое здоровье.

Короче, мы тянули из моего бедра сверток с копьем. Ну и, понятно, со всеми эти тряпки и остальным, что в них было замотано: медными пластинками, кольцами, браслетами, цепочками, ножом и прочим натрофеенным мною, помещенным в камень-архиватор и благоразумно носимым с собой.

Делали мы это под одеялом из мехов, тайно, потому как предыдущего и очень удобного охранника нам, увы, заменили за нарушение устава постовой службы — первый, закрыв глаза и уши, умудрился заснуть. За что его, как я мог наблюдать, разжаловали пинками сторожить соседнюю клетку.

Рядом же с нами посадили одного из свитских Мерена — мужика под тридцать пять в сине-фиолетовой хламиде с меховыми оторочками на вороте и рукавах, жилистого, со сломанным носом и обветренным лицом — который нам сразу не понравился своей невосприимчивостью к мистике и моим проклятиям.

Через какое-то время он было исчез, перейдя в категорию «неплохой человек». Однако не успели мы обрадоваться, как охранник явился обратно с блюдом жареного мяса, переложеного ароматными листьями, что в совокупности было, в общем-то, неплохо и несколько примиряло бы с таким соседством — только вот делиться он не собирался, тут же перейдя в разряд «скотины и сатрапа» единогласным пододеяльным голосованием.

Вернее, не то, чтобы он желал все съесть сам, демонстративно и насмехаясь — вел он себя откровенно странно, то порываясь шагнуть ко мне с куском мяса, поглядывая на Татьяну, то отходил назад, смущенно отводя взгляд на вопрос «Че надо?!», изложенный на двух языках.

Что ему надо — мы примерно догадывались, потому особо уточнять и не стремились. Добрых чувств к нашему охраннику это не добавляло, особенно на фоне того, что девушки всерьез проголодались. Я, кстати, голода не испытывал от слова вообще, что было довольно странно. Обычно, после лечения организм в срочном порядке требует возместить ему потери в энергии, а тут — ничего, одна приятная сытость, как через пару часов после сытного обеда.

Будто и не было сломанной, по словам девушек, руки и избитого тела. Да и голова — свежая и до звона пустая, без единой гнетущей мысли.

То, почему я вылечился, мне более-менее понятно — способность завязана на желании излечить и могла быть задействована неосознанно, на уровне самосохранения. Но вот отчего тело не требовало компенсации, вопрос был открытый. Может, воздух тут такой? Не даром ведь таланты поглощения не действуют на нашей стороне. Хотя последнее может быть связано с местной фауной — наша ведь наверняка отличается, даже те же мышцы. Непонятно, но меня, в целом, устраивает (хотя бы потому что я жив).

Между тем, возня с копьём продолжалась — не так легко вытащить почти полутораметровую дуру, обмотанную барахлом, в тесном пространстве под звериными шкурами. Но Лилия и Татьяна, вроде, справились. Не участвовала в этом всем только Лена, но я знал, что она сейчас с подозрением смотрит на меня в темноте, желая задать вопросы и укусить, если ответы ее не устроят. Оттого повернулся к ней спиной — мало ли что ее зубам подвернется...

Ну а вообще все наши маневры шли под эгидой благородного и необходимого действия, имя которому «тактическое отступление». Шел глубокий вечер, Мерен уже час, как отправился на очередной сеанс застолья, поэтому главой семьи (мною) было принято решение валить. Уточнения «как и кого» прилагались, а после демонстрации на ощупь краешка копья из бедра и пояснений, что нет, я не мутант-извращенец, а все еще великий шаман, девушки наконец-таки выплыли из депрессии на волне энтузиазма и надежды. Короче, у нас даже был план — и сейчас, когда судя по ощущениям, копьё из меня все-таки вытащили, а камешек-архиватор упал в своевременно подставленную ладонь, ему предстояло сбыться.

— Эй, ты. — Показался я головой над мехами и окликнул охранника на их наречии. — Как тебя зовут?

— Орууш, — мигом поднялся он на ноги, глядя с затаенной надеждой и вновь чуть протягивая чашу с мясом в мою сторону.

— Что ты хочешь за мясо, Орууш?

Тот вновь потерял способность внятно изъясняться, тоскливо посмотрел на холмики-силуэты девушек, спрятавшихся под звериными шкурами, и вновь присел на свое место.

— Ты посмел желать мою жену? — Грозно произнес я.

— Нет-нет! — Замахал он свободной рукой и категорично замотал головой. — Мерен Варам Белилитдил запретил! Я просто...

— Говори, Орууш, — одобрительно подсказал я, изображая голод.

То есть, смотрел не на него, а на мясо в чаше.

— Волосы, — выдохнул охранник.

— Волосы? — Недоуменно повторил я, поднимая взгляд.

— Красивые белые волосы, — закивал охранник обрадовано.

— Зачем тебе ее волосы, фетишист недоделанный!? — Последние слова, ясное дело, на русском, но грозный их характер он ощутил и проникся.

— Не для колдовства! — Замотал он головой, что твой электровеник. — Я своей жене их на голову привяжу. — Романтично произнес он. — Они красивые.

— Что он хочет? — Шепнула Таня из-под мехов, переживая от незнания языка.

— Волосы твои срезать и своей жене привязать, — перевел я для нее.

— Вот гад! — Ожидаемо раздалось возмущенное.

Но для плана все равно полагалось соглашаться — иначе как его подманить на замах копыя. Поторговавшись, разумеется.

— Одной чаши с мясом мало для таких красивых волос.

— Но завтра тебя не будет, — резонно заметил Орууш.

— Не тебе знать, буду я или нет! Я с Уважаемым договорюсь сам!

— Хорошо, господин, — поспешно произнес он, затем истово продолжил уговоры. —

Но через две ночи эти волосы все равно испортят пылью и сором! Они перестанут быть такими красивыми!

— Через две луны? — Мрачно повторил я, чувствуя, как образуется холодный ком в области солнечного сплетения. — Эти... Из Савармара?

— Да, — закивал охранник. — Гонец уже был! Продай их мне, господин, пока они чего-то стоят!

— Все равно нет!

— Но хотя бы две-три прядки! — Уговаривал охранник, чуть повернув чашу в мою сторону и парой движений ладони толкнул аромат в мою сторону.

Пахло, надо сказать, завлекательно, как жареному мясу и положено.

— Нет. Неси целую птицу, живую, — строго произнес в ответ.

— Мой господин запретил! — Категорично отказал охранник.

Вот же, а.

— Тогда неси еще мяса, — буркнул я, отворачиваясь и заворачиваясь в меха, показывая, что переговоры завершены. — Или другой еды, хорошей.

Настроения продолжать торг не было никакого. Да и словарный запас стремительно заканчивался.

Значит, через день ожидаются вожди и войско. Неприятно быстро, но с другой стороны, если Мерен планировал нападение в самом начале... Неделя туда, пару дней на переговоры, неделя обратно. Если не собирать обозы, рассчитывая забирать еду уже у нас, то можно организовать все быстро. Скверно.

Еще сквернее, что три тысячи будут с военачальниками, трофейными знаниями о нашем мире и уверенностью в своем праве взять у «фальшивых» четырехслоговых все, что они захотят. С одной стороны, хочется верить, что голыми они ничего не навоюют против внутренних войск и автоматов, но с другой — долго ли им отнять одежду, вооружится и взять в заложники часть города. Бежать нам надо срочно, и не местные власти предупреждать, а кого-то уровня Володина.

Тем временем Орууш все пытался рекламировать, восхваляя, выбранные специально для меня кусочки, сбиваясь на уговоры и увещевания, что жен у меня все равно отнимут, потому что гад-Мерен их уже успел через гонца кому-то пообещать. Потом плакался, что другого такого мяса у него нет. Но в итоге спешно убежал в сторону селения, обещая добавку.

— Нож у кого? — Мигом уточнил диспозицию под одеялом.

— У меня, — голос Лены.

Ну кто бы сомневался.

— Давай сюда.

— Нет.

— Тогда копай под забором сама, — посмотрев по сторонам своим талантом и не обнаружив наблюдателей, резко откинул я звериные шкуры в стороны.

Клетка, в которой нас содержали, была вкопана в землю, включая импровизированную

калитку из более тонких жердей, набранных почти сплошным деревянным щитом. Ломать дверцу было бессмысленно, как и скидывать засов с той стороны решетки — все равно, пока не откопаешь, не откроется. Перепиливать тоже не вариант — долго, да и металл ножа такой, что затупится быстрее.

Осмотрел ситуацию на полу — Лилия задумчиво склонилась над колечками, браслетами и медными пластинками. Таня ладила что-то вроде юбки из трофейной ткани. Елена хмуро смотрела на меня с ножом в руке.

— Копать тут, — сдвинулся я чуть в сторону, указав под одну из жердей забора, пространство от которой до соседних визуально было чуть больше, чем у других.

— Не поможет, — отрицательно качнула она головой. — Мы решетку не выломаем.

— Тогда отдай нож и готовься быть наложницей вождя, — раздраженно ответил я, подхватывая свое копьё и принимаясь быстро размельчать землю возле выбранного места.

Получалось на диво хорошо, будто после дождя, хотя поверхность выглядела твердой и утрамбованной. А когда Лена все же присоединилась, принимаясь осторожно отгребать ножом землю в сторону, так вообще замечательно.

— А нам что делать? — Робко спросила Таня.

— Вставайте во весь рост и принимайте завлекательные позы, — мельком глянул я назад. — Чтобы у аборигена все мысли отбило, и он нас не заметил.

— А это как? — Скромно спросила она.

— Ну, приобнимите друг друга, — повернулся я к ним и принялся деятельно руководить. — Вот так. А теперь пусть Лилия положит тебе руку на грудь. Не так, чуть ниже. Очень хорошо. Теперь чувственно приоткрыть ротик и слегка наклонить голову... Осанку держим. Да, именно этот взгляд. И волосы, волосы...

— А ну копай, — стукнула Лена по ноге.

— Копаю, копаю, — буркнул я.

— Нам так и стоять? Холодно, — чуть смущенно произнесла Таня.

— Еще минутку, — ответил им, с радостью обнаружив, что острие копьё провалилось под основание жердины.

Затем быстро упал на колени, помогая убрать часть земли ладонями, поддел камешек-архиватор под конец откопанной палки и ладонью повел вверх.

И жердь послушно погрузилась внутрь камешка, будто в нечто бездонное, оставляя пространство достаточное, чтобы хитрый и опасный эльф пролез меж забора на свободу.

— Давай копьё, я в кустах спрячусь и вырублю этого, как он придет, — глубоко и возбужденно дышала Лена, явно воодушевленная появившимся шансом, с опаской поглядывая в сторону поселения.

— Сам вырублю, — отказал ей, бросая часть тряпок, чтобы прикрылась, стыдоба эльфийская.

— Он тебя в клетке не увидит, обратно побежит. — Приводила она логичный довод, мастера вокруг себя из ткани что-то на вроде саронга. — Рисковать нельзя!

— Ладно, — неохотно согласился я, отдавая копьё. — Только нож дай. Если не получится оглушить, кину в него...

Или еще что-нибудь придумаю, но всяко лучше быть вооруженным, чем оставаться с голыми руками.

— Держи, — поспешно вернула она клинок, забрала копьё и решительно забралась вглубь кустов — за тем местом, где была чаша с мясом (предварительно оглядев последнюю

голодным взглядом).

Критически оглядел куст с молодой растительностью — вроде, не заметно. Словно и нет никого ушастого — но талант показывал притаившуюся охотницу на своем месте.

Убрал ладонь с камешком, возвращая жердине прежний размер. Накидал обратно земли, чуть прикрыл мехами — вроде, не особо видно. После чего обратил внимание на Таню с Лилией, терпеливо маскировавших наши действия своей красотой. Подошел к ним ближе, приобнял и наградил каждую поцелуем.

— А так любую стенку можно поднять? — Смущенно спросила Лилия. — Даже в банке?

— Нет. — Смерил я ее подозрительным взглядом, на всякий случай обещая себе закрыть у них счет. — А теперь — греться!

Чем и занялись, растирая друг друга, под мехами в ожидании возвращения охранника. В процессе из меня обрадованно пытались вытащить еще одно копьё, но после протеста и возмущения тут же прекратили и загладили свою вину.

— Вы чем там заняты? — Зашипели из кустов. — Я тут мерзну, блин...

— Тихо, вроде абориген бежит, — всматривался я в направлении поселка.

И действительно — с еще одним котелком на чуть согнутных руках поспешает. А говорил, ничего у него нет.

— Вот, принес, — запыхавшийся и счастливый, стоял он перед клеткой с ароматной порцией жареного и съедобного, некогда бывшего в перьях.

— Елена, давай. — Скомандовал я, глядя перед собой.

— А ее Е-ле-на зовут? — Уточнил охранник, с неким даже уважением глядя на Таню.

В этот момент стремительно вышагнувшая из кустов Лена нанесла мощный удар копьём по голове рабовладельца.

Кинувшись вперед, успел спасти котелок от падения, чуть обжегшись. Но в остальном все прошло штатно — охранник на земле, Лена, внимательно прислушиваясь, над ним с поднятыми в новом замахе копьём руками.

— А теперь — валим, — распорядился я.

Повернувшись, обнаружил Лилию уже завернутой в ткани и примеряющей на руки браслеты и кольца.

Хотел было возмутиться женской практичностью и ее же нерасторопностью, да цапнула от увиденного некая неправильность. Кольца и браслеты не жалко, да и то, что с ящеров они, тоже все равно — на Лилии украшения смотрелись вполне нормально, только большеваты в основном. Не в них дело — что-то иное вилось на краю сознания, будто забыл, а должен бы помнить. Точно, камни с ящеров! Я же их в общий сверток сунул!

— Лилия, а камешки не видела? Коричневые такие, небольшие, как галька у реки?

— Нет, — отрицательно качнула она головой, дисциплинированно окинув пространство под ногами внимательным взглядом.

— А не было недавно такого, что стало очень и очень хорошо?

— Ну, один раз было, — смущенно произнесла она, отводя взгляд.

— Да нет, второй раз. — Продолжал я разглядывать поверхность нашего ложа.

— И второй раз было... — шепнула она, зардевшись.

— Да не в тот раз, позже!

— Ну ты уж о себе так много не думай, — гордо вздернула она носик.

— Да я не про это спросил. — Вздохнул я. — Просто тут камешки были, особенные. Как

вот этот, — продемонстрировал я свой архиватор. — Но с другим эффектом.

— А. Не было, — категорично ответила она.

— Понятно, — протянул я.

Вот, похоже, откуда энергия на мое лечение взялась. И удаль молодецкая пододеяльная, которую сейчас с неким смущением дурью хочется назвать, тоже — это ж два камня энергии, вот и потянуло на размножение...

В общем, жить захочешь — и до пространственного кармана дотянешься. Впрочем, оно же в теле было... На будущее надо обязательно пару камешков с собой носить, дело полезное.

— Тань, а ты чего? — Заметив, присел и приобнял взгрустнувшую отчего-то девушку, бледную и растерянную, комкавшую свой отрез полотна у груди.

— Как мы теперь домой вернемся? — Робко спросила она.

После успеха первого шага, пришло понимание целой пропасти чужого мира впереди, и, наверняка, к остальным скоро придут те же самые мысли и страхи. Главное тут успокоить, до времени не рассказав больше необходимого. Легкая задача, когда верят и смотрят с такой надеждой. Даже сам начинаешь верить, что дело плевое, и горы ради этих глаз падут равнинами к нашим ногам.

— Все хорошо, вечером будем дома, — заверил я ее. — Верь мне, зай. Дальше властям доложим, они всеми злыми дядьками займутся. Да ведь, Лен? Лена? — Развернулся к ней.

Девушка стояла на одном колене возле тела охранника и с сумрачным видом держала руку у его шеи. Губы ее были сжаты до тонких полосок, а в глазах царило смятение.

— Мертвый. Я его убила, — потерянно произнесла она.

— Какая трагедия! — Отреагировал я. — Теперь он не пограбит и не понасилует в нашем мире. Бери себя в руки и помоги снова откопать эту гребанную жердь.

Грубость помогла — вроде, отошла и оплакивать передумала.

— М-мне кажется, что копые слегка сверкнуло, — шепнула Лена тайком чуть позже, помогая убирать землю. Как делятся только с самыми дорогими, которые способны поверить и не объявить сумасшедшими.

— А?

— Когда я ударила... Красным.

— Это тут бывает, — глянул я чуть заинтересованно на копые, отложенное чуть в сторону. — Тебе я его больше не дам. Извини меня. — Шепнул совсем тихо.

Я должен был бить этого бандита. Но и Лена права — не увидев меня, тот бы к клетке не подошел... Все равно суетно на душе.

Во второй раз до основания докопались совсем быстро. Старым же маневром пропустил под поднятой жердиной приодетую в ткань и бронзу Лилию, куда более скромную Таню, все еще грустную, хоть и бодрящуюся, стоило акцентировать на ней взгляд. После чего потянул за меха и помог девушкам вытащить и то, чем мы укрывались, и то, на чем спали, за пределы клетки. И уже потом сам осторожно перебрался на свободу, чувствуя, как возникший от ударного труда пот сдувает холодным ветром.

— Этак мы так далеко не пройдем, — посмотрел я на девушек, уже ощущавших прохладу сквозь тряпки.

Да еще ноги их — босые, простудятся.

Подхватив нож, распорол звериные шкуры по швам, которыми они были соединены, проделал дырки для рук и примерил на Лену. Получилось далеко от изящного, но хотя бы

тепло.

— Ткань разорвите, подпоясайтесь, — распорядился я, продолжая портить меха отверстиями.

За десяток минут вышли четыре длинные, до колен, шубы на нас всех, и что-то вроде меховых сапожек, перетянутых веревкой. Хотя бы день если прослужит, уже хорошо. Остатки мехов, медные монетки и те кольца, которые Лилия посчитала недостойными своей руки, отправились обратно в камешек. Нож остался в руках Лены, копьё я забрал себе.

Напоследок задержался у тела охранника, рассуждая, стоит ли показывать еще и эту грань своих способностей. С другой стороны, во второй клетке нас ждали побитые товарищи, один из которых так и пролежал все это время в беспмятстве. И есть опасения, что поломали его гораздо серьезней, чем способен исцелить мой талант — вернее, что высушу я его организм быстрее, чем он сможет питаться самостоятельно, пополняя энергию. Этой жизнью жертвовать, чтобы что-то скрыть, я не желал. А девушки и без того уже знали достаточно, чтобы при желании испортить мне жизнь.

Приняв решение, подошел к тому, кто был Оруушем, и коснулся его лба. Кожа, а затем и его тело под ладонью в два кратчайших, но ощутимых мгновения обратились серой, невесомой пылью, которая в одно биение сердца исчезла под светом заходящего солнца, оставив только его опавшую на траву одежду. А еще — небольшой бугорок под нательной рубахой. Чуть поднял ткань — зеленоватый камешек с ноготь большого пальца дожидался, пока его возьмут в руки, примут в себя чужую память и немного чужих знаний. Вместо этого, я подхватил рубаху за края и, выпрямляясь, поднял ее в левой руке, будто котомку. Туда же и закинул оставшиеся от надзирателя вещи. В правой ладони поудобнее перехватил копьё.

Обвел взглядом полянку — стоял возле ног котелок с чуть остывшим мясом, более свежая порция так и осталась лежать у клетки.

— Кушать будем? — Повернулся к притихшим девушкам.

— Да что-то не хочется, — глядя чуть испуганно, ответила за всех Лена.

— Тогда минут через пять идите за мной. Там наши ребята во второй клетке. Котелки только не забудьте — еда им точно не повредит.

После чего неспешно направился вперед, выбираясь из низины по пологому склону.

Во время исполнения рискованного плана и после него, я частенько оборачивался в сторону селения — поначалу с тревогой, ожидая от этого мира новой подлости, позже — куда спокойнее, всякий раз наблюдая сквозь деревья рутину отходящих ко сну домов. Солнце садилось — а значит в мире без электричества и искусственного света жизнь готовилась замереть до утра. Кое-кто, разумеется, не спал и спать не будет: редкие огни костров дежурных в отдалении подсвечивали безоблачное небо, начинающее расцветать первыми звездами чужих созвездий. Вот, сподобился увидеть, о чем мечтал — вот они звезды, вот он чужой мир, который хоть и назван Эдемом, но совсем им не выглядит. И я в нем, иду освобождать своих друзей из клетки.

Мы находились внутри охраняемого круга, если ориентироваться по расположенным вокруг постам и дозорным, но возле его окраины — наверное, так устроено, чтобы стоны пленных не портили сон. В этом был огромный плюс, так как внимание охраны селения было направлено во вне, а к возможной суете у клеток местные наверняка давно привыкли. Главное подкрасться достаточно близко, чтобы вместо вскрика не раздался полноценный клич о помощи.

Многих людей учат чужие ошибки, большую часть — свои собственные. Но есть те, кого не учит ничего — и знакомый охранник, окрещённый хоббитом, в очередной раз уснувший на посту, был из их числа. Он дремал на каких-то серых тряпках возле тлеющего костра в десятке метров от клетки, и наверняка остался бы жив — оглушённым ли, связанным ли. Не зверь же я, и не убийца, в самом деле... Быть бы ему живым, если бы не тихие стоны пленников и не десяток камней, заботливо уложенных под рукой у их надзирателя. Значит, не исправился, а всепрощение — дело отличное, до тех пор пока камни не начинают кидать в тебя и твоих друзей.

Примерился и, внимательно глядя на посох, несильно опустил его обухом на голову горе-охранника. В наступившем сумраке уходящего дня было отчётливо видно, как скользнула по белому древку копья красная вязь — то ли символов неизвестного языка, то ли просто из ритмичных узоров.

Подтверждая догадку, коснулся открытого участка кожи так и не дернувшегoся бандита — и налетевший ветерок смахнул в сторону серую пыль, бывшую не самым лучшим существом в этом мире. Котомка с ещё одним камешком — коричневым и мелким — заняла место в левой руке по соседству с первой.

«Пожалуй что, таких, как Мерен в этом мире должны ненавидеть». — Пришла в голову чуть равнодушная мысль. Потому как таким, как он, я себя не считал.

«Человек живет, учится, обретает мастерство, а потом его убивают и поглощают, забирая все усилия. Какой смысл в таком случае подниматься выше простого пахаря? Этого поглощать бессмысленно — ведь не самому же Мерену работать... Гиблый мир.»

— Это не ты виновата, — произнес я вслух, зная что непослушная Лена прошла вслед за мной. — Копье такое. Оно его убило, не ты.

Тень со стороны кустов справа от меня материализовалась в силуэт девушки, подошедшей за пару шагов совсем близко.

— Сережа, что происходит? — Смотрела она чуть жалобно снизу вверх, кутаясь в мех неказистой шубы. — Почему он исчез? Что за камень спрятал решетку и эту копье? Откуда это у тебя? Откуда ты знаешь Мерена? Откуда знаешь их язык?

Я чуть сбился, не зная, на какой именно вопрос начать отвечать, но не нашел правильные слова даже для первого из них.

— Мне бы кто рассказал, — нахохлился я, отворачиваясь. — Но если за сутки не выберемся, все это ползет в наш мир.

Оставив за спиной притихшую девушку, направился к клетке и заглянул сквозь ограждение. В темноте все виделось людскими силуэтами, отличимыми у привалившихся к решетке и почти незаметными на фоне сырой земли, покрытой ошметками сухой травы. Пахло скверно: нечистотами, застарелой кровью и болезнью.

Позади заискрился костер, шипя на сунутую в угли ветку, а через пару секунд рядом встала Лена, освещая пространство внутри решетки живым огнем.

По левую сторону шурились на огонь трое местных, незнакомого вида, кутаясь в несколько отрезков грязной шкуры. По другую сторону чуть дернулся парень, закрывая глаза ладонью от света близкого огонь.

Присмотрелся, пытаюсь опознать в лице, превратившемся в сплошной синяк, знакомые черты. Узнав, не смотря на его вид, обрадовался — Алексей. Внешний вид — ящер с ним, вылечим. Главное — они здесь. С Мерена вполне сдалось обмануть, показав неверное направление, где содержатся «грабители».

— Привет, живой?

От моего голоса дернулся еще один человек по левую сторону Алексея, со стоном отлипая от стены, чтобы жадно взглянуться вперед.

— Подними ветку, — попросил я Лену, после чего улыбнулся в ошарашенное лицо Матвея.

От его роскошной рыжей бороды ничего не осталось — будто подпалили, как и часть волос. Одну руку он берег у груди, опираясь кое-как второй, но было в его лице столько счастья узнавания, что сложно передать.

— Серега? — Произнес он простуженным голосом — тем осторожным тоном, которым боятся спугнуть реальность, чтобы та не обернулась сном в кошмаре настоящего.

Алексей так и вовсе ни слова не вымолвил, растирая глаза ладонью и отчаянно моргая — но уже не из-за света в ночи, а по той же причине, что Матвей.

— Я. С Михаилом что? — Указал я на пол.

— Поломали, сильно. — Обескураженно произнес Матвей, сглотнув. — Он на себя всю вину взял. Все переломали, звери. В себя только два раза приходил. Его срочно в больницу надо.

Слева заворчали местные, испуганным и все повышающимся тоном — и звали они, к удивлению моему, охранников.

— А ну заткнись! — Зло цыкнул я на них. — Мое имя Сергей Никитич Кожевников!

Впечатлились тремя именами, тут же примолкнув. И ведь, как видно в свете огня — здоровые, почти не побитые. А звериных шкур на их плечах ровным счетом в два раза больше положенного, при полном отсутствии таковых у друзей. Почувствовав, что завожусь от увиденного, выдохнул и успокоился.

— Будет ему больница, самая лучшая, — пообещал Михаилу и вновь повернулся на «подсаженных» из аборигенов, чтобы резко им приказать. — Мехами накрыть этих троих... Да не на голову накинуть, а осторожно положить. Вот так. А теперь живо копать вот здесь и здесь! — Показал я под «калиткой», стараясь не сорваться на крик.

И те, что характерно, кинулись чуть ли не отталкивая друг друга, роя землю что твой крот.

Позади раздались шаги и приятный аромат жареного мяса — Таня с Лилией подошли.

— А это кто? — Посмотрел Матвей в сторону костра, в тлеющем свете которого виднелись два ладных силуэта.

— Жены.

— Ничего себе ты тут устроился, — хмыкнул он, и тут же охнул от прихватившей боли. — А эта — на Лену похожа, — кивнул он в сторону девушки, все еще державшей веточку, превратившуюся в лучину, на уровне груди. — Ты смотри, Лена настоящая узнает — прибьет. Она ведь тебя любит почему-то.

— Матвей, ты офигел? — Деловито уточнила девушка рядом.

— Лена? — Изумился он.

— Ага, — подтвердил я.

— Это ж сколько я в отключке был... — Недоуменно облокотился он обратно на стену клетки.

— День, — добавил я сумятицы в его мысли.

— И вы уже?!

Рядом хихикнули Лилия с Таней.

— А там еще такие красивые жены есть? — С болезненной улыбкой и смешком спросил Алексей.

— Только в нашем мире, похоже и есть, — развел я руками.

— Вернуться бы... — вздохнула позади Таня.

— Вернемся, — кивнул и поморщился от боли Матвей. — Нам бы только до мечей добраться. Мерен больше у портала их не держит. Перенес сюда, к своей палатке. Этим, Анданиковским, копыя, сказал, оставит. Не верит, паскуда. Хотя сам нам эти мечи дарил.

Хорохорится, понятно — что он в таком состоянии навоюет, что с мечами, что без.

— Вас как прихватили? — Напомнил я ему мягко, что боевые действия не сильно актуальны вне зависимости от оружия в руках.

— Мы нормально ушли, — хмыкнул Матвей, чуть меняя положение ноги. — До реки спокойно добрались, костер развели. Потом все как отключилось. Как сон. Открыли глаза — а там уже день, и Мерен рядом, злой, как черт. Обратное своим ходом, уже тут избили, — Погасшим голосом произнес он. — Потом нас в клетку, и этих подсадили, чтобы следили и кричали, когда умирать решим. Мерен один раз только подошел. С Михаилом что-то сделал, сказал, что до утра доживёт. Серега, это колдовство, — убежденно завершил он.

— Ясно, — протянул я и с тревогой глянул в сторону портала. — То есть, бежать нам сейчас нужно, пока Мерен не вернулся.

— Точно. И без нас, наверное, бежать, — улыбнулся Матвей виновато. — Понимаю, ты помочь хотел. Но у меня нога сломана. У Лехи две. Михаил... Сам видишь. Мечи бы забрать, — завершил он совсем тоскливо. — Да хоть в реку кинуть...

— Мы завершили, господин! — Истоиво доложил один из аборигенов.

— Клетку открыть, — вынув деревянный брус из петель калитки, отодвинулся я в сторону.

Аборигены плечами выдавили деревянный щит двери вперед и вверх, тут же откинув его в сторону и посмотрели на меня, ожидая новых приказаний. Я хотел было сказать им убраться вглубь клетки, чтобы самому зайти внутрь и помочь выбраться ребятам, но потом подумал и приказал то же самое аборигенам, грозно прошипев, чтобы делали это осторожно, а Михаила вообще перемещали на поднятых шкурах. Под моим руководством, три здоровых лба справились вполне сносно и почти не мешая друг другу за каких-то пять минут, расположив моих товарищей вокруг костерка, к этому моменту основательно подкормленному топливом Таней.

— А теперь — в клетку и молчать, — кинув за старание каждому аборигену по куску мяса, распорядился я.

Местные угодливо поклонились и вернулись обратно, самостоятельно закрыв клетку поднятой калиткой и даже попросили накинуть им брус. Только рукой махнул, переключая внимание на пораненных товарищей.

В первую очередь — Матвей и Алексей. Потому как чудеса лучше давать дозированно, иначе они от меня сразу побегут на сломанных ногах.

Ладонь привычно засветилась зеленым, от которой Матвей хотел было одернуть больную ногу, обнаженную до колена.

Тряпки, которые на них были, им оставили — только были они изрядно испачканы подсохшей кровью, землей и местами порваны. Лапти, правда, обнаружили на ногах аборигенов, но те понятливо вернули.

— Это чего? — Испуганно спросил Матвей, когда я в идиоматических выражениях

указал, что лучше не дергаться и продолжил лечение.

— Колдовство, — буднично пояснил я, желая исцеления поломанной конечности.

Тот посмотрел на меня с сонным удивлением, качнув враз потяжелевшими ресницами, и свалился в целебное забвение, будучи аккуратно поддержанным за спину Леной. Таня в это время оценивала состояние Михаила, осторожно освобождая раны от ткани с запекшейся кровью. Лилия же стояла на посту, тревожно вглядываясь в темноту — будто способна что-то разглядеть. На ее счастье, я тоже поглядывал по сторонам талантом. Вернее, на наше общее счастье, участок с клетками все еще никого не интересовал, оттого и в моих действиях было достаточно спокойствия, чтобы к нему привыкли остальные, прекратив ежесекундно озираться.

Да и куда нам торопиться? Пока не вылечимся — все равно далеко не убежать.

После Матвея, в целебный сон отправился Алексей, столь же удивленно через наваливающуюся дремоту смотревший, как синяки на ноге обращаются чистой кожей.

Ну и, понятное дело, на все это действие внимательно смотрела Лена — уже без подозрения, задумчиво.

— Сереж, а мне зубики можно починить? — Шепнула незаметно подошедшая Лилия, заставив подпрыгнуть и тихо выматериться.

— Ах так!

— Ладно, попробую.

— Я тебя люблю! — Мигом простили меня.

— Никакого так называемого лечения. — Строго распорядилась Лена. — Это непонятное явление с неизученными свойствами, которое может привести к неожиданным последствиям.

— Но зубы вылечит? — Просительно уточнила Лилия, мельком глянув на Лену.

— Надо проверять.

— Лиля!

— Я взрослый человек и осознаю все последствия колдовства! Вот здесь, — взяла она мою руку и положила ладонью на левую щеку.

А затем мягко завалилась на меня, засыпая.

— Нашли время, — вздохнула Лена. — Нас сейчас накроют, а все спят.

— Я слежу, — качнул я головой, успокаивая.

— В такой темени? — посмотрела та внимательно и с удивлением, а я легонько кивнул.

Затем подумал и подозвал к себе Таню, не обращавшую из-за пациента на нас внимания.

— Чуть отдохнешь?

— Да куда там, — шмыгнула она.

Но я, скорее, не спрашивал — коснулся ее лица, а затем уложил, спящую, рядом с Лилией.

Достал из тайника в бедре скрученные ковром звериные шкуры, накрыл ребят. После чего присел рядом с еле слышно дышащим Михаилом и развернул котомку с зеленым камнем.

— Это — здоровье и память нашего первого охранника. С ними Михаил будет жить, но часть памяти и знаний другого человека останется с ним навсегда. Приступим? — Спросил у настороженно глядящей Елены.

Не дождавшись ответа от явно перегруженной сказанным девушки, осторожно

перевалил камешек через край ткани так, чтобы он упал и остался на обнаженной груди Михаила. И еле успел отпрянуть, как резким движением вздыбилось тело в мостике, а затем рухнуло на землю вновь, под резкий стон дрожащего, будто под электрическим током, тела. Взволнованно приподнялся и зафиксировал его плечи руками, чтобы не скатился в сторону костра и не поранился, но почти сразу успокоено выдохнул — дрожь прекратилась, судороги и напряжение под ладонями исчезли, а раны в самом деле буквально на глазах закрывались бледно-розовой кожей, не тронутой загаром.

— Получилось, — повернулся я к Лене, чтобы обрадованно улыбнуться.

Та отразила улыбку сквозь растерянность и испуг, а затем ойкнув перевела взгляд на пациента.

Тоже посмотрел вниз — Михаил шевельнул подбородком, с трудом пытаюсь открыть глаза.

— Ну вот, теперь все будет хорошо, — заверил я всех нас и обратился к другу. — Вставай, пора просыпаться.

И Михаил, словно услышав, все же смог открыть веки. Обведя пространство над моей головой чуть бессмысленным взглядом, он все же смог сфокусироваться на мне, а губы, до того тяжело вдыхавшие вечерний воздух, произнесли первую фразу.

— Ты меня убил, — раздалось яростным тоном на чужом языке, и мою шею сжали неожиданно сильные руки.

Как говорит народная мудрость, пропущенная через личный опыт: не делай добра — не будет болеть шея. Когда на кадке с неудержимостью гидравлического домкрата сжимаются руки, идея быть добрым и положительным как-то сама замещается подборкой матерных выражений и желанием видеть пациента в гробу.

К счастью, есть друзья, а у друзей есть полено, выгащенное Леной из костра и оперативно использованное по затылку излишне ретивого больного.

— Ну, у меня есть еще один такой камешек, — скептически смотрел я на отключенное тело, распластанное звездой по земле. — Можно еще и его...

— Не-не-не, — категорично замотала Лена головой.

А и действительно, знатная шизофрения выйдет, если еще того хоббита к Михаилу подселить.

— Что делать? — Задал я риторический вопрос, продолжая смотреть на беспмятного друга.

— Ты это у меня спрашиваешь? — Задохнулась возмущением Елена.

— Я еще не совсем опытный великий шаман, — отвел я глаза. — Обычно все было штатно — здоровье, плюс немного чужих знаний на границе памяти. Ну, как будто забыл, а сейчас вспомнил.

— Когда это — «обычно»? — Подозрительно посмотрела она.

— Раньше. — Ограничился емким ответом, дабы не усугубить. — В общем, надс Михаила в сознание приводить. Разбудить как-то.

— Уже разбудили... — Обозначила Лена упадническое настроение, но я грозно цыкнул и принялся напряженно размышлять.

Там, внутри собственного тела, Михаил определенно существовал, обязан существовать — иначе бы Мерен не стал бы тратить на него свои силы и время. То, что досталось из камня — наносное, временно замещающее истинного владельца, и пусть его мало, но, как и всякое разумное, оно отчаянно желало жить — боль в шее тому доказательство. И не победить такое извне — не бить же, в самом деле, тело то все равно одно на двоих. Значит, нужно, чтобы хозяин разума сам пробудился и навел порядок в своей черепушке.

— Надо достать его вверх из собственной памяти, — озвучил я собственное озарение. — Но для начала — связать!

Потому что техника безопасности в оккультных занятиях — это святое.

— Ну и? — Скептически произнесла Лена, стоило подопытному быть надежно зафиксированным.

— Надо спрашивать то, что варвар точно знать не может! — С показной уверенностью отозвался я, приводя лже-Михаила в чувство.

То есть — потрепал его за плечо, а там и легкой оплеухой добился четкости в глазах. Главное помнить, что сейчас передо мной не мой друг, а подселенец — с ним и пожестче можно.

— Что такое планета? — Спросил я на русском.

Тот дернулся, проверяя крепость полос ткани, которыми мы его спеленали с головы до ног, и зло зашипел, гневно глядя мне в глаза.

Для улучшения коммуникативных способностей, подхватил из костра ветку с тлеющей

на конце головешкой и поднес к его лицу.

— Ты что, это же Миша! — Дернула меня за плечо Лена.

— Потом извинимся, — шикнул я на нее.

Да и не собирался я ее использовать, но говорить об этом прямо — никакого воспитательного эффекта не будет.

— Что такое планета? Ну? — Приблизил я ветвь к коже достаточно, чтобы тот дернулся от близкого жара в сторону.

Подселенец завращал зрачками, глядя уже испуганно полными непонимания глазами, собираясь зайти криком, что в наших условиях было опасно. Так что ветку пришлось убрать, а для лже-Михаила приготовить кляп.

— Что такое планета, как выглядит мир? — Спросил я еще раз, но на местном языке, явно смущая сознание туземца странными вопросами.

Но на этот раз тот хотя бы не молчал — огонь у лица удивительно располагает к беседам на любые темы.

— Мир — это пузо Тувачээносээхайванохенкоона, — коротко и быстро дышал он, отводя лицо максимально далеко от огня.

— А еще? — Чуть разочарованно спросил, ожидая совсем другого ответа.

— Если его много копать в одном месте, то Тувачээносээхайванохенкоон гневается и не дает урожай, — выдал он с некоторой натугой и явно вспоминая.

— А деревья, это его волосы? — Уже автоматически уточнил, обдумывая другой подход к сознанию Михаила.

— Ага, — с готовностью кивнул подселенец.

— Сдается мне, никакой это не живот, а место куда более волосатое... — Мрачно подытожил я.

— Может, ребят разбудим? — Тихонько подала голос Лена, до того сидевшая за спиной. — Они его лучше знают. Может, что-то есть в его жизни. Девушка, имена родителей...

— Точно, — взбодрился и принялся расталкивать Алексея с Матвеем.

Целебный сон — дело, конечно, полезное, но не до этого сейчас. На родине отоспятся. Если доживем.

Объяснить произошедшее с Михаилом, на фоне излеченных переломов, ссадин, гематом и ожогов, оказалось гораздо проще, чем я себе представлял. Подумаешь, у человека наведенная шизофрения, когда Алексей с любовью поглаживает целую и здоровую ногу, в которой уже начал было замечать следы черноты — только говорить об этом боялся, а сейчас как прорвало. А может, сознание у нас более гибкое, современное, привыкшее к мистике в играх и кино. В общем, за решение проблемы Михаила ребята принялись с энтузиазмом, одновременно с не меньшей энергией набросившись на мясо и зелень на чуть подзабытых блюдах — голод брал свое.

Только вот родителей подселенец своих не помнил, а отца и мать хозяина тела не признавал. Туда же, в бездну недоумения, падали имена девушек и памятных мест, обескураживая нас с каждой попыткой (разве что Лена удивлялась в духе «и с ней тоже?!»). А еще казался таким приличным человеком — прокачал я головой, и тут же схлопотал от Лены по загривку.

Вот уже и остальные жены проснулись, сонливо выслушивая от Лены вести о новой неприятности, на нас навалившиеся, и в свою очередь посылно предлагая пути их решения

— от стихов Пушкина до щекотки. Увы, без результата всякий раз, хотя «Зимнее утро» у костра нового мира слушалось как-то по-особенному, с щемящей тоской по родине.

— Подождите, дайте я, — пододвинулся поближе Матвей.

Общение вели через меня, как единственного знающего язык. На русский Орууш (то, что от него осталось) все равно не реагировал. Но так как была пауза для новых идей, ввиду истощения старых, я отстранился и пропустил Матвея почти вплотную.

— Катана — это меч. — Сказал он на чистом русском, выразительно акцентируя каждое слово, с абсолютной уверенностью в своих словах и даже некоторым вызовом в тоне.

Казалось бы, ну что такого. И подселенец вновь взглянул недоуменно, пытаясь переварить сказанное — услышать в незнакомых звукосочетаниях слова и смысл.

— Да какой меч, если это сабля! — Вдруг дернулись его зрачки, а плечи от возмущения подались вперед.

На русском! На чистом русском ответил!

— Вернулся! — Бросился Матвей ему на грудь, ненадолго опережая Алексея.

Жены тоже радовались и хотели на кого-нибудь броситься и обнимать, так что я благоразумно указал на себя.

— А что было то? — Чуть приподнялся Михаил, охнув от боли в голове. — Как будто поленом по затылку...

Я выразительно посмотрел на потупившуюся от стыда Лену.

— Вы хотели уйти с мечами, вас поймали, вернули, избили, ты умирал и нам пришлось идти на рискованный опыт. — Кратко доложил ему последнюю сводку событий. — В результате у тебя в голове должны быть знания чужого языка и чужая память одного из свиты Мерена.

— Чего? — Похлопал он ресницами.

— Понимаешь меня? — Спросил я его на чужом языке.

— Да, — ответил он на нем же.

— Ну вот, — нейтрально пожал я плечами, давая ему самому понять значение короткого диалога.

— Ох... — Сел он, вцепившись в свою голову руками.

— Если все хорошо, может, пойдём уже? — Нервно смотрела Лилия по сторонам.

Стемнело до густого темно-синего оттенка небес, подсвеченного поднимающейся над горизонтом луной. Далее пяти-шести метров, отвоёванных светом костра, все сливалось в один силуэт с неровными, подвижными ветром границами из ветвей и вершин деревьев.

— А куда пойдём? — Устало спросил Алексей, бросив ветку в костер. — Через этот портал нам не пройти.

Голыми, на банду Мерена и тамошнюю охрану — не лучший вариант. Люди у нас взрослые, судя по отсутствию возражений, все понимают. Можно, конечно, попытаться добраться до тамошней раздевалки за порталом, отломать дверцы или крючки... Но ведь перехватят уже на входе, бетонной плитой по голове...

— Через наш идти, так Олег на выходе встретит, — добавил Матвей, тоже смурнея. — На машине они там быстрее будут, даже если заметят побег только завтра.

— Тут жить? Уйти в глушь? — Шепнула Таня компромисс. — Нас ведь власти будут искать и обязательно найдут!

Пропажу шестерых человек обязательно будут расследовать, особенно Ленино похищение, тут спору нет. Только про «Ту сторону» подумают как бы ни в последнюю очередь. Особенно, на фоне грядущих событий... Которые совсем не хотелось бы допускать.

— Михаил, — приняв решение, обратился я к товарищу. — Тебе память этого Орууша доступна? Которая не твоя, но вроде с тобой.

— Вроде бы, — буркнул он, с силой протирая лицо. — Такая муть, — выдал он с брезгливостью и содроганием. — Как хорошо, что это не я. Не я ведь, а? — Задал он вроде со смешинкой, но при этом с толикой сомнения, близкого к отчаянию.

— Не ты, — уверил его. — Ты мне вот что скажи...

— Погоди, — вдруг замер Михаил, будто на ходу упершись в стену. — Там, в этой памяти, вторжение... — Тревожно зачастил он. — Уже скоро, совсем скоро!

— Ага, мы в курсе, — успокоил я его, взглядом успокоив тревожно дернувшихся было Алексея с Матвеем. — В связи с этим, нам тут задерживаться не совсем полезно. Так что есть вопрос. — Я подхватил ветку и движением ладони выровнял участок земли между нами и костром. — Смотри сюда. Допустим, мы здесь, — ткнул я веткой в землю, обозначивая точку. — Река так идет?

— Не совсем, — двигаясь осторожно, взял он у меня ветку и провел линию чуть иначе.

— Где был бы ваш портал? — Напряженно уточнил я.

— Вот тут, — заинтересовавшись, подсказал Матвей, указав пальцем ниже и левее.

— Скорее, здесь, — подправил Михаил, выжидая и с надеждой глядя на меня.

Осознание всей бедовости нашего положения отчаянно призывало видеть за моим уверенным голосом решение. Хотелось, если честно, соответствовать.

— Так, — почесал я затылок, в воображении сопоставляя схематичный рисунок с картой нашего города. — А вот тут, — очертил я пальцем местность за рекой. — Напряги чужую память... В четырех-пяти километрах, есть замок или каменные руины?

— Есть, — с готовностью кивнул он. — Даже ближе, вот здесь. Каменный замок, старый, почти утонувший в земле.

— Значит нам туда дорога, — выдохнул я удовлетворенно, поднимаясь.

— А зачем нам туда? — Задала логичный вопрос Таня.

— Там мой портал. — Ответил я скромно.

— Чего?! — Подлетела с возмущением Лена. — И ты ничего не сказал?

— Тише, — заставил я смущенно ойкнуть подругу, выразительно глядя вокруг. — Я его нашел до встречи с тобой, так что ни в чем не обманул.

Отсветы костра добавляли к изумлению товарищей особый колорит, а на лицах их пока еще робко, словно боясь ошибиться, появлялись улыбки. Только Михаил оставался строг и мрачен — даже губу закусил, словно от вестей вовсе не радостный.

— Твой портал где-то рядом с замком? — Не поднимаясь, посмотрел он на меня.

— Внутри, на нижних этажах.

— Тогда ничего не получится, — понурил он плечи и посмотрел на огонь. — Там орда Гоуров с божеством. Мы не пройдем.

— Что за божество?

— Там длинное название, — не поворачиваясь, произнес Миша. — Переводится, как «Мать-Ткущая-Жестокою-Судьбу».

— Паучиха?

— Орууш не видел, но так говорят. — Дернул он плечом.

— Тогда нет проблем, я ее убил, — выдохнул я с облегчением.

И даже получил восхищенный взгляд от Тани — вот кто мне сразу поверил, в отличие от скепсиса в глазах других.

— Ты не понимаешь, это не паучок какой, — с возмущением повернулся Михаил. — Это божество! Местное, слабое, но божество! Я не шучу, оно настоящее, Сергей! Его невозможно убить просто так!

— Ну, — зачесал я затылок и признался. — Так вышло, что у нее не было ног. И рук... И хелицеров... И половины башки...

— Да ты не понимаешь, она в свите тысяч своих детей! — С жаром возражал Михаил.

— Эти как-то сами самоликвидировались, роскомнадзора на них нет, — пожал я плечами.

— Да все равно невозможно убить божество просто так!!! — Чуть ли не перешел на крик Михаил, но хоть с оглядкой на наше не совсем легальное положение. — Для этого надо особое оружие, реликтовое, из ушедшего мира, в котором-было-всегда-тепло-и-еда! — Сорвался он на дословный перевод. — Хватит придумывать!

— А такое оружие может быть у верховного шамана Гоуров?

— Наверное, — выдохнул он, чуть охолодя. — Чем-то они должны ее пугать, чтобы самих не сожрала...

— Тогда еще раз здравствуйте, — выразительно посмотрел я на свое копьё и в наступившей звонкой тишине стукнул древком по земле.

— Н-но как? — Прикипел он взглядом к подсвеченному костром белому деревку.

— Такое ощущение, что ты не рад, — укорил я его. — Так мы пройдем к моему порталу?

— М-может быть, — хоть и с сомнением, но в котором определенно была надежда, произнес он. — А ты точно...?

— Да точно, точно, — поймал я в объятия восторженно взвизнувшую Таню и прижал к себе. — Вон, в куче ткани хелицера отломанная валяется, — вовремя вспомнил я про трофей, который тут же рванули изучать парни.

С другого бока ко мне, для симметрии, прижалась Лилия, что-то томно и восхвалительно нашептывая ушко. И только Лена чуть зависла, то ли запасая и каталогизируя вопросы лично для меня, то ли с обреченностью прикидывая, во сколько томов ей придется писать отчет по прибытии. Как бы, кстати, ее от этого дела отговорить...

— А сам Мерен-то чего тут расположился, раз рядом орда? — Позволил я себе толику любопытства.

— Этот, Орууш, помнит, что Гоуры почему-то переходят через реку. — Отвлекся от осторожного поскребывания трофея палочкой Михаил и с выражением нешуточного уважения повернулся ко мне. — Но за водой — смерть. Даже в паре метров уже, не говоря о логове. Эти края не населены из-за них.

— А Мерен то тогда чего тут делает?

— Не знаю, — пожал он плечами, не найдя ответа в своей памяти. — Орууш просто шел за ним, как остальные. У него два слога в имени, он просто слуга.

— Ясно, что ничего не ясно. Идем? — Посмотрел я в темноту и включил свой талант.

Сумрак обернулся контрастным серым миром с яркими вкраплениями жизни.

— Сергей, — обратился Матвей. — Нам нужны наши мечи. Особенно, если там эти... Ящерицы. Просто... Ну, вряд ли они все поранены и без ног... — Улыбнулся он без иронии.

Было в том утверждении и старое упрямство — желание исполнить затеянное, переросшее в манию. Но на этот раз оно подкреплялось осознанной необходимостью, и отказать было нельзя. Хотя, если честно, лезть внутрь лагеря к палатке Мерена не было ни

малейшего желания. А отпускать в такую темень товарищей, пусть и оклемавшихся кое-как после лечения, но все еще слабых — означало нехилый такой шанс попасться вновь. Пришлось взвалить все это на себя и продемонстрировать храбрящимся друзьям камешек-архиватор, пояснив, что свободные руки там будут не нужны, а вот тишина и незаметность куда проще обеспечивается одним человеком. Копье Лене оставил — с ним пробираться все равно неудобно, да и у ребят, случись что, будет шанс. О свойствах оружия Лена знает — мастерство тут не нужно, коснуться бы только непокрытой кожи...

Одно плохо — тайнами разбрасываюсь, будто мелочь какая, и тут у каждого второго то же самое имеется. Надо внушение потом сделать, чтобы никто и никому. Надеюсь, благодарность за спасение жизни и здоровья у них имеется, и молчать они будут. С Леной отдельный вопрос, но как-нибудь придумаю. Это, конечно, если мы выберемся вообще — новость про логово ящеров изрядно нервировала не смотря на показной кураж. Да еще и божество это, будем верить, без наследников там осталось, желающих за матушку отомстить. Одна надежда на ночь — должны же эти существа когда-то тоже спать.

Вон, в лагере Мерена, вполне себе спят — и тишина такая, что ночной лес, подступающий к обширной поляне, слышится громче костров дежурных. Около двух десятков шатров разместились в окружности сорока метров диаметром, тремя полукругами в сторону реки. Две линии стояли довольно плотно друг к другу, последняя, что была в условном центре — из трех крупных шатров, высотой превосходящих остальные — находилась на удалении в пять метров от соседних и охранялась особо, судя по согбенной фигуре дежурного на фоне костра, видимой мною из леса со спины. Все три центральных шатра принадлежат Мерену, но за мечами в правый из них — там, по словам Михаила-Орууша все богатства, скупулезно стягиваемые колдуном за всю жизнь. Заодно и посмотрим, сколько всего может влезть в мой камешек. Жен моих решил дарить, тоже мне...

Стараясь двигаться в полной темени, медленным шагом прошел два ряда шатров, остановившись на границе между тьмой и отблесками пламени. В наспех составленном плане, дежурному предназначался сильный удар по затылку короткой дубинкой, потому как располагался он жутко неудобно — прямо напротив входов, и наверняка не удержался бы от гневных и громких комментариев в адрес постороннего. Но с близкого расстояния, оказалось, что дежурный не вглядывается в темень, а банально дрыхнет, устроив подбородок на валике из подоткнутых под одежду тряпок. Если прислушаться, посапывание и размеренное дыхание не оставляют место сомнениям. Так что сам себя наказал, можно сказать — если бы я ударил, то отбрехался бы на завтра, а так вряд ли часовому простят обобраный шатер. Впрочем, уж кого точно не жалко... Не после всего.

Посмотрел талантом на шатры — первые два пусты, а в правом, как раз необходимом мне, спят люди. Блин... Ладно, будем верить, не потревожу.

Так же спокойным шагом пересек освещенный участок. Прижавшись к стене шатра, сделал с десятков шагов и юркнул под сложенные друг на друга складки шкур, обозначавшие вход. Дыхнуло теплом, запахами масла и пряностей, от которых защипало в носу. Тут же замер, вглядываясь в темноту уже обычным взглядом — свет, к моему удивлению, тут был, пусть и не больше ночника. Шел он от десятка тускло мерцавших камешков, закрепленных сверху двумя линиями — от входа до противоположной стены. А освещали они большей своей частью не совсем то, что я ожидал увидеть, слыша про сокровища. Но, определенно, увиденное ими тоже можно было назвать.

В центре шатра, на нескольких десятках мехов, из которых было выстлано настоящее

ложе, закрытое бежевой тканью, лежали две девушки, нагота которых скорее не прикрывалась, а подчеркивалась невесомыми накидками до бедер. Кожа их была чуть смуглой, как бывает у красавиц на берегах средиземного моря. Формы зрелы и весьма завлекательны, чисты и ухожены. Идиллия, только вот от правых рук девушек идет светлая полоса натянутой ткани, чуть мерцающая медным светом, до медного же кольца, исписанного черными линиями, продетого через центральный столба шатра, что был у изголовья их ложа.

Неслабое такое богатство припрятал Мерен. Лица не разглядеть, но когда тот говорил о невозможной красоте моих жен, то явно имел под рукой кое-что если и уступающее в своей волнительной притягательности, то не сильно. Только вот, присмотревшись, не выглядят его рабыни постельными игрушками — мышцы бедер и ног очерчены, как бывает у тех девушек, визиты которых в спортзал давно отошли от фитнеса к становой тяге. Не скажу, что это их сильно ухудшает, но той домашней нежности, что есть в моих женах, я не видел. Впрочем, этот груз мне точно с собой по реке и через ящеров не потянуть, да и незачем — сами не захотят ломать ноги — пяточки розовые и изящные, никогда не ходившие по мерзлой земле. С определенной долей вероятности, у «сокровищ» все вполне хорошо и в этом нелепом мире, полном несуразностей. Их место и статус почти на самой вершине. Что я им предложу? Условную свободу за порталом, без знания языка и документов?

Тряхнув головой, выкинул лишние мысли. Мое дело — клинки, которые поди еще разгляди по углам шатра, заставленным скорее хламом из свертков высушенных трав и перетянутых бечевой шкур, чем тем, что я желал бы видеть добычей. Короче, золота, серебра и меди россыпями тут не было. Зато были сундуки, числом восемь, расположенные по четыре вдоль каждой из стен. Обычные, деревянные — скорее, ящики: до колена в высоту, с гранями полтора на метр, с крышкой, уложенной сверху без петель. Зато, что важно, не было и замка.

Осторожно подобрался к первому, приподнял крышку и заглянул на содержимое сбоку: ткани, одежда, сложенная аккуратной стопкой. Мимо — положил я крышку обратно и двинулся дальше. Тихий шум поднимаемой крышки, и перед глазами вновь почти та же одежда, но на этот раз явно парадная: цветастая и в куда меньшем количестве. С досадой уложил крышку обратно и пришел к выводу, что вся эта стена — гардеробная, а значит мне бы перебраться к противоположной. Повернулся, собираясь обойти ложе с девушками и направиться к другому ряду сундуков, и замер. Аж сердце екнуло.

На меня смотрели черные, как ночь за шатром, очи девушки, приподнявшей голову с постели и внимательно за мной наблюдающей.

— Ты вор? — Шепнула она тихо.

— Хочу забрать свое, — не дождавшись крика тревоги, отмер.

Честно говоря, лучше бы с ней договориться. Какое ей может быть дело до богатств господина? А оглушать ее не хотелось, хотя мог бы и был готов — ноги подпружинил и уже примерился к замаху дубинкой. За мной люди, и тут не до сантиментов.

— Если ты честный человек, иди в Мавенмер и расскажи лорду города, моему отцу, что бесчестный, знавшийся Мерен Варам Белилитдил не забрал нас с сестрой в учение, а вероломно похитил, убив охрану.

Причем, из всей этой речи часть слов выпадала и оставалась без перевода — говорила девушка плавно, хорошо поставленным голосом, четко слышимым даже в таком, полупшепотом, исполнении. Но явно это были какие-то высокие обороты, которые в моем

словарном запасе отсутствовали. Впрочем, достроить было несложно.

— М-да, богатая у Мерена биография, — хмыкнул я на русском, переходя к нужному мне сундуку.

Звать охрану тут явно не будут.

— Ты передашь? — Настаивала она.

— Буду в Мавенмере — непременно, — пообещал я, обыскивая сундук.

Куда эффективнее, на этот раз, между прочим! В первом же оказались железные полосы — просто скованные, пока еще не ставшие готовым изделием. Во втором наконец-таки обнаружили наши клинки — и было их не четыре, а с десятков, плюс два с ощутимыми щербинами на лезвии. Уже готовясь уложить трофеи в камень, задержался и с интересом глянул на оставшиеся два ящика. Может, их сначала открыть? Трофеить то все равно надо через один общий рулон из какой-нибудь тряпки.

— Как тебя зовут? Я хочу знать, кому доверила поручение. — Поймал меня за размышлениями голос девушки.

— Сергей Никитич Кожевников, — автоматически отозвался я, с азартом принявшись отдиравать от крышки следующего сундучка мелкие гвоздики, которыми он был прибит.

Как гласит правило, раз надежно закрыто, то определенно там что-то ценное! Хотя правило не действует на трансформаторные подстанции, ночью и пьяным... Но какие правила без исключений...

— Третье имя? Так ты маг! — Обрадованно выдохнули за спиной.

— Великий шаман, — мимоходом поправил, с тихим хрустом отодвигая крышку. — Ну наконец-то, — обрадованно улыбнулся я медным пластинкам, сложенным аккуратными столбиками. — Вот где вы, родимые.

— Саавалея, просыпайся! — Расталкивала между тем девушка свою соседку. — Ты убил Мерена? — Не удержалась она от азартного вопроса, пока я курочил последний оставшийся сундук.

Он тоже был с гвоздиками и настоятельно требовал внимания.

— Нет, но он отсутствует и будет только днем.

— Ты его друг? — Похолодела голосом она.

— Нет. Он хотел меня убить и украсть моих жен.

— Это хорошо, — выдохнула девушка.

— Ничего хорошего, — категорично не согласился я, заодно с теми же мыслями глядя на какой-то склад безумного ботаника в оставшемся сундуке.

Какие-то засушенные лапки, чешуйчатые крылья каких-то гадов, пучок красной травы, каменные таблички с непонятной черной вязью символов, берестяные свитки, комья земли и самый натуральный человеческий череп с длинными клыками, разделенные друг от друга деревянными перегородками, отчего большая часть сундука казалась пустой. Короче, может это и стоит тут бешеных денег, но что с этим делать — решительно ни малейшего представления. Было бы в нашем мире, отправил бы в пакет с мусором, не думая, и отнес в контейнер подальше от дома. Ладно, как говорил тот эстонец в памятном анекдоте про дохлую ворону, «в хозяйстве пригодится», так что...

— Ты можешь нас освободить! Саавалея, ты слышишь, он враг Мерену и он — маг! — Зашептала она сестре.

— Все добрые дела — дорого и по предоплате, — строго заявил я им, невольно касаясь все еще болевшего горла.

Надо бы залечить самому, да все как-то не до этого. И в сон страшновато свалиться — вдруг накатит от усталости...

— А если мы закричим и позовем охрану? — Опасно сверкнула глазами говорившая.

— В этом мире есть слово «скидки»? — Пробормотал я вслух, задумавшись. — Точно, есть... Короче, скидки возможны, — примирительно повел я руками.

— Тем более, мы поможем понести «твое», — выразительно и со смешинкой посмотрела она на меня, стоявшего возле раскрытых сундуков.

— А это не надо, — хмыкнул я, в два шага доставая полотно из «парадного» сундука Мерена, раскатывая его у ног девушек и принимаясь аккуратно складировать медь. — Лучше подумайте, чем платить, если деньги у меня есть, а жены прекраснее луны.

Девушки синхронно и пренебрежительно фыркнули. Ну-ну...

Завершив с медью, подумал и взял еще один отрез ткани для всей этой колдовской ерунды, бывшей в последнем и самом дальнем сундуке от входа. Раскатал ткань на пол и опрокинул на нее содержимое сундука — не смотря на мое пренебрежение в адрес увиденного, касаться я всего этого я не стал — как-то боязно. Вышла небольшая горка, в принципе.

За моими действиями, чуть привстав на постели, отчего-то очень внимательно наблюдали пленницы Мерена. Я бы сказал, весьма волнительно наблюдали, прикусив губки — и не на меня, такого героического, а на этот нелепый скарб, что самое удивительное.

— Ух-ты... — Выразили они свои эмоции, стоило мне тряхнуть тканью, невольно демонстрируя содержимое. — Оно все-таки существует... А скрижалей больше, чем у отца!

Что именно называлось «оно» было любопытно, конечно, но не до этого — еще мечи паковать.

— Встали бы и сами посмотрели раньше, — буркнул я, передвигаясь к сундуку с клинками. — Вас тут никто не сторожил.

— Как? — С грустью произнесла черноокая девушка. — Поводок не дает уйти.

Обернулся, чтобы понаблюдать исполненный ненависти взгляд в адрес ткани, связывающей их руки с кольцом на столбе. Значит, магия.

— А вы разбираетесь в том, что было в том сундуке? — Все же не удержался я от вопроса.

— Конечно! Мы были ученицами колдуна! И не этого проходимца Мерена, а настоящего! — Звонко возмутилась та, что была названа Саавалеей, но на нее тут же шикнула сестра.

Ничего, стены шатра довольно плотные — из толстой продубленной кожи. Не должны услышать.

— Наш учитель из школы слабее, чем Белилит, но мы знаем достаточно. Ты теперь богатый человек, Сергей Никитич Кожевников, — отчего-то грустно произнесла первая. — И очень могущественный. Нам нечего тебе предложить за риск и наше сопровождение.

— Значит, буду спасать без платы. — Хмыкнул я, заворачивая клинки в еще один отрез ткани. — Никогда не спасал принцесс, — буркнул я уже на русском.

А ведь это — обязательный пункт в посещении другого мира! Девушки, судя по отцу, определено принцессы, так что все ровно ложится.

Но если честно — одно дело наложницам свободу предлагать, а другое — отказать в ней тем, кто просит. Для меня, еще час назад бывшего пленником, ответить отказом на прямую просьбу на спасение было невозможно. Как-нибудь дойдем.

— Только к отцу не поведу. Свободу дам. — Уже слегка сожалея от новой ответственности, взятой на себя, поправился я. — Дальше или со мной, или сами.

— Мой отец найдет, как наградить тебя, Сергей Никитич Кожевников. — Торжественно ответили мне.

— Как твое имя? — Сложив мечи в рулон, положил к другим сверткам и обвязал их совместно еще одним полотном.

— Саанелея, — отозвалась она, вкладывая в голос оттенок гордости.

Наверное, три слога у женщины в этом мире что-то да значат. Знать бы, что....

Критически оглядел помещение и добавил к нахомяченному еще тканей. И, так уж и быть, все откованные железные полосы — вдруг влезут. Задумчиво посмотрел на осветительные камешки сверху. Взобравшись на кровать, свинтил половину — до остальных достать из-за высоты сложнее было. Вроде, все. А нет, еще куст приятно пахнущих трав закинул. Мало ли...

Достал камешек-архиватор, примерился и с определенным трудом, кряхтя, запихнул в него свой сверток целиком, в качестве бонуса напоследок полюбовавшись на отвисшие челюсти и округлившиеся глаза девушек. Видимо, удачно я тогда в тыл ящеров заскочил...

— Что? — С приятным довольством спросил я.

— Э-это... — Пробормотала первая, потянув загребущие лапки к моей собственности.

— Это — мое, — подтвердил тут же, примостив архиватор к бедру.

Кожу привычно ожгло.

— Н-но как! — Посмотрела она восхищенно, словно ожидая рассказа о подвиге.

Говорить, что получил от трупов, наделанных разбушевавшимся божеством, как-то не хотелось. Да и нечего им это знать — чужие люди.

На секунду зацепился мыслью за произошедшее с паучихой. Это выходит, если бы я посох не отнял, то и божество было бы кому усмирить... Да и как отнял — стукнул из-за угла, скорее... Надо будет быть вдвойне осторожным, потому как мало ли в этом мире обитает еще один такой же удачливый неудачник, как я...

— Так ты развяжешь поводок? — Оказывается, уже второй раз спрашивала меня пленница.

— Если скажешь, как, — качнул я плечом.

— Убей и поглоти, — недоуменно посмотрела она.

Аж замер от услышанного, мрачней. Похоже, тут это девиз всей жизни, и честно говоря, он мне откровенно не нравится. И те, кто его так легко выговаривают — тоже.

Потому вместо того, чтобы искать и тыкать чем-то острым в ткань, стараясь убить колдовство, внимательно осмотрел кольцо на столбе, к которому крепилась ткань, сковывающая руки девушек. Потому как вряд ли это кольцо закладывали в центральную опору сразу при строительстве. Так оно и оказалось — железный круг был собран из двух полуколец, соединенных штырем и клепкой на его конце. Сбить штырь — ни малейшей проблемы. Соединить снова — тоже никакого труда, и через какое-то время вот в моей руке обруч, к которому привязаны пленницы Мерена. С учетом того, что идти нам придется в темноте, опять же — удобно. Да и некогда разбираться с чужим волшебством, сказать откровенно. Потерпит.

Только вот девушки изрядно скисли и где-то даже поникли плечами. Повел за собой — двигаются, даже с дивана встали. Поэкспериментировал, не найдя возражений — по всей видимости, их перемещения ограничивает радиус поводка, с центром у другого его конца.

Причем, не важно, лежит ли кольцо просто так или зацеплено за что-то — другой конец они физически не могли подвинуть.

— Ну, проверил? — Грубо буркнула Саавалей.

— Ага, — не стал я тратить время на извинения. — Вон, с ложа возьмите меха и завернитесь. Обувь тут есть?

— У дальнего края. Там вся наша одежда. Может, развяжешь? Мы сами...

— Я отведу, — отмахнулся, как от мелочи.

Что-то реакция их не нравится. То есть, честные девушки немедленно бы устроили истерику, что поводок не сняли, и какой я в этой связи злодей. А эти... Будто я что-то понял, и сбылись их не самые приятные прогнозы. Короче, для них такая ситуация кажется нормальной, и это крайнестораживает.

Дальний край шатра я как-то не осмотрел... Но да ладно — итак еле в камень все засунул, как бы не треснул... Да и было тут не сильно много — инвентарь сельскохозяйственный, местами железный. Лопату тут уже изобрели, вместе с топором. Глянул на последний и все же прибрал к рукам.

Оделись, обулись — меховые сапожки для дам в шатре присутствовали, да и платья с шубками тоже оказались из числа штучной работы, сшитой по мерке. В общем, красивые, но все равно не лежит душа — как к образу на обложке, слишком холодному и отрешенному, пусть даже тысячи поклонников будут не согласны.

— Развяжи, не могу руку в рукав продеть...

— А ты на плечи накинь и левой ворот зашнуруй. — Отозвался я равнодушно.

Спасать спасу, но и доверять не собираюсь.

Выбирались мы тихо, без резких движений, все так же неспешно пройдя мимо спящего караульного и укрывшись через десяток шагов в темени неосвещенного участка поселения.

— Ничего не вижу, — шепнула Сааналея. — Еще ты тянешь. А если упаду? Отвяжи нас. — Добавилось напористости в ее голосе.

— Нормально дойдем, — ответил уже категорично, и потянул их за собой.

Тут и осталось всего — юркнуть до густой стены леса, обходя следы вырубки, ушедшей на строительство, и уже там, двигаясь по знакомому маршруту, предупреждать о подъемах и спусках, отделяющих основной лагерь от клеток.

— И тут баб нашел! — Всплеснув руками, прокомментировала Лилия наше триумфальное возвращение.

— Я не виноват, они сами пришли, — буркнул я, указывая топором. — Вон, знакомьтесь. Саавалей, Сааналея. Соответственно, справа, слева.

— Сергей, ты невозможный человек! — Возмущалась Таня, с ревностью поглядывая на спасенных пленниц.

— То есть мне их в рабстве следовало оставить? — С видом оскорбленного человека посмотрел я на нее.

Таня потупилась и, порозовев, отвела взгляд.

— Все нормально, не ранены? — Подошла Лена, косясь на топор с опаской.

Потому быстро поменялась со мной на мое же копьё. Теперь уже я с тревогой стал поглядывать на Лену, одновременно подбирая убедительные комплименты ее красоте и веские обоснованиями своей верности (хотя бы в последний час времени).

До того вглядывающийся в лица девушек, поднялся от костра Михаил.

— Я мечи не забыл, с собой, — опередил я его главный вопрос.

Да и Матвей с Алексеем смотрели со вполне понятным посылом — вон, как выдохнули от хорошей новости и улыбнулись.

— Это ты молодец, — Михаил сделал шаг вперед и выступил за условную линию встречающих. — Но ведьм ты зачем с собой привел?

По статистике, чаще всего ведьмы обнаруживаются через год после замужества. А тут такая новость.

И главное, стоят две рекомые девушки, смущенно землю у ног разглядывая и края шубок теребя. Это они русский не знают и не могут отреагировать соответствующе. Ну и на нас поглядывают из-под ресниц с любопытством. Вид у нашей компании, конечно, тот еще — в особенности самодельные шубы на голое тело и импровизированная обувь. Зато копье мое явно совсем иной интерес привлекает — аж взгляды останавливаются и глаза округливаются. Явно распознали — оттого, наверное, нет пренебрежения и презрения в наш адрес. Потому что бомжи на феррари — это уже перформанс.

— Что мне их теперь, назад отвести? — Возмутился я.

Народ притих и советовать не брался.

— Ладно хоть кольцо не снял. — Вздохнул Михаил.

— А оно им зачем? — Полюбопытствовал я.

— Понятия не имею, — развел тот руками. — Мерен их только на кольце выводил, когда нужны были. А для чего нужны — Орууш не знал. Но они всегда вперед шли, когда по незнакомой дороге ехали.

Михаил потихоньку возвращался к обычному состоянию — руководителя, лидера, ведущего за собой.

— Оставим в лесу? — Предположил я.

Да как-то сердце не лежало, если честно — и высказанное вслух предложение выглядело неуверенно. Не видел я от них зла, да и враги они Мерену, как и мы. С другой стороны, оставишь с этими повязками и кольцом, которое они сами снять не могут, наверняка же сгинут. Но если им с этим помочь... Как говорит восточная мудрость, страшно держать тигра за хвост, но еще страшнее его отпустить. Как бы доброта моя вновь не обернулась проблемами.

— Мы пригодимся, господин! — Неведомо каким образом распознав в наших словах истинный смысл, горячо заверила Сааналея. — Только освободи нас!

Первая часть предложения понравилась, а вот энтузиазма ко второй не было ни малейшего.

— Что говорят? — Поинтересовался Михаил.

— Снять повязки просят, обещают помощь. Не верю ни на грамм, — сразу обозначил я свое мнение.

— Это верно.

— С собой надо вести, — подала твердый голос Лена. — Это бесценный и лояльный нам источник информации.

Она подошла ближе, внимательно оглядывая гостей — те аж на шаг шарахнулись, испуганно на топор в ее руках косясь. А когда Лена, заметив такое, доброжелательно улыбнулась, так и вовсе затряслись от страха.

— Можно не развязывать, мы будем служить! — Тут же затараторила Сааналея.

— Что умеете? — Лениво уточнил я, будто сомневаясь.

— Воду можем в земле найти и речную очистить, скрытого врага определить, — заверила она, сглотнув и на Лену бросив взгляд.

— Еще?

— Слабостью сковать, мысли запутать.

— Елена, — обратился я к девушке, — ты не порежешься? — Добавил я к тону заботы.

— Нет, — возмутилась она, поигрывая топориком в руках. — Я на даче, родителям помогая, сама дрова колю! — Что и продемонстрировала парой взмахов.

— И кошмаров в сон подпустить! — В панике подключилась к уговорам Сааналей. — И болезнь в дом привести и из человека недуг вытянуть!

Я хмыкнул, глянув мельком на их слова и продолжил общение с Еленой:

— Серьезно? Да ты сухую деревяшку не перебьешь. Матвею топор пока отдай.

Лена оскорбленно приподняла подбородок, быстро оглядела округу и, остановив взгляд на свежем пеньке, даже с некоторым азартом поставила на него поленьшко, подобранное возле костра и с хеканьем перерубила, выпрямившись с видом превосходства во взгляде.

— Топор можешь не отдавать, — уважительно кивнул я, вновь посмотрев на колдуний.

— А еще мы можем издалека убивать! — Прикусив губу и переглянувшись с подругой, ответила Сааналея. — Но только нечасто... Старит...

— Готовить умеете? — Сбил я их с толку.

— Да! И стирать, и за домом ухаживать...

Я же одобрительно кивал, предлагая продолжить.

— И... И постель согреть! — Смутилась она.

— А вот этого не надо, — разумно открестился я, невольно отметив алый блик от костра на лезвии Лениного оружия.

— Сережа, а что они говорят? — Уточнила Лена.

— Готовы сотрудничать, товарищ майор, — перевел я тут же. — Две боевые единицы в нашем подчинении.

— Никакие они не колдуньи, — проворчала тем временем Таня. — Нас Мерен тоже колдуньями называл, но мы ведь не такие... И вообще в средние века колдуньями называли образованных женщин!

Я только головой покачал и спорить не стал. В этом мире все было по-настоящему, потому повязки кольца я этим принцессам снимать не собирался до самого конца пути.

— А они правда рождены на спине волка? — Подкравшись за своим интересом, шепнула Лилия.

Вот кто в колдовство, судя по всему, поверил сразу. Но у них это в банковском деле не новость, одни контракты чего стоят.

Я вопрос перевел, тоже с любопытством ожидая ответа.

— А как зовут ту, что спрашивают? — Чуть высокомерно уточнила Сааналея.

— Гюльчатай, — не моргнув глазом, уточнил я.

— Эй, кто Гюльчатай?! — Зашипела Лилия.

— Ты правда хочешь сказать ведьме свое настоящее имя? — Изобразил я недоумение.

Та задумалась и чуть виновато кивнула, признавая мою правоту.

— Скажи Гюльчатай, что это правда, — добавив уважения в голос, ответила колдунья.

— А Елену почему назвал настоящим именем? — Шепнула Лилия, чуть поерзав от скупого ответа.

— Да у нее топор, что с ней будет? — Открестился я. — Народ, давайте шевелиться. И так кучу времени потеряли.

Хотя еще с десятков минут пришлось потратить на распаковку натрофеенного у Мерена

и обратную запаковку добра. Мужчины привыкали к приятной тяжести клинка, дамы умудрились увести половину всей чистой ткани. Таня обзавелась карманом, откровенно топорщившимся медными пластинками. Потому что «я могу потерять». Так то, если бедро отрубят, то наверняка, но дела мне до этого уже не будет никакого. Ладно, не жалко.

К цели двинулись кратчайшим путем, лежавшим через пост дежурных. Можно было обойти и прокрасться под покровом ночи, но Сааналея пообещала, что там все будут спать, а я не видел в ее уверенном голосе и намека на сомнение в собственных силах. Только вот ради самого действия решил отвести колдуний от нашего отряда — для безопасности.

— Разреши нам? — Требовательно попросила ее сестра, стоило мне подыскать удобную полянку — свободную от кустов и деревьев.

— Разрешаю навести на отряд дежурных Мерена сон, — пожевав губы и сжав медный ободок в своих руках, выдал я более-менее точный приказ. Мало ли..

Но девушки кивнули, будто так и нужно. Складывалось мнение, что вместе с передвижениями, повязки и кольцо сковывали их волю, не позволяя чего-то больше обычных слов. Но наверняка и их можно было запретить.

Сам процесс колдовства выглядел тихой молитвой злему божеству — стоя на коленях и прогнувшись к земле, вытянув вперед руки, шептались резкие слова, которые я не понимал и знать не хотел, стараясь не прислушиваться.

— Сонный морок полетит к ним облаком, — выдохнула Саавалей, поднимаясь и утирая мокрый от пота лоб. — Надо ждать.

— Не проснутся? — Для порядка поинтересовался я.

— Кошмары не отпустят их до утра, — хищно ощерилась она, показывая абсолютно здоровые зубки.

Но я все же проверил, глянув талантом — действительно, лежат трое. И на счастье наше, никто не свалился в костер — возникло у меня такое опасение посреди ритуала, но обошлось. Для проверки и порядка, вместе подошли к чужому костерку, разместившемуся в выкопанной яме на пологом холме, откуда открывался прекрасный вид на черную гладь реки, освещенную поднявшейся луной. Берега тоже были как на ладони и предсказуемо пустынные. Разве что на дальнем, где-то у горизонта, если напрячь талант до легкой боли в голове, угадывались искорки жизни, но то могло просто почудиться.

Забрали ребят, уже начавших переживать и беспокоиться, и вернулись тем же путем, заодно обобрав горе-дежурных на обувь и одежду, и через половину часа уже вышли на ровный берег, чтобы спокойно двинуться вдоль него, вдыхая холодный ветер, разогнавшийся вдоль реки. Прохладно, но хоть ноги ломать не придется — не ровная дорога, но и с диким лесом не сравнить. Двигались боевым порядком — впереди я с колдуньями, по бокам и позади ребята, жены внутри круга. Лена порывалась было выйти вперед, но смотреть в темноту ей быстро надоело.

Был выбор — идти вверх по течению, чтобы обойти устье реки, но там пришлось бы пройти еще три поста. Да и крюк выходил солидный.

— Тут в паре километров снизу старый мост, — тихо озвучил часть чужой памяти Михаил, вставший от меня по правую руку. — Порухенный, но пройти можно.

До того планировали сделать плот — вода спокойная, река неширокая, легко можно перейти. Но мост — это хорошо, что и сообщил народу.

— О чем ты с ними говоришь? — Поинтересовалась Сааналея, явно недовольная чужим языком вокруг нее.

— Скоро перейдем на тот берег.

Саней ее окрестить что ли? А вторую — Савой, иначе уже голова болит от этих двойных гласных, даже когда в мыслях произношу. Но два слога вместо трех, это выходит, понижение в социальном статусе... А Александрой звать — незаслуженное повышение. Размышления остановило ощущение натянувшейся ткани на кольце — колдуньи замедлились и встали.

— Там — смерть. — Уверенно произнесла она. — Плохая смерть! Злое божество поглотит наши жизни и таланты!

— Я его убил, — чуть скис я от необходимости новых пояснений, затем плюнул и просто приказал. — Идите вперед и не бойтесь.

Интересно, может ли магия приказать не бояться? Судя по их виду — нет.

Зато поймал целую волну недоумения и недоверия в тайком бросаемых взглядах, но хоть вперед идут, не сбиваясь на новые остановки..

До моста добрались под ощутимое чувство усталости, приправленное голодом и ознобом. То, что по уверениям Михаила, было близко, из-за извивов реки, ночи, темноты, выброшенных на берег коряг и ям, кажущихся из-за воды ровной землей, затянулось на половину ночи. Чудом никто не переломал ноги, но к середине пути пришлось доставать-таки камешки-светлячки из тайника. Была надежда пройти на одном моем таланте, однако его явно не хватало для движения такой группой, а освещение местного спутника иногда сбоило, укрываясь за принесенными ветром тучами. Та еще луна, отчего-то с отчетливым алым отливом на плотной сетке метеоритных кратеров.

— Пока на этом берегу, можно, — бодрился Михаил, вытягивая палку с примотанным к нему светлячком, подсвечивая себе путь.

Он тоже умудрился ухнуть в воду, и точно не желал этого повторить. Да никто не хотел — даже колдуньи, бывшие горделивыми и себе на уме, теперь выглядели печальными мокрыми котятками в своих мехах. Мои жены, благодаря тому, что шли за ними следом, большинства опасностей смогли избежать, и разве что обувку промочили пару раз — но на такие случаи мы все же тормозили и оперативно наматывали всем новые отрезки шкур, благо было из чего резать и чем крепить.

Редкие взгляды, бросаемые за спину, не показывали погони, но про то я молчал — еще одна мотивация идти, несмотря ни на что, находя силы на движение через ночной холод. Про привал никто не заикался — уж больно страшным слышался рассказ Матвея о том, как их поймали. Как-то не хотелось закрыть глаза у костра, чтобы в следующий миг вновь оказаться в плену.

Разрушенный мост выглядел скверно, как и положено ветхой конструкции, ныне соединяющий путь из ниоткуда в никуда. Раньше тут что-то было, но ни у меня, ни у Михаила с колдуньями не нашлось в памяти ответа, что именно. Давно — «даже дед не помнит», а письменных источников по истории тут не вели. Вернее, у каждого города была своя история, красивая и полная побед. И у всякого города отличалась друг от друга. Но до этих краев вообще никому дела не было.

То, что в мосту радовало — это ширина в две доски, кое-как уцелевшая на всем протяжении пути. Где-то путь расширялся до четырех, где-то даже две выходило с натяжкой, и дорогу никак нельзя было назвать прямой — уцелевшие остатки шли по всей ширине пути, виляя из стороны в сторону. Да и те досочки — с прорехами, в которые можно спокойно ухнуть. Хоть падать не высоко — до воды метра полтора, не больше.

— Привяжемся и пойдем? — Робко уточнила Лилия, глядя на тот берег.

Дополнили предложение светящимися камешками, раскиданными в самых опасных местах, и медленно перешли, не испытывая по этому поводу никаких положительных эмоций. Потому что уже на этом берегу, по единогласным уверениям колдуний и Михаила, тоже ждала гибель. Складывалось ощущение, что все в этом мире жрет друг друга, и нет шанса двум силам разойтись мирно, не став друг другу рабом или пищей.

— Там что-то есть, — замерла Сава, глядя в темноту впереди, над высоким берегом, который запирает русло с этой стороны.

Придется поискать подъем.

— Вернее, кто-то есть, — шепнула Сааналея, не отрывая взгляда от той же точки над горизонтом. — Огромное, живое и быстрое. Оно идет сюда!

— У нас проблемы, — коротко перевел Михаил их слова для остальных.

— Вообще не новость, — буркнула Лена, перехватывая топор поудобнее.

А я встал рядом с колдуньями и включил обретенный талант, сопоставляя увиденное с шорохами и шепотами, далеко разносившимися в ночи.

— Две новости, — сглотнув ком в горле, выдал я бравурным тоном. — Оно не огромное. Его просто много. Очень много.

На нас лавиной неслась орда ящеров, и только берег скрывал от взгляда не самую приятную картину, наверняка различимую в свете вновь выбравшейся из-за туч луны. Сотня их, может две. Нет опыта, чтобы считать их правильно и точно, есть только неприятное сосущее чувство под солнечным сплетением.

— Бежим? — Чуть сбившимся тоном предложил Михаил.

Хорошая идея, мне сразу понравилась.

— Вы можете их убить? — Обратился я к колдуньям с определенным сомнением.

Был я даже несколько спокоен в своем вопросе. Ну а что переживать — мост мы переходили половину часа, а до первых Гоуров метров четыреста, и если исходить из стандартного времени стометровки для большой вооруженной ящерицы, будут они тут через минуту. Броситься же в холодную воду означает смерть, равно как и бег вдоль берега в темноте.

— Н-нет, — качнула Саавалей, неотрывно смотря в сторону берега, будто замороженная.

И только дрожь в руках отдавалась в туго натянутой повязке, закрепленной на медном кольце.

— Копье, — вцепилась мне в плечо Сааналея, буквально крича и тут же повторила. — Копье! Используй копье, маг! Ты же убил божество, ты же не лжешь, я вижу!

Ее небольшие кулачки то сжимались на моем плече, то резко расслаблялись, будто от меня било током — легкие гримасы боли показывались на напряженном лице, в отчаянии и до крови закусившем губу. Быть может, колдовство наказывало за желание причинить мне боль?

— Я обязательно его использую, — качнул я согласно головой, обретая меланхоличное спокойствие, которое бывает после смирения с неизбежным.

— Так покорми его! — В отчаянии крикнула во весь голос колдунья.

Потому что таиться не было причин — бег тысячи ног уже слышался надвигающейся лавиной, и уже нельзя было обмануться, что бегут они не к нам, не за нами, не по нашу судьбу.

— Чем?! — Гаркнул я на нее.

— Любым своим слугой! Ну же! — Неожиданно жестко и сильно ухватила она ворот

стоящего рядом Алексея и буквально бросила его мне под ноги.

А затем рухнула сама от дикой и страшной боли, пронзившей все ее тело до вопля полного муки. Ее сестра тут же упала рядом, обнимая ее и не позволяя битья головой о землю..

— Иначе мы все умрем, — прохрипела Сааналея. — Хуже, чем умрем. И твой слуга тоже.

В растерянности перевел взгляд от нее на спину Алексея, кое-как пытавшегося встать на ноги, опираясь руками о сырую землю, и поднять выпавший из рук меч.

Этот мир вновь требовал заплатить за свою жизнь чужой.

— Я не стану, — ответил я на чужом языке замершему поодаль Михаилу.

Он — слышал и понимал, о чем мы говорили.

Ответил и, отпустив медное кольцо, бросился на колени, чуть дрожащими руками вытягивая из камешка-архиватора упрятанное добро.

— Что ты делаешь?! — Шипела рядом колдунья. — Просто убей его!

— Молчи, презренная Са, — шикнул на нее, быстренько перебирая свертки ткани.

Где он, где же он.

Шум набегавшей волны ящеров над головами уже распался топотом отдельных ног, наполнился лязгом железа и победным ревом.

— Лена, где этот гребанный камень от хоббита?! — Рывкнул я скорее от отчаяния.

— Он у меня, — охотно отозвалась девушка, падая рядом на колени и протягивая мутный камешек.

— Какого демона он у тебя?!

— Просто...

— Фиг с ним, бросай на землю! Да не к ним, мне под ноги!!! — Еле удержал я Лену от опрометчивого замаха.

А затем подхватил копьё и осторожно приложил к камешку лезвие. Никакой реакции — чувство обреченного ужаса схватило за горло.

— Обухом копья! Обухом! — Крикнула презренная Са.

Я резко вскочил на ноги, отметив на вершине берега силуэты резко затормозивших ящероловлюдей. Еще мгновение — и два момента совпали на дикой, всеми забытой земле.

Слитный вопль радости и предвкушения Гоуров. И совсем неслышный удар копья по камешку... Который в следующий удар сердца обернулся бешеным ревом пламени, ударившим из лезвия копья к небесам. И в этом реве потонул топот врага, его вопли и крик, его лязг доспехов и надежды на вкусную человечину этой ночью. Впрочем, кое в чем я был неправ — топот остался, но был он от спешно удаляющейся толпы. И крик ящера тоже огласил ночь — но в этот раз он был исполнен тоски и отчаяния, предупреждающей соплеменников о близкой беде.

— Сережа, ты самый-самый лучший, — толкнулось со всхлипом в бок.

Посмотрел ниже — Таня обнимает. Еще мгновение, и ее вместе со мной заключила в объятия Лилия.

— Ты зачем камень сперла? — Поискав взглядом смущенно стоявшую поодаль Лену, строго спросил у нее.

— Я боялась, что ты станешь таким, как Михаил... — Виновато шаркнула она ножкой. — Извини.

— Ладно, — смягчился я, чувствуя, как теплые волны от огня отогревают замерзшую

было от ужаса души. — Можешь меня обнять.

— А можно я не...

— Можешь обнять, — чуть строго повторил я, и с довольством принял новые объятия.

— Это что было? — Тряхнув головой, с опаской смотрел на меня чуть прищуренными от близкого огня глазами Алексей.

— Она хотела, чтобы я тебя убил, — указал на колдунью.

— Вот ведьма... — Алексей с благодарностью принял помощь Матвея и Михаила и встал на ноги.

Я же, передав посох Лене, принялся трамбовать все свои богатства обратно — те, на несчастье, умудрились подмокнуть из-за моих поисков.

Когда закончил, две иномирянки все еще сидели на земле, прижимаясь друг к другу — а также прижимая к груди медное кольцо.

— Дай, — шагнул я к ним, оставляя жен позади, и протянув левую руку к кольцу.

Те замерли, глядя с испугом. Но кольцо все же отдали добровольно.

— Я буду звать тебя Са, а другую Сав. Привыкайте. — Буднично поведал им, принимая посох от Лены обратно.

И что интересно — ни слова возражения. Можно, конечно, сказать, что они хотели спасения всем. Но я что-то не увидел в этом желании самопожертвования собственной жизни, сработавшей бы абсолютно так же, как и любая иная.

— Идем? — повернулся я к ребятам.

— А сразу не мог этот фонарик включить? — Хмыкнул Матвей, все еще нервно держащий клинок.

Горело мощно, ярко, на многие метры освещая все вокруг.

Я же молча повернулся спиной и направился вдоль берега, отыскивая подъем поудобнее наверх. Огонь работал ценой жизни человека, и неведомо сколько ему суждено гореть. Путь наш еще далеко не пройден, хоть и видна черная громада крепости, скрывающая за собой звездное небо. И когда огонь пропадет, понадобится еще одна жизнь, чтобы оставшиеся могли продолжить идти домой.

Я обернулся и внимательно посмотрел на Матвея. Тот, наверное, хотел что-то добавить, но слова так и не сорвались с его уст, а его взгляд ушел в сторону. Да, хоббит был плохим человеком, но мне совсем не хочется искать, кто из нас хуже остальных. Да и если начать это делать для чужих... Не знаю, что получится, но душа подсказывает — держаться надо подальше от подобных решений.

Так уже повелось, что иду я, а остальные бредут следом, в заведенном порядке. Вся разница на этот раз была в ревушем пламени над моей головой, озаряющем путь и в том, что я уже ни черта не боялся, двигаясь к цели напролом.

Силуэт замка надвигался медленно, давая ощутить все величие и могущество некогда отстроенного человеком здания, а стоило подойти совсем близко, как свет огня познакомил и с тем, насколько сильно время может потрепать даже самый величественный труд, вышедший из-под людской руки.

Входная арка ворот разломана, некогда массивные барельефы по обе стороны от входа — раскрошены и обезличены ветром. Воротные башни утоплены в песке высушенной и безжизненной земли. Ни следа травинки и деревца, хотя казалось бы — природа способна сломать любые руины и вернуть в свое зеленое лоно.

— Там кто-то есть, — вздрогнула от видимого шевеления внутри темноты замка Лилия.

Я повел копьём, направляя острие в сторону темноты, и тьма, на мгновение шевельнувшись, тут же застыв без движения.

— Если там что-то было, его больше нет, — успокоил я девушку и вновь двинулся вперед.

— Стены! — Восхищенно произнесла Лена, первой отметив необычный рисунок из линий, стоило нам на пару сотен шагов углубиться внутрь.

— Это что? — Вопросительно глянул я на Са, указав взглядом на орнамент.

— Так больше не строят. Не знаю, — пожала та плечами.

Парадный вход завершился развилкой из трех коридоров в виде круглого зала, в центре которого все еще горел костер, пахло мясом, но те, кто сидели вокруг него, явно предпочли все бросить и бежать. Как вежливо с их стороны.

— Направо, налево, вперед? — Уточнил я, не решаясь принять решение за всех. Но тут же уточнил. — Нам надо вниз одной из башен.

Знать бы, в какой именно я был. Без компаса, и западная может показаться восточной.

— А ты не помнишь, какого цвета линии были на тех стенах? — Вглядываясь в цветастый орнамент, уточнила Лена.

— Синий, зеленый, — припомнил я. — А что?

— Тут у каждого выхода свои цвета, — с азартом доложила она. — Если синий и зеленый, то нам сюда! — Указала она на левый выход.

Налево, так налево. Не в первой.

— Идем, — согласно качнул я головой.

— Фу, ну и гадость! — Огласила коридор идущая чуть позади Таня.

— Что не так?

— Картины, — указала она на стену.

Я-то больше вперед смотрел, направив туда огонь от копья, так что не до разглядываний местных красот.

— Ах, это, — на мгновение глянул я в ту сторону. — Тут так часто.

Всего лишь — одна из памятных картин, обезображенных ящерами красным цветом до уродливых зарисовок из жизни людоедов. Подвел ради интереса огонь копья чуть ближе, тут же извинившись перед шарахнувшимися ребятами. Но оно того стоило — красная краска облетела вниз невесомым порошком, оставив изначальную картину в целостности.

А в грудь толкнулась удовлетворенная догадка — не ящеры вышибли отсюда людей. Они просто заняли давно покинутое и брошенное место. А злые зарисовки их — от бессилия и хвастовства.

Потому дальше шел, прикладывая огонь то к правой стене, то к левой, с непонятым, но приятным светом в душе очищая коридоры от нарисованной гадости. Человек вновь шел по этим коридорам, а разная мерзость могла только прятаться по темным углам, разбегаясь перед нами во все стороны. Как и должно быть — так и будет, если огонь не погаснет, так что, несмотря на весь пафос, шел я довольно быстро.

Знакомый рисунок узнал не сразу, приняв за повторение уже встречавшегося нам до этого. Но еще один, шедший вслед за ним, а тем более почти родной запыленный коридор вдохнули счастье в душу, чуть не прорвавшуюся радостным воплем. Тут же заныли ноги и спина, предчувствуя завершение пути и ожидая долгожданный отдых.

— Мы пришли, — повернувшись, буднично поведал я ребятам.

— Куда? — Не поняла Таня.

Но я указал на коридор и тихонько улыбнулся.

Рядом взвизнули от радости девчонки.

— Что дальше, маг? — Недоуменно спросила колдунья.

Я только взгляд бросил, передал медное кольцо Лене и строго предупредил на двух языках:

— Идти след в след!

Все для того, чтобы потом вернуться и разровнять наши следы в песке под нервное «натоптали тут».

— Тут ничего нет, — встретили меня с тревогой, оглядываясь на каменные блоки стен.

— Стойте пока, — ответил я спокойно, чтобы не толкались.

Для нас всех тут было тесновато, так что пришлось дополнительно попросить всех отойти к стене.

А затем как-то разбираться с копьем — как бы совсем скоро жар не сжег весь воздух.

— Как это выключить?

— Как ты убил божество, если даже не знаешь, как с ним обращаться? — Пренебрежительно отозвалась Сав.

Пришлось подойти к Лене, взять медное кольцо в руки и повторить вопрос — как я понял, кто владел им, тот и был этим колдуньям господином, против которого им ни слова сказать, ни приказа послушаться.

Догадка подтвердилась — Са и Сав охотно рассказали, что остаток чужой сути все еще крепится к основанию копья, и достаточно его смахнуть в сторону, чтобы ничто больше не подпитывало пламя. Но до того я отправил наверх Михаила с Матвеем, указав на карниз, закрытый камнями. Перебираться туда нужно было осторожно, стараясь не уронить на себя камни — удалось это, когда ребята подсадили Михаила руками вверх.

— Портал рядом с тобой.

— Вижу, — обрадованный голос раздался чуть приглушенно из-за стенки камней.

— Под ногами заготовки для факелов, скидывай их вниз. Только осторожно.

— Сделано! — Стукнулись рядом деревяшки, тут же подкормившиеся пламенем от копья.

После чего уже со спокойной совестью можно было смахнуть пыль, остававшуюся на обухе от камешка. Мало ее было, совсем мало — еще с пару минут, и огонь наверняка отключился бы сам. А стали бы плутать по коридорам, то наверняка нас бы тут и сожрали.

Я с благодарностью посмотрел на Лену.

— Что? — Чуть испуганно оглядела она себя.

— Все в порядке, ты молодец.

— А я? — Тут же уточнила Таня.

— Тоже. И Лилия. И даже я, немного. Конец пути, — устало показал я наверх, где скалилась улыбкой голова Михаила.

— С колдуньями что делать? — Уточнила Лена.

Как будто мог быть другой вариант.

— Берем с собой, — вздохнул я. — Все, давайте забирайтесь вверх, ребята подсадят.

А сам принялся вновь перетасовывать вещи в камешке-архиваторе, в этот раз добавив туда копье.

— Что будет дальше, господин? — Тихо шепнула Са, поводок которой все еще был на кольце, а само кольцо — под моим коленом. — Куда делись твои слуги?

— Пройдете в мой мир. Вместе с нами.

— А дальше?

— Поводок и кольцо не переживут переход, — ответил я то, в чем был уверен. — Елена постарается устроить вашу судьбу.

— Та, что с топором?

— Ага.

Са и Сав пригорюнились.

— Да она хорошая, — ответил я, не собираясь уговаривать. — Все, наша очередь подниматься, — завершил я с вещами.

Первым поднялся сам, затем за кольцо вытянул колдуний вверх — силы хватало, иномировой допинг сказывался. Затем, уточнив у ребят, что они точно справятся сами и факелы погасят о портал, провел за собой девушек — в холод, жужжание кулеров, любимого и родного мира. Вышел чистым, без единой капельки грязи и паутины, налипшей за наш поход — вещи, правда, исчезли тоже, но было совсем не до них. В уголке серверной, прячась за сдвинутый шкаф, смущенно прятались обнаженные супруги, явно страдая от недостатка одежды. За Лену не уверен — у нее дискомфорт мог быть из-за пропажи топора.

— Сережа, а мы где? — Уточнила рекома.

— У меня на работе, — удовлетворенно выдохнул я, подходя к кондиционеру и выкручивая температуру до приемлемых плюс двадцати пяти. Заодно часы проверил — восьмой час, может, даже на работу не опоздаю. Нервно хихикнул от пришедшей мысли.

Повернулся, поймал недоуменные взгляды и поведал причину своего веселья — теперь смешинка была на устах у всех. Ну, кроме колдуний — те смотрели ошарашенно, очень нервно и явно пребывая в огромном шоке от увиденного.

— Это только часть моего мира. — Пояснил я им.

— Ты нас обманул!

— Ну, в остальном он гораздо красивее, — сбился я от обвинения, будто в самом деле что-то обещал.

— Поводок! Он не исчез! — Сбилась на истерику Са.

— Да как не исчез?! — Возмутился я. — Вот же, нет ничего! И кольца нет!

— Его нет! Но я чувствую эту связь! Ты подлец и мерзавец! — Произнесла она зло, тут же дернувшись от скользнувшей по телу боли.

— Что нам теперь делать? — Как-то обескураженно произнесла Сав.

— М-да, — почесал я затылок. — Лен, у нас есть статья за рабовладение по неосторожности?

— Найдем.

— Не надо, — категорично качнул я головой. — Короче, тут есть проблема.

— Дай мне хоть какую-то одежду, и я обещаю, что постараюсь ее решить.

— Это мигом, — охотно двинулся я к крайней стойке от входа.

Там у меня, между прочим, аж целый набор спецодежды был с запасным набором ключей в кармане — как раз на тот случай, если по неведомой случайности все в портале потеряю.

— А нам? — Робко уточнила Лилия.

Тут и ребята из портала вышли, по привычке отряхиваясь. Позади взвизгнули и дали две пощечины — естественная реакция женщин в обоих мирах на собственную наготу, как показала практика, одинаковая.

— Вон, за шкафом прячьтесь, — указал я злым до красного цвета лица колдуньям на шкаф. И добавил для Лилии на русском. — Сейчас попытаюсь отыскать. Только, блин, как...

— Мне бы телефон, — охотно вызвалась помочь Таня. — Я подругу попрошу — мигом привезут любых размеров. У нее магазин одежды свой.

— Что, вот так кучу всего привезут? — Скептически уточнил я.

— Так мне ведь выбрать, примерить надо, — разумно пояснила она. — Один комплект никогда не привозят все равно, а мы с девчонками примерно одного роста. Не в первый раз.

— А на мужчин?

— Скажу, что для мужчины моего тоже, — с легким вызовом произнесла она. — С курткой и ботинками!

— Ладно, сейчас организую телефон, — повернулся я к серверам.

Время восемь, Юлия должна быть на работе, а значит внутрисетевую почту рано или поздно увидит. Хотя, наверное, проще одежду у Лены назад забрать — повернулся к ней, обнаружил суровое выражение лица и скрещенные на груди руки и вернулся к составлению письма.

«— Иду!» — Почти моментально прилетело ответное сообщение.

Переключился на камеры в коридорах и с волнением принялся отслеживать передвижения девушки. Вот лестничный пролет, вот еще один, финишная прямая...

— Юлия! — открыв дверь, высунулся в нее по голову.

Та мигом подскочила ближе, обдав флером приятного запаха духов, и внимательно и чуть лукаво посмотрела мне в очи.

— Я пришла, — муркнула он. — Вижу, ждешь, — обратила она внимание на мою наготу, бесполезно скрываемую за створом двери.

— Юль, не в этом дело, — смутился я.

— А в чем? — Приподнявшись на цыпочках, заглянула она за меня.

И, похоже, что-то углядела — судя по румянцу на щеках и округлившимся глаза девушки. Вот блин...

— Сережа, я не готова, — отвела она глазки. — Ты ведь ничего не сказал! Я бы и Тамаре сказала...

— Юлия, мне просто нужен телефон, — еле удержался я от того, чтобы хлопнуть раскрытой ладонью себя по лицу.

— Конечно, — спохватилась она, демонстрируя просимое, но передавать не спешила. — Мне видео снимать или фото сериями? — Шепнула она, оглянувшись.

— Юль, мне просто позвонить надо, — уже обреченно пробормотал я.

— Хорошо, хорошо! Вот, бери. А какой сегодня космонавт? — Успела с жарким интересом поинтересоваться она, пока я закрывал дверь.

— Какой еще космонавт, Сергей? — Зашипела, неведомо когда успевшая подобраться к спине Лилия. — Это кто такая?!

— Это не то, что ты подумала! — Заверил я ее, бочком отступая. — Просто начитанная и умная девушка. Это же министерство! Тут много таких!

— Ах, много?! Кобелина!

— Тань, бери телефон, — выдохнул я. — Лилия, я сейчас в другой мир сбегу.

— Ты решил меня бросить? Ради нее?!

— Так, вы двое, — гаркнул я на своих колдуний. — Быстро объясните ей, что я ее люблю.

— Мы языка не знаем.

— Вообще не волнует, выполнять. — Отмахнулся я, с удовлетворением наблюдая, как девушку мягко приобняли колдуньи, принимаясь нашептывать что-то нежное и успокаивающее.

Периодически называя ее «Гульчатой». Тут, конечно, осечка, но вроде понемногу действует — вон, уже вместо меня их обвиняет и грабки требует убрать. Но без особой агрессии — колдуньи тоном берут.

Таня тем временем добралась в разговоре с подругой до какого-то результата, принявшись обрадованно уточнять у меня местный адрес. Обещали в течение часа — нормально, если ящеры до того не поползут в проем. Хотя вряд ли нас таких больших и страшных искать будут — это я просто чтобы в тонусе себя держать, иначе от бессонной ночи в сон клонит.

Высунулся из двери, попросил у Юлии встретить барышню, которая позвонит на ее номер и проводить сюда. Заодно уверил, что в аптеку сбегать не надо. И нет, это не ролевые костюмы. Просто пари, карточный долг и никакой романтики. А про романтику мы потом поговорим. Вообще — хорошая девушка, добрая и исполнительная. Только говорит громко и Таня все слышала, но на этот счет есть проверенный и надежный рецепт.

— Объясните Татьяне, что я ее люблю.

— Но...

— Даже слушать не желаю!

И по новой — нашептывания и увещевания. Вон, Лилия уже спит на картоне из под коробок, свернувшись калачиком и накрытая круткой из набора спецодежды, пожертвованной Леной.

— Только их на меня не напускай, — обнаружилась Лена рядом, глядя на колдуний и Таню, робко пытающуюся вырваться из круга их внимания.

— Они сами не пойдут, — пожал я плечом. — Боятся тебя.

— Что с ними происходит, ты разобрался?

— Магическая связь, вещественно материализованная поводками и кольцом, сохранилась при отсутствии внешних атрибутов.

— Это и без твоей зауми понятно.

— Тогда не разобрался, — честно признался я. — Как чинить — ни малейшего понятия. Может, просто приказать быть им свободными?

— С экспериментами погоди. — Строго запретила Лена.

— Да я и не спешу никуда, — вздохнул я, приседая и приваливаясь спиной к стене, и прикрывая глаза.

Может быть, даже легонько в сон скользнул, потому как следующим звуком был стук в дверь.

— Одежду привезли, — все еще шепотом, как заговорщица, произнесла Юлия.

— Отлично! Тогда потихоньку можно ее сюда...?

— Да зачем? Грузчики все к дверям принесли и почему-то денег не попросили.

— А охрана? Ах да... — Вспомнил я любителя телевизора. — Спасибо Юль, с меня причитается.

Весть об одежде стряхнула сон с прикорнувших было Лилии и Тани, оживили интерес в колдуньях, а закинутый за стену серверных стоек пакет с мужскими вещами вызвал так и вовсе нездоровое ликование.

В общем, в какие-то десять минут мы вновь стали похожи на цивилизованных людей с высшим образованием. Даже колдуньи с их среднемагическим.

— Я хочу домой, я хочу в душ, я не хочу тут больше находиться! — Твердо произнесла Лилия. — Тань, ты со мной.

— П-почему? — Подняла та на нее взгляд.

— У меня горячая вода есть, а у тебя нет.

Хлопнула дверь в серверную. Я было дернулся, но девушки явно разберутся, куда идти.

— Завтра созвонимся, — замер на пороге Михаил.

— Никому и ничего, — оглядел я ребят, на короткое время встречаясь взглядом с каждым.

— А вторжение?

— Майор разберется, — кивнул я на оставшуюся рядом Лену.

Ее отчего-то Лилия не позвала. Да и не согласилась бы она — может, поэтому.

— Пойдем, — предложил я Лене руку.

Та вновь бросила взгляд на портал, уже вновь закрытый шкафом, коротко кивнула и двинулась следом. Тенями за нами направились Са и Сав — не знаю, как с ними теперь быть. Ограничения на расстояния, раз уж лент нет, тоже быть не должно, но в тесной серверной не проверить. Не в моей же постели им ночевать. Там и без них бывает тесно...

Вышли, мирно и спокойно минуя пост охраны. Затем вернулись, и Лена сделала один звонок от стойки — при полном равнодушии со стороны постового.

С робким, недоверчивым удовольствием подставили лица под теплое и родное солнце, да так и уселись на нагретую лестницу, не желая уходить. Неожиданно тепло для весеннего дня. Да и лестница широкая — никому не мешаем. Мы с Леной устроились чуть ниже, наше колдунское сопровождение — выше на два ряда. Тишина и идиллия начала рабочего дня.

— Сережа, — после продолжительной паузы произнесла Лена.

— Ау?

— А мы ведь там... Тогда... Не предохранялись.

— Угу.

— Вот я думаю, что сыну сказать, когда вырастет... — Смотрела она на небо. — Что его отец летчик или полный мудак.

— Великий шаман. — Важно уточнил я.

— Значит, не летчик...

— Лен, сына — признаю. — Не сдержался я. — Что ты, в самом деле...

— Нет, ну почему же? — Продолжила она, игнорируя мой ответ и заводясь. — Кем надо быть, чтобы утаить на работе межмировой портал? И шастать туда?!

— Я его закрыл. — Буркнул я.

— Шкафом?!

— Почему? Гипсокартоном.

— Ох... — Покачала она головой. — Точно не летчик.

— Вон, твои едут, — смутившись от диалога, как на спасителей кивнул я на два черных микроавтобуса, вопреки запретительному знаку подкатывающих прямо к крыльцу.

— Что-то они быстро, — удивилась Лена, но тут же перешла к жесткому прессингу. — Рассказываешь все подробно и в деталях, ничего не скрывать и не укрывать.

— Лен, если что, благодаря мне ты мир сегодня сможешь спасти. — Попенял я ей. — Может, забудем, что были в этой истории «мы»? И хватит одной тебя, прозорливой и

отважной?

— Все будем делать по закону. — Нахохлилась она, глядя на ступеньки перед собой.

— Тебе — премию и звездочку. Нам — сроки?

— Никакие не сроки, — дернула она плечом. — Расскажите все чистосердечно, со всеми обстоятельствами дела.

— Чистосердечно?

— Да. Ничего не скрывая.

— Прямо всю-всю правду?

— Именно.

— И она нас спасет? — Терпеливо уточнил я. — Слово офицера?

— Гарантирую.

— Хорошо. Вот тебе самая главная и чистосердечная правда: Лена, я тебя люблю. Выходи за меня замуж. — Произнес я глядя девушке в глаза, осторожно подхватив ее за руку.

— Но...

— Ты слово офицера давала.

— Я согласна, — отвела она смущенный взгляд. — Только это все равно ничего не меняет.

— Как же? — Мягко коснулся рукой я ее затылка перед тем, как совместить губы в чувственном поцелуе. А затем продолжил мягко, пока она восстанавливала дыхание. — Супруги ведь могут не свидетельствовать друг против друга? И это будет по закону.

— Ну, я подумаю, — чуть порозовев, с легкой грустью прошептала Лена, глядя как автобусы резко тормозят напротив крыльца.

Только вот бойцы, высыпавшие из-за откатных дверей, отчего-то бодро протопали мимо, быстро скрывшись внутри министерства, не обратив на нас ни малейшего внимания.

— Интересно, — озвучила девушка и мое недоумение тоже.

— Привет, Лен, — подошел тем временем к нам мужчина средних лет в форме и с папочкой на руках. — Ты тоже тут?

— Как это «тоже»? — Уточнила она с легким недоумением.

— Так по делу РЖД? — Поправил он фуражку.

— Нет, а что за дело?

— А, так ты еще не в курсе, — хекнул он с довольством, будто радуясь, что может рассказать еще кому-то. — Представляешь, на наш пост в Шарапово, ну который в съемном доме, захватчики земли наехали! — Гоготнул он.

— Да ну? — Недоуменно уточнила Лена.

— Ага! Ногой дверь пинали, выйти требовали. А потом как заявят — продавай дом, либо ночью сожжем ко всем чертям! А у нас там пять человек с оружием! Ну этих сразу мордой в пол и по полной крутить. И веришь, нет, следы заказчиков прямо в министерство ведут, — тыкнул он пальцем в сторону двери. — О, вот они идут, кадры наши.

Вслед за его взглядом, повернулся влево и тут же почувствовал, как от охречения и непонимания челюсть падает до земли.

Удерживая за скованные наручниками руки, из здания выводили моего шефа, Эдуарда Семеновича, переступающего со смурным видом, и зам. шефа Анну Михайловну, в пику ему бешено вращающую головой и увещевавшую, бойцов, ее ведших, что вообще не при чем, и это какая то ошибка. Тут ее взгляд упал на меня и она мощно дернулась в мою сторону, тут же затараторив:

— Сережа, скажи им, что это не я! Скажи им что это ты, Сережа! А я тебя вытащу, я найду деньги! Сережа, ты же меня любишь!

— Уведите, — лениво махнул рукой офицер, и истеричное бормотание сместилось в сторону фургона, где и скрылось. — Вы не обращайте внимание, — посмотрел он на мой ошарашенный вид, — Такое бывает.

Тут из здания вышел сам министр в сопровождении еще одного бойца. Я уж подумал, что вообще полный край — но нет, на Андрее Сергеевиче наручников не оказалось. Да и шел он не под конвоем, а скорее по-приятельски рядом. Вон — сигарету попросил и ему дали.

— Здравствуйте, Андрей Сергеевич, — поднялся я, пока тот не закурил.

— А, Сережа, — каким-то постаревшим голосом выдал он, подходя ближе.

Сделал знак, и офицер, стоявший рядом с ним, самолично поднес ему огонек.

— Спасибо, Виктор Алексеевич, — благодарно кивнул ему министр. — Вот так вот, Сережа. Видел, да?

— Да, Андрей Сергеевич, — все еще обескураженно от происшедшего кивнул я.

— Каковы мерзавцы, ты посмотри. — Покачал он головой. — Секретные сведения у меня в кабинете подсмотрели и обогатиться за государственный счет вздумали. Подлецы. А я ведь, Сережа, — шепнул он чуть тише, пользуясь моментом, пока офицеры деликатно отошли. — На Анне Михайловне жениться подумывал. Представляешь? — И горестно качнул головой. — Так что выбирать свою судьбу будешь — проверяй тщательно.

— Как раз хотел представить, — опомнился я, показав на Лену, до того отступившую мне за спину. — Елена, моя будущая жена. Офицер МВД. Майор.

— Какая красавица, — оттаял и подобрел он чуть взглядом. — Сразу видно достойного человека. Желая вам семейного счастья. А тебе Сергей, — чуть строже добавил он. — Еще и отдел возглавить предстоит. Обезлюдил он, как ты видишь.

— Спасибо, Андрей Сергеевич! — Отреагировал я на неожиданное повышение.

— Ну, воркуйте, — докурив в три затяжки, отбросил он окурок в урну и чуть сутуло зашагал в здание.

— Тяжело старику, да. — Присел я на ступеньки вновь.

— Зря ему сочувствуешь, себе сочувствуй, — заворчала Елена. — Что там за дача в Шарапово, которую ты для друга хотел купить, а? Что я опять не знаю?!

— Дорогая, — взял я ее руки в свои и заглянул в омуты очаровательных глаз. — Теперь — это наша дача в Шарапово. И я все про нее расскажу.

Что и подкрепил поцелуем, чувствуя, как расслабляется тело в объятиях.

— А мы можем уже пойти? — Буркнула Сав.

— Еще и вы, — обречённо посмотрел на них. — Лен, а давай их как нелегальных эмигрантов оформим? Они же языка не знают, возражать не будут. И — в Буркина-Фасо обеих?

— Нет уж, Сережа. Я тут подумала... Это ведь наши главные свидетели, — посмотрела она на них ласково, отчего те вздрогнули. — Ведь именно они сбежали из портала на бетонном заводе и все мне рассказали.

— А... Хм.. — С интересом прислушался я к ее словам — А мы с ребятами...

— А ты им запрети про нас рассказывать. — Прищурилась Лена. — Можешь ведь?

— Могу, — обрадовано улыбнулся я, тут же принявшись инструктировать Са и Сав.

Те слушали без энтузиазма, так что пришлось пообещать им вернуть старые имена. Тут же взбодрились и на каждое положение принялись кивать с полной ответственностью и

осознанием, что они оказывается делали и видели.

А что языка не знают — полная ерунда.

— Са, продемонстрируй, что ты говорила Лене.

Та живо изобразила убедительную пантомиму гонимой и испуганной женщины, отыскавшей спасение в лице случайно попавшегося майора. Вернее, спасение она искала в лице кого угодно, но отреагировал и проявил гражданскую ответственность только товарищ эльф.

— Смотри, снова наши едут. — Через некоторое время после того, как я завершил и несколько раз перекрестным образом опросил каждую, подала голос Лена.

Казалось даже — те же самые микроавтобусы. Только ближе стало видно, что номера разные.

— Девчонки все запомнили. Не забудь — слева Сааналея, справа — Сааваналей.

— Да запомню. Мой ведь план.

— Смею заметить — отличный план, — добавил я уважительно.

— Ну? Кто твоя жена? — Улыбнулась Лена, напрашиваясь на новый комплимент.

— Самая красивая, умная и талантливая старшая жена в мире, — выдал я искренне.

— То-то же! Подожди. Что значит «старшая»?!

Солидный портфель принял в себя укладку документов и сочно щелкнул язычком кодового замка. Поправив очки-нулевки, прикупленные для солидности и возраста, поднялся с начальственного кресла и отеческим взором окинул кабинет.

За двумя компьютерами с полной отдачей трудились новые сотрудники — молодые, горячие, преисполненные осознанием ответственности и еще не набравшиеся должного цинизма. Одним словом, вчерашние выпускники престижного местного вуза, закончившие оный с красным дипломом. Пусть без опыта, но профессионалы, коим только и достойно работать на государственной службе в стенах министерства. За сорок тысяч рублей в месяц. В конверте, разумеется — страна такая, даже в министерствах случается. Это они восприняли с пониманием, а на свою пока что первую официальную платежную ведомость поглядывали с усмешкой.

А я что? Мне части прибыли от майнинга не жалко — ребята реально умеют работать и полностью закрывают все мои старые обязанности. А новые мне пока не придумали.

И, разумеется, в святая святых — серверную — не лезут. Потому что для этого нужен допуск и стаж, а потом я еще что-нибудь ограничительное для них соображу.

Выпрямившись и отряхнув строгий костюм от невидимой пылинки, деловым тоном поведал:

— Я в администрацию города.

После чего и убыл под уважительные кивки, тихонько прикрыв дверь.

— Сергей Никитич, — перехватила меня в коридоре Тамара.

Будто специально ждала, что ей тут делать, на нашем-то этаже.

— Да? — Спросил я со всей солидностью начальника отдела департамента (оклад 7146 руб, премия три с половиной должностных окладов, сто двадцать процентов ежемесячной надбавки).

— Сергей Никитич... Сережа, — смутилась она. — Мы с Юлей вас хотели пригласить... То есть, тебя... Как раньше, — робко завершила она. — Как месяц назад.

— Тамара Андреевна, — вздохнул в ответ. — Я — начальник отдела, у меня есть невеста, в конце концов.

— Понимаю, — выдохнула она, подняв взгляд. — Понимаю. И, знаете... Уважаю! — Добавила она искренне.

— Простите?

— Вас повысили, вам стало хватать денег, — затараторила она. — В общем, уважаю тех, кто может вовремя завязать!

— Тамара Андреевна, вы все неверно поняли, — грустно произнес я, кляня Юльку.

Так ничего подружке не рассказала!

— Так вы придете?!

— Нет.

— Но как же мы... — Взгрустнула она.

— Слушайте, вы симпатичные девушки. Я верю, вы обязательно найдете себе парней.

— Да где их взять, — потупилась она чуть ли не плача.

— Да хоть в моем отделе! Два холостых сотрудника!

— Ну, они симпатичные у них точно девушки есть...

— Тамара, у них маги сто пятого уровня, я точно знаю, — строго произнес я. — Какие девушки?!

— А если мы им не понравимся? — Вновь отвела она взгляд в сомнениях. — И мы старше...

— Сто четвертый уровень, Тамара! Они девушек даже за руку после садика не держали! С чем им сравнивать вообще? Вы у них первые будете!

— Просто... Сергей Никитич, стыдно сказать. Просто мы с Юлей... Вернее, я без Юли не могу. — Скромно и еле слышно произнесла она.

Ох, я то тут причем!

— Вас двое, их двое, в чем проблема? — Уже отчаявшись и желая побыстрее пойти домой (администрация обойдется без моего внимания), заторопился я.

А дальше ей пусть Юля мозги обратно вставляет, все равно с ней пойдет советоваться.

— Думаете?

— Уверен! Тем более, что в этом случае, вам не придется между ними выбирать! И им между вами! Очень удобно, в Швеции практикуется, все довольны.

— А...

— Всего наилучшего и мое вам благословение! — Сбежал я на лестничный пролет.

— А вы можете провести им инструктаж... Или провести семинар..? — Донеслось эхом сверху.

Ох уж эта бухгалтерия. Бардак какой-то. У меня, между прочим, семья и стабильные отношения налаживаются, и уже на это воскресенье намечено знакомство с родителями — пока что моими. Я уже предупредил их, что моя избранница медик, банкир и офицер полиции. Судя по маминому голосу — рады и одобряют. Только я пока что не уточнил, что это три разных человека... Разберемся. В общем, не до сторонних интрижек. Не на этой неделе.

Должную солидность удалось обрести только на выходе.

Пиликнула автомобильная сигнализация, отзываясь на брелок со значком «Хонды». Семиместный минивен дождался на краю парковки, уже порывивая в нетерпении двигателем. Проверил зеркала, вырулил с места и уже через каких-то три минуты был возле дома. Все же, время солидно экономится, да и на лакированную обувь в троллейбусе не потопчат.

Кивнул бабушкам у скамейки, отметив отчего-то их насупленный вид и ворчание за своей спиной. Вроде, запарковался по правилам — недоуменно повернулся во двор. Все же нормально? Может, по имени стоило назвать каждую...

С такими мыслями доехал на лифте до своего этажа, где и запнулся на половине шага.

Дверь в мою квартиру была приоткрыта. Более того, внутри кто-то был, расхаживая тяжелыми шагами.

Быстро набрал Лилин номер.

— Ты не у меня дома? — Уточнил у нее напряженно.

Разве что она могла оставить дверь открытой — соседи все же.

— У себя, — отозвалась она с паузой. — Сейчас выйду.

— Не выходи. — Строго отозвался я. — Ко мне кто-то вломился. Милицию сам вызову.

Но вместо вызова, шустро открыл портфель и на самом его дне нащупал телескопическую дубинку (лучший атрибут личного спокойствия). Вытянул ее и приставным шагом двинулся вперед.

Осторожно коснулся косяка двери и потянул на себя, отставляя правую руку в замахе. Одновременно — будучи готовым тактически отступить, если противника окажется слишком много.

Стоило створке дверей раскрыться, как шаги замолкли.

Я подошел ближе. И в тот же миг, со стороны кухни вышагнул крайне колоритный человек. Был он в цветастой куртке не первой свежести, не по ноге огромных ботинках, вытертых джинсах и цветастой спортивной шапочке. И в ином случае легко можно было бы принять его за вора, пойманного на горячем, а то и просто забулдыгу вломившегося опохмелиться — уж больно неухоженным было его лицо, покрытое спутанной бородой.

Но кое-что определенно отличало нежданного гостя от преступника. А именно искренняя белоснежная улыбка, распахнутые для объятий руки и неподдельный энтузиазм радости встречи.

— О, мой друг Сергей Никитич Кожевников!

— Мерен? — Невольно отпустил я дубинку, ошеломленно глядя на старого знакомого.

— Именно так! Твой верный слуга Мерен! — Все же, не стал настаивать он на объятиях и отступил вглубь квартиры. — Как я рад, что ты пришел! Твои домовые слуги такие грубые, ужас! Они не хотели пускать меня к тебе, представляешь?! — Возмутился он.

— Какие домовые слуги? — Почувствовал я недоброе.

— Эти старухи древние у входа! Я им говорю — это замок моего друга, Сергея Никитича Кожевникова! А они меня палкой! Но я им сразу сказал, что ты их, кость старую собачью, строго накажешь! — Потряс он кулаком.

— Вот блин... Ты как сюда добрался вообще?

— Олег знал, где ты живешь, — наивно похлопал он глазами.

— Та-ак... — Построжел я.

— Не переживай, твой враг мертв. Все твои враги мертвы, можешь не благодарить, — отмахнулся он рукой, тут же юркнув в сторону кухни. — А я, мой друг, не с пустыми руками. Я же быстро набирал смс Лене. Колдуна прошляпили. Куда смотрели вообще?!

— Вот, — с гордостью вытащил он из кухни какой-то мешок, грязноватый и объемистый, но явно легкий. — Мой тебе дар!

И одним движением вывалил на пол целую гору пятитысячных, тысячных, купюр в сто евро и двадцать долларов...

Я аж замер, опешив.

— Они же тебе нравились, эти цветные бумажки? — Угодливо смотрел Мерен.

Подойдя к деньгам, я обошел их кругом, чуть поворошив уголок ботинка. Настоящие.

— Ты где из взял?

— Так у Андраника взял, — похлопал он чистым взглядом. — Я сразу заметил, что эти картинки тебе понравились! Мало кто бы заметил, а я вижу, что нравится моим друзьям!

— Допустим, уважил. — Смотрел я на него безо всякой веры. — И вражды не ищешь, хочешь сказать? — Поймал его взгляд.

— Ай, какая вражда, — махнул он рукой. — Ты про вещи, которые у меня взял, имеешь ввиду? Так это ведь мелочи. Я допустил ошибку, на твоих жен позарившись. Ты вспылал и меня до нитки обобрал, — все же прикусил он губу. — Перед уважаемыми людьми гольфильбой представил... Учениц похитил... Но да это ведь дело былое, — улыбнулся он. — Забудем, да? Бери мой дар, он — от всей души. Вот те крест!

— А ты верующим стал?

— Я храм ваш видел, — закивал он. — Такой красивый и большой храм, купола из чистого золота! Сразу видно — сильный бог! — Перекрестился он. — Теперь в него верю.

— Как ты жил у нас, в нашем мире? — Не спешил я.

Смс уже отправлена, эльф в курсе и наверняка действует.

— Плохо жил, — шмыгнул Мерен с явной искренностью. — Станный мир. Никто не уважает. В магазин иду, беру еду, говорю — Я Мерен Варам Белилетдил! А мне кулаком в лоб и отнимают все... Как так, а?

— Колдовства у нас нет, — развел я руками.

— Да! Да! — Истоиво заговорил он. — Ничего не работает!

— А почему? — Поинтересовался я его точкой зрения.

— Не знаю! Не работает и все! Я даже прохожих спросил, почему! — С горячностью протараторил он.

— И что говорят?

— Говорят страна такая, ничего не работает, — подавленно произнес Мерен. — А еще — правительство виновато...

— Это да, может быть... — Покивал я.

А затем громко откашлялся, потому как уловил скрип соседской двери. Блин, Лилия! Просил же не геройствовать!

— Так будем дружить, Сергей Никитич Кожевников? — Робко спросил Мерен.

— Кроме дружбы, что тебе надо, Мерен? И если скажешь, что ничего — уходи сразу. — Зашагал я по комнате, делая вид, что обхожу кучу денег, но при этом помахивая дубинкой.

И Мерен вполне предсказуемо закружил с той же скоростью, двигаясь в сторону двери.

— Мне нужно домой, в мой мир, — произнес он просительно. — Я знаю — у тебя есть портал! Свой, никем еще не найденный! А я заплачу! Чем хочешь! Хочешь — земли подарю. Хочешь — знания свои отдам. Я же вижу, ты неопытный маг, хоть и сильный, а мне как раз такой ученик по статусу и нужен. — Елейным голосом увещевал колдун.

— Lily, hit him on the head. /Лиля, жхни ему по башке./

— А? — Недоуменно посмотрел Мерен на меня.

И если сообразил что-то, то уже после того, как Лилия обрушила на его черепушку пустую бутылку из-под вина.

Очнулся он уже связанным, под пристальными взглядами меня, Лилии и подъехавшей за это время Лены.

— Ч-что... Что это было... Ты сказал... — Поморщившись от боли, первым делом произнес Мерен.

— Это был английский.

— У меня от этого английского голова трещит, — дернулся он, к затылку потянувшись, но путы не дали.

— Бывает, — пожал я плечом. — Лен, вызвала своих?

— Ага.

— Как вы его вообще упустить умудрились?

Лена посмурнела, но не ответила.

— Дураки, — хихикнул Мерен. — Какие же вы все дураки.

— Один ты умный, — хмыкнул я.

— Да, — согласился он. — И только такие искренние и настоящие дураки могли все мне испортить, — зло прошипел он сквозь зубы.

От бывшего добродушия и наивности ничего не осталось.

— Не дали тебе мир наш завоевать?

Мерен только рассмеялся.

— Дался мне ваш мир, — хохотал он чуть ли не слез. — Ой... Я вел сюда своих врагов, — смотрел он на меня с фанатизмом и иступлением. — Вел в мир без магии, где они все бы сдохли! Я все продумал! Я похитил дочерей лорда Мавенвера, я собрал вождей Савармара, я сделал так, чтобы мои враги в Бахалоре и дальше по реке знали, где я! Все они должны были привести свои войска! И войска Савармара бы сдохли, сгинули в этом мире, пока вожди наслаждались бы телом и душами колдуний, не думая больше ни о чем, кроме животной похоти! А потом разъяренный лорд Мавенвера насадил бы их головы на крюки! А эти животные из Бахалора перерезали оставшихся спящими! И только я, я остался бы лордом всех земель, как единственный трехсловный четырехслоговый в трех неделях пути во все стороны!!! Но ты все испортил! — Гневно завращал он зрачками, но тут же успокоился. — И ты же все можешь исправить, — облизал он губы. — Отведи меня обратно, в мой мир, и я дам тебе двадцатую часть всех своих новых земель.

— Не слишком ли мало?

— Это честное предложение, — нахмурился он. — Было бы больше — значит, я хочу воткнуть тебе нож в спину. Но нет, ты нужен мне. Мне нужен твой портал, и я честен с тобой. Я ведь тебе никогда не врал!

— Думаю, мы не договоримся. — И добавил, опережая дернувшегo было колдуна. — Вообще не договоримся. Ни при каких обстоятельствах.

— Почему? — Спокойно произнес Мерен. — Я вижу, ты любишь красивых женщин, у тебя их много. Я дам еще больше. Я дам тебе власть. Дам знания.

— Мне всего достаточно.

— Так не бывает, — фыркнул он. — Ты просто молод. Пока что молод. Мое предложение в силе, Сергей Никитич Кожевников. Ради того, чтобы вернуться, я тебе все прощу. И все исполню.

— Боюсь, тебе еще очень долго не видать родного мира, — без всякого сожаления посочувствовал я. — Лена, когда уже будет автобус? И Лилия, чудо мое, прибери веником деньги под мою кровать и накрой чем-нибудь.

— Отдадите этим... Полиции? — Фыркнул Мерен. — Старика без документов? За что?

— За убийство человека, в котором ты признался. За Олега.

— Этого, двуслогового? — Иронично спросил он.

— Мерен, ты кое-что не понимаешь в этом мире, — наклонился я к нему. — Тут все в первую очередь Граждане Российской Федерации. Три слова, четыре слога, понял? А потом уже имя. Тут нельзя убивать просто так, Мерен.

Тот, как показалось, проникся.

— Но полиции мы тебя действительно не отдадим. За тобой приехали люди куда серьезнее, — добавил я, отметив знак Лены, до того выглядывающей нужную машину в окно.

Прибыли ее коллеги.

— Тогда я договорюсь с ними. — Спокойно произнес Мерен. — Я умею договариваться, Сергей. У меня есть, что им предложить, поверь мне.

— Хочешь угрожать?

— Глупость, — поморщился он. — Какой же ты еще наивный, даже первой сотни лет нет... Я сохраню свое предложение, но только в части ученичества. Потому что когда в ваш

мир, как когда-то в наш, придет Мертвый Лес и колдовство — волна за волной, уровень за уровнем... Они сами выпустят меня. Они сами будут искать таких как я, чтобы продлить агонию своего мира, разрываемого чудовищами и безумными божествами. Они будут молить нас взять себе учеников, — окреп его голос. — Тогда я скажу им, что выбрал тебя. И я, Сергей Никитич Кожевников, буду тебе самым жестоким учителем.

— Лен, помочь его грузить?

— Сами справятся, — сказала она и впустила в дверь трех бойцов, действительно сноровисто упаковавших Мерена и на плече одного из них забравших с собой.

— Ерунда это все, да ведь? — Спросила Лена.

— Само собой, — качнул я плечами.

— Сергей! — Раздался крик Лилии из моей комнаты. — Это чей бюстгальтер под твоей кроватью, а?!

— О! Это старая легенда, в которую вы ни черта не поверите...

* * *

* * *

Лето в этом году выдалось холодным, так что виды позагорать на даче обернулись задумчивыми прогулками вокруг дома в вязаном пуловере, да легкими работами по хозяйству. Домик в Шарапово было решено не продавать — место уж больно хорошее, тихое, плюс ветку международной железной дороги, из-за близкого портала, перенесли севернее. Не будет тут большой стройки — можно планировать надолго вперед и спокойно жить.

Да и соседи успели позабыть события прошлой весны. Вернее, не связывали меня с ними, оттого жилось без излишнего внимания, в добрососедских отношениях с окружающими.

Урожай было решено не сеять, а на простаивающих площадях разбить фруктовый сад. Вот, поглядывал теперь на черенки, высаженные собственной рукой, да на горе-работниц покрикивал.

— Ну кто так красит, Сава? — Попенял я девушке, задумчиво расчерчивающей по забору пентаграмму. — Я же просил, кисточкой просто вверх и вниз!

— Ой, я задумалась!

— Ваш чай, господин, — спасая сестру, подскочила ко мне Саня и принялась строить глазки.

— Отпей и ты из моего кубка.

— Я только что отобедала, не хочу.

— Тогда траву вон, полей. — Обреченно махнул я рукой.

Один убыток от их трудоустройства.

Оказывается, долго жить вдали от меня колдуньи не могут, а государству они вообще не нужны — потому как не нашлось человека, который рассказал бы об их способностях. А красивых и без образования у нас и своих хватает.

Так что где-то через недельку после явления Мерена, пришлось извиняться перед подъездными старушками вновь — в прошлый раз кое-как откупился тортиком и историей

про сумасшедшего родственника из деревни, а вот теперь две «Смуглянки» ушли за буйное поведение и штурм первого этажа симпатичными представительницами колдунской профессии. Хотя старушки звали их иначе — менее социально ответственными.

В общем, пришлось покупать колдуньям квартиру на своей лестничной площадке и кое-как обучать хозяйственным премудростям двадцать первого века.

А так как нормальный человек обязан работать, чтобы чувствовать себя нормально — то и предоставил им работу. Несложную, спокойную, но которую они все равно с невероятным упорством умудрялись запороть.

Покраску они воспринимали, как необходимый ритуал защиты дома, и с невероятным упорством рисовали в тайне от меня непонятные письмена. Просьбу сварить чай — требованием предоставить убойный допинг, от которого хочется приставать к дверце шкафа с неприличными намерениями (в прошлый раз кое-как Леной спасся).

Короче, борюсь с ними, как могу. Один борюсь — потому что моих жен они умудряются строить до того состояния, что те сами помогают вычерчивать руны под ковриком в туалете... С их-то корявым знанием русского языка! Харизмой берут, бестии... А Лену они вообще купили гравировкой на ноже. Ну хоть посторонних не трогают, и то счастье — вернее, я запретил.

Я так-то понимаю, что они просто хотят заниматься любимым делом и быть действительно нужными. Но как им объяснить, что чай в мирное время не должен окрашивать кактус в фиолетовый цвет?

— Добрый вечер, Алевтина Тихоновна, — поздоровался я через забор с соседкой — довольно живенькой старушкой, приехавшей сюда, как и я, только на лето.

— Добрый день, Сережа, — отозвалась она, проделывая сложные манипуляции секатором над кустами.

— Какие виды на урожай? — Спросил из вежливости.

— Да какой тут урожай, — всплеснула она руками. — Представляешь, три куста крыжовника мертвые! Высохли и все! А ведь еще месяц назад были идеально здоровы.

— Да вы что? — Посочувствовал я.

— Может, вредитель какой, — охнула она расстроено. — И ведь не только у меня, у всех соседок спрашивала. И ладно бы только крыжовник, даже яблонька молоденькая у Федотовых усохла. Может, грунтовые воды какие, а?

— Может быть, — ответил я напряженно.

— А сам как думаешь, Сереж?

— Понятия не имею, Алевтина Тихоновна. Понятия не имею. Слушайте, а может подскажите, как мудрый и много повидавший в жизни человек.

— Та-ак? — Выпрямилась она с улыбкой.

— Как можно помириться с очень вредным и злопамятным мужиком, а?

Больше книг на сайте - Knigolub.net